45
9

Полуд. 2 Янв. 1867 г.

Милостивый Государь,

Алексѣй Егоровичъ!

Тяжкая долговременная болѣзнь отъ ожесточав-
шихся ранъ была единственною причиной, что до
сихъ поръ не принесъ Вамъ искренней благодарно-
сти, за препровожденіе мнѣ, при письмѣ Вашемъ,
отъ 16-го ноября, оттиска, почтеннаго (неизвѣстнаго
мнѣ) автора, замѣчательной, проникнутой глубо-
кимъ взглядомъ, статьи - „недоумѣній" и пр.

Принимаю смѣлость покорнѣйше про-
сить Васъ, передать ему душевную мою
признательность за такое вниманіе къ
слабымъ трудамъ моимъ. Послѣ статьи
„недоумѣній," я долженъ гордиться столь
лестнымъ для меня отзывомъ за нѣкото-
рыя, досихъ-поръ, краткія только замѣчанія

на, Исторію Отечественной войны 1812 го
да, соч. г. Богдановича."

С совершеннымъ моимъ почтеніемъ и
преданностью имѣю честь быть

покорнѣйшимъ слугою

И: Липранди

30 декабря, 1866 г.

С. Петербургъ.

Поварской переулокъ,
д. Трубецкова, № 13, кв.
г. м. Липранда, № 3.

Милостивый Государь

Михаило Иванович!

Ваше превосходительство изволили-ли мнѣ позволить передать Вамъ книгу для вручения А. М. Кубареву, почитателю мною оттиснутой своей замечательной статьи о соч: Богдановича 1812 г. Глубокий взглядъ этой статьи — на предметъ, по разумению — сей заставилъ мнѣ опустить руки, ибо что можно сказать более? Замечания мои только частные, они возстановляютъ истину; для представления Комаровъ Д. Б. какъ неучастникомъ ошибается — но въ статьѣ „недоумения" обнаружится безпристрастность. Во всякомъ случаѣ, для мнѣ очень приятно что я совершенно согласенъ съ мнениемъ Алексея Михайловича о "пленномъ пожарѣ — что въ подробности 3 изложено въ приготовляемыхъ мною замечанияхъ — на всѣ эпизоды 1812 года.

Я не мог прислать Вам, как хотел, на другой день, книгу потому что переплетчик задержал ваш экземпляр в переплете, а эти два дня хвораю — и едва имею силы, написать письмо: — ни голова ни руки не служат как бы следовало.

Если-бы знал что не застану Вас прежде, убедительнейше просил бы Вас, приказать по прибытии в Москву, передать маленькую посылку — А: Ф: Вельтману.

С совершеннейшим моим почтением и преданностью имею честь быть

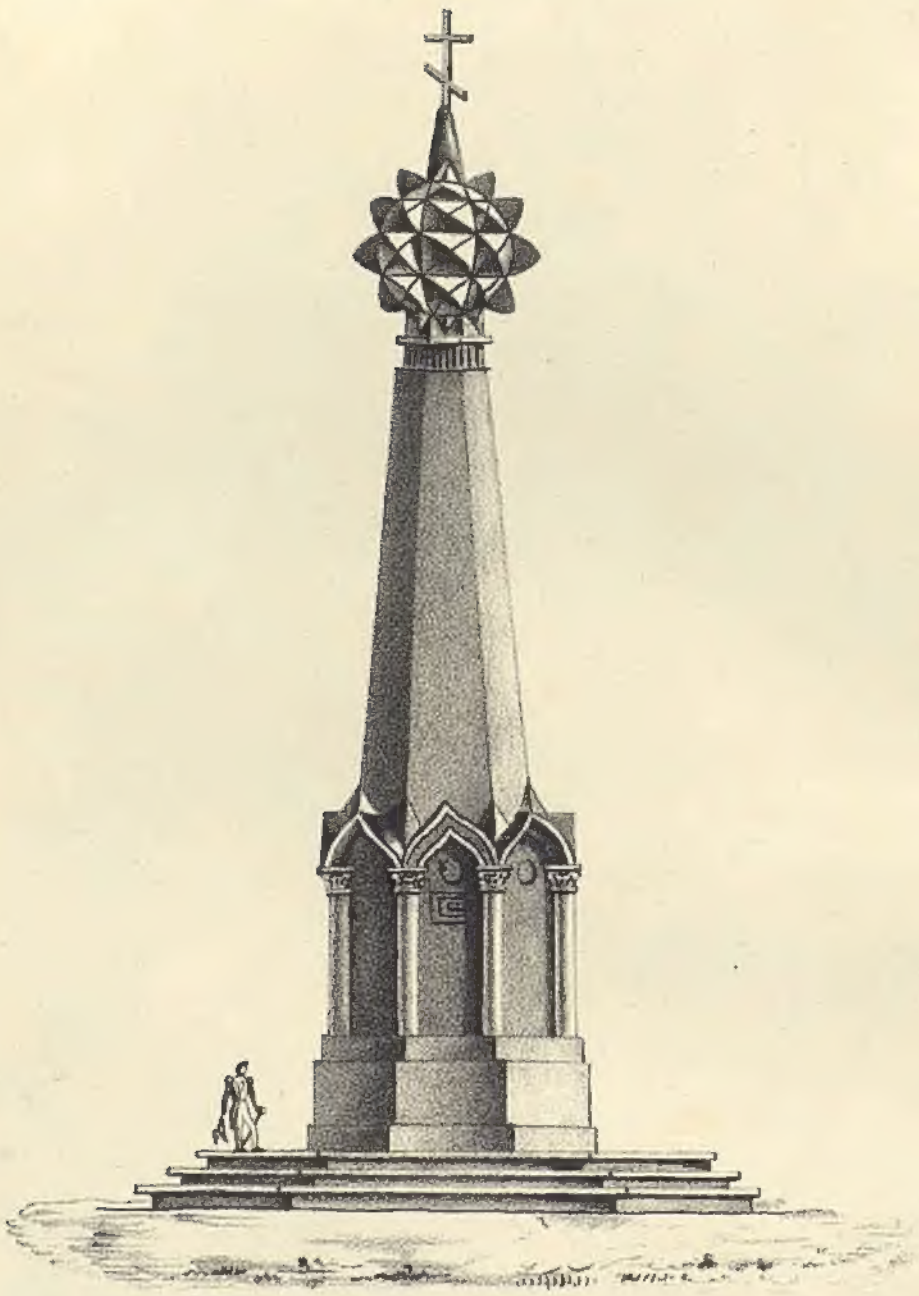
Покорнейший Слуга

И: [illegible]

29 июня 1867 г.

Его Превосходительству
Алексею Алексеевичу
Куропаткину.

С глубочайшим уважением
и преданностью
Автор.



ПАМЯТНИКЪ НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ.

Z 45/9 O 40/521

КОМУ И ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ЧЕСТЬ

„БОРОДИНСКАГО ДНЯ?„

ИЗВЛЕЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗЪ ИНОЗЕМНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Съ примѣчаніями

И. П. ЛИПРАНДИ,

Дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКИХЪ Обществъ: Исторіи и древностей россійскихъ, и Русскаго Географическаго; исправлявшаго въ 1812 г. должность Оберъ-Квартермейстера 6-го корпуса Генерала-отъ-Инфантеріи Дохтурова.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

«Пусть позднѣйтее потомство съ гордостію «вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. «Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ «въ великой битвѣ подъ Москвою.»

(Приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой).

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

ИЛИ

КОМУ И ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ЧЕСТЬ ЭТОГО ДНЯ?

Извлечено исключительно изъ иностранныхъ писателей.

Съ примѣчаніями

И. П. ЛИПРАНДИ,

исправлявшаго тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го Корпуса Генерала отъ Инфантеріи Дохтурова.

«Пусть позднѣйшее потомство съ гордостію вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою.»

(*Приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой.*)

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

на Страстномъ бульварѣ.

1867.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1866 г., кн. 1—4-я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПОСВЯЩЕНІЕ ..... I.
ПРЕДИСЛОВІЕ ..... XI.
ВСТУПЛЕНІЕ ..... XXIX.
ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА: «ПОБѢДА» ..... LI.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НА КАНУНѢ БИТВЫ.

ГЛАВА I. Значеніе битвы ..... 1.
II. Приготовленіе къ битвѣ ..... 7.
III. Числительность арміи ..... 11.
IV. Наполеонъ предъ битвой ..... 24.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДЕНЬ БИТВЫ.

ГЛАВА I. Наполеонъ во время битвы ..... 29.
II. Эпизоды битвы ..... 44.
III. Окончаніе битвы и положеніе арміи ночью ..... 57.
IV. Потери ..... 74.
V. Оцѣнка битвы ..... 100.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

ГЛАВА I. Утро и продолженіе отступленія Русскихъ ..... 115.
II. Русскій солдатъ 169
ЗАКЛЮЧЕНІЕ ..... 185.
АЗБУЧНЫЙ СПИСОКЪ сочинителямъ и сочиненіямъ, служившимъ матеріялами этой книгѣ ..... 301.

Вамъ, точно такъ же, какъ и мнѣ, памятенъ 1812-й годъ, и въ особенности кровавый Бородинскій бой, поглотившій въ десять часовъ времени столько жертвъ! Я сказалъ: Вамъ, не по тому, чтобы великій день этотъ не былъ памятенъ и другимъ участникамъ въ немъ, но по тому, что мы были въ одномъ и томъ же корпусѣ, составляя, по тогдашнему понятію, какъ бы одну семью, тѣмъ болѣе, что нашему корпусу выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны. Отъ Лиды, отрѣзанный отъ обѣихъ арміи превосходными силами, окруженный Французскими корпусами, онъ умѣлъ соединиться съ 1-й арміею при Дриссѣ; на нашъ корпусъ возложена была защита Смоленска,—а извѣстно, что это значило. Въ Бородинѣ 6-й корпусъ занималъ центръ, а въ Малоярославцѣ онъ положилъ предѣлъ многолѣтнимъ успѣхамъ Наполеона: послѣ чего завоеватель сей не сдѣлалъ и шага впередъ.[1]

И дѣйствительно: соратники 1812 года встрѣчаются и пьютъ какъ старые знакомцы, иногда до сего времени не видавшись другъ съ другомъ. Исключеній не много. Война эта и за нею Лейпцигъ и Монмартръ сродили всѣхъ и каждаго. Въ послѣдствіи я служилъ въ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ, не лишенныхъ также блистательныхъ подвиговъ однимъ уже переходомъ Балкановъ; но между этѣми сослуживцами далеко не тѣ отношенія, не та откровенность; чрезъ годъ дѣлаешься незнакомымъ съ тѣмъ, съ которымъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, раздѣлялъ всѣ опасности, всѣ труды, ночлеги и пищу. То же замѣчается и въ Поль-

---

[1] Переходъ Эльбы, послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, былъ менѣе-шимъ временнымъ.

скую войну даже между тѣми, которые на одной лѣстницѣ поднимались на штурмъ Варшавы.

Отъ чего же это такъ, разсуждалъ я неоднократно? Участники великой борьбы и дѣлавшіе въ послѣдствіи другія войны, проникнутые истиной сказаннаго, не могутъ въ томъ дать себѣ удовлетворительнаго отчета. Новѣйшіе философы утверждаютъ, что они видятъ причину этого въ томъ, что въ 1812 году непріятель, вторгнувшись въ наше отечество, соединилъ всѣхъ какъ бы въ одно цѣлое на защиту, между тѣмъ какъ другія войны не имѣли уже того сильнаго двигателя, а по тому и не оставили одинаковыхъ впечатлѣній Съ перваго взгляда этого кажется какъ бы основательнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не такъ.

Во первыхъ: по чему же дѣлавшіе войны 1805 и 1807 и Турецкую 1806—1812 годовъ симпатизируютъ между собою и сходятся какъ давно знакомые? Я служилъ кампаніи 1808 года въ новой Финляндіи и 1809 въ Швеціи, и когда встрѣчаюсь съ сослуживцами (нынѣ уже очень рѣдкими), лично мнѣ тогда и незнакомыми, мы несравненно менѣе стѣснены во взаимной бесѣдѣ, чѣмъ съ сослуживцами 1828—1829 годовъ.[2] А между тѣмъ вышеисчисленныя войны (1805—1811) не имѣли одинаковаго значенія съ Отечественною войною 1812 года. Во вторыхъ, будто бы симпатія существуетъ между сослуживцами 1812 года по тому, что нашествіе врага на Россію сблизило всѣхъ къ единодушному дѣйствію; это опровергается торжественно послѣднею войною 1853—1856 годовъ. Здѣсь такъ же непріятель охватилъ своею армадою всѣ окопечности Государства, жегъ и разорялъ прибрежныя мѣста; грозный флотъ его два года стоялъ въ виду столицы; онъ вломился въ наши предѣлы съ многочисленною арміей, и одиннадцать мѣсяцевъ громилъ нѣсколькими тысячами орудій Севастополь, мѣсто, по своему значенію для Россіи, чрезвычайно

---

[2] При вступленіи моемъ въ службу и нѣкоторое время въ послѣдствіи, я помню, какъ обозначались офицеры: Румянцовскими, Потемкинскими, Суворовскими, и какая была взаимность въ такихъ группировкахъ.

важное. Но это продолжительное и славное соратничество не оставило ни какихъ слѣдовъ, не породило ни какой симпатіи. Не прошло и года послѣ этихъ событій, а я былъ уже близкимъ свидѣтелемъ въ Москвѣ, въ 1856 году, какимъ образомъ встрѣчались между собою тѣ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ жили по цѣлому году вмѣстѣ на бивуакахъ и въ шалашахъ, одни другимъ обязанные и по службѣ, и наградами, и пріютомъ. Они встрѣчались едва ли не съ большимъ этикетомъ, чѣмъ Сіамскіе, Японскіе и т. п. послы съ другими иностранными. Спустя же два года послѣ этой войны нѣтъ и знакомства![3] Слѣдовательно, нѣтъ основанія полагать, чтобъ существующее болѣе или менѣе сочувствіе, влеченіе одного къ другому ветерановъ 1812 года происходило отъ того, будто бы, что характеръ войны служитъ тому поводомъ. Тому должны быть другія причины, которыя порождали болѣе или менѣе сочувствія между сослуживцами во всѣхъ войнахъ до 1812 года, въ эту же могли только содѣлаться сильнѣе, долговѣчнѣе, по тому что Бородинская битва справедливо можетъ почесться, какъ Французы выражаются, baptême de sang, т. е., купелью или крещеніемъ кровью, которое какъ бы приняли всѣ подвизавшіеся на его поляхъ, подобно тому, какъ Святой Владиміръ въ

---

[3] Долго спустя учредился, такъ называемый, Севастопольскій обѣдъ, подобно тому, какъ обѣдъ Кавказцевъ. Сюда собираются ораторики, участвовавшіе въ тѣхъ войнахъ. По чему дѣятели 1812 года, и въ особенности участники въ Бородинской битвѣ, не приняли подобнаго торжества? А вѣдь стоило бы иногда вспомянуть объ этой «битвѣ гигантовъ», въ которой, въ восемь часовъ времени, пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, семдесятъ Генераловъ и т. д., и гдѣ болѣе тысячи орудій изрыгало смерть! Въ началѣ не подумали о помянутомъ торжествѣ, конечно, болѣе по тому, что въ то время ораторство и обѣденные спичи, какъ неотъемлемое условіе такихъ обѣдовъ, у насъ не были еще въ употребленіи, а въ послѣдствіи мы стали рѣдѣть, такъ что и пятидесятилѣтній юбилей этого знаменитаго дня, дорогого для Россіи и по другимъ историческимъ событіямъ, никого не соединилъ. Одинъ Полковникъ Герингросъ, сколько извѣстно, чтитъ этотъ день въ своемъ Витебскомъ имѣніи.

струяхъ Днѣпра окрестилъ своихъ подданныхъ и содѣлалъ ихъ братьями по Христу.

Многое испытанное болѣе или менѣе изглаживается изъ памяти, но малѣйшій эпизодъ Отечественной войны, въ особенности кровавой купели Бородинской, представляется мнѣ такъ живо, какъ бы случилось вчера. По занятіи позиціи 22-го Августа, лагерь представлялъ изъ себя обычное явленіе: всѣ заботились о томъ или другомъ; различныя впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ; страсти и побужденія не утихали; надежды не останавливались ни на чемъ положительномъ. Одни полагали, что мы выждемъ здѣсь напріятеля; другіе думали, что пойдемъ еще далѣе; даже обычные кружки для карточныхъ схватокъ были неопредѣлительны. Такъ продолжалось до полудня 25-го Августа; тогда уже каждый созналъ, что онъ сталъ на мѣстѣ, для встрѣчи врага. Торжественное шествіе по всему лагерю священнослужителей въ полномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами и съ хоругвями, съ иконою Смоленской Божіей Матери, въ сопровожденіи, какъ лунь, сѣдаго Фельдмаршала, Генераловъ: Барклая, Багратіона, Бенигсена, Платова, корпусныхъ и другихъ Генераловъ, съ обнаженными головами, внезапно измѣнило чувства всѣхъ и каждаго. Самые иновѣрцы, не только Христіяне, но и Магометане, Язычники, Евреи, не остались равнодушными. Религіозныя вѣрованія встрепенулись въ каждомъ по его исповѣданію. Ставъ лицомъ къ лицу со смертью, человѣкъ сдѣлался обнаженнымъ: всѣ смирились съ благоговѣніемъ предъ единственною въ мірѣ Всевышнею силою, укрощающей животную природу человѣка, силою, противъ которой ни какая философія устоять не можетъ.

Да! По окончаніи священной процессіи, всѣ мечтанія, всѣ страсти потухли, всѣмъ сдѣлалось легче; всѣ перестали почитать себя земными, отбросили мірскія заботы, и стали какъ отшельники, готовые къ бою на смерть. Если Платонъ благодарилъ Бога за то, что онъ созданъ человѣкомъ, а не животнымъ, Грекомъ, а не варваромъ, то, конечно, въ этотъ моментъ, какъ никогда болѣе, мы гордились тѣмъ, что были Русскими, а не иноземцами,

Православными, а не иновѣрцами. Душевное спокойствіе водворилось въ каждомъ. Разъ обрекли себя на гибель: никто уже не думалъ о слѣдующемъ днѣ.

Никогда не изгладятся изъ памяти моей нѣкоторыя минуты вечера 25-го Августа; мнѣ кажется, что это происходило лишь за нѣсколько часовъ, и все это не можетъ быть не памятнымъ и Вамъ. Вечеромъ меня потребовали съ курганной батареи къ начальнику Штаба; я поспѣшилъ въ с. Горки. Монахтинъ былъ у корпуснаго командира, и я пошелъ туда; это было около девяти часовъ вечера. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ игралъ въ бостонъ съ неизмѣнными партнерами своими, Дитерихомъ и Штемпелемъ. Веселое расположеніе было общее: все вниманіе было обращено на игру. Графъ Праклій Ивановичъ Марковъ, не задолго передо мною пріѣхавшій, сидѣлъ на мѣстѣ четвертаго партнера съ кожанымъ въ рукѣ стаканомъ, съ костями, которыя онъ бросалъ для Дмитрія Сергѣевича въ крепсъ, когда сдавали; все проявляло совершенную беззаботность. Монахтинъ, на которомъ лежали распоряженія, казалось мнѣ, не совершенно раздѣлялъ общее расположеніе духа. Онъ въ особенности заботился о ходѣ сооруженія укрѣпленій на курганѣ. Дохтуровъ и Марковъ желали знать подробности: какимъ образомъ дружина Боборыкина, по окончаніи процессіи, войдя въ свой лагерь, назначенный между первой и второй линіями 24-й дивизіи, надѣла бѣлыя рубахи, приготовясь къ смерти? И сдѣлали еще нѣсколько другихъ вопросовъ. Монахтинъ спросилъ: отъ всѣхъ ли полковъ доставленъ мнѣ шанцевый инструментъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ спѣшить къ работамъ, и, если что замѣчу съ кургана особенное въ огняхъ непріятельскаго лагеря, давать ему знать.

Выйдя изъ избы корпуснаго командира, я зашелъ въ просторный овинъ, гдѣ помѣщался весь нашъ Штабъ. Здѣсь, въ нѣсколькихъ кружкахъ, при свѣтѣ въ каждомъ изъ нихъ огня, шла въ однихъ веселая бесѣда, въ другихъ карточный бой. Дубельтъ, за неимѣніемъ стола, писалъ приказанія на бочкѣ. Взявъ отъ человѣка, что было мнѣ нужно, выпивъ наскоро предложенный

стаканъ чаю, посмѣявшись разсказу остроумнаго Нелединскаго-Мелецкаго, передававшаго Адъютантамъ Графа Маркова: Кругликову, Караулову и Костромитинову, переводы Костенецкаго всѣхъ иноземныхъ названій на Русскій ладъ, я поспѣшилъ на курганъ, [4] и, кромѣ Люцо, сдѣлавшаго мнѣ нѣсколько вопросовъ, никто другой даже и не спросилъ, что дѣлается у непріятеля: такъ мало всѣхъ это озабочивало.

Въ этотъ вечеръ въ овинѣ были всѣ составлявшіе Штабъ, а равно и нѣкоторые другіе собрались здѣсь въ послѣдній разъ.

---

[4] Бываетъ иногда зловѣщее предчувствіе, не разъ мною испытанное и прежде и послѣ. Здѣсь кавалергардъ, Римскій-Корсаковъ, замѣчательный своею мужественностью, красотою и силою, пріѣхалъ навѣстить своего брата, Григорья Александровича, находившагося на безсмѣнныхъ ординарцахъ у Дохтурова. Когда я вошелъ въ овинъ, онъ былъ готовъ возвратиться къ себѣ въ лагерь; встрѣтившись со мною, обождалъ онъ меня нѣсколько минутъ; мы вышли изъ овина, братъ его вышелъ тоже, ведя веселый разговоръ. Тутъ первый разсказалъ, что у него пала лошадь, которую онъ окормилъ коркою арбуза. Въ это время корпусный Докторъ Кошеревскій, проходя, сказалъ: «Это не хорошо!» Предъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь оба брата поцѣловались, чего прежде никогда не случалось Слово не хорошо, и въ слѣдъ за тѣмъ поцѣлуй этотъ сдѣлалъ на меня какое-то безотчетное впечатлѣніе. Миновавъ Горецкій оврагъ, саженъ около ста, мы ѣхали молча, потомъ простившись, онъ повернулъ на лѣво, напѣвая общій тогда романсъ, а я поскакалъ прямо къ кургану. Поцѣлуй не выходилъ у меня изъ головы; казалось, что я его еще слышу. Какое-то мрачное чувство шептало мнѣ, что одинъ изъ нихъ падетъ въ предстоящей битвѣ На другой день, будучи посланъ Кайцевичемъ къ Барклаю, я проскакалъ около кавалергардовъ, шедшихъ въ атаку на пѣхоту, тотчасъ по смерти командира ихъ, Левенгольда: я встрѣтилъ Барклая, получилъ отъ него приказаніе, возвращался, и почти на томъ мѣстѣ, гдѣ мы разстались такъ недавно съ Корсаковымъ, я наткнулся на нѣсколько человѣкъ, несущихъ убитаго, и это былъ Корсаковъ, прострѣленный въ грудь пулею чрезъ обѣ латы. Возвратясь къ Кайцевичу, я нашелъ тутъ нашего Корсакова, присланнаго Дохтуровымъ. Первымъ вопросомъ его было: «Что братъ?» Я сказалъ: «Ничего». Видѣлъ, но не имѣлъ духа сказать — какъ.

Въ слѣдующій вечеръ этотъ же самый Штабъ и въ томъ же самомъ овинѣ не досчитывался многихъ.

Въ настоящее время изъ этого многочисленнаго и блестящаго Штаба едва ли остались другіе, кромѣ Николая Михайловича Дохтурова (Сенатора) и меня. Самаго Дмитрія Сергѣевича уже давно не стало. Монахтинъ, Бологовскій, Шкуринъ, Графъ Паннъ, Римскій-Корсаковъ, Князь Вяземскій, Нелединскій-Мелецкій, Нащокинъ, Мельгуновъ, Новиковъ, Дохтуровъ (родственникъ Сенатора), Романовъ, Графъ Потемкинъ, Баронъ Врангель, Баронъ Нолькенъ, Люцо, Ганчинскій, Равинскій, Кошеревскій, Соломка: одни пали при Бородинѣ и въ послѣдующихъ битвахъ до Парижа, другіе скошены временемъ.[5] Не многимъ предопредѣлено было, послѣ тяжкихъ трудовъ войны 1812 года (трудовъ, которыхъ нынѣшнее поколѣніе не постигаетъ), прожить еще полвѣка!...

И мы отживаемъ свой вѣкъ, полный великихъ происшествій! Мы были свидѣтелями и дѣятелями въ міровыхъ событіяхъ, когда Западъ, волнуемый и обуреваемый страстями, влекомый гигантомъ своего времени, подобно кораблю, брошенному бурею на скалу, распался при столкновеніи своемъ съ гранитною грудью Русскою! И намъ остается одно воспоминанье. Настоящее поколѣніе, иногда, взглянувъ на медаль со Всевидящимъ Окомъ, говоритъ въ полголоса: «Онъ участвовалъ въ 1812 году!» Но слова этѣ большею частью равносильны выраженіямъ: «Онъ уже никуда не годится: «онъ устарѣлъ съ своими допотопными идеями! [6]

1862 годъ заключилъ собою тысячелѣтіе Россіи. Но съ этимъ юбилеемъ совпадаютъ и другія Отечественной исторіи на-

---

[5] Товарищъ мой по Штабу Л. В. Дубельтъ недавно окончилъ жизнь. Онъ читалъ эту рукопись не за долго до своей смерти.

[6] Но, однако же, Вильна и Варшава доказываютъ противное. Не худо бы было этѣмъ философамъ-прогрессистамъ заглянутъ въ VI главу Цицерона: «О старости (De senectute); они увидѣли бы, что и старость не всегда безполезна, и что она есть единственная опора всякому порядку.

шей достопамятныя событія: въ 1862 году совершился двухсотпятидесятилѣтній юбилей изгнанія, въ 1612 году, изъ Москвы Поляковъ, въ послѣдствіе чего вступилъ на престолъ Россіи благословенный домъ Романовыхъ; столѣтній юбилей восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II Великой, возведшій Россію на ту высокую степень, которую предназначилъ ей безсмертный преобразователь Государства.

Наконецъ 1862 годъ, независимо отъ Букарестскаго мира, событія, знаменательнаго эпохою заключенія онаго и присоединеніемъ къ Государству пространной и богатой области, составляетъ пятидесятилѣтній юбилей Отечественной войны, а 26-го Августа есть день Бородинской битвы.

Съ этимъ днемъ совпадаютъ и другія великія событія: такъ, въ 1395 году Тамерланъ двинулся на Русь, и съ многочисленнымъ воинствомъ достигъ уже береговъ Сосны, близъ Ельца; но 26-го Августа, этотъ грозный покоритель Индіи, Персіи, Сиріи и Малой Азіи, внезапно поворотилъ полчища свои, и, «никѣмъ гонимый», бѣжалъ, никогда уже не возвращаясь въ Русскую землю. Церковь наша навсегда установила въ этотъ день, 26-го Августа, праздновать «побѣгъ Тимура и избавленіе Россіи.»

Въ 1612 году, пораженные въ Москвѣ, Поляки окончательно вытѣснены изъ оной 26-го Августа, за двѣсти лѣтъ до битвы Бородинской.

Въ годовщину избавленія отъ Тимура, изгнанья Поляковъ, Бородинской битвы, пала, обуреваемая мятежемъ, Варшава, въ день тезоименитства матери Петра Великаго, 26-го Августа.[1]

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ чтилъ этотъ день, и въ постоянной заботливости своей увѣковѣчивать великія событія Отечественной исторіи, въ 1839 году, созвавъ оставшихся еще участниковъ въ битвѣ Бородинской, въ присут-

---

[1] 26-го Августа, 1346 года, дана была Французами и битва при Кресси.

ствіи своемъ, въ годовщину оной, 26-го Августа, воздвигъ, на мѣстѣ центральной батареи, памятникъ и этой кровопролитной сѣчѣ, повелѣвъ перенести подъ оный прахъ Князя Багратіона, одного изъ героевъ, въ ней павшихъ.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ пріобрѣлъ въ личную собственность поля Бородинскія и изволилъ въ этотъ день, 26-го Августа, принять муропомазаніе и возложить корону на совершеніе великаго подвига освобожденія, а въ прошломъ 1864 г. изволилъ путешествовать подъ именемъ Графа Бородинскаго.

Не многіе изъ насъ достигли до пятидесятилѣтняго юбилея великому побоищу Бородинскому;[s] онъ былъ для насъ, конечно, послѣдній, и врядъ ли кто изъ насъ доживетъ до освященія храма Спасителя: время неумолимо.

Вамъ, быстро исчезающіе соратники, спѣшу посвятить эту книгу. Она напомнитъ вамъ то, что могло изгладиться изъ вашей

---

[s] Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, однако же, изъ 6-го корпуса, мнѣ извѣстныхъ находятся еще въ живыхъ: Генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Данненбергъ, тогда Прапорщикъ Генеральнаго Штаба; Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ (П. М.) Дохтуровъ, тогда лейб-гвардіи Семеновскаго полка Капитанъ, Адъютантъ корпуснаго командира; Генералъ-Лейтенантъ (А. П.) Бѣлогужевъ, тогда Поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка (одинъ изъ числа четырехъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ изъ полка, вступившаго въ бой въ числѣ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ, а вышедшій въ числѣ девяносто двухъ!); Генералъ отъ артиллеріи (А. П.) Вальцъ, тогда Прапорщикъ артиллерійской роты Полковника Веселицкаго (оставшійся изъ офицеровъ только съ братомъ своимъ), и я. Недавно мы потеряли соратника, Генерала отъ кавалеріи (Л. В.) Дубельта, бывшаго тогда Поручикомъ Псковскаго полка и старшимъ Адъютантомъ корпуснаго Штаба. Смерть его разстроила наше предположеніе, собраться 26-го Августа, съ нашими дѣтьми и внуками, отпраздновать юбилей Бородинской битвы. Конечно, не одинъ Полковникъ Геригросъ, въ Витебскомъ помѣстьѣ своемъ, какъ

памяти; но ни у кого изъ насъ не изгладилось убѣжденье, что эта битва, названная самимъ Наполеономъ «битвою гигантовъ», не была нами проиграна.

вписали изъ Сѣверной Пчелы, отпраздновалъ по старинному этотъ достопамятный день, въ кругу семейства своего и крестьянъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде нежели коснусь предмета, до сихъ поръ вполнѣ, или вовсе, еще не затронутаго, по крайней мѣрѣ, съ той точки, съ которой онъ будетъ разсматриваться здѣсь, полагаю не излишнимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, какъ бы заявить притязаніе или права свои говорить о Бородинской битвѣ, и приступить къ разсмотрѣнію многочисленныхъ повѣствованій о событіи, совершившемся за полстолѣтія тому назадъ, въ которомъ я принималъ участіе. Правиленъ, или нѣтъ, будетъ взглядъ мой, но во всякомъ случаѣ онъ будетъ самостоятельнымъ, основаннымъ на неоспоримыхъ данныхъ, и рѣшеніе того или другаго опредѣлится безпристрастіемъ людей просвѣщенныхъ, ревнующихъ славѣ Отечества и чести Арміи.

Выступая на поприще Отечественной войны нѣсколько подготовленнымъ, какъ теоріею, такъ и приложеніемъ оной къ дѣлу, мнѣ представлялась уже нѣкоторая возможность оцѣнивать совершавшіяся событія. [1] Назначеніе меня въ 6-й корпусъ Генерала отъ инфантеріи

---

[1] До Отечественной войны сдѣлано было мною двѣ кампаніи: въ 1808 году, при завоеваніи Новой Финляндіи, въ 1809 въ Швеціи (Вестерботніи, подъ личнымъ начальствомъ вождей, занимавшихъ почетнѣйшія степени высшей воинской іерархіи нашей (Барклая де Толли, Тучкова 1-го, Г.-А. Князя Долгорукаго, Графа Шувалова и Генерала Графа Каменскаго). Служба моя была засвидѣтельствована: двумя чинами за отличіе, тремя орденами, Высочайшимъ благоволеніемъ и др. наградами. По окончаніи Шведской войны, до Марта 1812 года, я составилъ военныя описанія Аландскихъ острововъ, берега Ботническаго залива отъ Торнео до Біернеборга, по случаю войны съ Англіею; приводилъ въ систематическій порядокъ военноисторическія записки Гр. Штейнгеля и пр. Высказываю это единственно съ цѣлью показать, что Отечественная война начата мною не новобранцемъ, а до Бо

Дохтурова, и вскорѣ для исполненія въ оном должности Оберъ-Квартирмейстера, доставило мнѣ еще болѣе къ тому случаевъ. Генералу Дохтурову съ своимъ корпусомъ выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны: движенье, среди непріятеля, отъ Лиды до Дриссы, защита Смоленска. [2]

Участье во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, прислушиваніе къ сужденіямъ особъ, посѣщавшихъ моего корпуснаго командира, общество его Штаба, включавшаго въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и обязанности мои по службѣ, требовавшія сношеній съ высшими лицами, изустная передача донесеній и полученіе подобнымъ же образомъ приказаній отъ этихъ лицъ, составлявшихъ Главный Штабъ арміи, доставляли мнѣ болѣе и болѣе средствъ къ пріобрѣтенью правъ судить и оцѣнять совершающееся въ глазахъ моихъ, и тотчасъ же вносить всѣ подробности въ свой дневникъ.

При такой уже обстановкѣ и условіяхъ я находился въ Бородинскомъ сраженіи, о которомъ приступаю говорить не по однимъ книгамъ, или слухамъ, и даже не такъ, какъ говорилъ бы о немъ офицеръ, хотя и участвовавшій въ битвѣ, но стоявшій передъ взводомъ, не пріобрѣвшій еще опытности и лишенный тѣхъ преимуществъ, которыя сопровождали меня по моей должности. [3]

родинскаго сраженія, и въ эту войну, я участвовалъ уже, въ движеніи 6-го Корпуса, окруженнаго непріятелемъ отъ Лиды до Дриссы, и въ Смоленскѣ, гдѣ изъ самой исторіи Г.-М. Богдановича видно, какія возлагались уже на меня порученія и т. д. Слѣдовательно, я былъ въ возможности, хотя нѣсколько, понимать военное дѣло, и таковымъ признавался тогдашнимъ начальствомъ.

[2] Не упоминаю о Малоярославецкой битвѣ (которая вся принадлежитъ Генералу Дохтурову и его 6-му Корпусу), по тому что она была дана позже Бородинской, составляющей здѣсь главный предметъ.

[3] Мы имѣемъ, однако же, въ печати драгоцѣнные «Очерки, Воспоминанія, Записки» и т. п. о Бородинской битвѣ, въ особенности артиллеристовъ, доказывающія, что за способностями у насъ дѣло стать не можетъ. Вотъ точка, на которой опытный и добросовѣстный исторіографъ долженъ бы

Въ Бородинѣ, 6-й корпусъ занималъ въ боевой линіи центръ между с. Горками и центральною батареей. [4] Послѣ раны Князя Багратіона, Генералъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ 2-ю арміей. Дѣйствія его извѣстны. Безстрашный и хладнокровный, Г.-Л. Капцевичъ (начальникъ 7-й дивизіи) заступалъ, до окончанія битвы, мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ. Пѣхоту этого корпуса, неоднократно отражавшую со всѣхъ сторонъ натиски много-

---

былъ основывать описаніе главныхъ эпизодовъ; ибо, кто можетъ лучше объяснить моменты, какъ не участникъ оныхъ? Сколько есть еще въ рукописяхъ, сколько разбросано ихъ въ журналахъ? Не заслуживаетъ ли все это быть собраннымъ въ одно цѣлое, а равно и изъ всѣхъ иностранныхъ періодическихъ изданій? Такое собраніе, составленное систематически лицемъ, понимающимъ дѣло, было бы драгоцѣннымъ памятникомъ Исторіи Отечественной войны. Объ этомъ лѣтъ тридцать тому назадъ и въ послѣдствіи не разъ было говорено мною и печатно.

[4] Сооруженіе двухъ батарей и шанцевъ у Горокъ и центральной батареи возложено было на меня Генералъ-Квартирмейстеромъ Толемъ. Послѣдняя не была окончена, когда началось дѣло. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что если бы, относительно этого пункта, послѣдовали совѣту Бенигсена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ломали линіи и оставили 6-й и 7-й корпуса на первоначальныхъ мѣстахъ, то битва была бы самая рѣшительная въ нашу пользу и, какъ предсказывалъ Бенигсенъ, могла имѣть исходъ Полтавской. Въ томъ даже положеніи, въ которомъ высота эта находилась во время битвы, она уже чрезвычайно безпокоила непріятеля, который, какъ видно будетъ, не иначе называлъ ее, какъ «fatal redoute». Стоитъ только съ высоты этой окинуть глазомъ поле битвы и то положеніе, въ которомъ первоначально находились 6-й и 7-й корпуса, чтобы вполнѣ убѣдиться въ вѣрности доводовъ Бенигсена. Эта высота, укрѣпленная такъ, какъ предлагалъ онъ, крайне затруднила бы подступъ и къ Семеновскимъ флешамъ, жестоко поражая непріятеля во флангъ. Къ несчастью, все, что предсказывалъ Бенигсенъ, буквально сбылось. Объ этомъ, съ нѣкоторою подробностью, говорится въ статьѣ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пч. 1858, №№ 151—155) и въ особенномъ оттискѣ, стр. 19—27, а также слегка въ брошюркѣ: «Бородинское сраженье, заключенье съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г.-М. Богдановича. С.-Петерб. 1861» (стр. 31 — 34).

численной конницы, Барклай де Толли, въ донесеніи своемъ, называетъ «безподобною».

По окончаніи этой битвы никто изъ участвовавшихъ Русскихъ не сознавалъ себя въ ней побѣжденнымъ. Ссылаюсь на всѣхъ ветерановъ этой кровавой купели, что каждый изъ насъ былъ пораженъ только досадой, если не болѣе, когда узнали, что предположенное на другой день нападеніе, о которомъ было намъ уже объявлено, отмѣнено и приказано продолжать отступленіе къ Можайску.

Убѣжденные на самомъ полѣ битвы, что она нами не проиграна, а, напротивъ, честь этого дня принадлежитъ намъ, мы основывали это на совершившихся фактахъ, въ которыхъ участвовали.[5]

Во первыхъ. Наполеонъ атаковалъ съ цѣлью заставить насъ, по крайней мѣрѣ, оставить съ боя занимаемую нами позицію, и не успѣлъ въ томъ. Только пространство, занимавшееся нашимъ лѣвымъ крыломъ и частью лѣвымъ же флангомъ центра, не разъ переходившее изъ рукъ въ руки, наконецъ нами было уступлено превосходнымъ силамъ непріятеля, возобновлявшимся безпрестанно и поддерживаемымъ огнемъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ сотъ орудій. Эта часть войскъ нашихъ, правымъ флангомъ своимъ, осталась, однако же, въ неразрывной связи съ арміею, составляя съ нею общую линію, выдавшуюся угломъ, а лѣвый осадилъ на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ. Съ этой позиціи, которую Французы называютъ второю, мы продолжали «громить непріятеля». Самъ Наполеонъ нашелъ, что «поле битвы» на этомъ пространствѣ не вполнѣ пріобрѣтено, и еще оспариваемо не только ядрами, но и пулями», и что эта вторая позиція (нашего лѣваго фланга) «еще грозна», и, не отваживаясь атаковать ее, непріятель первый пре-

---

[5] Не только что совершившееся въ этотъ день осталось въ памяти всѣхъ, участвовавшихъ въ битвѣ, но, мнѣ кажется, что едва ли не каждый и нынѣ, перенесясь въ темную ночь на мѣсто битвы, не нашелъ бы мѣстность себѣ знакомою.

кратилъ битву, и когда солнце еще далеко было отъ горизонта.[6] Со всѣхъ же другихъ пунктовъ нашей позиціи непріятель былъ отбитъ, и мы не сдѣлали шагу назадъ. Слѣдовательно: «предпріятіе атаковавшаго не выполнилось, онъ одержалъ только одинъ мѣстный отдѣльный успѣхъ, точно также какъ мы, на протяженіи всей остальной части позиціи, одержали такой же, если еще не болѣе преимущественный, успѣхъ, потому что разрушили предпріятіе непріятеля.»

Во вторыхъ. Во время самыхъ сильныхъ натисковъ на нашъ лѣвый флангъ, нашъ правый одною демонстраціей произвелъ большой безпорядокъ въ лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ и въ тылу онаго, заставивъ, въ свою очередь, и его осадить назадъ, чѣмъ и остановилъ на два часа его наступленіе на всей линіи.[7]

Въ третьихъ. Не смотря на значительное превосходство въ числительности непріятельской конницы, въ особенности тяжелой, на ея сильные напоры массами, она не успѣла почать ни одного карре, смять ни одного пѣхотнаго строя.[8] Наша же конница атаками своими проникала до непріятельскихъ резервовъ.

---

[6] Передъ сумерками на нашъ лѣвый флангъ была сдѣлана отдѣльная кавалерійская атака, подъ огнемъ своей артиллеріи, безъ общей связи и видимо съ одною только цѣлью, поразвѣдать, отступаемъ ли мы, или нѣтъ? Атака эта мужественно была отбита нашей конницей, содѣйствуемой батареями съ позиціи лѣваго фланга, и Французы отошли. Въ слѣдъ за симъ Финляндскій полкъ вытѣснилъ стрѣлковъ ихъ изъ кустарниковъ предъ Семеновскимъ.

[7] Вотъ пробѣлъ, который пополнить вызываютъ насъ повѣствователи-противники наши въ этотъ день. Въ 1861 году я коснулся слегка объ этой демонстраціи Платова и Уварова, въ брошюркѣ: «Бородинская битва, заключеніе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 г., соч. Г.-М. Богдановича.» Во всякомъ случаѣ, одна эта демонстрація достаточна была, чтобы произвести сильный безпорядокъ и заставить Вице-Короля спасаться въ каре 84-го полка.

[8] Во время атаки центральной батареи конницею Тильмана, 19 егерскій полкъ (24 Дивизіи), бывшій въ разсыпномъ строю, не успѣвъ сомкнуться, легъ, по командѣ своего шефа, Полковника Вупча, вмѣстѣ съ нимъ. Вся непрія-

Въ четвертыхъ. Мы взяли у непріятеля столько же пушекъ въ полѣ, какъ и онъ у насъ (тринадцать и пятнадцать). Сверхъ того, мы оставили въ недокончепныхъ батареяхъ и флешахъ около двадцати пяти орудій, большею частью подбитыхъ. Ни одного знамени не досталось въ руки непріятеля. Около тысячи плѣнныхъ съ каждой стороны, преимущественно раненыхъ и взятыхъ по одиначкѣ, и по одному Генералу, также израненными, а между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ билось, и какъ! при тысячѣ двухъ стахъ пушкахъ, слишкомъ двѣсти пятдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, въ общей сложности, болѣе третьей части выбыло изъ строя.

Въ пятыхъ. Когда стемнѣло, непріятель оттянулъ свои войска назадъ, оставя охранительный отрядъ въ Семеповскихъ флешахъ. На центральной же батареѣ, въ ночи, не было и наблюдательнаго поста. Бородино уступлено нами при самомъ началѣ битвы, какъ пунктъ, выходившій изъ линіи позиціи и занимавшійся только передовымъ отрядомъ егерей — безъ орудій.

Въ шестыхъ. Армія паша оставалась на своей первоначальной позиціи около двѣнадцати часовъ по окончаніи битвы. Только лѣвый флангъ, какъ замѣчено выше, осадилъ и занялъ вторую позицію въ неразрывной связи съ арміею, но въ ночь, онъ выдвинулъ пикеты далеко впередъ.

Въ седьмыхъ. Имѣя при себѣ болѣе шестисотъ пушекъ, многочисленные парки и другіе обозы, съ повозками, наполненными многими тысячами раненыхъ и иными тяжестями, армія очистила позицію только въ шесть часовъ утра, 27 Августа (арріергардъ оставался), и отступила къ Можайску, по одной дорогѣ, [9] и хотя

тельская конница, не причинивъ полку ни какого вреда, пронеслась чрезъ него въ атаку и обратно, отбитая нашею: въ такомъ положеніи егеря нанесли много вреда этой конницѣ, между которой, къ ихъ счастью, не было уланъ.

[9] Только отрядъ Г.-М. Карпова, нѣсколько баталіоновъ и часть ополченья, отступили отъ Утицы по старой Смоленской дорогѣ къ Можайску.

еще въ темнотѣ, но въ такомъ замѣчательномъ порядкѣ, что, по засвидѣтельствованію самихъ Французовъ и ихъ союзниковъ, не оставила рѣшительно ни какихъ признаковъ, по которымъ было бы можно заключать, что по этому пути, только за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, послѣ столь ужасной битвы, прошла вся армія, такъ что непріятель сомнѣвался даже, отступила ли она на Москву, или пошла къ Калугѣ? По его же словамъ, онъ находилъ на полѣ битвы и по дорогѣ свѣжія могилы, съ деревянными крестами надъ ними, только что похороненныхъ товарищей; а все это ни какъ не согласуется съ положеніемъ арміи, проигравшей сраженіе и силою вынужденной къ отступленію.

Въ осьмыхъ. Арріергардъ нашъ, по отступленіи арміи, оставался на позиціи, ею занимавшейся, еще четыре часа, такъ что позиція была за нами шестнадцать часовъ послѣ окончанія битвы.

Въ девятыхъ. Ночью на 27 Августа и по утру, мы, партіями своими, неоднократно, съ разныхъ сторонъ, производили тревоги въ непріятельской арміи, распространявшіяся до самой ставки Наполеона, расположенной въ батальонномъ карре старой гвардіи,[10] которая не разъ бралась за оружіе. Такъ Агамемнонъ лиги 1812 г. почиталъ побѣду свою прочной! Между тѣмъ мнимо побѣжденный имъ Кутузовъ провелъ эту ночь на мызѣ Татариновой — безъ всякой стражи.

Въ десятыхъ. По утру же Платовъ атаковалъ непріятельскіе аванпосты отъ Горокъ, гдѣ позицію занимали егерскія бригады Пилара и Нотемкина, а это центръ позиціи; тѣмъ пѣхотная бригада Вольфа, бывшая Росси и пр., оставались на позиціи до десяти часовъ утра.

---

[10] Впрочемъ, отъ самаго Смоленска, Наполеонъ на ночлегахъ заключалъ себя въ карре, а во время переходовъ окружали его два конныхъ гвардейскихъ полка.

Въ одиннадцатыхъ. Арріергардъ, слѣдуя диспозиціи, началъ оттягиваться отъ Горокъ въ десять часовъ утра, а непріятель пошелъ за нимъ только чрезъ два часа, «медленно» подаваясь впередъ. Разстройство его конницы обнаруживалось въ передовыхъ эскадронахъ, въ коихъ смѣшаны были почти всѣ роды оружія.

Изъ вышеприведеннаго (которое, какъ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, подтверждается и всѣми иноземными писателями), оказывается, что Кутузовъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ Наполеонъ, признавать Бородинское сраженіе за собою. Между тѣмъ Французы и иноземные Нѣмцы разражаются противъ донесенія Кутузова, не сознававшаго себя побѣжденнымъ! Правда и то, что всѣ помянутые иноземцы только фразами искажаютъ истину, но и фразы эти требовали бы критики, для которой не встрѣчается недостатка въ матеріялахъ.

Въ двѣнадцатыхъ. Въ этотъ же день, 27 Августа, съ четырехъ часовъ по полудни до глубокой ночи, и на слѣдующее утро, 28 числа, арріергардъ нашъ удерживалъ Можайскъ столько времени, сколько нужно было для вывоза запасовъ и раненыхъ (исключая тяжело раненыхъ), и отбивалъ всѣ усилія Мюрата и молодой гвардіи, стремившихся овладѣть городомъ. Экипажи Наполеона, доѣхавъ до авангарда, должны были возвратиться и переночевать въ маленькой деревенькѣ Кривушѣ съ своимъ повелителемъ. Арріергардъ нашъ очистилъ Можайскъ 28 Августа, утромъ, и остановился тотчасъ за нимъ на высотахъ, занимавшихся наканунѣ нашею арміей.

Въ тринадцатыхъ. Потомъ у Крымскаго брода, арріергардъ нашъ, жаркимъ боемъ, опять останавливаетъ почти на двое сутокъ напоръ Неаполитанскаго Короля и Герцога Тревизскаго, и наконецъ,

Въ четырнадцатыхъ. Духъ и бодрость нашей арміи не представляли и тѣни унынія, болѣе или менѣе въ разныхъ видахъ проявляющагося въ войскѣ, когда оно почитаетъ себя вынужденнымъ силою къ отступленью. Потерявъ около половины своей численности, армія, съ радостью, готовилась на слѣдующій день къ атакѣ

непріятеля; [11] отступая же, она, на каждомъ шагу, гдѣ ей приказывалось удерживать непріятеля, исполняла это съ тѣмъ же мужествомъ, которымъ ознаменовала себя подъ Бородинымъ. Въ ночь, послѣдующую за битвой, всѣ спѣшили въ ряды свои, и по утру при Можайскѣ все присоединилось къ своимъ знаменамъ.

---

[11] Всѣ казались недовольными, повторяю, только тѣмъ, что замышленное Главнокомандующимъ, въ самый разгаръ сраженья, возобновленіе на слѣдующее утро битвы, нападеньемъ съ нашей стороны, было отмѣнено около полуночи (т. е., спустя болѣе шести часовъ послѣ окончанія битвы). О предпріятіи этомъ было объявлено войску еще во время сраженія, и оно приняло извѣщеніе съ восторгомъ. По окончаніи битвы начали дѣлать къ тому распоряженія, и диспозиція въ главныхъ основаніяхъ была уже начертана и многимъ извѣстна. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, намѣренье было измѣнено: много говорили о главномъ виновникѣ тому, но здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Я очень хорошо помню, а есть и еще свидѣтели негодованію Генерала Дохтурова, Графа Маркова, Уварова и другихъ, съѣхавшихся къ первому. Генералъ Раевскій, чрезъ котораго Кутузовъ объявилъ войскамъ свое предначертаніе, какъ сказано выше, еще во время битвы, одинаково былъ пораженъ неожиданностью. Между тѣмъ казалось что все обѣщало намъ полный успѣхъ (въ послѣдствіи и Французы, участники въ битвѣ, въ повѣствованіяхъ своихъ, пророчили намъ оный). Непріятель былъ, по ихъ же засвидѣтельствованьямъ, въ безпорядкѣ, истомленъ усталостью изнуренъ голодомъ, упалъ духомъ (frappé de stupeur), мрачность, безмолвіе замѣнили природную веселость Французовъ: «не было слышно ни обычныхъ острыхъ словъ, ни шуточныхъ разсказовъ, ни пѣсней— все исчезло. Въ самой ставкѣ Наполеона грусть, молчаливость и даже, какъ замѣчаютъ очевидцы историки: «безъ льстецовъ, не такъ, какъ бывало это прежде,»—тогда какъ мы были сыты и бодры духомъ въ высшей степени; одинъ помыслъ: схватиться съ врагомъ воспламенялъ всѣхъ и каждаго. Сами Французы говорятъ, что мы «отступали съ гордостью, не упавшими духомъ и, казалось, вызывающими ихъ.» Непріятельская конница на половину погибла въ битвѣ, другая половина находилась въ совершенной невозможности выдержать чрезъ нѣсколько часовъ еще сраженіе; у насъ же, напротивъ, независимо отъ двадцати Казачьихъ полковъ, весь Корпусъ Уварова былъ свѣжъ и мало пострадалъ во время демонстраціи; остальная же конница имѣла чѣмъ подкрѣпить и силы людей, и силы лошадей, не изнуренныхъ долгимъ походомъ —безъ корма, и съ тою же отвагою и напоромъ вступить въ битву. Осьмнадцати тысячамъ Французской Гвардіи, большею

Всѣ эти факты уполномочивали насъ не сознавать себя подъ Бородинымъ побѣжденными, а, напротивъ, повторяю, мы приписывали, и по справедливости, честь этого дня за собою.

частью не трогавшейся съ мѣста, мы могли противопоставить такое же число, если еще и не болѣе, сытыхъ, бодрыхъ, одушевленныхъ святымъ дѣломъ и рвавшихся въ бой, тогда какъ противники, что видно и изъ общихъ ихъ свидѣтельствъ, и изъ самаго приказа Наполеона, читаннаго предъ началомъ сраженья, должны были биться, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Независимо отъ Казаковъ Платова и Карпова и Корпуса Уварова, мы имѣли Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбатальонномъ составѣ, мало потерпѣвшихъ и не бывшихъ въ схваткѣ, даже гвардейскій егерскій полкъ (также три баталіона) имѣлъ все время отдохнуть послѣ кратковременной (около часа) битвы, при самомъ началѣ сраженія въ с. Бородинѣ; нѣсколько егерскихъ полковъ отряда Полковника Потемкина, находившихся въ резервѣ, и другіе егерскіе баталіоны, расположенные по Колочѣ, на правомъ крылѣ, и, сверхъ того, болѣе десяти тысячъ ополченія, которое, въ наступательномъ дѣйствіи, работало бы, конечно, не хуже другихъ (Полоцкъ, Данцигъ, Дрезденъ) служатъ тому доказательствомъ). Бившаяся уже армія, хотя и значительно уменьшенная, подкрѣпивъ себя винною порціей и пищею, въ чемъ не было недостатка, съ большимъ бы еще ожесточеніемъ вступила въ бой, а тѣмъ болѣе наступательный, столь свойственный удальству Русскаго человѣка. Французы, будучи атакованными, преимущественно при тогдашнихъ условіяхъ, не такъ страшны, какъ иногда бываютъ они въ своихъ наступленіяхъ, въ особенности, когда, по предначертанной у насъ диспозиціи, Платовъ долженъ былъ, ночью, перенестись въ окрестностяхъ, пониже Беззубова, чрезъ р. Войну, на ихъ тылъ, къ Колоцкому монастырю, безпорядочно заваливаемому, въ продолженіе цѣлаго дня, ранеными, и гдѣ скоплены были всѣ парки и многочисленные разнаго рода обозы, коими загромождена была дорога до самаго Гжатска и далѣе (такое движенье наше, по сознанью въ послѣдствіи самихъ Французовъ, сдѣлалось бы гибельнымъ для ихъ арміи), произвело бы безпорядокъ, котораго результаты могли быть неисчислимы. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по окончаніи дѣла, когда совершенно уже стемнѣло, Французы оттянули свое сильно пострадавшее и разстроенное войско, лишившееся множества начальниковъ, и расположили его опять на тѣхъ мѣстахъ, съ коихъ оно пошло въ битву, выдвинувъ только въ Семеновскія флеши около шести тысячъ человѣкъ молодой гвардіи, для огражденія съ этой стороны арміи и преимущественно главнаго пребыванія Наполеона съ старою гвардіей при Шевардинѣ. Занявъ такимъ образомъ въ мракѣ первоначальныя мѣста въ порядкѣ наступа-

Но каково было наше удивленье, когда въ этомъ убѣжденіи, послѣ побѣдъ въ Германіи и Франціи, мы, въ 1814 г., взяли Парижъ, и здѣсь должно было вдругъ разочароваться и въ первый разъ узнать, что при Бородинѣ мы были побѣждены! Въ

тельномъ, войско, по свидѣтельству собственно своихъ историковъ, изнуренное физически и пораженное нравственно, оставалось всю ночь безъ пищи и большая часть безъ огня. Само собою разумѣется, что, послѣ столь ужаснаго, упорнаго и продолжительнаго, боя, войско, возвратясь на свое прежнее мѣсто изнуреннымъ, прежде всего должно было озаботиться, чтобы удолетворить свой голодъ, а для сего издавна уже не было ни какихъ другихъ средствъ, какъ только тотчасъ же итти отыскивать убитыхъ, или палыхъ, лошадей; часть пошла въ эту ночь на фуражировку, еще болѣе затруднительную и сопряженную съ опасностями (пятьсотъ фуражировъ попались въ руки Казакамъ); должно было отправить людей за дровами, за водой, а изнуренные конники тащить лошадей на водопой; наряду для подобранія раненыхъ и переноски ихъ въ Колоцкій монастырь и т. п. Сверхъ всего въ эту же ночь должно было озаботиться пополненіемъ изъ парковъ израсходованныхъ въ битвѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ зарядовъ, а при общемъ изнеможеніи, съ ослабленною дисциплиною, при огромной потерѣ ближайшихъ начальниковъ, успѣло ли бы войско, въ столь короткое время, ночью, до разсвѣта, снабдить себя сими послѣдними? Сомнительно. Все это требовало множества людей, энергіи, а по засвидѣтельствованію очевидцевъ-повѣствователей самихъ Французовъ, ни того, ни другаго, не было и какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, что при знаменахъ оставалось только едва нужное число для охраненія оныхъ. Мы же были, во всѣхъ этихъ отношеньяхъ, совершенно противоположно. Кромѣ того, непріятельскіе парки оскудѣли и, по свидѣтельству историковъ, Наполеонъ даже колебался, итти ли ему далѣе, до присоединенія парковъ, бывшихъ уже на пути. Вся артиллерія его и даже часть гвардейской находились въ дѣйствіи, между тѣмъ какъ у насъ такого недостатка въ снарядахъ не показывалось, и артиллеріи, не введенной въ дѣло, оставалось въ резервѣ значительное количество. Въ такомъ положеніи непріятельская армія, будучи за часъ до разсвѣта внезапно и быстро атакована, и при тревогѣ въ тылу (а что значитъ эта тревога, видно изъ Французскихъ писателей, говорящихъ о демонстраціи, произведенной еще засвѣтло нашимъ правымъ флангомъ), и ей трудно было бы, при общей сумятохѣ (и не усмотрѣвъ во время нашихъ направленій и построенія), скоро перестроиться въ надлежащій оборонительный порядокъ, положительно можно сказать, что, при тогдашнихъ условіяхъ и до разсвѣта было бы вовсе не возможно: событія Ватерлоо

1815 году, возвратясь опять во Францію, я оставался въ корпусѣ Князя Воронцова до 1819 года, а въ этотъ періодъ появилось уже нѣсколько Французскихъ описаній кампаніи 1812 года, воспѣваю-

---

могли совершиться тремя годами прежде. Наконецъ, потери Французовъ въ дѣйствительности не многимъ уступали нашимъ: конница ихъ была почти уничтожена. Генералами они потеряли болѣе, чѣмъ вдвое, противъ насъ: у нихъ сорокъ девять Генераловъ и тридцать девять полковыхъ командировъ, у насъ двадцать два Генерала. Для предначертаннаго нами нападенія, большая часть нашихъ лучшихъ вождей была пощажена въ этотъ кровавый день: Барклай де Толли (распоряжавшійся уже при Горкахъ для наступленія), Бенигсенъ, Милорадовичъ, Герцогъ Александръ Виртембергскій, Графъ Марковъ, Платовъ; Корпусные: Дохтуровъ, Раевскій, Багговутъ, Графъ Остерманъ-Толстой, Лавровъ, Уваровъ, Баронъ Корфъ, Графъ Паленъ, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, и Дивизіонные: Графъ Строгановъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Паскевичъ, Коновницынъ, Кащевичъ, Дука, Графъ Орловъ-Денисовъ и др. А за такими вождями, жаждавшими нападенія на другой день, войско пошло бы съ полнымъ самоотверженіемъ и увѣренностью на успѣхъ, и ни какія, даже видимыя, опасности не остановили бы его. Словомъ, еще разъ повторяю, отмѣна помянутаго предпріятія одна была поводомъ къ какому-то чувству досады, даже негодованія, распространенному въ войскахъ. Предметъ этотъ, вмѣстѣ съ демонстраціею Платова и Уварова, требуетъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія, на которое, еще скажу, какъ бы вызываютъ насъ всѣ иноземные историки, описавшіе Бородинскую битву, какъ участники, говоря объ этихъ двухъ эпизодахъ болѣе или менѣе пространно, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, между тѣмъ какъ наши исторіографы упоминаютъ о нихъ вскользь. Прошло полвѣка; исторія не должна никого щадить во имя истины: дѣльная критика все выяснитъ. Нельзя умолчать о непостижимомъ (для меня) сужденіи Г.-М. Богдановича (т. II, стр. 222), будто предначертанное предпріятіе наше напасть на другой день «не подавало намъ ни малѣйшей вѣроятности на успѣхъ» (!!). На чемъ почтенный исторіографъ основываетъ это умозаключеніе свое? Не извѣстно! Самъ онъ не могъ быть въ битвѣ; непріятель говоритъ, что такое предпріятіе наше «было бы для него пагубнымъ; всѣ Генералы наши, и въ головѣ ихъ Барклай, понимавшіе дѣло (конечно, не менѣе нашего исторіографа) и разсуждавшіе о томъ на мѣстѣ, предусматривали успѣхъ. По словамъ же самого Г.-М. Богдановича, Барклай, распоряжавшійся при Горкахъ, для предположеннаго предпріятія, когда получилъ приказаніе отступать, «хотѣлъ ѣхать къ Князю съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказанія, но, получивъ

щихъ свои побѣды, и въ томъ числѣ подъ Бородинымъ! Нѣмецкіе повѣствователи, забывъ, что побѣдамъ Русскихъ они только и обязаны своимъ освобожденіемъ отъ нга, [12] подобно Французамъ,

---

свѣдѣніе объ выступленіи Дохтурова, принужденъ былъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, исполнить повелѣнье Главнокомандующаго.» Г.-М. Богдановичъ пишетъ, какъ бы оправдать неосновательность предположеній Барклая, что «тогда не возможное казалось возможнымъ.» Подобное выраженіе можетъ быть приписываемо запальчивому кавалерійскому офицеру, пусть иногда и полковому командиру подобнаго же свойства; но оно ни какъ уже не приличествуетъ Барклаю, коего свѣтлый умъ, глубокія познанія военнаго дѣла, опытность, невозмутимое хладнокровіе, разсчетливость на каждый шагъ, были всегда неотъемлемыми его качествами. И если онъ, будучи главнымъ дѣятелемъ и зоркимъ наблюдателемъ при Бородинѣ, предвидѣлъ успѣхъ въ предначертанномъ нападеніи на непріятеля, что раздѣляли съ нимъ, какъ преданные, такъ и лицепріятствующіе ему, Генералы и вообще всѣ, понимающіе дѣло, то, какимъ образомъ и какой авторитетъ, въ глазахъ безпристрастныхъ и свѣдущихъ людей, можетъ имѣть, чрезъ полвѣка, лице, не дѣлавшее этой кампаніи, безъ всякихъ ссылокъ на какой либо современный авторитетъ, а голько на свой собственный, произносить такъ опредѣлительно совершенно противное! Нельзя даже понять, что такое разумѣетъ онъ подъ словомъ: «принять сраженіе.» Дѣло шло не о томъ, чтобы намъ принять сраженіе, что свѣдущими военными людьми понимается выждать и на другой день непріятеля, а такого безразсудства, уже всеконечно, никому не могло прійти въ голову! При уменьшеніи арміи почти на половину, позиція, и до того уже растянутая, не могла быть занятой съ выгодою, что и самъ исторіографъ находитъ; но у насъ было намѣреніе совершенно противоположное: мы хотѣли не принять, а дать сраженіе, т. е., атаковать непріятеля и заставить его или принять сраженіе, или обратиться въ бѣгство. Всѣ, понимающіе военное дѣло, видятъ въ значеніи этихъ словъ большую разницу; а почтенный исторіографъ разсуждаетъ объ этомъ намѣреніи нашемъ, и между тѣмъ говоритъ и не одинъ разъ: «принять сраженіе»!!! Грустно въ наше время видѣть такія созерцанія, и когда? Тогда, какъ и самъ непріятель пишетъ противное, т. е., въ пользу нашего предпріятія, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно.

[12] Не говорю о тѣхъ временахъ, когда Русскіе летали на выручку этихъ сосѣдей своихъ; здѣсь отношу сказанное собственно только къ войнѣ 1812 года. Не возможно же исключить изъ Исторіи то положеніе Германіи, въ

начали описывать и свои подвиги въ Бородинскій день, въ который, по ихъ удостовѣренію, мы потерпѣли пораженіе и силою были вынуждены къ отступленью. Но этого было мало: они говорятъ, что если бы Наполеонъ захотѣлъ, то мы были бы и совершенно разбиты; словомъ, конечно, по ихъ мнѣнью, такъ, какъ они подъ Іеною и Ваграмомъ: а нѣкоторые думали даже, что могъ повториться и Ульмъ, если бы насъ вогнали въ уголъ образуемый впаденіемъ Колочи въ Москву рѣку. [13] Съ нашей стороны хранилось глубокое молчаніе; нѣкоторые, однако, изъ насъ, увлекшіеся фразами и выводимыми въ кабинетахъ правилами стратегіи и тактики, не принимая въ соображеніе народнаго духа, вторили иноземцамъ, если и не всегда вполнѣ, то достаточно, чтобы дать поводъ Французамъ и Нѣмцамъ ссылаться на нихъ. [14]

При внимательномъ изученіи всѣхъ иноземныхъ повѣствователей объ этой эпохѣ, оказывается, что истина затмѣвается въ ихъ изложеніяхъ однѣми только фразами, которыя высказывали Французы по природному ихъ самохвальству (а иноземные Нѣмцы по чему?..), доходящему до невѣроятной степени даже у самыхъ серіозныхъ историковъ; но за всѣмъ тѣмъ, повторяю, все, что исчислено было выше, объ основаніи, на которомъ мы, участвовавшіе въ битвѣ, не

которомъ она находилась до начала 1813 года: крѣпости ея въ рукахъ Французовъ; во всѣхъ почти столицахъ Французскіе Генералъ-Губернаторы, или Коменданты, или, наконецъ, полномочные Послы, которымъ подчинялись во всѣхъ дѣйствіяхъ. Наполеонъ распоряжался въ ней, какъ полный хозяинъ: одни владѣнія уничтожалъ, или присоединялъ къ Франціи, изъ другихъ созидалъ Королевства, назначая въ Короли и Герцоги своихъ родственниковъ и солдатъ своей арміи, связывая сихъ послѣднихъ брачными союзами съ владѣтельными домами Германіи и пр., и пр. Такъ застали мы материкъ Европы, когда, изгнавъ изъ Россіи Французовъ и ихъ вассаловъ, перенесли, въ началѣ 1813 г., знамена свои въ Германію на ея ратованіе. По чему же это освобожденіе ея не послѣдовало прежде? Исторія объяснитъ. Объ этомъ въ главѣ: «Русскій солдатъ», еще говорится.

[13] Полковникъ Окуневъ очень справедливо замѣтилъ, что и сто тысячъ барановъ не могли бы быть такъ загнаны.

[14] Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 г.» писана въ такомъ же духѣ и вторитъ иноземнымъ Нѣмцамъ, что Наполеонъ могъ насъ доконать.

почитаемъ ее пропранной нами, они подтверждаютъ, и сами того не замѣчая, когда говорятъ о ней, какъ очевидцы-историки. Въ сущности главнымъ основаніемъ у нихъ, къ заключенію о своей побѣдѣ, есть только то, что мы, послѣ битвы, «отступили». Но мы продолжали отступать, безъ всякаго участія въ томъ ихъ силы, которая бы понудила насъ къ тому, какъ все это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Эти повѣствованія иноземцевъ побудили меня дѣлать изъ нихъ выписки по предметамъ, входящимъ въ описаніе сего событія, и сравнивать ихъ между собою, что постоянно и продолжалъ, по мѣрѣ появленія новыхъ матеріяловъ. Воспользовавшись нѣсколько свободнымъ временемъ (1852—1855), я сдѣлалъ сводъ изъ этихъ повѣствованій только: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году».[15] Въ послѣдствіи, не будучи занятъ новымъ начальствомъ службою, приступилъ къ систематическому своду этихъ многочисленныхъ, въ продолженіе полувѣка собиравшихся, выписокъ.

Имѣя главнымъ предметомъ Бородинскую битву, предлагаемая книга, независимо отъ Вступленія и Значенія слова побѣда, раздѣлена на три «Отдѣленія, съ подраздѣленіями каждой на главы.» Первое Отдѣленіе, Наканунѣ битвы (четыре главы); второе, День битвы (пять главъ); третье, На другой день битвы (двѣ главы). Въ концѣ первой главы сего Отдѣленія сдѣланъ краткій критическій обзоръ сочиненій нѣсколькихъ иноземныхъ историкомъ, писавшихъ о войнѣ 1812 г. Здѣсь присоединена глава о «Русскомъ, солдатѣ», вызванная толками тѣхъ же писателей. За тѣмъ, въ Заключеніи, послѣ общаго вывода всему тому, что предшествуетъ, я коснулся нѣкоторыхъ предметовъ, до сихъ поръ никѣмъ еще вполнѣ не изложенныхъ, и такихъ, которые вовсе не затронуты. Къ послѣд-

---

[15] Книга, удостоенная посвященія нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ 1855 году. Изъ самыхъ сказаній непріятеля явствуетъ, что ни морозъ, ни голодъ не были причиною катастрофы, которой подвергалась армія Наполеона.

нимъ принадлежитъ критическій разборъ предпринятаго Наполеономъ къ отступленію направленія на Калугу. Соединивъ все то, что было только писано о безчеловѣчномъ, варварскомъ *смореніи голодомъ* и *потомъ пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ*, присовокупилъ я къ сему критическій разборъ, для сближенія и разъясненія этихъ повѣствованій. Равномѣрно собрано все, что было писано иноземцами-свидѣтелями о настроеніи духа Наполеона въ продолженіе войны 1812 года. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о причинахъ постепеннаго ослабленія дисциплины, и наконецъ развитія деморализаціи въ его арміи, съ приложеніемъ къ сему краткихъ разсужденій о *стужѣ* и *голодѣ*, коимъ господствующее мнѣніе приписываетъ распаденіе Французской арміи, вопреки собственнымъ, приводимымъ ими, даннымъ.

Все вышеисчисленное заимствовано *исключительно* изъ иноземныхъ источниковъ, коимъ списокъ прилагается.

Книга эта не что иное, какъ одинъ только опытъ распредѣленья иноземныхъ повѣствователей по предметамъ и согласованья разнорѣчій, коими переполнены всѣ сказанія о войнѣ 1812 года: она можетъ, по крайней мѣрѣ, указаніями своими на тексты и предметы облегчить трудъ того, кто, лучше меня владѣя перомъ, знаніемъ дѣла, средствами, и въ особенности болѣе благопріятными обстоятельствами, нежели тѣ, которыми я былъ окруженъ въ послѣднія десять лѣтъ, предпринялъ бы изложить великій сей предметъ болѣе достойнымъ его образомъ, для чести и славы народа и арміи, подвигнутыхъ на совершеніе великаго дѣла непоколебимою твердостью Благословеннаго Монарха, объ явившаго, что «не вложитъ меча въ ножны, доколѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской.»

Какъ ветеранъ разбираемаго мною эпизода, могу подвергнуться упрекамъ нынѣшнихъ военныхъ исторіографовъ въ пристрастіи къ прошедшему, къ *старинѣ*, противъ которой такъ сильно возстаютъ нынѣ, но я вывожу факты. Я могъ ошибаться, какъ и всѣ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, отнюдь, впрочемъ, не измѣняющихъ сущности совершившагося, и вполнѣ раздѣляю мнѣніе Полковника Астафьева,

сказавшаго въ превосходномъ и образцовомъ сочиненіи своемъ,[16] что «военное искуство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіяльнаго обсужденія и полемики. Одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться»... И, говоря о критикѣ, присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и искуства.»

Какая же другая кампанія нашего времени имѣетъ болѣе необходимости быть очищенною критикой, какъ не кампанія 1812 года, въ особенности для насъ? Какая другая болѣе изобилуетъ историками[17] и съ такимъ множествомъ рѣзкихъ разнорѣчій? Не требуетъ ли все согласованія, поясненій, коллегіяльнаго разсмотрѣнія и опредѣленія различныхъ эпизодовъ этой борьбы гигантовъ, какъ выразился Наполеонъ?

Прошло полвѣка, а у насъ никто еще достойнымъ образомъ не поднялъ перчатки, бросаемой намъ иноземцами. Вскорѣ остальные участники въ этой войнѣ исчезнутъ, и хвастливыя фразы непріятелей нашихъ усвоятъ въ Исторіи всю силу. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, я неразъ, печатно, излагалъ это свое мнѣнье.

---

[16] «О современномъ военномъ искуствѣ». С.-Петерб. 1857 — 1861 (т. 1, стр. XVIII).

[17] Мараѳонское сраженіе разсказано въ свое время тремя стами историковъ, Бородинское едва не столькими же, а пожалуй и болѣе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Появленіе кометъ, во всѣ времена, считалось, въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ народныхъ, предзнаменованіемъ какихъ-либо особенныхъ событій. Такъ и появленіе кометы въ 1811 году подало поводъ къ заключеніямъ о близости кровопролитной войны, въ размѣрахъ, до того времени не бывалыхъ Въ ту эпоху браней всѣ другія предположенія почитались второстепенными, а по тому рожденіе сына у Наполеона, повелителя материка Западной Европы, не всѣмъ казалось предзнаменованіемъ уже сбывшимся: всѣ ожидали отъ появленія кометы другихъ, болѣе важныхъ, событій, и ожиданія эти оправдались вполнѣ: вскорѣ громадныя приготовленія къ нашествію на Россію заняли умы всей Европы.

Дѣйствительно, обстоятельства сей исполинской войны отличаются отъ всѣхъ прочихъ военныхъ предначертаній, какъ по тогдашнему политическому состоянію Европы и самой Франціи, такъ и по составу ополченья, подъ личнымъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, приковавшаго къ колесницѣ своей весь материкъ Западной Европы. Около семисотъ тысячъ человѣкъ, [1]

---

[1] Barault (p. 176) говоритъ, что въ этомъ числѣ было собственно Французовъ 348 тысячъ чел., остальные 322 т. Нѣмцевъ, Итальянцевъ и пр. Канфигъ (т. IX, p. 161) пишетъ, что Наполеонъ, по документамъ Военнаго Министерства, велъ съ собою на Россію не 130, или 150 т. человѣкъ, составлявшихъ прежде его армію, но около полумилліона съ тысячью триста шестидесятью пушками, и приводитъ слѣдующій расчетъ:

подъ предводительствомъ искусныхъ, опытныхъ и закаленныхъ въ двадцатилѣтнихъ побѣдахъ вождей, конхъ слава часто затмѣвалась только присутствіемъ самаго Наполеона.

Предпринятый имъ походъ, съ самаго начала до конца, сопутствуемъ былъ замѣчательными явленіями, которыя постепенностью своею не могли не имѣть вліянія на главнаго вождя — Агамемнона этой лиги, и не поколебать въ немъ тѣхъ или другихъ основныхъ его качествъ, не обнаружить слабостей и недостатковъ, до того времени не замѣчавшихся. Прослѣдивъ эти событія, найдемъ, что многія высокія соображенія Наполеона, основанныя, казалось, на вѣрныхъ стратегическихъ и политическихъ разсчетахъ, не только не оправдались, но и послужили ему ко вреду: ни одно предпріятіе его не удалось. Съ первымъ шагомъ въ предѣлы наши, Наполеонъ началъ уже колебаться; одно предположеніе смѣнялось у него другимъ, другое третьимъ и т. д. Часто проявлялъ онъ малодушіе, и, желая, скрыть, выставлялъ его еще ярче. По первый шагъ былъ сдѣланъ, и **побѣдитель** долженъ былъ покориться судьбѣ своей, которая постепенно, отъ береговъ Нѣмана, влекла его на гибель.

60,000	Поляковъ.	4,000	Дармштадцевъ.
20,000	Саксонцевъ.	2,000	Готы и Веймара.
30,000	Австрійцевъ.	5,000	Вюрцбургцевъ и Франконцевъ.
20,000	Баварцевъ.	5,000	Мекленб., Нассавц. и др. мелкихъ Княж.
22,000	Пруссаковъ.	20,000	Италіянцевъ и Неаполитанцевъ.
20,000	Вестфальцевъ.	4,000	Испанцевъ и Португальцевъ.
8,000	Виртембергцевъ.	10,000	Швейцарцевъ.
8,000	Баденцевъ.	250,000	Французовъ.
		498,000	человѣкъ.

Около того показывается и другими; но Капфигъ исчисляетъ только то количество, которое вступило въ наши предѣлы, а Баро и тѣхъ, которые составляли резервъ и гарнизоны пограничныхъ крѣпостей.

Вотъ краткій перечень повѣствованія самихъ Французовъ, съ начала предпріятія до Бородинской битвы, главнаго моего предмета.

Истощенная слишкомъ двадцатилѣтнею, безпрерывною кровавою войной, Франція неохотно приступила къ конскрипціи для полчищъ, приготовляющихся къ дальнему походу, въ страну, въ то время еще менѣе чѣмъ нынѣ извѣстную. Уже тогда многіе министры и другіе главные предводители войскъ и приближенные къ Наполеону, не раздѣляя мнѣнія завоевателя, всячески старались отклонить его отъ предпринимаемой имъ войны. Это расположеніе умовъ, раздѣляемое большинствомъ людей благоразумныхъ, не могло быть неизвѣстнымъ и всей арміи. Оно, естественно, поколебало увѣренность, условіе, необходимое къ сохраненію и удержанію дисциплины, души всѣхъ воинскихъ дѣйствій. Дисциплина въ арміи Наполеона была тогда еще тѣмъ болѣе необходима, что Французы, отъ природы болтливые, охотно судятъ по своему о политическихъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ начальниковъ и т. п., а въ предпринимавшемся тогда походѣ пищи къ тому должно было представляться много. Въ такомъ расположеніи духа армія оставила Францію, бѣдствовавшую отъ неурожая предшествовавшаго года, [2] и направилась къ сборному мѣсту, въ Старую Пруссію, въ Герцогство Варшавское и въ Галицію.

Кратковременное пребываніе ея на сборномъ мѣстѣ ознаменовалось уже насиліями и грабежами; дисциплина была потрясена. Недостатокъ фуража заставлялъ снимать хлѣбъ съ корня, срывать соломенныя крыши и т. п. Это доказывало недостатокъ въ администраціи и какъ бы безсиліе Наполеона положить предѣлъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ, при взаимномъ несогласіи главныхъ его пред-

---

[2] Въ этотъ годъ бѣдствій произведены были многія казни. Казнили даже женщинъ единственно за то, что онѣ кричали въ толпахъ: «Я голоденъ! я голодна!»

водителей. Между тѣмъ войско лелѣемо было надеждами на скорую, неминуемую побѣду; оно было увѣрено, что, при вступленіи въ наши предѣлы, немедленно возстановятъ Польшу и Литву; что, съ правой стороны Наполеонова направленія, Турки изгонятъ наши войска изъ Молдавіи и Валахіи (откуда мы должны будемъ оттянуть часть нашихъ силъ къ главному театру войны) и овладѣютъ Одессою, Херсономъ и всѣмъ Крымомъ. Съ лѣвой же стороны, Бернадотъ возмутитъ Новую Финляндію и займетъ Петербургъ. Разноплеменная армія Наполеона одушевлялась надеждою при началѣ дѣйствій видѣть себя не одною, а въ союзѣ съ Турками и Шведами; но мечта скоро исчезла, и впечатлѣнье это не могло не усиливать недовѣрія, при обнаружившейся уже личной враждѣ между главными предводителями, дерзавшими, въ присутствіи Наполеона, упрекать другъ друга даже въ измѣнѣ. Подобные упреки должны были зародить въ самомъ Наполеонѣ мысль о непадежности его Маршаловъ, которую онъ вскорѣ имѣлъ случай выразить слѣдующими словами: «Что, достигнувъ высшихъ степеней «и будучи имъ обогащены, они охотнѣе желаютъ блистать въ «Парижѣ своими экипажами и роскошною жизнью». Упрекъ не вполнѣ справедливый: ибо всѣ они на поляхъ брани доказали противное. Однако же нельзя отвергнуть, чтобы тайное чувство Императора Французовъ не поколебалось относительно нѣкоторыхъ изъ его сподвижниковъ, а въ этихъ, въ свою очередь, не зародило скрытной злобы, которая разразилась въ послѣдствіи при занятіи нами Парижа. Словомъ, всѣ эти безпорядки не могли имѣть благодѣтельнаго вліянія на дисциплину арміи и не породить въ ней, повторяю, начала деморализаціи, до вступленія еще въ Россію.

По приближеніи къ Нѣману, когда Наполеонъ обозрѣвалъ мѣстность, наканунѣ переправы чрезъ эту рѣку, лошадь его упала и сбросила его на песокъ; въ это время послышался въ свитѣ его голосъ: «Худой признакъ! Римлянинъ отказался бы отъ пред-

пріятія.»[2] Послѣ переправы чрезъ Нѣманъ, погода, до того времени прекрасная, вдругъ измѣнилась: начали собираться тучи, разразилась ужасная гроза, продолжавшаяся нѣсколько часовъ; дождь, въ продолженіе пяти дней, былъ такъ силенъ, что во многихъ мѣстахъ затопилъ дороги; погибло до десяти тысячъ лошадей со множествомъ повозокъ; послѣ дождя наступилъ холодъ. Наполеонъ, въ это время объѣзжавшій мѣстность, долженъ былъ укрыться отъ ливня въ находившемся по близости монастырѣ. Эта буря и паденье его съ лошади были тотчасъ же многими приняты за худыя предзнаменованія; но тогда они не могли еще имѣть ощутитель-

---

[2] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаньяхъ», не говоритъ объ этомъ случаѣ; но, описывая переправу чрезъ Нѣманъ и послѣдовавшую за тѣмъ бурю, причинившую столько несчастій, присовокупляетъ (t. III, p. 422): «Такими зловѣщими предзнаменованіями Римскіе полководцы, можетъ быть, и пріостановились бы: многіе умы были поражены этимъ.» Вуржуа (p. 74, 75), говоря о предзнаменованіяхъ этихъ, присовокупляетъ, что они имѣли гибельное впечатлѣнье. Многіе другіе говорятъ о томъ же. Въ «Souvenire de Pologne» одного Французскаго кирасирскаго офицера (p. 143) видно, что «буря эта, послѣдовавшая тотчасъ за переправою чрезъ Нѣманъ, отъ коей погибло нѣсколько тысячъ лошадей, принята была суевѣрными умами за предвѣстье несчастій, и къ этому первому несчастью (присовокупляетъ авторъ) должно присоединить еще множество другихъ въ различныхъ видахъ, которыя оставили въ слабыхъ умахъ непріятное предчувствіе долженствующему совершиться позже.» Чѣмъ далѣе они подавались впередъ, тѣмъ болѣе поражаемы были подобными суевѣріями. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ О-Меара (t. I, p. 195): «Генералъ Гурго, на Островѣ Св. Елены, разсказывалъ ему, что, во время ихъ пребыванья въ Москвѣ, большое количество воронъ стадами сѣли на Кремлевскія башни, съ коихъ часто спускались и летали кругомъ солдатъ, махая крыльями и каркая, какъ бы угрожая имъ истребленьемъ, которое дѣйствительно и послѣдовало. Гурго прибавилъ, что войска приведены были въ уныніе этимъ зрѣлищемъ, которое солдаты приняли за роковое предвѣщаніе». Многіе говорятъ о семъ впечатлѣніи. Префектъ дворца, Боссе, также говоритъ объ этомъ.

наго вліянія на массу; ибо войско шло къ вѣрной, по мнѣнію его, побѣдѣ. А какъ суевѣріе и предразсудки (къ которымъ склонна масса Французовъ), обнаруживаются, болѣе или менѣе, едва ли не у всѣхъ народовъ, только при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, то послѣдующія событія должны были поражать массы при всякой явной, но преимущественно при отдаленной, опасности, къ которой они приближались не съ тою уже душевною твердостью, которая одна имѣетъ силу торжествовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ самою природой.

Въ движеніи арміи отъ Нѣмана [4] до Вильны подобныя предзнаменованія начали уже оправдываться въ мнѣніи умовъ суевѣрныхъ; такъ, на примѣръ: приблизясь къ Вилію и не найдя моста, конвой Наполеона изъ Поляковъ бросился чрезъ рѣку вплавь; многіе не достигли противоположнаго берега и, погибая среди волнъ, кричали: «Да здравствуетъ Императоръ!» Этотъ случай возбудилъ грусть въ очевидцахъ, многіе не удержались отъ восклицанія: »Quel mauvais augure!» Безплодіе края, равнодушный пріемъ со стороны жителей, происходившій отъ обманутыхъ надеждъ увидѣть возстановленіе Польши, уничтожили надежды и у Французовъ на содѣйствіе Литовцевъ, которые должны были значительно усилить полчища Наполеона. Холодныя отношенія между солдатами и жителями принимали видъ враждебный; недостатокъ припасовъ, въ особенности фуража, подавалъ поводъ къ насилію, грабежу и убійствамъ. [5] Все это ослабило дисциплину до такой степени, что, по засвидѣтельствованію очевидцевъ-Французскихъ писателей,

---

[4] Очевидцы присовокупляютъ: «Когда увидѣли, что въ Ковнѣ не мѣшаютъ наведенью мостовъ и бывшіе тутъ Казаки исчезли, все это навело грусть на солдатъ Французовъ.

[5] Многіе изъ солдатъ, даже молодой гвардіи, умирали съ голоду; другіе лишали себя жизни, что свѣдѣтельствуется Французскими писателями, участниками въ этой войнѣ.

Наполеонъ, послѣ тщетныхъ усилій къ прекращенію безпорядковъ, долженъ былъ закрыть глаза, не имѣя возможности остановить мародерство, грабежъ, насиліе и т. п. Но важнѣе всего было то, что, при всѣхъ этихъ безпорядкахъ, отсутствіе Русскихъ войскъ, видимо уклонявшихся отъ битвы и даже отъ встрѣчи, поражало непріятелей изумленіемъ. Извѣстіе о прибытіи Балашова въ Вильну обрадовало армію Французовъ, охладѣвшихъ въ порывѣ своемъ уже на короткомъ маршѣ до Вильны: они надѣялись, что война кончится. Но всѣ выражали неудовольствіе, узнавъ, что предложенія Императора Александра отринуты. Въ это время пробѣжала по арміи вѣсть, что въ Наполеонѣ начинаютъ замѣчать ослабленіе прежней физической его дѣятельности.

Наполеонъ остается въ Вильнѣ двадцать дней; между тѣмъ Французскіе корпуса достигаютъ Дриссы, которую наша армія оставила безъ боя. Это приводитъ всѣхъ въ отчаяніе, по тому что они должны еще болѣе углубляться въ страну, гдѣ не находятъ ни мѣстныхъ средствъ къ жизни, ни наслажденій, къ которымъ привыкли въ Германіи и Италіи. Безчисленное множество отсталыхъ и мародеровъ не столько ослабляютъ ряды этой многочисленной арміи, сколько ея нравственныя силы.

Багратіонъ умѣлъ отдѣлаться отъ Вестфальскаго Короля и Маршала Даву. Дохтуровъ, котораго почитали вѣрною добычею, ускользнулъ отъ трехъ корпусовъ, его окружавшихъ. Платовъ и Графъ Паленъ тоже успѣли присоединиться къ арміи. Разсчеты Наполеона не удаются: одни отъ возникшихъ между его предводителями раздоровъ, другіе отъ искусныхъ и быстрыхъ движеній нашихъ войскъ. Французская армія не можетъ еще похвалиться ни одною побѣдой, ни однимъ трофеемъ. Наполеонъ обѣщаетъ разбить Русскихъ въ Витебскѣ, и тѣмъ окончить кампанію. Спѣшитъ, и находитъ Барклая на позиціи. Радость общая пробѣгаетъ въ арміи Французовъ, надѣющихся на побѣду и на миръ. Въ Островнѣ авангардъ нашъ показываетъ Наполеону, чего должно

ожидать въ бояхъ съ Русскими, которыхъ онъ представлялъ своей арміи бѣгущими со страхомъ. Онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія къ генеральной битвѣ, и на слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, находитъ на позиціи нашей одни пустые шалаши.

Это еще болѣе поражаетъ все войско. Узнаютъ, что Багратіонъ окончательно нашелъ возможность соединиться съ Барклаемъ. Наполеонъ побѣждаетъ только мѣстное пространство, а не войско. Онъ объявляетъ окончаніе кампаніи 1812 года. Предполагаетъ въ 1813 году взять Москву, въ 1814 Петербургъ; надѣется, что Императоръ Александръ пришлетъ просить мира, дѣлаетъ распоряженіе относительно расположенія арміи на зимнія квартиры, говоритъ опять объ организаціи Польши — и войско его успокоивается. Мародеры и отсталые начинаютъ присоединяться къ своимъ знаменамъ, но, по свѣдѣтельству Французскихъ писателей, армія его тогда уменьшилась уже на цѣлую треть, не бывши въ битвѣ: недостатокъ въ продовольствіи проявляется, снова открываются болѣзни, поносъ, отъ непривычнаго употребленія ржанаго хлѣба.

Вдругъ Наполеонъ объявляетъ приказаніе идти къ Смоленску. Армія узнаетъ, что всѣ приближенные къ Наполеону были противнаго мнѣнія, узнаетъ изложенныя ими причины, по которымъ, кромѣ бѣдствій, нельзя было ожидать ничего другаго. Не имѣя возможности возражать предводителямъ войскъ на ихъ мнѣнія и доказательства, [6] онъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, въ нежеланіи сопровождать его на поле битвъ. Самолюбіе многихъ изъ

---

[6] Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XLIV, p. 132) приводитъ слова, сказанныя Наполеономъ на представленія, сдѣланныя ему въ совѣтѣ (въ Витебскѣ), что дальнѣйшее углубленіе въ Россію, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились Французы, противно всѣмъ правиламъ, онъ возразилъ: «Не правило создаетъ успѣхи, но успѣхи создаютъ правила.» («Ce n'est pas la règle, qui crée les succés, ce sont les succés, qui créent la règle!»)

нихъ оскорбляется. Здѣсь Наполеонъ узнаетъ о заключеніи мира съ Турками; узнаетъ, что Бернадотъ уже обнаружилъ расположеніе, противное всѣмъ заключеніямъ Наполеона, которыми онъ льстилъ себя и возбуждалъ духъ войскъ своихъ. Манифестъ Александра становится извѣстнымъ: армія видитъ, что призываютъ народъ къ поголовному вооруженію, что ей предстоитъ гроза народной войны; армія видитъ, что Русскій Императоръ далекъ отъ помысла о мирѣ; остается ей одна надежда разгромить насъ въ генеральной битвѣ.

Разбитіе Себастіани подъ Виньковымъ изумляетъ многихъ Французовъ, не ожидавшихъ надъ собою побѣды. Предзнаменованія на Нѣманѣ, въ Ковнѣ и на Вилѣ — пробѣгаютъ въ умахъ Французовъ. Но Наполеонъ, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Витебскѣ, ведетъ ихъ, по словамъ его, на вѣрную побѣду въ Смоленскъ. Всѣ спѣшатъ за своимъ повелителемъ, котораго почитаютъ непобѣдимымъ. Разбивъ Русскихъ, онъ обѣщаетъ заключить миръ и расположиться въ Смоленскѣ на зимнихъ квартирахъ до будущей весны. Это увлекаетъ войско, въ которомъ, однако же, опять являются тысячи отсталыхъ и мародеровъ. Дисциплина, нѣсколько возстановленная, съ первыхъ переходовъ опять начала ослабѣвать.[8]

Наполеонъ, искусно сосредоточивъ войска, переходитъ Днѣпръ и направляется къ Смоленску, въ твердой надеждѣ захватить этотъ городъ и принудить Барклая къ генеральному бою. Но мужество

---

[8] Шамбре, въ статьѣ объ упадкѣ дисциплины, въ то время, когда армія шла еще впередъ, говоритъ, (Journ. des Scienc. Milit. etc. 1825, t. V, p. 484): «Множество отсталыхъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи сворачивали съ дороги, и, называя себя залогами (sauvegarde), были хорошо по этому случаю принимаемы... Военная полиція была не въ силахъ противиться сему» и пр. Раппъ и многіе другіе говорятъ объ этомъ, но здѣсь не мѣсто распространяться.

Русскихъ, имъ встрѣченное, опять разстроило и уничтожило всѣ его высокія стратегическія соображенія, перенестись въ тылъ лѣваго фланга, или даже всей нашей арміи. Оставленіе Невѣровскаго въ Красномъ радовало Наполеона, видѣвшаго въ этомъ расположеніи невниманіе къ правиламъ стратегіи: онъ полагалъ этѣ шесть тысячъ Русскихъ вѣрною добычей, но Русскій Генералъ, съ слабою своею пѣхотною дивизіей, составленною изъ однихъ молодыхъ солдатъ, выноситъ весь натискъ въ шестеро сильнѣйшаго коннаго непріятеля, подъ предводительствомъ самого Мюрата, окружавшаго нашу пѣхоту на пространствѣ болѣе двадцати верстъ ея отступательнаго движенія, не успѣвъ почать ни одного баталіона. Исторія не представляетъ другаго подобнаго примѣра. [9] Французы увидѣли, что Русскіе тамъ, гдѣ нужно, умѣли отражать непріятеля съ твердостію, какой они не встрѣчали ни въ одномъ изъ своихъ непріятелей. Защита Смоленска Дохтуровымъ, съ двадцатью пятью тысячами противъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго, громившаго городъ двумя стами орудій, разрушившихъ почти всѣ зданія, не поколебала Русскихъ.

Этотъ геройскій отпоръ, не ожиданный ни Наполеономъ, ни его арміей, облегчилъ соединеннымъ тамъ первой и второй арміямъ стянуться на путь къ Дорогобужу. Зданія, уцѣлѣвшія отъ огня Французской артиллеріи, предаются пламени самими жителями, послѣдовавшими за Русскими войсками, которымъ приказано было очистить городъ къ разсвѣту. Въ окрестныхъ селахъ является тоже патріотическое самоотверженіе. Наполеонъ спѣшилъ еще преградить путь до переправы чрезъ Днѣпръ, въ Соловьевѣ. Но и по этому направленію встрѣчаетъ при Лубинѣ и въ окрестностяхъ

---

[9] Бисмаркъ (p. 134) говоритъ: «Если бы въ этомъ случаѣ поступать по обыкновеннымъ правиламъ, то Невѣровскій долженъ былъ сдаться, или умереть съ своими солдатами.» Всѣ Французскіе писатели болѣе или менѣе превозносятъ подвигъ нашего Генерала.

грудь Русскихъ, и обвиняетъ Герцога д'Абрантеса (Жюно) въ собственной своей неудачѣ.

Эти четырехдневныя дѣйствія Наполеона въ окрестностяхъ Смоленска изумляютъ неудачей всю армію и его самого. Многіе изъ его сподвижниковъ отчаяваются въ успѣхѣ. Они вновь представляютъ своему Императору плачевное положеніе арміи, дисциплины и средствъ къ ея существованію, и говорятъ о значительной убыли въ рядахъ. Указываютъ ему на явные признаки враждебнаго расположенія жителей; у нѣкоторыхъ вырывается даже желаніе быть скорѣе разбитыми, чтобы хотя это заставило Наполеона отложить свое дальнѣйшее стремленіе. Утомленное войско, не смотря на щедро розданные на мѣстѣ битвы самимъ Наполеономъ кресты Почетнаго Легіона и другія награды, не проявляло большаго желанія продолжать войну.

По словамъ нѣкоторыхъ, Наполеонъ колебался и даже казался раскаявающимся въ начатіи войны; онъ распускалъ слухъ о желаніи остановиться на грудахъ Смоленска на зимнихъ квартирахъ; опять заговаривалъ о намѣреніи заняться здѣсь возстановленіемъ Польши и Литвы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предлагалъ, чрезъ Генерала Тучкова, миръ Александру; разсчитывалъ число переходовъ въ Москву и Петербургъ, мечтая, что, слѣдуя къ сему послѣднему, онъ соединится съ корпусами своими, дѣйствующими противъ Витгенштейна, и вдругъ приказалъ двинуться на Москву, гдѣ, по словамъ его, армію ожидаетъ миръ, слава, богатая добыча и привольныя квартиры.

Всѣ Французскіе писатели, участники въ этой войнѣ, свѣдѣтельствуютъ болѣе или менѣе положительно о нравственномъ и физическомъ состояніи арміи въ это время. Несогласіе многихъ съ мнѣніемъ Наполеона на счетъ дальнѣйшаго углубленія въ Россію, представленіе бѣдственныхъ результатовъ, долженствующихъ произойти отъ подобнаго предпріятія, все это становится извѣ-

стнымъ арміи, уже бѣдствующей отъ недостатковъ и употреблявшей (начиная съ береговъ Двины) конину. Не могли быть укрыты отъ арміи и взаимные раздоры и несогласія Маршаловъ; словомъ, все происходящее не могло не имѣть вліянія на упадокъ дисциплины и на общую деморализацію, начинавшую проявляться въ нѣкоторыхъ корпусахъ въ довольно сильной степени. [10]

Но ни представленія главныхъ предводителей арміи, ни бѣдственное ея положеніе, не были еще столь могущественными, чтобы восторжествовать надъ тою увѣренностію, которую боевая масса имѣла въ геніи своего Императора, за которымъ она, въ продолженіе семнадцати лѣтъ, слѣдовала побѣдоносно. Надежда на вѣрную побѣду въ генеральномъ сраженіи, которая представлялась солдатамъ неотложнымъ событіемъ, и роскошная жизнь въ Москвѣ, гдѣ имъ предстояло забыть всѣ лишенія, одушевляли армію и влекли ее далѣе, не смотря на то, что уже строгая дисциплина, отъ всего встрѣченнаго, видимо ослабѣла: она могла сохраняться только еще при движеніи впередъ, но шагъ назадъ, и въ то время эта армія едва ли могла бы удержать въ цѣлости порядокъ и дисциплину, связывающую всѣ моральныя и матеріяльныя силы частей арміи всякаго народа. [11] Вотъ что говоритъ

---

[10] Безпорядки эти доходили даже до того, что часто партіи одного корпуса, отправленныя на фуражировку, встрѣчаясь съ фуражирами другаго корпуса, возвращавшимися съ припасами, отбивали добычу, и тѣмъ разжигали еще болѣе несогласіе и вражду своихъ начальниковъ.

[11] Арміи Наполеона были наступательныя и всегда имѣли большое количество отсталыхъ и мародеровъ, которые подгонялись, особенно для этого составлявшимися, отрядами, присоединявшими ихъ къ знаменамъ. Подобнымъ арміямъ, при отступленіи, всегда угрожаетъ если и не полное распаденье, то совершенный безпорядокъ: примѣровъ и тому и другому много. Французская армія едва ли когда отступала въ томъ порядкѣ, который болѣе или менѣе сохраняется въ другихъ Европейскихъ арміяхъ, исключая Турецкихъ.

Капфигъ собственно о Наполеонѣ, въ Смоленскѣ (t. IX, p. 253), когда еще онъ шелъ къ Москвѣ: «Съ нѣкотораго времени Напо«леонъ казался печальнымъ и задумчивымъ; одни приписывали это «грустное настроеніе души болѣзни, которою онъ страдалъ съ «дѣтства; нѣкоторые убѣжденію въ безплодности своего предпрія, «тія, другіе внезапному измѣненію температуры...[12] Можетъ быть, «говоритъ авторъ, предвидѣніе его открывало ему вдали послѣд«ствія его гибельной кампаніи Исторія Карла XII представлялась «уму Наполеона, по превосходству историческому, такъ что и «самый видъ Борисѳена не въ силахъ былъ отклонить его освобо«дить мрачныхъ мыслей. Впрочемъ, присовокупляетъ авторъ, въ «каждой душѣ находится что-то такое, которое предвѣщаетъ не«счастіе въ будущности, и предчувствіе это не есть уступка сує«вѣрію, но заставляетъ содрогаться при взглядѣ на судьбу, пре«доставленную случайности»; тогда всякій случай принимается за «предзнаменованіе: и помраченіе солнца, и стада хищныхъ птицъ, «летающихъ вокругъ палатокъ, махая крыльями.» Здѣсь авторъ намекаетъ на разсказъ Гурго, приведенный выше, и на другія подобныя происшествія, дѣлавшія сильное впечатлѣніе на умы Французскихъ солдатъ, склонныхъ къ предразсудкамъ и суевѣрію. Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ совершенно чуждъ этой слабости. Обращаюсь къ Смоленску.

Нельзя положительно указать на дѣйствительныя причины, побудившія Наполеона, вопреки всему тому, что совершилось отъ самой переправы чрезъ Нѣманъ, углубляться болѣе и болѣе въ

---

[12] Авторъ говоритъ: «послѣдовавшей съ быстротою громоваго удара,» замѣчая, что въ этѣхъ странахъ переходъ отъ тепла къ холоду быстръ и т. п. Это совершенно справедливо; но въ началѣ Августа по нашему стилю (Наполеонъ занялъ Смоленскъ $^{6}/_{18}$ Авг.) этого явленія не было, на обратномъ пути дѣло другое, а въ началѣ Августа перемѣны температуры не могли имѣть столь сильнаго вліянія.

сердце Россіи. Онъ не разъ колебался въ своихъ намѣреніяхъ, и спрашивалъ себя: остановиться ли ему на зимнихъ квартирахъ въ Вильнѣ, Дриссѣ, Витебскѣ, или наконецъ въ Смоленскѣ? По свѣдѣтельству Миллера, участвовавшаго въ этомъ походѣ (t. I, p. 142), «вся Французская армія была въ полной надеждѣ, что «Наполеонъ въ томъ году не углубится въ Россію, а займетъ ли«нію на Двинѣ и Днѣпрѣ, расположивъ свои войска на зимнихъ «квартирахъ. Не возможно было предполагать тогда (присовокупляетъ авторъ), что Русская армія отступаетъ отъ Смоленска къ «Москвѣ, боясь потерять сраженіе, по тому что она равнялась уже «числительностію своею Французской, а моральною силой превос«ходила ее» и т. п.

Что же, наконецъ, побуждало его къ рѣшимости двинуться изъ Смоленска далѣе въ такое позднее время года? Въ строгомъ смыслѣ война еще не начиналась, общей битвы не было, онъ искалъ ея отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра, и, не найдя на этомъ пространствѣ, пошелъ далѣе, но не могъ найти ея и на берегахъ Москвы! Потрясенный столькими неудачами съ открытія кампаніи, онъ, какъ видно изъ всѣхъ источниковъ часто и внезапно измѣнялъ свои предположенія, а въ состояніи такого колебанія не трудно было ему безотчетно придержаться той мысли, которую онъ чаще слышалъ и которая была такъ схожа съ его главною цѣлію.

Герцогъ Ровиго (Савари), имѣвшій, конечно, всю возможность судить о семъ, вотъ что говоритъ о Смоленскѣ (t. V, p. 29): «Въ составѣ лицъ, окружавшихъ Императора, Короля Неапо«литанскаго и Князя Невшательскаго, найдутся причины, которыя «побудили предпринять окончаніе кампаніи однимъ разомъ.» Далѣе онъ такъ поясняетъ это (стр. 296): «Съ тѣхъ поръ, какъ прави«тельственная система освятила возстановленіе монархическихъ «началъ, старинныя дворянскія фамиліи приблизились къ Наполеону; «вся ихъ воинственная молодежь просила, какъ милости, избрать

«поприщемъ военную службу. Она во множествѣ вступила въ ар-
«мію, гдѣ скоро заняла мѣста, если и не первостепенныя, то, по
«крайней мѣрѣ, требовавшія довѣрія: не было Маршала Франціи,
«не было Генерала, при которыхъ бы они не находились адъютан-
«тами и въ штабахъ; кавалерійскіе полки, почти всѣ, были подъ
«начальствомъ офицеровъ, принадлежащихъ къ этѣмъ фамиліямъ.
«Они начали уже появляться и въ пѣхотныхъ полкахъ. Все это
«молодое дворянство искренне присоединилось къ Императору,
«легко увлекаясь славой. Оно любило опасности, стремилось къ
«битвамъ, но не менѣе имѣло горячую наклонность къ удоволь-
«ствіямъ, когда думало, что исполнило свой долгъ. Молодежь,
«окружавшая Императора, Короля Неаполитанскаго, и та, которая
«составляла многочисленный главный штабъ арміи, была такова же,
«имѣла тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Въ этомъ случаѣ
«она выражала единогласно мнѣнія, которыя казались отголоскомъ
«мнѣній арміи. Всѣ эти молодые люди, видя, что нѣтъ надежды
«провести зиму въ Парижѣ, не видѣли средины между имъ и Мо-
«сквою. Они пропорхнули по Польшѣ, какъ бабочки по цвѣтамъ,
«и если бы нашлись десять армій, чтобы воспрепятствовать имъ
«достигнуть туда, куда они задумали итти, и тогда не отказались
«бы они отъ своего намѣренія, Москва казалась имъ мѣстомъ на-
«слажденій; они всѣ были уже влюблены въ то, что надѣялись
«встрѣтить, и ихъ воображеніе блуждало среди этихъ упоитель-
«ныхъ наслажденій, которыя они мечтали найти въ столицѣ Рус-
«ской Имперіи. Король Неаполитанскій въ особенности находился
«подъ вліяніемъ окружавшихъ его молодыхъ офицеровъ. [13] Онъ самъ
«любилъ удовольствія, и охотно встрѣчалъ мнѣнія, согласныя съ
«его желаніями; онъ тоже хотѣлъ итти въ Москву!

---

[13] И здѣсь то, что сказалъ Цицеронъ въ VI главѣ «О старости» (De senectute) вполнѣ оправдывается: «Молодежь часто губитъ государства, а старость ихъ возстановляетъ: она единственная опора всякому порядку.»

«Его самообольщеніе (p. 302) доходило до крайностей во «всемъ, что относилось къ военной жизни, на примѣръ: онъ былъ «убѣжденъ, что не бывало еще въ арміи кавалерійскаго Генерала, «подобнаго ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ одаренъ блистательною «храбростію, достоинствомъ, которымъ можно замѣнять многое, и «безъ котораго нельзя обойтись, когда достигнешь уже послѣдней «степени возвышенія; онъ былъ добродушенъ и щедръ и любилъ «всѣми своими приближенными. [14] Къ несчастію Франціи, онъ (p. 203) былъ вызванъ къ личному присутствію въ арміи въ качествѣ «кавалерійскаго Генерала. Чрезъ него проходили всѣ донесенія «легкихъ войскъ, которымъ было поручено преслѣдованіе Русской «арміи. Только чрезъ него одного Императоръ получалъ свѣдѣнія. [15] «Король Неаполитанскій утверждалъ, что Русская армія упала ду- «хомъ, истощена и не можетъ отступать иначе, какъ медленно. «Онъ удостовѣрялъ, что, если въ продолженіе нѣсколькихъ дней «будутъ ее преслѣдовать живо, она не избѣгнетъ битвы, а битва «была необходима. Императоръ не могъ не внимать словамъ че- «ловѣка, который ежедневно говорилъ ему одно и то же, и, какъ «извѣстно, не берегъ себя на полѣ битвъ. Князь Невшательскій «не былъ противнаго мнѣнія съ Неаполитанскимъ Королемъ; впро- «чемъ, всѣ полагали, что лучше идти на Москву, чѣмъ возвратиться «въ Вильну, или Витебскъ, гдѣ боялись провести зиму.»

Извѣстіе о движеніи Наполеона изъ Смоленска еще далѣе [16] было неожиданнымъ въ Парижѣ, однако же, говоритъ Савари

---

[14] Савари, между прочимъ, говоритъ, что онъ самъ никогда не сближался съ Мюратомъ.

[15] Извѣстно, что онъ начальствовалъ авангардомъ.

[16] Савари говоритъ (p. 304), что Императрица собиралась уже ѣхать въ Вильну, чтобы провести тамъ зиму. Это подтверждается письмами Вице-Короля Италіянскаго къ женѣ своей (t. VII, p. 35 —443), въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что кампанія такъ или иначе должна окончиться до зимы,

(p. 305): «всѣ питали еще надежду на успѣхъ, но и не удивились «бы, получивъ извѣстіе о какомъ-либо несчастномъ событіи.» Въ письмахъ Фіеве къ Наполеону (t III, p. 230—250 etc.) гораздо ярче изложены всѣ опасенія Парижа при полученіи извѣстія объ углубленіи Французовъ въ Россію и мрачныя ожиданія послѣдствій этого похода.

Съ первыхъ переходовъ отъ Смоленска Французы начали еще болѣе замѣчать нерасположеніе жителей, [17] и чѣмъ далѣе шли, тѣмъ болѣе подвергались всякимъ лишеніямъ. Конина начала уже входить въ общее употребленіе, да и ея не всегда было довольно, хотя недостатокъ въ фуражѣ содѣйствовалъ къ снабженію арміи этимъ продовольствіемъ: гидра народной войны, еще не совершенно развившейся, была, однако же, достаточна, чтобы Наполеонъ, въ челѣ слишкомъ полутораста-тысячной арміи своей, не иначе двигался отъ самаго Смоленска, какъ среди сильнаго отряда гвардейской конницы, назначенной для его конвоированія, и главная квартира его на каждомъ ночлегѣ была окружаема пѣшимъ гвардейскимъ егерскимъ и гренадерскимъ полками. Когда же Наполе-

---

и, не смотря на всю свою осторожность, въ нѣкоторыхъ письмахъ даетъ понимать о прекращеніи военныхъ дѣйствій до зимы и т. д.

[17] Это народное волненье напугало Наполеона: изъ Гжатска, отъ 2 Сент. (21 Авг.), онъ пишетъ Принцу Евгенію (Mém. du Vice-Roi, t. VII, p. 464): «Прикажите посмотрѣть, что такое это сборище мужиковъ, имѣютъ ли они ружья, или пики? Все предвѣщаетъ, что мы наканунѣ большой битвы, а потому намъ надо въ особенности быть готовыми и дѣлать свои распоряженія.» Изъ Гжатска же, 4 Сент. (23 Авг.), получаетъ отъ Бертье (Idem, p. 465, 466) общее приказанье Маршаламъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что они теряютъ отъ безпорядковъ много людей въ фуражировъ, что «число плѣнныхъ, которыхъ берутъ Русскіе, восходитъ ежедневно до нѣсколькихъ сотъ», и т. д., и дѣлаются противъ сего надлежащія распоряженья. Но это не могло исправить ихъ дѣлъ.

онъ останавливался въ полѣ, оба эти полка составляли карре, въ срединѣ котораго разбивались его палатки. Назначеніе Кутузова преемникомъ Барклая подавало Наполеону и его арміи надежду, что новый Главнокомандующій, котораго Наполеонъ въ то время цѣнилъ еще не высоко, непремѣнно приметъ генеральное сраженіе. Солдатамъ говорили, что «Русскіе не отдадутъ Москвы безъ «боя, а мы ихъ разобьемъ и—конецъ войнѣ: слава, довольство и «миръ насъ ожидаютъ!» Наполеонъ издавалъ строжайшія повелѣнія относительно отсталыхъ и мародеровъ, и дѣятельность въ главномъ штабѣ усиливалась.

Нѣсколько дождей до того было испортили дороги. по которымъ изнуренныя лошади едва могли подвигать артиллерію и обозы, что Наполеонъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ Маршаловъ, едва не рѣшился отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Онъ колебался, и зашла уже рѣчь о возвращеніи въ Смоленскъ; но 4-го Сентября (23 Августа), по словамъ Тіера (t. XIV, p. 302) поутру, увидѣвъ, что дороги начинали просыхать, онъ воскликнулъ: «Жребій брошенъ (Le sort en est jeté); пойдемъ на встрѣчу «Русскимъ!» Но Русскіе съ 22-го числа ожидали его уже на Бородинской позиціи. [18] Графъ Сегюръ приводитъ (t. I, p. 335) разговоръ Наполеона съ Маршаломъ Даву, который, какъ извѣстно, не былъ въ ладахъ съ Мюратомъ и котораго Наполеонъ часто слушалъ. Маршалъ сказалъ ему: «Должно согласиться, что отсту«пленіе Русскихъ исполняется въ удивительномъ порядкѣ. Одна «мѣстность, а не Мюратъ, опредѣляетъ ихъ отступленіе. Ихъ по«зиціи избираются такъ хорошо, такъ кстати, и каждая изъ нихъ «защищается соотвѣтственно ихъ силѣ и времени, которое Гене«ралъ ихъ желаетъ выиграть, что, по справедливости, движеніе

[18] Капфигъ по этому случаю говоритъ (t. IX, p. 26): «Когда народъ ополчается поголовно, чтобы жертвовать всѣмъ, самимъ собою, достояніемъ, ему принадлежащимъ, своему Государю и отечеству, то не для того, чтобы всегда бѣжать; онъ получаетъ инстинктивную потребность итти впередъ.»

«ихъ кажется, идетъ, сообразно съ планомъ, давно принятымъ и «искусно начертаннымъ.»

На слѣдующій день, т. е., 5-го Сентября (24 Августа), послѣ упорнаго сопротивленія, арріергардъ нашъ получилъ приказаніе отступить къ Шевардинскому укрѣпленію. Французы въ тотъ же день сдѣлали на него нападеніе, и это неоконченное укрѣпленіе, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, «четыре раза переходило изъ рукъ въ руки,» не смотря на отборность и превосходство въ числительности Французскихъ силъ: «Багратіонъ удерживалъ укрѣпленіе до ночи, и оставилъ тогда только, когда оно не было уже нужнымъ, согласно принятой системѣ обороны.»

«Въ ночь, на 6-е Сентября (25 Авг.), Наполеонъ спалъ мало. «Генералъ-Адъютантъ его (Коленкуръ, убитый чрезъ два дня въ «Бородинѣ, братъ Герцога Виченскаго) пріѣхалъ съ Шевардинскаго «редута. Императоръ, удивленный, что не было взято плѣнныхъ, «осыпалъ его распросами: развѣ конница моя не ходила въ атаку? «Развѣ эти Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть? Ему отвѣчали, что «они предпочитали смерть плѣну, что — «Les Russes «sont inebranlables, il faut les démolir.» — «Eh bien, возразилъ «Наполеонъ, завтра подойдутъ мои резервы и артиллерійскіе парки, «et nous les démolirons.» Французы говорятъ: слова эти замѣчательны тѣмъ, что показываютъ, съ какимъ непріятелемъ они имѣли дѣло. Выслушавъ донесеніе Коленкура, «Наполеонъ впалъ въ глу«бокое размышленіе, и разсудивъ, что дать битву артиллеріею бу«детъ гораздо вѣрнѣе, усилилъ свои приказанія.» Историки присовокупляютъ: «И солдаты, офицеры и Генералы, каждый погруженъ былъ въ тѣ или другія размышленія, и даже Императоръ тре«вожился опасеніемъ, чтобъ успѣхъ Французовъ при Шевардинѣ «не привелъ Русскихъ въ уныніе, и чтобы въ ночь они опять не «отступили.»

Въ такомъ положеніи Французская армія подошла къ Бородину.

Генералъ Пеле, описывая Бородинскую битву [19] (p. 509), восклицаетъ: «Какая же другая, когда-либо бывшая, битва была «поучительнѣе Бородинской? Наполеонъ, давшій и выигравшій «болѣе битвъ, нежели кто другой изъ всѣхъ полководцевъ Исто«ріи, не переставалъ говорить, что Бородинская битва была самая пре«красная, самая ужасная, что Французы оказались достойными «побѣды, а Русскіе заслужили быть непобѣдимыми!» На островѣ «Св. Елены онъ говорилъ еще, что «изъ пятидесяти данныхъ имъ «сраженій, въ Бородинскомъ было выказано наиболѣе доблестей «и пріобрѣтено наименѣе результата.»

«Я думаю,» присовокупляетъ Генералъ Пеле, «что Бородин«ское сраженіе не лучше извѣстно, какъ и вся кампанія, въ про«долженіе которой оно было дѣйствіемъ наиболѣе замѣчательнымъ.» Въ примѣчаніи Французскаго Полковника Шапюи (Bibl. hist. et mil. (t. VII, 1853) на историковъ кампаніи въ Россіи, сказано: «Если «судить по числу печатныхъ описаній кампаніи 1812 года, слѣдо«вало бы полагать, что намъ ничего болѣе не остается узнать «объ этой достопамятной эпохѣ, и что событія, нынѣ хорошо по«нятыя историками, объясняютъ читателю причины этого великаго «несчастія, которое омрачаетъ наши военныя лѣтописи. Этого, од«нако же, вовсе нѣтъ, и мы, въ послѣднихъ повѣствованіяхъ, встрѣ«чаемъ вновь старыя погрѣшности, которыхъ болѣе справедливая

---

[19] Генералъ Пеле, въ чинѣ Полковника, былъ тогда помощникомъ начальника штаба всей пѣхоты арміи, при Генералѣ Лобау. Пеле разставлялъ войска по диспозиціи, и въ день битвы водилъ ихъ на приступы; велъ подробный журналъ, который пропалъ подъ Краснымъ: онъ возстановилъ его въ 1813 году. Описанная имъ битва особенно замѣчательна критическимъ взглядомъ на дѣйствія обѣихъ сторонъ, помѣщена въ Bibl. hist. et. milit. t. VIII, 1854 г., прежде въ 1829 году, въ Spect. milit., но не изъята отъ фразъ, часто противорѣчащихъ сказанному имъ же самимъ. Отбросивъ эти свычныя Французамъ прикрасы, текстъ дѣлается яснымъ.

«оцѣнка должна была давно изгнать, и т. д.[20] Авторъ заключаетъ: «А по тому кампанія эта остается еще не описанною» Изъ этой статьи видно, что Полковникъ Шапюи занимается описаніемъ этой достопамятной войны. Труды его по сему предмету достаточно уже извѣстны по многимъ изданнымъ имъ описаніямъ отдѣльныхъ эпизодовъ и могутъ служить ручательствомъ за достоинство цѣлаго. Графъ Дюма, въ своихъ Запискахъ (t. II, p. 420), также говоритъ, что нѣтъ еще Исторіи событія 1812 года, не смотря на множество матеріяловъ. Дѣйствительно, война эта, и въ особенности Бородинская битва, требуютъ правильнаго критическаго изложенія; это необходимо для чести тогдашняго нашего оружія. Когда очистимъ иноземныя описанія отъ фразъ, истина обнажится собственными же ихъ свѣдѣтельствами.

Я не принимаю на себя описывать эту исполинскую битву; для сего нужно другое перо, нужны другія способности. Цѣль моя состоитъ единственно въ томъ, чтобы извлеченіями изъ иноземныхъ источниковъ показать: I, съ какими предзнаменованіями непріятели вступили въ битву, и состояніе духа главнаго ихъ предводителя: II, нѣкоторые ея эпизоды, только необходимые для III-го главнаго отдѣла «Исходъ сраженія,» по точному разсказу, составленному самими участниками въ ней, Французами,[21] чтобы на этѣхъ данныхъ положительно опредѣлить: кому принадлежитъ и въ какой степени честь этого достопамятнаго дня?

---

[20] Къ несчастью, и по сей часъ, это не только что не изгоняется, но вводятся новые, никому неизвѣстные, эпизоды, ничѣмъ не подкрѣпляемые.

[21] Выписки эти будутъ очищены отъ фразъ, которыми Французы умѣютъ такъ искусно затмѣвать истинный предметъ, ими описываемый, какъ скоро только онъ не согласуется съ ихъ славолюбіемъ.

ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА ПОБѢДА.

Наполеонъ и Кутузовъ, оба провозгласили побѣду, одержанную ими при Бородинѣ, а по тому не излишнимъ нахожу, прежде изображенія этой кровопролитной битвы, сказать нѣсколько словъ о значеніи слова «побѣда», во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ общемъ военномъ смыслѣ слово «побѣда» есть разбитіе непріятеля, верхъ, одержанный надъ нимъ съ большими или меньшими послѣдствіями, а именно:

1-е. Если одна изъ дѣйствующихъ сторонъ атакуетъ другую, стоящую на позиціи и заставитъ ее, съ боя, очистить занимаемое ею пространство—первая одержала побѣду, или выиграла сраженіе, а вторая, сбитая съ позиціи, укрѣпленной или неукрѣпленной, побѣждена — проиграла сраженіе.

Когда же атакующая сторона натискомъ своимъ не только заставитъ противную сторону оставить, съ боя, свою позицію, но и разстроитъ оную до того, что въ рядахъ распространится безпорядокъ, овладѣетъ значительною частью ея артиллеріи, возьметъ знамена, плѣнныхъ и т. п. и будетъ преслѣдовать, не давая возможности скоро возстановить порядокъ, какъ, на примѣръ, это было подъ Аустерлицемъ (которымъ насъ угостила Австрія), подъ Іеною, Ваграмомъ, Ватерлоо и другими, тогда одержана совершенная побѣда, а противникъ, какъ говорится, разбитъ на голову.

2-е. Если сторона, предпринявшая общее нападеніе на другую, стоящую на позиціи, будетъ отбита на всѣхъ пунктахъ съ большимъ или меньшимъ урономъ, съ большимъ или меньшимъ разстрой-

---

[1] Я разумѣю побѣду только въ тѣсномъ военномъ значеніи.

ствомъ, съ потерею трофеевъ, и возвратится на прежнюю позицію, съ которой предприняла нападенье, то сторона, отбившая оное, одержала побѣду. Если же сторона, отбившая нападенье, въ свою очередь, тотчасъ же начнетъ наступательное движенье и не дастъ противной остановиться на прежнемъ ея мѣстѣ, а принудитъ отступать еще далѣе, овладѣетъ всѣмъ лагеремъ, или частью его, и будетъ преслѣдовать непріятеля, тогда побѣда одержана совершенная.

3-е. Если же атакующая сторона, усиліями своихъ нападеній, принудитъ противную оставить только часть своей позиціи, безъ потери общей связи съ другими частями, то дѣйствіе это есть отнюдь не побѣда, а только мѣстный успѣхъ атакующаго. Но тѣ части войскъ общей позиціи, которыя отразили нападенье, сохранивъ связь съ частью, подавшеюся назадъ, и оставались на мѣстѣ, хотя бы только нѣсколько часовъ послѣ окончанья битвы, конечно, одержали побѣду, ибо разрушили намѣренье противника, не успѣвшаго въ своемъ предпріятіи и одолѣвшаго только натисками своими тотъ или другой флангъ, заставивъ его загнуться назадъ, не разорвавъ связи въ общей линіи такъ, какъ это было подъ Бородинымъ.

Мѣстные успѣхи на протяженіи линій двухъ сражающихся армій не могутъ быть называемы побѣдами въ томъ значеніи, какое слово это имѣетъ въ общемъ смыслѣ: это то же самое, если бы кто предпринялъ путь пѣшкомъ до Варшавы, а дошелъ только до Динабурга, далѣе же, по причинѣ истощенья силъ, итти не могъ: въ этомъ случаѣ предпріятіе его остается не достигнувшимъ опредѣленной цѣли. Такъ и Наполеонъ предпринялъ подъ Бородинымъ разбить Русскую армію, но, по недостатку силъ, или чего инаго, не могъ сдѣлать болѣе, какъ оттѣснить на нѣсколько сотъ саженъ лѣвый флангъ Русскихъ, не успѣвъ даже прервать его связь съ остальною частью арміи, отразившей его натиски, и не только оставшейся твердо на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но еще угрожавшей ему, напавъ на него, въ свою очередь, оконечностью своего перваго фланга и также понудившею его отступить въ несравненно большемъ безпорядкѣ, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно. Въ такихъ случаяхъ слово побѣда принадлежитъ болѣе Русскимъ, и уже ни въ какомъ случаѣ Французамъ,

по тому что предпринятое ими не увѣнчалось успѣхомъ, а напротивъ Русская армія оставалась послѣ битвы около двѣнадцати часовъ на мѣстѣ, кромѣ лѣваго фланга, подавшагося назадъ, оставаясь еще въ грозномъ положеніи, по свидѣтельству самихъ Французовъ: они не рѣшались продолжать нападенье, и первые прекратили огонь, когда солнце далеко еще не достигло горизонта. Аррьергардъ же нашъ занималъ позицію при Горкахъ до десяти часовъ утра, слѣдовательно, шестнадцать часовъ послѣ окончанья сраженія; онъ атаковалъ даже Французскіе аванпосты, произвелъ не разъ тревогу, распространявшуюся до ставки Наполеона, расположенной среди батальоннаго каре старой гвардіи.

Французы очень часто употребляютъ во зло слово побѣда (victoire), [2] прилагая оное къ частнымъ дѣйствіямъ малыхъ размѣровъ, происходящимъ на общей боевой линіи, въ которыхъ пріобрѣтается какой-либо временной успѣхъ надъ противоположной частью; очень не многіе изъ нихъ придаютъ такому дѣйствію правильное названье успѣхъ (succès), что можно видѣть изъ всѣхъ ихъ описаній военныхъ дѣйствій; нѣкоторые же изъ ихъ писателей называютъ просто «succès», что въ дѣйствительности и было, мѣстнымъ успѣхомъ ихъ натискъ на нашъ лѣвый флангъ подъ Бородинымъ, какъ и нашъ на ихъ лѣвый же флангъ.

4-е. Арміи, заставившей маневрами своими на тылъ, на обходъ фланговъ стоящаго предъ нею непріятеля, отступить безъ боя, слово побѣда также принадлежать не можетъ: нельзя назвать побѣдой событія, совершившіяся подъ Ульмомъ въ 1805 году.

Равномѣрно, слово побѣда не можетъ относиться къ арміи, идущей за другою, имѣющею опредѣленный планъ отступать до

---

[2] По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа! И. И. Гречъ (Сѣв. Пч. 1857, № 224), въ превосходной статьѣ уличилъ Тьера въ нагломъ безстыдствѣ на счетъ Вартенбургскаго сраженья, совершенно проиграннаго и выставляемаго знаменитымъ историкомъ блестящею побѣдой, одержанной Французами! Жаль, что никто не слѣдуетъ примѣру Николая Ивановича: обличить подобное хвастовство также дѣльно, какъ это сдѣлано относительно Вартенбургскаго дѣла, тогда уяснилось бы многое.

даннаго пункта, для достиженія коего, упорно защищая частями своими только тѣ мѣста, которыя находитъ нужнымъ для нѣкотораго задержанія наступающаго непріятеля, какъ это было въ окрестностяхъ Витебска, въ Смоленкѣ, на Валутиной горѣ, въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода и проч. Здѣсь слово побѣда, въ общемъ смыслѣ слова, естественно опредѣляется общимъ исходомъ предпріятія.

Посмотримъ теперь, что говорятъ сами Французы и другіе иноземные повѣствователи объ исходѣ Бородинской битвы. Сказанія этѣ, по строгомъ критическомъ анализѣ, опредѣлятъ ясно: кто, Русскіе, или Французы, могутъ правильнѣе прилагать слово побѣда къ этой Гигантской битвѣ? Съ этой точки слѣдуетъ разсматривать исходъ Бородинскаго сраженія; тогда, по исключеніи фразъ иноземныхъ повѣствованій, дѣло представится этѣми же самыми повѣствованьями въ истинномъ своемъ видѣ. Правда, рано или поздно, всегда всплываетъ на верхъ; ни какое краснорѣчіе не можетъ удержать ее на днѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НА КАНУНѢ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧЕНІЕ БИТВЫ.

Минуты, предшествовавшія Бородинскому сраженію, замѣчательны проявленіями, не встрѣчавшимися ни предъ одною изъ многочисленныхъ, данныхъ Наполеономъ, битвъ, исходомъ которыхъ рѣшалась судьба Государствъ. Изъ повѣствованій очевидцевъ видно, что Наполеонъ приступалъ къ Бородинскому сраженію не съ тою самоувѣренностью, которая была ему обычна; онъ довольствовался предварительно сдѣланными общими распоряженіями и оставался въ продолженіе всего разгара битвы на одномъ мѣстѣ, съ котораго не могъ даже слѣдить за ходомъ ея. Изъ нѣкоторыхъ подробностей, приводимыхъ свѣдѣніями, усматриваемъ, [1] что Наполеонъ не былъ въ своемъ нормальномъ положеніи, и это могло быть очень естественнымъ; неожиданная имъ и его арміею твердость Русскихъ и обстоятельства, сопутствовавшія ему до Бородина, не могли не имѣть вліянія на Наполеона, и приготовляющаяся битва во всѣхъ отношеніяхъ выходила изъ предѣловъ битвъ обыкновенныхъ.

---

[1] Самыя подробности эти, независимо собственно отъ ихъ сущности, тѣмъ еще болѣе замѣчательны, что ни предъ одною изъ прежнихъ битвъ авторы не занимались ими съ такою отчетливостью, какъ говорятъ о нихъ предъ Бородинскою.

Вотъ какъ иноземные историки понимали ее:

Князь Невшательскій (Бертье), наканунѣ Бородинской битвы, пишетъ Герцогу Бассанскому (Марету), въ Вильну, письмо, сіяющее радостью и надеждою, въ которомъ, между прочимъ, сказано: (Прадтъ, p. 187): «Завтрашній день будетъ принадле«жать къ одной изъ величайшихъ эпохъ исторіи? Прадтъ присовокупляетъ: «Добрый человѣкъ (bon homme), ставящій въ зави«симость отъ одной битвы судьбу пространной Имперіи!!!»

Маркизъ Шамбре, описывая приготовленія къ битвѣ (t. II, p. 53), говоритъ: [2] «Въ приготовлявшемся событіи все было не«обыкновеннымъ: избранные воины юга Европы, предводитель«ствуемые Наполеономъ, въ первый разъ проникаютъ въ Сѣвер«ныя страны, сопредѣльныя съ Азіею. Здѣсь, народъ, бывшій «долгое время данникомъ Татаръ и недавно еще почти неизвѣст«ный народамъ просвѣщеннымъ, осмѣливался одинъ вступить въ «борьбу съ этимъ завоевателемъ, не только за независимость «свою, но и для того, чтобъ пріобрѣсти верховное вліяніе въ «Европѣ. Арміи стали одна противъ другой и были готовы схва«титься на мѣстахъ, которыя, кромѣ воиновъ Славянскихъ, Сар«матскихъ, или Татарскихъ, другихъ не видали; битва эта бу«детъ значительнѣйшею изъ всѣхъ, данныхъ въ новѣйшія време«на, сколько по числительности и избранію воиновъ, столько по «слѣдствіямъ, которыя она могла имѣть. Она должна была рѣ«шить будущность Европы и отразиться на большей части свѣта. «Хорошо извѣстный характеръ Наполеона, и то, что онъ далъ «провидѣть о будущихъ своихъ предположеніяхъ, еще болѣе уси«ливали значеніе этой битвы.»

Лессингъ, офицеръ Саксонскихъ драгунъ, участникъ въ битвѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ (t. I, p. 420) представляетъ значеніе Бородинской битвы, къ которой приготовлялись.

---

[2] При концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ сочиненіямъ, вошедшимъ въ опую, а потому здѣсь я только вношу имя автора, томъ и страницу; заглавіе же книгъ стѣснило бы текстъ частымъ вводомъ оныхъ.

Генералъ Пеле (р. 110) говоритъ: «Двѣ арміи, первыя въ «свѣтѣ, приготовились оспаривать скипетръ Европы. Съ одной «стороны: двадцатилѣтнія побѣды, искуство, свычка съ войною, «превосходное устройство, блистательная и просвѣщенная храб- «рость, довѣріе, основанное на безпрерывныхъ побѣдахъ, отвага, «которую прекратить могла одна лишь смерть, съ другой — воз- «становленіе прежней славы (?!), изгладить многочисленныя не- «счастія, [3] слѣпая преданность, упорная неустрашимость, безу- «словное повиновеніе, обработанное желѣзною дисциплиной; сло- «вомъ, рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ уступить.» Далѣе (р. 113) «... битва, которая могла рѣшить участь потомства Наполеона и «его трона...» Въ какую другую эпоху видѣли на вѣсахъ битвы «столь великіе интересы!» [4]

Лабомъ (р. 143) говоритъ: «Мы находились въ положеніи, «въ которомъ неотмѣнно должно было побѣдить, или погибнуть, «и эта мысль, въ которой мы всѣ были убѣждены, придавала «всѣмъ намъ храбрость.»

Выраженье это равносильно тому, что одно отчаянье въ своемъ положеніи заставляло ихъ подвизаться.

Авторъ присовокупляетъ: «Эта битва должна была рѣшить «судьбу обѣихъ Имперій.» И дѣйствительно, она рѣшила судьбу Французской Имперіи, но Русской — одна побѣда, какъ бы она ни была совершена, рѣшить, при тогдашнемъ состояніи умовъ, она не могла. Авторъ продолжаетъ: «Всѣ остались убѣжденными «(р. 145), что грозная необходимость приказывала намъ побѣ- «дить, или умереть.» Вотъ это другое дѣло.

Генералъ Сарразенъ (р. 122) пишетъ: «Наполеону необхо- «димо было удержать за собою превосходство, пріобрѣтенное въ «предшествовавшихъ кампаніяхъ. Онъ отдалъ строжайшія пове-

---

[3] Повсюду фразы! Возстановленіе какой утраченной славы?! Какія многочисленныя несчастія изгладить??

[4] Эта послѣдняя фраза помѣщена для эффекта; ибо исторія указываетъ на многія битвы, рѣшавшія участь Государствъ.

«лѣнія, чтобы вооруженье было въ исправности, чтобы снаряды «были въ полномъ комплектѣ и чтобъ роздано было арміи все «продовольствіе, какое только было можно собрать.»

Комбъ (p. 79), сказавъ: «Предшествовавшая Бородинскому «сраженію ночь была очень безпокойна,» присовокупляетъ: «не у «одного духъ былъ озабоченъ, многіе глаза не смыкались; много «сдѣлано было размышленій о значеніи предвозвѣщающейся на «другой день драмы, которой исполненіе будетъ такъ отдалено «отъ нашего отечества, представляло намъ на выборъ побѣдить, «или умереть.»

Графъ Солтыкъ, сопровождавшій Наполеона, 6-го Сентября (25-го Августа), при обозрѣніи нашей позиціи (p. 211—213), говоритъ объ особенной внимательности, съ какою Наполеонъ дѣлалъ оное. Изъ всего этого Солтыкъ извлекъ, что битва, которая должна произойти на другой день, ограничится пространствомъ отъ Бородина до лѣса (при Утицѣ), а по тому только на три четверти льё (трехъ верстахъ). «Тутъ-то, присовокупляетъ «онъ, должны были встрѣтиться двѣ многочисленныя арміи, и ««можно было судить, какое опустошенье артиллерія ихъ должна «будетъ произвесть въ массахъ, такъ плотно сдвинувшихся. Ни- «когда столь великое событіе не происходило на пространствѣ бо- «лѣе тѣснымъ.»

Тьеръ (t. XIV, p. 302), говоря объ обозрѣніи, сдѣланномъ Наполеономъ Бородинской позиціи, присовокупляетъ, что «этой «равнинѣ предназначалось сдѣлаться столь же знаменитою, какъ «Зама, Фарсала и Акціумъ. Наполеонъ (p. 303) остановился, что- «бы разсмотрѣть мѣсто, на которомъ должна будетъ рѣшиться «судьба міра.»

Въ «Мемуарахъ къ Исторіи Франціи» (t. I, p. 180), послѣ описанія приготовленія къ битвѣ, сказано: «Солнце взошло и, «освобождаясь отъ густаго тумана, покрывавшаго горизонтъ, «вышло блестящимъ на поле битвы, на которомъ, можетъ быть, «рѣшится судьба обѣихъ армій.» Это правильнѣе; фраза не столь громкая.

Баронъ Жомини (р. 222), описывая приготовленія къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Великая сцена, которая, можетъ быть, рѣшитъ судьбу Европы.»

Въ народномъ Французскомъ сочиненіи: «Трофеи» (t. V, p. 121) сказано, что, послѣ прокламаціи, читанной предъ битвой, [5] «всѣ остались убѣжденными, что неотложная необходимость ставила намъ въ законъ побѣдить, или умереть: таковъ былъ духъ арміи.»

Солтыкъ (р. 208) говоритъ: «Наполеонъ, хотя и увѣренный въ храбрости солдатъ, хотѣлъ воодушевить ихъ еще приказомъ: онъ указывалъ имъ на побѣду, которую они одержатъ, на страданія и лишенія всякаго рода, которыя они испытывали по сей моментъ, и этѣмъ возбудить ихъ къ употребленію самыхъ большихъ усилій, чтобы завоевать отдохновенье, сдѣлавшееся имъ необходимымъ.»

Относительно этой прокламаціи Шамбре (t. II, p 60) присовокупляетъ, что «умы не были расположены къ энтузіазму; эта прокламація, говоритъ онъ, была принята холодно. Наполеонъ обѣщаетъ войскамъ то, чего они болѣе всего желали, окончанья войны и скораго возвращенья къ родному очагу, но исполненіе перваго обѣщанья зависѣло отъ событій: относительно же втораго сомнѣвались, чтобы онъ желалъ оное исполнить.»

Сарразенъ (р. 209) говоритъ: «Когда прочитанъ былъ этотъ приказъ предъ битвой, армія отвѣчала, по обыкновенью, повторительными восклицаніями. Но ропотъ былъ общій и преимущественно со стороны офицеровъ, которые, оцѣнивая положеніе

---

[5] Извѣстная прокламація эта или приказъ была слѣдующаго содержанія: «Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столь желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она для насъ необходима; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

«арміи, при нападеніи на Русскіе ретраншаменты, заранѣе почи-
«тали себя жертвою, приносимою для удовлетворенія честолю-
бію одного.»

Относительно выраженія Аустерлицкаго солнца, Тьеръ (р.
320) присовокупляетъ: «Увы, оно взошло, но, сокрытое тучами!»

Такъ Французы понимали значеніе битвы, въ которую при-
готовлялись вступить.

ГЛАВА II.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ БИТВѢ.

Генералъ Сарразенъ (p. 126) говоритъ: «Наполеонъ цѣлый «день, 6-го Сентября (25 Августа), со вниманьемъ обозрѣвалъ по«зиціи Русскихъ, и съ горестью слышалъ радостные возгласы пре«данности, которая ихъ одушевляла.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 309), пишетъ, что «въ Рус«скомъ лагерѣ возбуждали отстаивать родину,» и пр.

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 47) говоритъ: «Кутузовъ, «окончивъ свои военныя приготовленія, прибѣгъ къ фанатизму, «чтобъ возбудить храбрость въ своихъ войскахъ,» и издѣвается «надъ религіознымъ чувствомъ нашего народа.

Сентъ-Иларъ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. I, p. 642), говоря о приготовленіяхъ къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Русскіе, полные воинственнаго жара, ожидали дня «битвы, имѣя одно только желанье — умереть за отечество.»

Тьеръ (t. XIV, p. 313), сказавъ, что Русская армія, съ своей стороны, приготовлялась къ упорной оборонѣ и рѣшилась не уступать мѣста до совершеннаго почти ея истребленія, и разбирая, по своему, ошибки Кутузова, присовокупляетъ (p. 316): «Впрочемъ, «энергія его арміи должна была пополнить все то, чего онъ не «сдѣлалъ.» Продолжая ораторствовать, онъ описываетъ (p. 317) нравственное состоянье обѣихъ арміи 6-го Сентября, т. е., на канунѣ битвы; вовсе чуждый истиннаго патріотизма, религіозныхъ вѣрованій и ихъ впечатлѣній, онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Дѣйствительно, многіе историки издѣвались надъ Русскими за совершенный ими обрядъ на канунѣ битвы. Пусть это такъ; пусть этимъ возбуждали ихъ къ храбрости. Но съ какою цѣлью? Отстаивать родину, защищать Отечество отъ вторгнувшагося врага, для избавленія себя отъ иноземнаго ига и т. п., и съ твердою рѣшительностью приготовляясь къ смерти, лечь костьми, совершили обрядъ Христіянства, который необходимъ для каждаго Христіянина. Какая же противоположность представлялась въ средствахъ возбужденія въ лагерѣ Французовъ? Этимъ говорили, что въ положеніи, въ которомъ они находятся, имъ ничего болѣе не остается, какъ только побѣдить, или умереть; что, лишенымъ одежды и обуви, угрожаетъ голодная смерть и т. д. Что же изъ всего этого истекаетъ? Что Русскіе сражались за святое дѣло, а противники ихъ—изъ за куска хлѣба, безъ котораго должны были погибнуть, если бы не употребили послѣднихъ своихъ усилій. Русскіе на Бородинскихъ поляхъ не почитали уже себя жильцами здѣшняго міра, [6] чему всѣ Французы безъ изъятія удивлялись, видя, какъ они, громимые полутысячью орудій, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, смыкаясь въ ряды, оставались неподвижными, внимая гласу начальниковъ.

Г.-Л. Фезензакъ (р. 43), находившійся при Наполеонѣ и объѣзжавшій съ нимъ для обозрѣнія расположенія нашей позиціи, на канунѣ битвы, сказавъ, что «зрѣлище обѣихъ армій, приготовляющихся къ избіенію (s'égorger) одна другой, представляло «что-то грустное и величественное,» присовокупляетъ (р. 44): «каждый изъ вождей возбуждалъ своимъ языкомъ, соотвѣтствовавшимъ ихъ правамъ, ихъ понятіямъ, ихъ привычкамъ.» Описывая нашу процессію, онъ не издѣвается, подобно другимъ; здѣсь у него нѣтъ ни одной фразы.

Канфигъ (t. IX, p 260) говоритъ: «Духъ невѣрія и насмѣшливости надъ всѣми религіозными чувствами преобладалъ у Французовъ. Армія Наполеона, дщерь революціи и Имперіи, она не понимала этой энергической рѣшительности народа, идущаго подъ

[6] Нѣкоторыя замѣчанія на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г. — М. Богдановича. Спб. 1862 года.

«знаменами своихъ народныхъ угодниковъ; чувственный и насмѣш-«ливый умъ XVIII столѣтія господствовалъ въ лагерѣ, въ которомъ «блисталъ орелъ. Можно было бы даже сказать, что патріотизмъ, «въ безусловномъ смыслѣ слова, чрезвычайно уменьшился въ вой-«нахъ, предпринимавшихся за нѣсколько сотъ миль отъ границъ. «Эти воинственные люди, алчные славы и счастья, дѣлали кампа-«нии по ремеслу, и если между ними и было поклоненіе, то это «было поклоненіе своему Императору; религія поклоненія Цесарю «заступила мѣсто прежней религіи. Часто между Генералами и «Офицерами проявлялся ропотъ, часто жалобы восходили до На-«полеона; но едва онъ являлся войску, тысячи восклицаній поды-«мались въ рядахъ: Императоръ имѣлъ свои алтари въ сердцахъ «солдатъ, — фанатизмъ, столь же могущественный, какъ и мысли, «обращающіяся къ Богу.»

Шатобріанъ не раздѣляетъ мнѣнія своего соотечественника: онъ отдаетъ послѣднему неоспоримое превосходство. Въ самомъ началѣ войны, предпринимаемой въ 1812 году, онъ, между прочимъ, сказалъ, въ собраніи Академіи: «Посмотримъ, что сдѣлаютъ «наши вольнодумцы противъ Казаковъ (такъ тогда называли иног-«да всѣхъ Русскихъ), твердыхъ вѣрою въ Бога» и т. д. Слова эти «возбудили негодованіе: современные журналы разразились, но «предсказаніе сбылось въ полной силѣ.[7]

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (3 édit., p. 83) говоритъ скромнѣе: «Прокламаціи Наполеона и Ку-«тузова предъ Бородинскою битвой доказываютъ, что оба вождя

---

[7] Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ предсказаній объ исходѣ этой войны есть безспорно то, которое произнесъ знаменитый Деллиль въ своей поэмѣ «De la Pitié», далеко прежде и самаго помысла объ этой войнѣ, когда Императоръ Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола. Обращаясь къ нему, Деллиль, между прочимъ, говоритъ:

«Jeune et digne heritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier à fixé ses regards и пр.
. . . . . .
Souviens toi de ton nom; Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trone des Rois;
Sur le front de Louis tu mettras la couronne,» и т. д.

«для возбужденія храбрости въ своихъ войскахъ, полагались на «средства совершенно различныя: Кутузовъ извлекъ главныя осно- «ванія изъ религіи. Наполеонъ довольствовался напоминаніемъ сла- «вы, пріобрѣтенной ими въ столькихъ битвахъ съ разными на- «родами.»

Бородинская битва, по общему признанію, стеченіемъ обстоятельствъ, выходила изъ среды обыкновенныхъ: слѣдовательно, и усилія съ обѣихъ сторонъ должны были быть необыкновенными отъ причинъ, какъ замѣчено выше, совершенно противоположныхъ: одни должны были отстаивать родину, другіе, томимые уже голодомъ и угрожаемые голодною смертью, должны были въ побѣдѣ искать куска хлѣба, но не нашли его, не смотря на всю блистательную храбрость войскъ, мужество и искуство своихъ полководцевъ.

Относительно же Русскаго солдата, храбрость его не требуетъ возбужденія: это извѣстно Французамъ. Предъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау не почитали нужнымъ воззваній къ ихъ храбрости, и Французы знаютъ, какихъ противниковъ они имѣли въ этѣхъ и во всѣхъ другихъ битвахъ. Наполеонъ, на Островѣ Св. Елены, не разъ отдавалъ даже преимущество тогдашнимъ солдатамъ предъ солдатами 1812 года. Возбудительные приказы или, какъ Французы называютъ, прокламаціи, отдаваемые предъ битвами, у насъ такъ же рѣдки, какъ они часты у Французовъ. Предъ Бородинскою же битвой нужно было показать все ея значеніе. Въ другомъ мѣстѣ этой книги я буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ о Русскомъ солдатѣ, на основаніи отзывовъ самихъ непріятелей, и особенно въ этой битвѣ.

ГЛАВА III.

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ АРМІИ.

Въ опредѣленіи разными историками числительности войскъ, бывшихъ въ Бородинской битвѣ, въ каждой изъ армій встрѣчается разность, иногда довольно значительная, точно также, какъ видно будетъ и при исчисленіи потерь, понесенныхъ въ этомъ сраженіи. Оба эти обстоятельства ожидаютъ еще критической обработки, съ указаньемъ неоспоримыхъ данныхъ, чтобы, разъ на всегда, принять, если и не совершенно точныя цифры, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе приближающіяся къ дѣйствительнымъ. Здѣсь я приведу только показанія разныхъ авторовъ.

Далѣе видно будетъ, что Наполеонъ, за нѣсколько часовъ до Бородинской битвы, сказалъ Генералу Раппу (Сегюръ. t. I, p. 378): «У меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ: мы потеряемъ «двадцать тысячъ, а съ остальными шестидесятью войдемъ въ Моск«ву, а по присоединеніи тамъ маршевыхъ батальоновъ, будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой,» и т. д.

Цифра, здѣсь означенная, не понята и далеко не приближается къ той, которою опредѣляется разными писателями числительность арміи Наполеона подъ Бородинымъ, не смотря на разногласія повѣствователей между собой, изъ коихъ ни одинъ не уменьшаетъ ея до вышеприведенной.

Въ Запискахъ на Островѣ Св. Елены (t. VIII, p. 156) находимъ, между прочимъ: «Въ Бородинѣ всѣ Русскія войска были со-

«единены числомъ сто семьдесять тысячъ человѣкъ, включая сюда «и войска Московскія. [8] Русскія войска очень храбры.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 94) передаетъ слова Наполеона: «Русскіе очень храбрые солдаты; они имѣли подъ Бородино «нымъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ, включая и Московское «войско. Кутузовъ занялъ очень крѣпкую позицію, и занялъ ее съ «вниманіемъ дѣла.»

Пеле (p. 120) оправдываетъ Наполеона въ даваемой имъ числительности Русской арміи въ сто семьдесятъ тысячъ, приводя разсчетъ по своему усмотрѣнью. [9] Но чрезъ двѣ страницы (p. 123) говоритъ, что во Французской арміи было десятью тысячами менѣе, чѣмъ у Русскихъ; слѣдовательно, должно бы полагать сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; но нѣтъ: сказавъ, что Французская армія была десятью тысячами малочисленнѣе Русской (которую онъ считаетъ по Бутурлину), дѣлаетъ разсчетъ: восемдьесятъ четыре тысячи пѣхоты, двадцать семь тысячъ конницы, пятнадцать тысячъ артиллеристовъ и инженеровъ, при пяти стахъ шестидесяти трехъ пушкахъ, и на этой же страницѣ опять повторяетъ: «такъ, что въ день битвы можно было считать дѣйствую«щихъ въ полѣ сто двадцать шесть тысячъ человѣкъ.» Которой же цифрѣ вѣрить?

Но узникъ Острова Св. Елены, кажется, искалъ разсѣянія въ своей несчастной долѣ. Онъ говоритъ своему Доктору О Меарѣ

---

[8] Что это такое? Конечно, онъ здѣсь разумѣетъ ополченіе; но какія же это тогда были войска?

[9] Онъ говоритъ: «Бутурлинъ приводитъ цифры частямъ, которыя восходятъ до ста тридцати трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а съ конницею Палена, которая пропущена, до ста тридцати шести. Разница въ числѣ, даваемомъ Бутурлинымъ, могла произойти отъ ополченія, котораго онъ считаетъ только десять тысячъ, тогда какъ прокламаціи Графа Растопчина жителямъ Москвы показываютъ подкрѣпленіе, приведенное Милорадовичемъ изъ Калуги: тридцать шесть тысячъ пѣхоты, три тысячи шестьсотъ конницы, восемьдесятъ четыре пушки, и Маркова двадцать четыре тысячи, что и составляетъ шестьдесятъ три тысячи, вмѣсто двадцати двухъ тысячъ четырехъ сотъ шестидесяти шести человѣкъ, которыхъ называетъ Бутурлинъ.» Замѣчательна ссылка на Московскія афиши Графа Растопчина, и очень серіозно приводимая.

(t. I, p. 192, 8 novemb., 1816), что при Бородинѣ онъ имѣлъ «только девяносто тысячъ человѣкъ, а Русскіе двѣсти пятьдесятъ «тысячъ. Онъ опять то же самое повторяетъ (p. 201).

Буржуа (p. 43) пишетъ: «Обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, «каждая имѣла въ строю около ста тридцати тысячъ подъ ружьемъ.»

Дюрданъ (p. 34) не опредѣляетъ цифры, а говоритъ, что «обѣ арміи были почти въ равныхъ силахъ.»

Сарразенъ (p. 208) даетъ: «Французской арміи сто восемь- «десятъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, а Русской (p. 125) около «ста тридцати, всѣ были одушевлены найлучшимъ духомъ и пол- «ны радости имѣть наконецъ случай доказать Отечеству и Монар- «ху свою любовь и преданность.»

Пюибюскъ (p. 85) опредѣляетъ: «число войскъ Наполеона «въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, а Русскихъ отъ ста десяти до «ста двадцати тысячъ.» То же число встрѣчаемъ въ книгѣ: «Сак- сонцы въ войнѣ 1812 и 1813 годовъ,» съ присовокупленьемъ (S 375): «пушекъ съ обѣихъ сторонъ отъ осьми до девяти сотъ.»

Шрекенштейнъ (S. 2 и 4) даетъ каждой арміи по сту трид- цати тысячъ. Въ «Исторіи Наполеона Буонапарте» (t. III, p. 380), одинаково говорится, съ присовокупленьемъ только: «около.»

Лосбергъ (S. 165) и «въ Das Buch vom Jahr 1812» etc. (S. 230) опредѣляется «сто тридцать Французовъ, отъ ста, десяти «до ста двадцати тысячъ Русскихъ;» первый присовокупляетъ, что съ каждой стороны было «отъ пяти до шести сотъ пушекъ.»

Вентурини (t. I, S. 269): «У Французовъ полтораста ты- «сячъ, у Русскихъ около ста двадцати тысячъ.»

Въ «Skizze zur einer Gesch. (S. 193): «Французовъ пол- «тораста тысячъ, Русскихъ сто тысячъ; съ обѣихъ сторонъ тысяча «пушекъ.

Въ «Kurze Darstellung der Marsche.» etc. etc. (S. 15): «съ обѣихъ сторонъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до двухъ сотъ ше- «стидесяти тысячъ человѣкъ, и тысяча пушекъ.»

Рёдеръ (S. 135, 126 и 127), приводя разныя цифры силамъ арміи, отъ ста двадцати до полутораста тысячъ и той и другой, и наконецъ, кажется, спутавшись въ своихъ выводахъ, говоритъ, что во всякомъ случаѣ «Русская армія была многочи-«сленнѣе Французской отъ десяти до двадцати тысячъ человѣкъ. «Пушекъ у Русскихъ (S. 153) болѣе шести сотъ, а у Французовъ «пятьсотъ восемьдесятъ восемь.»

Либештейнъ (t. II, S. 35) говоритъ, что «у Русскихъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, а у Французовъ (S. 37) не менѣе «ста сорока тысячъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 83): «Французовъ двѣсти тысячъ, «а Русскихъ отъ ста семидесяти до ста осьмидесяти тысячъ, и съ «каждой стороны по тысячѣ орудій.»

Лабомъ (p. 143) пишетъ, что «арміи съ одной и другой сто-«роны было отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ.»

Миллеръ (t. I, S. 102) говоритъ, что «у Французовъ было «сто шестьдесятъ тысячъ пѣхоты, но, исключивъ гвардію, кото-«рая не была въ дѣлѣ, въ бою было сто двадцать тысячъ пѣхоты, «пятьдесятъ тысячъ конницы, всего сто семьдесятъ тысячъ чело-«вѣкъ и около осьми сотъ пушекъ. Русскихъ съ ополченьемъ, пѣ-«хоты сто пятьнадцать тысячъ, конницы, съ Казаками и Башкира-«ми, сорокъ тысячъ, всего сто пятьдесятъ пять тысячъ.»

Ронья (p. 207) говоритъ, что «Наполеонъ атаковалъ лѣвое «крыло Кутузова съ полутораста тысячами человѣкъ; Русская же «армія имѣла болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ.»

Въ «Oestr. «Zeitschrift,» II Heft, сказано: «Русскихъ было «сто сорокъ тысячъ человѣкъ.»

Шамбре (t. II, p. 61) даетъ «Французамъ около ста двад-«цати тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пуш-«кахъ, а Русской арміи девяносто двѣ тысячи регулярныхъ и «десять тысячъ ополченія, при шести стахъ пушекъ, и говоритъ, «что онъ не упоминаетъ объ иррегулярныхъ войскахъ,[10] кото-

[10] Но ополченье въ это первое время могло почитаться для битвы несравненно безполезнѣе иррегулярныхъ войскъ, подъ каковымъ словомъ авторъ, ко-

«рыя въ день битвы бываютъ мало полезны, присовокупляя, что «Наполеонова армія состояла преимущественно изъ Французовъ, «и что, независимо отъ превосходства въ числительности, На«полеонъ имѣлъ неоспоримое преимущество въ тяжелой конницѣ, «пѣхота же его была составлена изъ солдатъ, испытанныхъ въ «войнахъ въ перенесеніи трудовъ и лишеній, тогда какъ Русская «армія включала въ себѣ большое число рекрутъ.»

Сегюръ (t. I, p. 370) пишетъ: «арміи были въ равныхъ си«лахъ, каждая около ста двадцати тысячъ человѣкъ, и при оныхъ «до шести сотъ пушекъ.» (То же говоритъ и Эно, p. 203), замѣчая при семъ, что «Русскіе имѣли преимущество въ мѣстности, «были одного языка, [11] одного мундира, одного народа, сражаю«щагося за одну и ту же причину, но имѣли въ рядахъ своихъ «много рекрутъ. Французы же, хотя въ одинаковой числительно«сти, но имѣли болѣе солдатъ. Армія уменьшалась, это правда, «но была здоровая, гибкая, сильная, подобно тѣмъ мужчинамъ, ко«торые, потерявъ непорочность юности, выказываютъ силы болѣе «мужественныя и болѣе выраженныя.»

Канфигъ (t. XII, p. 269) пишетъ, что «у Французовъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи «пушкахъ, а у Русскихъ только восемьдесятъ пять тысячъ регулярныхъ, десять тысячъ ополченія и около тридцати тысячъ ирре«гулярной конницы, худо организированной, [12] и присовокупляетъ:

ично, разумѣетъ Казаковъ, потревожившихъ, однако же, порядочно лѣвый флангъ Французовъ при Бородинѣ.

[11] Вальтеръ-Скотъ (t. VII, p. 391) замѣчаетъ, что «Русская армія состояла только изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ. Она знала, что предстоящую битву положено дать для удовлетворенія ея желанія, такъ гласно ею выраженнаго, и рѣшилась оправдать во время дѣйствія мужество, съ которымъ она требовала оной. Французская армія, напротивъ, была составлена изъ многихъ народовъ, но это были солдаты отборные, почти акклиматизированные и пережившіе всѣ опасности столь дальняго похода. Это были ветераны, побѣдители Европы. Они были подъ начальствомъ Наполеона» и т. д.

[12] Какая это иррегулярная конница въ такомъ числѣ? Казаковъ было только около семи тысячъ, и ихъ организація была превосходная.

«Хотя числительность арміи была почти ровная, но армія Напо«леона имѣла неоспоримое военное превосходство и познанія болѣе «обширныя, она прошла Европу и привѣтствовала всѣ столицы. «Кутузовъ же на своей сторонѣ имѣлъ любовь къ Отечеству и си«лу религіознаго и національнаго начала.»

Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XXIV, p. 147) пишетъ, что «у Русскихъ было сто тридцать тысячъ человѣкъ, а у Француз«зовъ сто двадцать тысячъ.» Чрезъ двѣ же страницы: «Француз«ская гвардія не была въ дѣлѣ и, слѣдовательно, Французовъ было «въ дѣлѣ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» Значитъ, что онъ считаетъ гвардіи сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ ней было нѣсколько болѣе осьмнадцати тысячъ. Въ Нѣмецкомъ же сочиненіи (S. 543) даетъ «каждой арміи отъ ста двадцати до ста сорока «тысячъ человѣкъ.»

Денье (p. 70) пишетъ, что «у Багратіона и Тучкова было «шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ, у Барклая семьдесятъ тысячъ, «у Платова, съ присоединеніемъ Московскихъ резервовъ, тридцать «тысячъ человѣкъ.» По этому онъ считаетъ у насъ сто шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ. Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ онъ набралъ такое количество. Французамъ же Баронъ Денье (p. 34) даетъ «едва сто сорокъ тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ гвардіей.»

Жомини (t. II, p. 221) говоритъ: «Числительная сила была «почти одинакова, около ста двадцати, или ста тридцати, тысячъ «въ каждой арміи, но Французы имѣли пятьнадцать тысячъ вете«рановъ на такое же число ополченія и Казаковъ.»

Генералъ Фезензакъ (p. 41) даетъ Кутузову «сто тысячъ «пѣхоты и тридцать тысячъ конницы, а Французамъ (p. 42) сто «двадцать тысячъ.»

Кастельверъ (p. 276): «Французовъ сто двадцать тысячъ, «а Русскихъ полтораста тысячъ.»

Въ «Souvenir de Pologne» (p. 231): «При Бородинѣ Рус«скихъ было сто двадцать пять тысячъ, а Французовъ сто десять «тысячъ человѣкъ.»

Сентъ-Илеръ (въ Hist. de la camp. de 1812, t. II, p. 45) говоритъ, что «Русскихъ было сто двадцать пять тысячъ регуляр«ныхъ и болѣе тридцати тысячъ Казаковъ,» что составляетъ болѣе «ста пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ. «Французовъ же сто двад«цать пять тысячъ человѣкъ,»

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de Russie,» etc., написанныхъ офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p. 189), показывается число войскъ, согласно съ Сентъ-Илеромъ, съ нѣкоторою подробностью; такъ, на пр., «у Француsовъ сто тысячъ пѣхоты и двадцать пять тысячъ конницы, у насъ «такое же число и пѣхоты и конницы съ Казаками, къ названію «коихъ присоединено «и Башкировъ.»

Принцъ Евгеній Виртембергскій даетъ «Русскимъ сто «сорокъ шесть тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока пушкахъ.»

Унгеръ (p. 102), приведя данныя Бутурлина о числительности Русской арміи, столь же безпристрастно, какъ Графъ Сегюръ и Маркизъ Шамбре, говоритъ: «Изъ этихъ цифръ, каза«лось бы, что Русская армія была сильнѣе Французской; но здѣсь «можно сказать, что Французы были числительнѣе въ дѣйстви«тельныхъ солдатахъ; ибо всѣ тѣ солдаты, которые достигли до «сего мѣста, были, конечно, люди отборные, между тѣмъ какъ въ «рядахъ Русскихъ находилось много такихъ, которые еще не ви«дали огня. Что же касается до регулярной конницы, то внѣ всякаго сомнѣнія, что Французская была гораздо многочисленнѣе Русской.»

Мортонвалъ (p. 236) опредѣляетъ такъ: «У Русскихъ сто «тридцать три тысячи пять сотъ человѣкъ и около шести сотъ пу«шекъ, у Французовъ (p. 253) сто тридцать три тысячи восемьсотъ «девятьнадцать человѣкъ, число пушекъ равное съ Русскими.» И также присовокупляетъ: «но въ рядахъ Русскихъ было ополченіе, «вооруженное пиками, и рекруты еще не обученные; часть ихъ кон«ницы состояла изъ иррегулярныхъ Казаковъ, безполезныхъ «въ день битвы. Войска же Наполеона, напротивъ, всѣ были пре«восходныя. Оставшіеся подъ знаменами и достигшіе до Бородин«скаго поля были солдаты отборные (d'élite), сильные, испытан-

«ные, полные пламенности и довѣрія къ своему полководцу-Госу-«дарю, которые видѣли въ побѣдѣ, представляющейся Французско-«му мужеству, конецъ ихъ трудамъ, а за нею—успокоеніе и славу.»

Изъ приведеннаго сравнительнаго достоинства обѣихъ армій, дѣлаемаго самими Французскими писателями, оказывается неоспоримое преимущество на сторонѣ Французской арміи, если бы даже обѣ арміи и дѣйствительно были въ равныхъ силахъ. Далѣе будетъ видно, какое вліяніе оказали на дѣлѣ всѣ эти преимущества, и какъ объ этомъ говорятъ сами же Французы, стараясь всячески затемнить истину, или же потопить ее въ бездиѣ фразъ, часто безобразно неловкихъ.

Клаузевицъ (De la guerre, t. I, p. 322) сознаетъ, что Французы были сильнѣе насъ, говоря: «Если бы Наполеону уда-«лось числительностью своею разбить Русскую армію, онъ за-«ключилъ бы выгодный миръ.»[13] А далѣе (p. 553) говоритъ, что «Наполеонъ имѣлъ подъ Бородинымъ только сто двадцать тысячъ человѣкъ» (!) . . . Въ другомъ же сочиненіи (D. Feldzug vom 1812 etc. S. 63) говоритъ: «Русскихъ было сто двадцать тысячъ, въ «томъ числѣ десять тысячъ ополченія, а Французы имѣли около «ста тридцати тысячъ человѣкъ.» Въ третьемъ же сочиненіи своемъ (Militairische Briefe eines Verstorbenen, t. I, S. 259, изд. 1854) даетъ арміямъ равныя силы, каждой въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, и повторяетъ это на страницѣ 409.

Вольцогенъ (S. 137) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ,» въ числѣ ихъ десять тысячъ ополченія, при шести стахъ сорока пушкахъ. Французамъ даетъ

---

[13] Здѣсь Г. Клаузевицъ, кажется, мѣрилъ на свой Нѣмецкій аршинъ. Послѣ Іены и Ваграма выгодный миръ для Наполеона могъ быть заключенъ; но совсѣмъ не то было бы, если бы Бородинская битва была нами проиграна. Г. Клаузевицу, служившему тогда въ нашихъ рядахъ, долженъ былъ быть извѣстенъ манифестъ и другія данныя, изъ которыхъ видно было, что «доколѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской, миру не бывать, хотя бы намъ пришлось отступить до Волги и далѣе.» Императоръ Александръ I объявилъ, что онъ «никогда не подпишетъ стыда своего народа» и т. д.

(S. 139) «сто десять тысячъ пѣхоты, тридцать тысячъ конницы и шесть сотъ пушекъ.»

Цельнеръ (S. 60) опредѣляетъ съ каждой стороны «по сто «двадцати тысячъ и по шести сотъ пушекъ.» Замѣчая при семъ, что Русская армія была составлена изъ одного народа, одного языка и стояла за одно дѣло. Французская же армія (S. 61), хотя и въ равныхъ силахъ, но была составлена изъ разныхъ народовъ.

Гофманъ, въ «Tagebuch» 2 го корпуса (S. 102): «у Француз- «зовъ было сто три тысячи человѣкъ пѣхоты и тридцать тысячъ «шестьсотъ конницы, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. «У Русскихъ пѣхоты девяносто шесть тысячъ человѣкъ, конницы «осьмнадцать тысячъ триста, пушекъ шестьсотъ сорокъ, сверхъ того «двадцать тысячъ Казаковъ и милиціи, тогда вооруженной еще «пиками,» а по тому авторъ заключаетъ: «Наполеонъ имѣлъ двад- «цатью тысячами линѣйной пѣхоты болѣе, чѣмъ у Русскихъ, и «столько же болѣе и конницы.»

Въ другомъ же сочиненьи своемъ (Schlacht v. Borodino), изданномъ около пятнадцати лѣтъ послѣ перваго (S. 31), число Французовъ опредѣляетъ по списку 2-го Сентября, т. е., за четыре дня до Бородина: «пѣхоты сто тридцать тысячъ, конницы «тридцать тысячъ, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Рус- «скимъ же даетъ цифру сто двадцать тысячъ, въ томъ числѣ ось- «мнадцать тысячъ конницы, съ семью стами двадцатью и пятью «пушками. Казаковъ восемь тысячъ и пятьнадцать тысячъ опол- «ченья, котороетолько фигуриров ало.»

Шапюи (p. 558), описывая крѣпость нашей позиціи, даетъ «Русской арміи болѣе ста тридцати тысячъ человѣкъ при семи «стахъ пушкахъ, а Французамъ отъ ста двадцати четырехъ до ста «двадцати пяти тысячъ, при пяти стахъ шестидесяти пушкахъ.

Форъ, также очевидецъ битвы, даетъ Французской арміи (p. 304): «отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ; «Русскихъ, если не столько же, то не менѣе, и были въ дѣлѣ всѣ, «а у Французовъ гвардія оставалась въ резервѣ: артиллерія Фран- «цузская очевидно была превосходнѣе непріятельской.»

Галуа, «въ Исторіи Наполеона» (II part., p. 440) даетъ «Рус-«скимъ отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ, при-«совокупляя, что силы Французовъ были равны, но что превосход-«ство ихъ артиллеріи остается несомнительнымъ.

Тьеръ (t. XIV, p. 315) думаетъ, что «силы Русской арміи «подъ Бородинымъ восходили до ста сорока тысячъ человѣкъ, «въ числѣ коихъ сто двадцать тысячъ регулярныхъ, остальные «Казаки и Московское ополченье. Французовъ же опредѣляетъ въ «числѣ (p. 313) на лицо около ста двадцати семи тысячъ чело-«вѣкъ, дѣйствительно находившихся подъ ружьемъ и одушевлен-«ныхъ необыкновенною довѣренностью, при пяти стахъ осьмидеся-«ти пушкахъ.» Изъ этого видно, что и Г. Тьеръ показываетъ Фран-цузскую армію многочисленнѣе нашей, не считая Французской гвардіи.

Хржановскій (p. 10), не опредѣляя цифры, говоритъ, что «обѣ арміи были въ равныхъ силахъ.»

Такова разнообразность въ опредѣленіи числительности обѣ-ихъ арміи иностранными писателями! У насъ представляются тѣ же варіанты.

Козегартенъ (стр 163) говоритъ: «Подъ Бородинымъ ар-«мія Наполеона состояла изъ двухъ сотъ тысячъ пѣхоты, сорока «тысячъ конницы, съ тысячью орудіями и пятью тысячами артил-«леристовъ:» слѣдовательно, «изъ двухъ сотъ сорока пяти тысячъ «человѣкъ. Русскихъ, съ Московскимъ и Владимирскимъ ополченія-ми, въ половину.»

Ахшарумовъ (стр. 115) даетъ: «Русскимъ сто восемь ты-«сячъ, а Французамъ сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.»

Бутурлинъ (t. I, стр. 261) пишетъ: «Русская армія состоя-«ла изъ ста тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ сто «пятьнадцать тысячъ регулярныхъ, семь тысячъ Казаковъ и десять «тысячъ ополченья, съ шестью стами сорока пушками. У Фран-цузовъ около ста девяноста тысячъ въ строю и до тысячи пушекъ.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 200) опредѣляетъ: «Французскую армію болѣе ста семидесяти тысячъ человѣкъ, при-

«совокупляя, что Кутузовъ считалъ оную съ небольшимъ въ сто «шестьдесятъ тысячъ. Русскихъ сто тридцать тысячъ, въ томъ чи- «слѣ пятьнадцать тысячъ рекрутъ и пятьнадцать тысячъ ополченья.»

Неѣловъ (стр. 12) говоритъ, что «у Русскихъ состояло подъ «ружьемъ сто три тысячи, Казаковъ семь тысячъ, около десяти «тысячъ ополченья, и того сто двадцать тысячъ, орудій шесть «сотъ сорокъ. Французамъ онъ даетъ (стр. 15): подъ ружьемъ сто восемьдесятъ пять тысячъ и болѣе тысячи орудій.»

Глинка опредѣляетъ «число Русскихъ во сто тринадцать ты- «сячъ, кромѣ ополченья, пушекъ шесть сотъ сорокъ. Французовъ «сто восемьдесятъ восемь тысячъ, пушекъ тысяча.»

Полевой (стр. 51) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ «сто семьдесятъ девять батальоновъ, сто шестьдесятъ четыре эс- «кадрона, шестьсотъ сорокъ орудій, двадцать Казачьихъ полковъ «и десять тысячъ ополченья. Всего на все сто двадцать тысячъ «человѣкъ. Армію Наполеона онъ считаетъ: двѣсти шестьдесятъ «пять баталіоновъ, двѣсти шестьдесятъ семь эскадроновъ, тысяча «орудій, всего сто весемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 57), разобравъ критически даваемыя нѣкоторыми писателями цифры арміямъ, сошедшимся при Бородинѣ, опредѣляетъ: «Французовъ въ числѣ ста двадцати осьми ты- «сячъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Русскихъ въ чи- «слѣ ста четырехъ тысячъ, съ шестью стами сорока пушками.»

Богдановичъ (т. II, стр. 162 — 163) опредѣляетъ числи- тельность арміи подъ Бородинымъ: «Русскихъ, нѣкоты семьдесятъ «двѣ тысячи, конницы семьнадцать тысячъ пять сотъ, піонеръ, ар- «тиллеріи и пр. четырнадцать тысячъ трпста, Казаковъ семь ты- «сячъ, ополченья десять тысячъ, что всего составитъ сто двадцать «тысячъ восемьсотъ человѣкъ,» и замѣчаетъ, что, за исключеньемъ иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не участвовавшихъ въ сра- женіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, [1] «мы имѣли около ста

[1] Это только въ нѣкоторой степени справедливо: Казаки, въ день Бородинской битвы, были чрезвычайно полезны въ диверсіи, сдѣланной ими на лѣвый

«четырехъ тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ, и «что въ помянутомъ числѣ находилось до пятьнадцати тысячъ рек«рутъ.» Но не счатать ихъ въ числѣ старыхъ солдатъ было бы несправедливо: ибо они поступали въ дѣйствующія войска уже обученными и, будучи въ пропорціи одного къ шести старымъ солдатамъ, не могли не дѣйствовать наравнѣ съ ними съ одинаковымъ достоинствомъ, въ особенности въ массахъ — главномъ характерѣ Бородинской битвы; относительно же духа и самоотверженія они были одинаковы.

Если же ихъ исключитъ изъ ста четырехъ тысячъ, цифры, даваемой авторомъ нашей арміи, окажется оной только восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Сила Французской арміи опредѣляется «въ сто тридцать ты«сячъ человѣкъ, съ пятью стами осьмидесятью семью пушками.» Авторъ присоединяетъ: «Въ артиллеріи мы имѣли рѣшительный «перевѣсъ надъ непріятелемъ, не только по числу орудій, но и по «калибру» и т. д. Авторъ, по видимому, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и приступилъ къ выводамъ; но жаль, что не простеръ ихъ далѣе: ибо, желательно было бы, чтобы цифра эта установилась разъ и на всегда.

Смиттъ (S. 20), писавшій, кажется, въ одно время съ Г. Богдановичемъ (одинъ о другомъ не говоритъ), разбираетъ критически цифры, даваемыя арміямъ Бутурлинымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, и опредѣляетъ числительность Русской арміи, какъ и Г. Богдановичъ, во сто четыре тысячи человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ: цифры же, даваемыя Французской арміи, нѣсколько расходятся: онъ опредѣляетъ оную во сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ. Очень жаль, что этотъ глубоко ученый кри-

---

флангъ непріятеля, что, по собственному его признанію, имѣло на исходъ битвы весьма важныя послѣдствія, и что дальнѣйшее ихъ дѣйствіе могло бы быть очень гибельно для Французовъ. Ополченье же, если и не сражалось съ непріятелемъ лично, то сохраняло множество людей, въ строю сражающихся, принимая тотчасъ за второю линіею, а часто и за первою, какъ это было въ 6-мъ корпусѣ, раненыхъ, для дальнѣйшаго ихъ доставленія на перевязочные пункты; слѣдовательно, содѣйствіе онаго въ тотъ день было важно. Здѣсь можно бы было сказать еще многое.

тикъ не распространилъ своихъ сужденій вообще объ этомъ предметѣ съ тою отчетливостію, которая съ нимъ такъ свычна.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается двадцать восемь сочиненій, дающихъ въ день Бородинской битвы Французской арміи превосходство въ числительности предъ Русской арміей, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, и только тринадцать говорятъ о превосходствѣ числомъ Русской арміи, но и здѣсь, какъ видно было, многіе уравниваютъ это тѣмъ, что Французы все таки имѣли преимущество въ качествѣ солдатъ, какъ уже испытанныхъ въ бояхъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ было много рекрутъ, ополченія и Казаковъ. Одиннадцать говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ, отъ 120 до 130 тысячъ, но и тутъ нѣкоторые присовокупляютъ, что несомнѣнный перевѣсъ былъ на сторонѣ Французовъ въ опытности солдатъ и т. п. Два не называютъ числа, но говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ. Вообще же всѣ даютъ превосходство въ силахъ Французской конницѣ противъ Русской, артиллеріи почти равносильной.

ГЛАВА IV.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ.

Теперь обратимся къ самому Наполеону.

Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ, говоря о Бородинской битвѣ (t. III, p. 267), присовокупляетъ: «Расположеніе Русской арміи «указывало, что она рѣшилась принять битву; но на этотъ разъ «Наполеонъ желалъ ее менѣе, и я думаю, присовокупляетъ Мар«шалъ, что онъ предпочелъ бы пройти въ Москву безъ боя.»

Мишо того же мнѣнія, разсуждая о долженствующей на другой день быть битвѣ; онъ (p. 133) пишетъ: «Наполеонъ давно «желалъ ея, вызывался на нее. Однако же, говорятъ, что въ ту «минуту, когда должно было дать ее, онъ показалъ нѣкоторое ко«лебанье, которое относили къ его нездоровью; но достовѣрно то, «присовокупляетъ авторъ, что онъ не обнаружилъ ни ретивости, «ни способности, которыя выказывалъ во многихъ случаяхъ менѣе «важныхъ.»

Сарразенъ (p. 126) пишетъ: «Наполеонъ, обозрѣвъ 6-го «Сентября (25 Авг.) позицію Русскихъ, былъ въ нерѣшимости: «дать ли битву, или маневрировать на лѣвый флангъ Кутузова, «чтобы понудить его оставить редуты.»

Баронъ Денье свѣдѣтельствуетъ (p. 70), что «Боссе, Пре«фектъ дворца, пріѣхалъ изъ Парижа съ депешами, и привезъ На«полеону портретъ его сына. Императоръ въ молчаніи разсматри-

«валъ его, и потомъ приказалъ выставить оный предъ палаткою, «но тотчасъ, послѣ съ живостью и какъ бы отрываясь отъ душев- «ной тревоги, которую онъ усиливался превозмочь, сказалъ: «Сни- «мите его! Ему слишкомъ рано видѣть поле битвы.» Эпизодъ этотъ разсказывается многими.

Шамбре (t. II, p. 47) пишетъ: «Въ два часа утра, 7 Сен- «тября (26 Авг.), проснулся Наполеонъ въ своей палаткѣ, располо- «женной среди карре старой гвардіи, и спросилъ о погодѣ; на от- «вѣтъ онъ воскликнулъ: «Мы будемъ имѣть ту же погоду, какъ и «въ Аустерлицѣ.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 370) свѣдѣтельствуетъ: «Въ ночь на «7 Сентября (26 Августа) Наполеонъ не могъ уже болѣе сомнѣваться «въ битвѣ, и возвратился въ свою ставку, чтобы отдать приказа- «нія. Тутъ онъ размышляетъ о важности своего положенія. Онъ «чувствуетъ, что арміи необходимъ отдыхъ (p. 371), какого бы «онъ рода ни былъ, и что ей нѣтъ иного средства найти его, какъ «въ смерти, или въ побѣдѣ.»

«Въ эту ночь, продолжаетъ авторъ (p. 376), Наполеонъ без- «прерывно призывалъ, спрашивая, не слышно ли какого шума, и «посылалъ смотрѣть, тутъ ли непріятель? Онъ такъ мало былъ «увѣренъ, чтобы Русскіе не отступили, что удерживалъ у себя «приказъ. Успокоился на нѣсколько минутъ, но потомъ безпокой- «ство противоположное опять овладѣло имъ. Лишенія его солдатъ «ужасаютъ его. Какъ они, обезсиленные и голодные, выдержатъ «продолжительное и ужасное столкновенье! Въ этомъ опасномъ по- «ложеніи онъ смотритъ на гвардію, какъ на единственный свой «оплотъ, повторяетъ приказаніе раздать ей сухари и рисъ, не до- «вѣряя исполнителямъ, спрашиваетъ часовыхъ: исполнено ли его «приказаніе?»

«Но скоро (p. 377) онъ зоветъ. Адъютантъ находитъ его «поддерживающимъ голову руками и ему слышится, что Наполеонъ «размышляетъ о суетности славы, потомъ жалуется на непостоян- «ство фортуны, что, говоритъ онъ, испыталъ, и, какъ бы возвра- «щаясь къ мыслямъ болѣе успокоительнымъ, вспоминаетъ, что ему «было говорено о медлительности Кутузова» и пр.

Вотъ какъ передаетъ этотъ разговоръ самъ Раппъ (p. 164): «Мы сегодня будемъ имѣть дѣло съ этимъ знаменитымъ Кутузо«вымъ. Вы, конечно, помните, что это тотъ самый Кутузовъ, кото«рый командовалъ въ Браунау, въ Аустерлицкую кампанію. Онъ «оставался три недѣли въ этой крѣпости, ни разу не выходя изъ «своей комнаты, даже не садился на лошадь, чтобы видѣть укрѣп«ленія. Беннигсенъ также старъ, но бодрѣе и крѣпче его. Не знаю, «по чему Александръ не назначилъ этого Ганноверца на мѣсто Барк«лая!» Послѣ сего Наполеонъ выпилъ пуншу и велѣлъ подать так«же и Раппу.»[15]

«Ну, что, Раппъ! Ожидаешь ли ты, что мы сегодня совер«шимъ хорошія дѣла?»

—«Нѣтъ сомнѣнія, Государь! Мы истощили всѣ свои средства, «мы принуждены побѣдить.»—«Le fortune est une franche cour«tisane: я это часто говорилъ и начинаю это испытывать.» — «Ва«ше Величество! Помните, что сдѣлали мнѣ честь, сказавъ въ Смо«ленскѣ, что вино разлито, и его должно выпить: теперь, какъ «никогда, предсталъ этотъ случай, теперь нѣтъ уже времени отла«гать. Впрочемъ, армія знаетъ свое положеніе. Она знаетъ, что «найдетъ существованіе только въ Москвѣ, и что ей для этого «должно сдѣлать только тридцать льё.» — «Эта бѣдная армія, вос«клицаетъ Наполеонъ, очень уменьшилась, но то, что осталось, «хорошо: гвардія моя, впрочемъ, не тронута.» [16]

Графъ Сегюръ (p. 378) присоединяетъ, что, когда Раппъ замѣтилъ, что битва будетъ кровопролитная, Наполеонъ сказалъ: «Я знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Я потеряю «двадцать тысячъ, а съ шестидесятью тысячами войду въ Москву. «Отсталые и маршевые баталіоны присоединятся, и мы будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой.» Цифра эта не понятна и далеко не

---

[15] Во время битвы, въ десять часовъ утра, какъ будетъ видно, онъ опять пьетъ пуншъ. Всѣ эти подробности замѣчательны, по тому что о нихъ упоминается при одной Бородинской битвѣ.

[16] E. M. Сентъ-Илеръ (t. III, p. 66, 67) приводитъ это же внутреннее состояніе Наполеона и разговоръ, съ ничтожными только измѣненіями.

приближается къ той, которую даютъ разные писатели, о чемъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ.

Бисмаркъ (p. 147) пишетъ: «Когда послѣ рекогносцировки «Наполеонъ возвратился въ свою палатку, онъ почувствовалъ ли- «хорадочный припадокъ, волненіе, палящую жажду, что лишило «его ночнаго отдохновенія, столь необходимаго для его души и «тѣла. . . . Его рѣчь прерывчива; онъ жалуется на непостоянство «фортуны; въ слѣдъ за симъ впадаетъ въ мрачныя мечтанія, и его «отрывистыя рѣчи обнаруживаютъ всѣ мысли, его волновавшія: «Что такое военное искуство? говорилъ онъ. Оно не что иное, какъ умѣнье быть сильнѣе въ данный моментъ» и пр.

Но, кажется, Генералъ Бисмаркъ усиливаетъ его нездоровье; ибо ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, не возводилъ оное до такой степени.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДЕНЬ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

НАПОЛЕОНЪ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ.

Какъ предъ битвой, такъ точто и въ продолженіе ея, Наполеонъ является среди главнаго своего элемента уже не такимъ, какимъ онъ бывалъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, далеко не представлявшихъ того значенія, которое заключалось въ Бородинской. Въ продолженіе всего сраженія онъ не походилъ на того великаго полководца, котораго привыкли въ немъ видѣть съ самаго начала его боевой дѣятельности. Нерѣшительность, внутреннее, безсознательное, или сознательное, волненіе и другіе, не замѣчавшіеся прежде, недостатки, проявлялись въ немъ во все продолженіе этого великаго дня. Онъ, можно сказать, только слышалъ адскій громъ слишкомъ тысячи орудій и, оставляя свое мѣсто, являлся на нѣкоторыхъ пунктахъ линій послѣ главныхъ моментовъ, которыхъ онъ не видалъ, и являлся какъ бы для того только, чтобы прекратить бой. Прослѣжу его съ самаго начала до окончанія битвы, какъ онъ описывается своими историками.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 268), пишетъ: «Очевидцы свѣдѣтельствуютъ, что въ продолженіе всей достопамят-«ной битвы 7-го Сент. Наполеонъ велъ себя болѣе какъ Государь, «нежели какъ Главнокомандующій, и ни мало не выказывалъ той «неутомимой дѣятельности, которая имѣла столь великое участіе «въ успѣхахъ предшествовавшихъ кампаній; онъ положился на при-

«казанія, отданныя имъ на кануѣ, по обозрѣніи непріятельской «линіи; что, въ продолженіе всего дѣла онъ оставался вблизи «своей гвардейской пѣхоты, не принимая даже труда дѣлать въ «первоначальной своей диспозиціи какія либо измѣненія, требовав«шіяся движеніемъ Русскихъ. Приписываютъ этотъ родъ безпечно«сти надеждѣ, что Кутузовъ отступитъ, или презрѣнію, которое онъ «такъ некстати возымѣлъ къ военнымъ способностямъ Русскихъ «Генераловъ. Нѣкоторые оправдываютъ его (p. 269) въ это время «болѣзнію: но положительнымъ оказывается то, что, по свѣдѣ«тельству всѣхъ повѣствованій, подъ Бородинымъ въ атакахъ Фран«цузовъ не было точности и особенно взаимности, чему могъ дѣя«тельно способствовать только одинъ Главнокомандующій.»

Герцогъ Рагузскій, Маршалъ Мармонъ, между прочимъ (t. V, p. 3), говоритъ: «Всѣ историки кампаніи въ Россіи съ боль«шою подробностію описывали о несчастіяхъ кампаніи 1812 года, «чтобы мнѣ, не участвовавшему въ ней, заняться ихъ описаніемъ. «Сочиненіе Г. Сегюра заключаетъ въ себѣ полное ея изображеніе «и должно занимать первое мѣсто.[1] Я могъ судить, присовокуп«ляетъ Маршалъ, въ слѣдующую кампанію о физическомъ и мо«ральномъ расположеніи Наполеона. Онъ былъ въ 1813 году точ«но такимъ, какимъ Сегюръ изображаетъ его въ 1812. Слѣдова«тельно, положительно можно заключить, что отпоръ, встрѣчен«ный имъ въ Россіи, былъ эпохой этого превращенія.

Тьеръ (t. XIV, p. 319) пишетъ: «Наполеонъ избралъ мѣстомъ «для себя Шевардинскій редутъ, откуда могъ видѣть все, что «происходитъ, и нѣсколько укрыться отъ ядеръ, коихъ въ этотъ «день должно было ожидать въ значительномъ числѣ.»

---

[1] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 420), указываетъ на немногія сочиненія, достойныя вниманія и, между прочимъ, говоритъ о книгѣ Графа Сегюра: «онъ не имѣетъ притязанія на исторію, и сочиненіе его хо«тя и носитъ характеръ анекдотическій, но представляетъ очень живую и «очень вѣрную картину по подробностямъ, наиболѣе занимательнымъ.» Графъ Дюма, бывшій Генералъ-Интендантомъ арміи, рьяный сторонникъ Наполеона, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи одинаковаго, если не преимущественнаго, довѣрія противъ Маршала Мармона, по тому что находился всю войну 1812 года при Наполеонѣ, гдѣ былъ и Графъ Сегюръ.

Что Наполеонъ избралъ этотъ пунктъ для своего пребыванія, свѣдѣтельствуется всѣми писателями очевидцами, но поводъ къ тому приведенъ безъ всякаго основанія. Во первыхъ, съ этого мѣста онъ не могъ видѣть всего, что происходитъ, какъ окажется далѣе изъ повѣствованія очевидцевъ-дѣятелей, что и самъ Г. Тьеръ подтвердитъ, вопреки сказанному имъ здѣсь. Во вторыхъ, относительно того, будто бы, при избраніи этого пункта, въ расчетъ Наполеона входило и то, чтобы нѣсколько укрыться отъ ядеръ, то это одна только фраза, позволяю себѣ думать, фраза очень неумѣстная и ни однимъ историкомъ очевидцемъ не переданная: она принадлежитъ собственно Г. Тьеру, взявшемуся описывать то, о чемъ онъ не имѣетъ ни какого понятія. Само собою разумѣется, что Главнокомандующій не долженъ находиться въ пылу битвы: но ни одинъ изъ боевыхъ дѣятелей не могъ бы привести причины подобной, приводимой Г. Тьеромъ. Наполеонъ могъ остановиться здѣсь по тому, можетъ быть, что пунктъ этотъ былъ по срединѣ боевой линіи между Утицами и Горками, но уже ни какъ не по тѣмъ причинамъ, которыя приводитъ знаменитый историкъ.

Баронъ Денье, бывшій при Наполеонѣ (p. 75) пишетъ: «Наполеонъ находился часъ на редутѣ (Неварденскомъ), и потомъ «спустился къ оврагу, гдѣ и оставался большую часть дня (до «двухъ часовъ по полудни). Съ этого мѣста, присовокупляетъ авторъ, открывалась только часть поля битвы: однако же нѣсколько гранатъ и ядеръ пролетали чрезъ его голову.» Графъ Сегюръ (t. I, p. 387) говоритъ то же самое.

Маркизъ Шамбре, также свѣдѣтель (t. II, p. 77) говоритъ: «Наполеонъ въ безстрастіи оставался, въ продолженіе почти всей «битвы, на мѣстѣ, съ котораго не могъ видѣть ее своими глазами «и судить о ней.» Въ другомъ своемъ сочиненіи (Philosophie de la guerre, p. 364) онъ говоритъ, что, во время Бородинской битвы, онъ стоялъ въ резервѣ очень близко къ полю сраженія; съ «этого мѣста была очень хорошо видна главная сцена сраженія и, «замѣчу еще, присовокупляетъ авторъ, что день былъ ясный. «Однако же не менѣе того, хотя я и имѣлъ очень хорошую зрительную трубу, и мое любопытство было возбуждено въ высшей «степени, но я не могъ ничего различить: это было нестройное

«brouhaha столько же для моего зрѣнія, сколько и для слуха. «Наполеонъ, который былъ близко, но далѣе отъ поля битвы не- «жели я, могъ видѣть лучше въ свою зрительную трубку, а это «очень слабое пособіе, по тому что объемъ пространства, предста- «вляемаго этѣмъ инструментомъ, очень ограниченъ.»

Генералъ Пеле (p. 131) говоритъ, что «Наполеонъ находился «около Шевардина, на бугоркѣ, съ котораго было все видно, и «что лучшаго мѣста нельзя было избрать.»

Странныя разнорѣчія въ показаньяхъ очевидцевъ: одни говорятъ, что онъ могъ видѣть все, другіе, и въ большемъ числѣ, что онъ не могъ видѣтъ всего хода битвы, и что даже о :ъ спустился къ оврагу.

Г.-Л. Фезензакъ, бывшій тамъ при Наполеонѣ (p. 45), пишетъ: «Наполеонъ не принималъ ни какого личнаго участія въ «сраженіи. Онъ постоянно оставался за четверть льё (одну версту) «отъ поля битвы, получая донесенія отъ всѣхъ Генераловъ и от- «давая приказанія такъ хорошо, какъ только можно отдавать «издалека.»

Лосбергъ (S. 165) также свѣдѣтельствуетъ, что «Наполеонъ «оставался большую часть дня въ Шевардинѣ, откуда не могъ ви- «дѣть главныхъ моментовъ битвы.»

Въ «Milit. Briefe» (t. 1, S. 411) подтверждается, что «Напо- «леонъ изъ Шевардина, гдѣ онъ оставался цѣлый день, не могъ «видѣть хода битвы.» Здѣсь авторъ прибавляетъ свои разсужденія о вліяніи на битвѣ его отсутствія.

Гофманъ, въ «Tagebuch» (S. 124) пишетъ, что «Наполеонъ «только изъ Шевардина, да и то съ возвышенія, могъ видѣть од- «ни Багратіоновы шанцы.» А въ другомъ своемъ сочиненіи (Schl. «von Borodino, 353) подтверждаетъ, что «изъ Шевардина онъ не «могъ слѣдить за битвой.»

Графъ Солтыкъ, находившійся въ Шевардинѣ при Наполеонѣ, говоритъ (p. 218): «Вдругъ началась битва. Пальба сдѣла- «лась чрезвычайно живою съ обѣихъ сторонъ; никогда не слыха-

«ли подобной. Въ продолженіе десяти часовъ она походила болѣе «на залпы цѣлыми бортами кораблей, чѣмъ на битву сухопутную.»

«При громѣ этой ужасной канонады (продолжаетъ авторъ), «Наполеонъ оставался безстрастнымъ, не смотря на то, что, по «временамъ, Русскія гранаты разрывались въ недалекомъ отъ него «разстояніи. Нѣсколько ядеръ упали даже предъ нимъ; онъ то «садился на землю, то ходилъ, напѣвая въ полголоса какую-то «пѣсню; рука его машинально вынимала изъ жилетнаго кармана «пастильки, приготовленныя для облегченья его насморка. Лице «его выражало во одно время задумчивость и безстрастіе; онъ об«ращался къ окружающимъ изъ своей свиты съ отрывистыми сло«вами» и т. д.

Маркизъ Шамбре, описывая битву и участіе въ ней Наполеона, между прочимъ (t. II, p. 66), присовокупляетъ: «Завоева«тель этотъ оставался съ самаго начала битвы на одномъ мѣстѣ; «онъ прохаживался взадъ и впередъ съ Бертье, позади его была «пѣхота старой гвардіи, а влѣво, нѣсколько впереди, другія ея «части. Нерѣшительный, противъ своего обыкновенія, онъ не «отдавалъ еще приказаній, когда одинъ изъ его ординарцевъ, по«сланный къ Нею, возвратясь, извѣстилъ его, что Багратіонъ «вновь предпринялъ наступленіе, и что безотлагательно должно «поддержать его... Это новое донесеніе увеличило нерѣшительность «Наполеона; онъ совѣтуется съ Бертье, но приказанія не отдаетъ. «Ординарецъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нельзя терять ни «минуты, что Ней долженъ быть подавленъ. Наконецъ Наполеонъ «посылаетъ его къ Клапареду, съ приказаніемъ итти на помощь «къ Нею. Ординарецъ пустился было какъ стрѣла, но Наполеонъ «возвращаетъ его, вновь совѣтуется съ Бертье, и оканчиваетъ по«сылкой Фріана на помощь къ Нею. Отъ такой нерѣшительности «потеряно было полчаса, что должно было имѣть большое влія«ніе на ходъ битвы и въ послѣдствіи на судьбу Наполеона.»

Графъ Сегюръ, очевидецъ, находясь при Наполеонѣ, разсказываетъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. I, p. 385):

«Когда силы Мюрата и Нея истощились, они послали къ «Наполеону за подкрѣпленіемъ. Тогда увидѣли Наполеона, пора«женнаго колебаніемъ, до того времени не извѣстнымъ; онъ долго

«совѣтывался; наконецъ, послѣ повторенія приказаній молодой «гвардіи и отмѣны ихъ, порѣшилъ, что появленіе войскъ Фріана «и Мобура [2] на высотахъ будетъ достаточнымъ. Кутузовъ поль- «зуется этимъ, подвигаетъ свои резервы и часть гвардіи. Ней и «Мюратъ ожесточаются противъ этой бури, дѣло идетъ уже не о «томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но какъ бы сохранить ее » [3]

«Къ счастью (р. 387), въ это время подошла изъ резерва ар- «тиллерія, чтобы стать на высотахъ, которыми овладѣли. Лори- «стонъ получилъ на это согласіе Наполеона, который, впрочемъ, «не столько приказалъ, сколько позволилъ. Но это распоряженіе «показалось ему такъ важнымъ, что онъ поспѣшилъ дать знать о «скорѣйшемъ исполненіи однимъ только движеніемъ руки отъ не- «терпѣнія, которое онъ выказывалъ во весь этотъ день. Наполе- «онъ на всѣ требованія гвардіи отвѣчалъ, что битва еще не на- «чалась, что она начнется въ два часа, но (восклицаетъ авторъ) «она не начиналась! Въ продолженіе почти всего этого дня, На- «полеона видѣли или садившимся, или медленно ходившимъ впе- «реди Шевардинскаго редута, нѣсколько влѣво около оврага, «далеко отъ битвы, которую онъ едва могъ видѣть, послѣ того «какъ она перешла за возвышеніе. Не показывая безпокойства, «когда вновь увидѣлъ битву, безъ досады на своихъ и на непрія- «теля, и только разными движеніями, выражалъ печальную покор- «ность судьбѣ, когда ежеминутно извѣщали о потерѣ лучшихъ его «Генераловъ. Онъ нѣсколько разъ вставалъ, чтобы сдѣлать нѣ- «сколько шаговъ, и опять садился, всякій изъ окружавшихъ его «смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; до этого времени, при такихъ «великихъ столкновеніяхъ, видѣли въ немъ спокойную дѣятель- «ность; но здѣсь спокойствіе это было тяжелое, вялая, «бездѣятельная. Нѣкоторые думали видѣть въ немъ признаки не-

[2] Латуръ-Мобуръ начальствовалъ 4 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ около 4500 человѣкъ, при 20 пушкахъ. Фріанъ, начальникъ 2-й изх. дивизіи 1-го корпуса Маршала Даву, имѣлъ только около 7500 чел. при 26 орудіяхъ

[3] «Побѣда» — слово неумѣстное и совершенно неправильное, оно должно замѣняться словомъ — «успѣхъ,» каковымъ это и было.

«гоненія, обыкновеннаго послѣдствія сильныхъ ощущеній, другіе «воображали, что онъ изнурялся впечатлѣніемъ самыхъ тревогъ «битвъ, и наконецъ, отчасти, приписывали это и его насморку.» [4]

Въ другомъ мѣстѣ Г. Сегюръ, разсказывая о пріѣздѣ Генера Бельяра отъ Мюрата и Нея, просить у Наполеона гвардіи (р. 390), присовокупляетъ: «однако же Наполеонъ колеблется, со«мнѣвается и приказываетъ Бельяру возвратиться, еще посмотрѣть «и опять вернуться къ нему и доложить. Бельяръ скоро возвра«щается и говоритъ, что Русскіе вновь приготовляются къ напа«денію, что нельзя терять ни минуты и пр... Маршалъ Бессьеръ, «посылавшій Наполеономъ посмотрѣть положеніе боя, возвращает«ся и доноситъ, что Русскіе далеко не въ безпорядкѣ, что «они отступили на вторую позицію, съ которой, кажется, при«готовляются къ новой атакѣ. Тогда Наполеонъ сказалъ Бельяру, что ничего еще не было достаточно разъяснено для того, «чтобы употребить гвардію, что онъ хочетъ видѣть яснѣе на своей «шахматной доскѣ.» [5] Тоже говоритъ и Рапп въ своихъ Запискахъ (р. 168). Секюръ-Илеръ (t. III, p. 68 — 69) присовокупляетъ, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ возразилъ: «Я не хочу раз«строить гвардіи, мы и безъ нея выиграемъ сраженіе.» Тьеръ (p. 329) замѣчаетъ, что «изъ Шевардина онъ не могъ видѣть то, «что Ней и Мюратъ очень ясно различали оттуда, гдѣ находились.» Выше, однако, Тьеръ говорилъ противное, а именно, что изъ Шевардина онъ могъ видѣть все!

---

[4] Однако же, какъ видно будетъ, ни прежде, ни въ послѣдствіи, не страдая насморкомъ, онъ обнаруживалъ то же самое.

[5] Сегюръ говоритъ, что это выраженіе было нѣсколько разъ употреблено Наполеономъ. Тьеръ (p. 329) пишетъ, что отказъ чрезъ Бельяра дать гвардію «вызвалъ болѣе одного движенья нетерпѣливости, болѣе одного «очень живаго выраженья со стороны двухъ героевъ (Нея и Мюрата) это«го кровопролитнаго и достопамятнаго дня.» Мишо говоритъ (p. 134): «мно«гіе выходили изъ терпѣнія, въ томъ числѣ Ней, который оскорбилъ Напо«леона самымъ обиднымъ образомъ»... Въ этомъ-то случаѣ, Ней между прочимъ, воскликнулъ: «Пусть же онъ ѣдетъ въ Парижъ!».. Сегюръ (p. 405) говоритъ, что «Мюратъ, Вице-Король, Ней и др., выказывали негодованіе на Наполеона, что онъ не похожъ на себя» и пр.

Графъ Дюма, находившійся при Наполеонѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p 438) говоритъ:... «Было около трехъ часовъ по полудни: Императоръ оставался неподвижнымъ, сидѣлъ «на краю оврага, или прохаживался по нѣскольку шаговъ, то «вправо, то влѣво.» Далѣе (p. 439): «мѣсто, избранное Наполеономъ, было лучшимъ для наблюденій (у оврага!); все поле битвы открывалось, и если бы какія либо движенія Русскихъ, какой «либо мѣстный успѣхъ съ ихъ стороны, потребовали новыхъ распоряженій, бдительность Наполеона не оставила бы этого безъ «вниманія, и онъ перенесся бы туда самъ лично, какъ это сдѣлалъ «онъ въ Ваграмѣ.»

По общему, однако же, засвѣдѣтельствованію, Наполеонъ былъ извѣщаемъ объ успѣхахъ Русскихъ, отнимавшихъ нѣсколько разъ Семеновскія укрѣпленія, что угрожало Французамъ, не разъ требовавшимъ подкрѣпленія; но въ этѣ минуты онъ выказывалъ нерѣшительность и не думалъ ѣхать къ угрожаемому пункту. Онъ даже не тронулся съ мѣста, когда движеніе Платова и Уварова произвело безпорядокъ на лѣвомъ крылѣ его арміи, и угрожало тылу, гдѣ скоплены были парки, обозы и т. п.

Капфигъ (t. IX, p. 271) говоритъ, что съ кровопролитнаго боя, при Семеновскомъ, Ней посылалъ Адъютанта за Адъютантомъ къ Наполеону требовать, во что бы ни стало, подкрѣпленія: «Наполеонъ прохаживался съ Бертье близъ Шевардинскаго редута «и разговаривалъ съ большимъ равнодушіемъ и явнымъ безстрастіемъ. «Что тамъ такое?» сказалъ Императоръ (p. 272), какъ бы «досадуя на докуку (все это подтверждаетъ и Сентъ-Иларъ, t. «II, p. 17).—«Государь! Багратіонъ перешелъ опять въ наступательное движеніе; Маршалъ Ней не въ состояніи болѣе удерживаться. «Жюно былъ посланъ въ подкрѣпленіе къ Понятовскому; настало «время подкрѣпить Маршала, если Вы не хотите, чтобы онъ былъ «раздавленъ и отброшенъ до сихъ мѣстъ.» Наполеонъ продолжалъ «прохаживаться, не произнося ни слова, какъ бы погруженный въ «свои мысли; потомъ, обратясь къ Бертье, сказалъ: «Кого туда по«слать?» Бертье отвѣчалъ:—«Государь! Генерала Клапареда, на при«мѣръ, съ его дивизіею молодой гвардіи, которою можно располагать.» — «Да, сказалъ Наполеонъ, вы правы: прикажите Клапареду «ити.» Но потомъ, воротивъ Адъютанта, сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ!

«не Клапареда: онъ мнѣ нуженъ; прикажите Фріану подкрѣпить «Ней.» Это совѣщаніе продолжалось полчаса, а въ подобномъ по«ложеніи этого было много» и т. д. [6]

«Когда Адъютантъ прискакалъ къ Наполеону, съ извѣстіемъ «о взятіи центральнаго редута, какъ о побѣдѣ, очень дорого ку«пленной (р. 275): два дивизіонные Генерала и половина кира«сиръ пали, то Императоръ слушалъ о чудесахъ, совершенныхъ его «конницею и, продолжая прохаживаться, не отдавалъ ни какого при«казанія о дальнѣйшемъ направленіи битвы и былъ какъ бы по«груженъ въ свои думы.» Авторъ присовокупляетъ: «не такъ было «подъ Аустерлицемъ и Іеною.»

Мишо (р. 133) говоритъ: «Наполеонъ показался въ битвѣ «только на самое короткое время; онъ оставался почти цѣлый «день въ отдаленіи.»

Бисмаркъ (р. 148—151) пишетъ, что, «въ продолженіе всей битвы, Наполеонъ оставался пѣшимъ на возвышенномъ мѣстѣ [7] «Шевардинскаго редута, откуда онъ пытался выйти, чтобы ѣхать «въ другое мѣсто: но его страданія и большая слабость не позво«лили ему это исполнить. Онъ казался изнуреннымъ, лице его «было разстроено, взглядъ потускъ, а голосъ осипъ.» Здѣсь авторъ усиливаетъ его страданія, вопреки самимъ Французамъ, свѣдѣтельствующимъ оное. Въ другомъ мѣстѣ (р. 150) этотъ же самый Генералъ Бисмаркъ говоритъ: «Можетъ быть, что въ продолженіе

---

[6] Положеніе Наполеона требовало сберегать гвардію, какъ замѣчаетъ Капфигъ (р. 255). Онъ (256) говоритъ, что если бы онъ былъ на краю свѣта съ своею гвардіей, то возвратился бы.» Мнѣнія по сему предмету раздѣлены: одни находили благоразумнымъ, что онъ не ввелъ гвардію, другіе предвидѣли отъ этого успѣхъ, но едва ли бы это было такъ: разъяренныя наши войска встрѣтили бы ее съ удвоенной рѣшимостью, а при томъ и мы не совсѣмъ были безъ резервовъ, которые едва ли не равнялись 18 тысячамъ. Сверхъ того, если бы Кутузовъ употребилъ въ это время Уварова и Платова на усиленное повтореніе ихъ атакъ въ тылъ лѣваго непріятельскаго фланга, или даже этѣ пять тысячъ отборной конницы и противъ гвардіи Наполеона, то, конечно, полный успѣхъ былъ бы на нашей сторонѣ. Здѣсь не мѣсто разсматривать это.

[7] Смотри выше Барона Денье, Маркиза Шамбре и др.

«этой битвы онъ думалъ о Куннерсдорфѣ, гдѣ Фридрихъ Великій, «котораго побѣда не удовлетворяла, хотѣлъ однимъ разомъ истре«бить непріятеля.» Эта фраза ни сколько не согласуется съ сказаннымъ выше Г. Бисмаркомъ и съ тою нерѣшительностію, о которой говорятъ всѣ другіе повѣствователи.

Маркизъ Шамбре сказалъ, что Наполеонъ, находясь почти цѣлый день на такомъ мѣстѣ, съ котораго онъ не могъ судить о ходѣ битвы (t. II, p 77), присовокупляетъ: «онъ показалъ въ са«мые важные моменты большую нерѣшительность, словомъ, былъ «ниже своей репутаціи. Правда, онъ страдалъ сильнымъ насмор«комъ, который могъ лишать его части обычной дѣятельности.» И, исчисливъ его ошибки, между прочимъ, замѣчаетъ, что «око«ло десяти часовъ утра приказалъ подать себѣ пуншу.» Значитъ, что это послѣдовало вторично; ибо выше видно уже было, что въ три часа утра онъ пьетъ пуншъ съ Раппомъ.

На счетъ приписываемаго Наполеону страданія отъ насморка, Бошанъ, между прочимъ (p. 31), говоритъ: «Вообще опровергаютъ «Графа Сегюра въ томъ, что Наполеонъ при Бородинѣ былъ бо«лѣнъ, страдалъ, или морально разслабленъ. Я знаю отъ личнаго «свѣдѣтеля, человѣка, бывшаго въ его свитѣ, что Наполеонъ, въ «самую ночь, предъ тѣмъ, какъ отдавать приказанія, пилъ пуншъ. «Странное лѣкарство (восклицаетъ авторъ), довольно употребляе«мое между здоровыми! Другіе удостовѣряютъ, что, послѣ сдѣлан«ныхъ имъ распоряженій, онъ завтракалъ съ очень хорошимъ аппе«титомъ: должно согласиться, что эти два изложенія ни какъ не «исключаютъ одно другаго, развѣ только, что больной нашъ при«нялъ благоразумную предосторожность противъ ослабленія, или «обмороковъ» и пр.

Боссе, Префектъ дворца, находившійся здѣсь при Наполеонѣ, говоритъ (t. II, p. 96): «Въ полдень я спросилъ Императора, «не желаетъ ли онъ завтракать?.. Битва не была еще выигран«ной. — Онъ сдѣлалъ знакъ отрицательный. Я имѣлъ неосторож«ность сказать, что нѣтъ въ мірѣ ни какихъ причинъ, которыя бы «препятствовали завтракать, когда можно это сдѣлать. Тогда онъ «меня отослалъ довольно грубымъ образомъ. Нѣсколько позже «онъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ шамбертена безъ

«воды.» Боссе также говоритъ, что Наполеонъ, въ десять часовъ утра, выпилъ стаканъ пуншу.

Въ примѣчаніи на 75 страницу, гдѣ говорится о Наполеонѣ во время Бородинской битвы, Шамбре описываетъ, какимъ онъ, по наблюденіямъ, являлся въ прежнія времена (p. 248, note B): «Первые пушечные выстрѣлы производили въ немъ удовольствіе, «которое явственно выражалось на его лицѣ. Прибывъ на мѣсто, «гдѣ онъ находилъ удобнѣе остановиться, оставался онъ неподвиж-«нымъ, получая донесенія, разсылая приказанія, разсматривая «съ большимъ вниманіемъ, то простыми глазами, то въ зрительную «трубку, все, что могло его занимать. Успѣхи, несчастія, смерть «его Генераловъ, ничто не могло поколебать его безстрастіе; онъ «казался погруженнымъ въ думы объ обязанности Главнокоман-«дующаго. Если онъ находилъ присутствіе свое необходимымъ «на другихъ пунктахъ, онъ переносился быстро и останавливался, «какъ и прежде.»

Тьеръ, описывая битву, между прочимъ (p. 346) говоритъ: «Упорство Русскихъ, хотя въ этомъ и не было ни какой неожи-«данности, имѣло характеръ зловѣщій и ужасный, внушавшій На-«полеону важныя размышленія...., а по тому, въ этомъ положеніи «нерѣшительности, онъ казался необъяснимымъ для тѣхъ, кото-«рые его окружали, до той степени, что они старались объяс-«нить это его нездоровьемъ.» Жомини (t. II, p. 229) замѣчаетъ, что онъ не былъ такъ нездоровъ, чтобы не понимать.

Въ «Воспоминаніяхъ» Графа Дюма (t. III, p. 439) находимъ слѣдующее оправданіе Наполеону: «Многіе говорили и писали, «что Наполеонъ въ этотъ день не выказалъ своей обычной дѣя-«тельности, удивлялись его безчувствію; хотѣли дать понять, что «онъ находился какъ бы въ физическомъ упадкѣ, что онъ не про-«являлъ всего своего генія; наконецъ, что звѣзда его начинала «блѣднѣть среди самой побѣды. Конечно, Наполеонъ казался стра-«давшимъ; онъ очень усталъ въ двѣ предшествовавшія ночи, ко-«торыя употребилъ на личное обозрѣніе непріятеля, указывая «своимъ корпусамъ мѣста и пункты атаки. Опредѣливъ положи-«тельно свой планъ, онъ не хотѣлъ ничего измѣнять въ своихъ «распоряженіяхъ, глубоко обдуманныхъ.»

Наконецъ Наполеонъ рѣшается въ два часа по полудни, послѣ главныхъ эпизодовъ битвы, показаться арміи, и вотъ что объ этомъ разсказываютъ:

Маркизъ Шамбре, описывая ходъ битвы и окончательное овладѣніе Семеновскимъ (t. II, p. 75), говоритъ: «Тогда только «сѣвъ на лошадь, Наполеонъ направился къ редантамъ (Семенов«скимъ) и осмотрѣлъ часть поля битвы; но присутствіе это, кото«рое было бы такъ полезно, когда оспаривали эти реданты, те«перь становилось не нужнымъ». [8]

Лавалле (t. IV, p. 543) говоритъ: «Въ этой битвѣ, ужас«ной по массамъ, приведеннымъ въ движеніе, Наполеонъ выка«залъ осторожность, которая казалась странною, но онъ не хо«тѣлъ подвергнуться несчастью.»

Генералъ Пеле, о выѣздѣ Наполеона отъ Шевардинскаго редута (p. 138), говоритъ слѣдующее: «По взятіи этой батареи «(нашей центральной), Наполеонъ хочетъ самъ рѣшить великій во«просъ — атаковать ли новую линію Русскихъ? Сначала онъ по«ѣхалъ на Семеновскіе редуты; около трехъ часовъ Наполеонъ на «центральной батареѣ; [9] имѣя намѣреніе, по словамъ автора, ата«ковать укрѣпленіе Горки, онъ приблизился для обозрѣнія онаго. «Огонь былъ чрезвычайно сильный. Около четырехъ часовъ по «полудни, Наполеонъ, оставивъ свою свиту назади, прискакалъ «въ маленькій лѣсокъ, что противъ Горокъ. Бертье, Коленкуръ, «Дюрокъ, Бессьеръ и одинъ пажъ сопровождали его. Мюратъ «подъѣхалъ къ нему. Они находились подъ огнемъ Русскихъ стрѣл«ковъ. Наполеонъ настаивалъ на желаніи овладѣть редутомъ (Гор«ки) и повторялъ, что побѣда не произвела еще тѣхъ по-

---

[8] Авторъ говоритъ, что онъ не думаетъ требовать, чтобы Наполеонъ долженъ былъ подвергать себя опасности, какъ обыкновенный Генералъ, — но, конечно, Наполеонъ впалъ въ совершенную противоположность, оставаясь одиннадцать часовъ за $^{3}/_{4}$ лье (три версты) отъ мѣста, гдѣ рѣшалась участь битвы.

[9] Здѣсь описывается ужасное зрѣлище убитыхъ и свороченныхъ орудій на центральной батареѣ. Французы сдѣлали это «изъ опасенія, чтобы Русскіе опять не овладѣли высотою.»

«слѣдствій, которыхъ должно было бы ожидать. [10] Всѣ со-«путствовавшіе ему были противъ атаки. Всѣ говорили ему, что «армія измучена усталостью и оставалась одна только гвардія. «Бертье сказалъ, что они находятся за шестьсотъ льё отъ Франціи, «потеряли уже болѣе тридцати Генераловъ, а чтобы овладѣть этой «крѣпкой позиціей — пожертвуютъ лучшими солдатами и возь-«мутъ лишь (p. 530) нѣсколько сотъ солдатъ; что награда за би-«тву была въ Москвѣ. Бессьеръ прибавилъ, что должно сохранять «гвардію, какъ послѣдній резервъ арміи, и что она отвѣчаетъ «Франціи за Императора» и пр.

«Всѣ убѣждали Наполеона не оставаться подъ ружейнымъ ог-«немъ непріятеля; онъ усиливается подвинуться далѣе впередъ, «чтобы лучше обозрѣть мѣстность. Онъ настаиваетъ, когда одинъ «Генералъ, или Штабъ-Офицеръ перваго корпуса, устрашенный «очевидной опасностью, которая угрожаетъ Императору, взялъ его «за руку, сказавъ: «Здѣсь не Ваше мѣсто: непріятель замѣтилъ «кучку и направляетъ свои орудія въ эту сторону.» Наполеонъ «позволилъ себя отвести, и скоро послѣ все это мѣсто было «изборождено картечью.» [11] Слово въ слово разсказываетъ это и Мортонваль (p. 278). То же свѣдѣтельствуется въ «Milit. Briefe» (t. I, S. 418). Объ этомъ эпизодѣ пишетъ и Цельнеръ (S. 85), присовокупляя, что Бессьеръ сказалъ еще Наполеону, что Русскіе стоятъ твердо. Послѣ сего авторъ присовокупляетъ: «и Наполе-

---

[10] Значитъ, что на этомъ и остановились, ибо Горки не были взяты. О. И. Глинка приводитъ въ этомъ случаѣ подлинныя слова Наполеона: «Гдѣ жь наши выгоды? — говоритъ Наполеонъ.» «Я вижу побѣду, но не вижу вы-«годъ.» Всѣ провожавшіе Императора возстали противъ атаки.» Откуда это почерпнулъ авторъ, то не показалъ; впрочемъ, въ этомъ смыслѣ Наполеонъ выражался не разъ.

[11] Замѣчательно, что точно также Михайловскій-Данилевскій, на этомъ же пунктѣ, заставляетъ Адъютантовъ Кутузова сдѣлать то же, съ тою только разницей, что безмолвнаго Наполеона уводитъ Штабъ-Офицеръ за руку, а Кутузова за поводья его лошади. Какъ авторитеты, Гг. Иле и Мортонваль не заслуживаютъ довѣрія, но, сознаюсь, что эпизодъ знаменателенъ: не уже ли Наполеонъ въ эту минуту былъ слабъ до такой степени, чтобы допустилъ совершить съ нимъ вышесказанное?! Что касается до сказки о Кутузовѣ, то я говорилъ уже объ этомъ печатно въ 1858 году.

«онъ, возвращаясь съ поля битвы, вечеромъ, ѣхалъ тихо къ Ше-«вардинскому редуту, гдѣ онъ провелъ весь день.»

Рёдеръ (S. 149) подтверждаетъ разсказъ Генерала Пеле, что Наполеонъ, въ три часа, получивъ извѣстіе о взятіи центральной нашей батареи, поѣхалъ на нее.

Графъ же Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. III, p. 438), говоритъ: «Императоръ сѣлъ на лошадь около половины седь-«маго часа вечера, и направился прямо къ центральной бата-«реѣ, проѣзжая по заваленному трупами полю битвы отъ берега «Колочи до оконечности праваго крыла.» Дюма нѣкоторое время сопровождалъ его.

Здѣсь встрѣчается разногласіе съ другими, какъ о времени его отъѣзда изъ Шевардина, такъ и о направленіи. Одни, какъ видно было выше, говорятъ, что онъ выѣхалъ въ три часа, т. е., тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи центральной батареи, и направился прежде въ Семеновское, а оттуда уже на центральную батарею; между тѣмъ Графъ Дюма говоритъ, что онъ выѣхалъ тремя съ половиною часами позже и направился прямо на центральную батарею. [12]

Генералъ Сарразенъ, разсуждая о битвѣ (p. 144), присовокупляетъ: «Владѣя въ 10 часовъ утра укрѣпленнымъ лагеремъ (Се-«меновскимъ), защищавшимся Русскими, онъ, въ радости, поза-«былъ свое великое правило, что ничего не сдѣлано до тѣхъ поръ, «пока еще есть что либо сдѣлать.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ предметѣ: сказанное достаточно уже указываетъ, что Наполеонъ въ этотъ ужасный день былъ не въ своемъ нормальномъ состояніи духа. Нерѣшительность, колебаніе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, равнодушіе поочередно замѣнялись одно другимъ: онъ пьетъ пуншъ, нанѣваетъ аріи, дѣлаетъ тѣлодвиженія, внутреннее волненье доказывается и тѣмъ также, что онъ безпрерывно, то сядетъ, то встанетъ, чтобы опять

---

[12] А. Норвенъ, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пишетъ (t. III, p. 309), что, въ самый разгаръ битвы у Семеновскаго, Наполеонъ былъ тутъ, осыпанный картечью, и т. д.

сдѣлать нѣсколько шаговъ и вновь сѣсть. Разныя выраженія, какъ предъ битвой, такъ и въ продолженіе ея, ясно доказываютъ, что онъ приступалъ къ ней не съ тою твердою увѣренностью и сохраненіемъ присутствія духа, съ величавымъ спокойствіемъ, которыя руководили имъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, имъ данныхъ. Нѣкоторыя лица, какъ видно было выше, заслуживающія полнаго довѣрія, свѣдѣтельствуютъ, что онъ, не смотря на главную основную мысль свою—дать генеральное сраженіе, и тѣмъ порѣшить войну, когда битва эта ему представилась, онъ едва ли не желалъ обойтись безъ нея, а по тому и приступилъ къ ней нерѣшительно. Само собою разумѣется, что всѣ условія успѣха были бы на его сторонѣ, если бы битва эта произошла въ Литвѣ, когда числительность его арміи была, по крайней мѣрѣ, втрое противъ арміи Барклая де Толли. Но этотъ истинный Фабій прозрѣлъ это обстоятельство еще до открытія военныхъ дѣйствій, и армія наша сразилась съ Наполеономъ только тогда, когда захотѣла того, когда могла приступить къ ней, не подвергаясь быть подавленной числительностью. Неудача политическихъ соображеній Наполеона, обманутыя надежды на характеръ великаго вѣнценоснаго противника своего, и духъ народа, достойнаго своего Монарха, положеніе его арміи, съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе приходящей въ разстройство отъ всевозможныхъ лишеній, а главное встрѣчи съ Русскими въ Островнѣ, въ Красномъ, въ Никовѣ, въ Смоленскѣ, въ Лубинѣ, во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по числу павшихъ, равнялись генеральнымъ сраженіямъ, а равно получаемыя имъ извѣстія о битвахъ Багратіона и съ другихъ пунктовъ, все это указывало ему, что борьба съ Русскими въ генеральной битвѣ будетъ кровопролитнѣе и упорнѣе всѣхъ, до того времени имъ данныхъ, и при условіяхъ, вовсе не одинаковыхъ. Такое положеніе дѣлъ, естественно, не могло остаться безъ сильнаго впечатлѣнія на всѣ его способности ума, прозрѣвавшаго будущность въ неполномъ успѣхѣ предпринимаемой имъ битвы.

Теперь замѣчу нѣкоторые эпизоды изъ этой достославной битвы, чтобы приступить къ главному опредѣленію, на основаніи иноземныхъ писателей, кому принадлежитъ честь этого дня?

ГЛАВА II.

ЭПИЗОДЫ БИТВЫ.

Главное побоище въ этотъ достопамятный день совершилось между Горками и Семеновскимъ. На этомъ пространствѣ была и центральная батарея. Вотъ нѣкоторые, совершившіеся здѣсь, эпизоды, взятые исключительно изъ иноземныхъ писателей, свѣдѣтельствующихъ о мужествѣ Русскихъ и усиліи Французовъ.

Буржуа, участникъ въ битвѣ, послѣ описанія ужаснаго огня артиллеріи у Семеновскаго, присовокупляетъ (p. 45): «Однако же «Русскія массы построились опять подъ нашимъ огнемъ и двинулись впередъ, чтобы возвратить ретраншаменты.»

Подъ огнемъ болѣе трехъ сотъ орудій!

Генералъ Пелэ (p. 132) говоритъ: «Характеръ битвы былъ «наступательный съ нашей (Французской) стороны: мы не пре«ставали нападать, чтобы овладѣть укрѣпленіями Русскихъ, а те«перь они атакуютъ, чтобы взять укрѣпленія обратно.»

Сарразенъ, по этому случаю (p. 130), пишетъ: «Русскій пол«ководецъ успѣлъ чрезвычайно ослабить нашу первую линію. Онъ «началъ новую битву. Наше лѣвое крыло было опрокинуто въ «оврагъ и отброшено на Бородино; нашъ центръ тотчасъ былъ «атакованъ и принужденъ къ отступленію. Большія подкрѣпленія, «посланныя Наполеономъ, остановили успѣхъ Русскихъ, колонны «коихъ остановились, какъ металлическая стѣна.»

Въ «Mém. par un offic. d'état Maj.» (t. I, p. 185), сказано: «Если бы Русскіе, усиліями своими, успѣли опять овладѣть Семе-

«новскими укрѣпленіями, то битва бы осталась не рѣшенною до «другаго дня.»

Но, вѣдь, она рѣшена, Французы атаковали нашу позицію и не сбили насъ, заставивъ только нашъ лѣвый флангъ загнуться назадъ, не потерявъ связи съ арміею, и мы сдѣлали то же съ его лѣвымъ флангомъ, что напугало Наполеона болѣе, нежели успѣхъ на наше лѣвое крыло напугалъ насъ.

Пеле (р. 134) продолжаетъ: «Артиллерія обѣихъ армій сгу- «щена была на пространствѣ очень тѣсномъ. Ужасающій громъ «ея потрясалъ, кажется, землю. Ратоборцы-офицеры и солдаты «выказываютъ храбрость и преданность удивительную. Они пока- «зываютъ себя достойными одинъ другаго, заслуживаютъ похвалы «своихъ противниковъ.» Далѣе (р. 136) говоритъ: «Лѣвое крыло «Русской арміи, принужденное оставить поле битвы, [13] отодвига- «лось съ большою правильностію; поражаемыя части соединя- «лись въ нѣсколькихъ шагахъ и живо оспаривали оставляемое про- «странство.» Сказавъ потомъ, что на востокъ отъ Семеновскаго сформировалась новая Русская линія, и что наша центральная ба- тарея наносила много вреда Французамъ, [14] продолжаетъ: «Но мѣ- «рѣ того, что войско Багратіона получало подкрѣпленія, оно, по- «трупамъ павшихъ, съ большою рѣшимостью шло впередъ, чтобы «вновь овладѣть потерянными мѣстами. Мы видимъ Русскія массы «маневрирующими, по командѣ своихъ Офицеровъ, какъ подвиж- «ные редуты, вооруженные желѣзомъ, и изрыгающими огонь. Сре- «ди открытой мѣстности — картечь нашей артиллеріи, атаки на- «шей конницы и пѣхоты, наносятъ имъ несмѣтныя потери. Но до «тѣхъ поръ, пока у нихъ оставалось нѣсколько силъ, эти храбрые «солдаты возобновляли атаки.»

«Лабомъ, участникъ въ сраженіи (р. 148), говоритъ: «Когда «Кутузовъ предпринялъ отнять взятыя укрѣпленія (Семеновскія),

---

[13] Авторъ говоритъ, что въ это время лѣвое крыло отступило на тысячу туазовъ. Но этого не было: не было даже и половины такого пространства, что можно заключить изъ самаго его описанія.

[14] Здѣсь нельзя не замѣтить, что если бы послѣдовали совѣту Бенигсена по

«триста Французскихъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, гро-«мили этѣ массы Русскихъ войскъ» и пр.

Въ «Картинѣ войнъ» (p. 9), говорится о семъ слѣдующее (p. 430): «Столкновенье было ужасное; войска смѣшиваются взаи-«мно. Русская пѣхота выдерживаетъ картечъ въ упоръ. Отъ лѣса «(при Утицѣ) до центральной батареи скрещиваютъ штыки и «семьсотъ пушекъ открываютъ въ этихъ сгущенныхъ рядахъ ужа-«сающія борозды. Ней одолѣваетъ лѣвое крыло, оно отходитъ за «оврагъ, чтобы вновь сформироваться.»

Раппъ, описывая этотъ моментъ (p. 117), говоритъ: «Я не «видалъ еще подобнаго побоища.»

Въ другомъ сочиненіи: «Beautés victoires etc» (t. II, p. 239), сказано, что, послѣ вторичнаго отступленія Русскихъ отъ Семеновскаго, «Кутузовъ, подвинувъ резервъ, скоро возстановилъ битву «въ свою пользу, такъ, что былъ одинъ моментъ, когда центръ «Французской арміи казался близкимъ быть прорваннымъ. Гене-«ралъ Фріанъ поспѣшилъ съ осьмидесятью орудіями и остано-«вилъ Русскія колонны. Не имѣя возможности ити впередъ и пред-«почитая смерть стыду, они оставались два часа сомкнутыми подъ «нашею картечью.»

Жомини (t. II, p. 226), говоритъ: «Восемьсотъ пушекъ «изрыгаютъ смерть на пространствѣ полу льё (двѣ версты). Ни-«когда зрѣлище не было въ одно и то же время такъ величе-«ственно и такъ ужасно. Всѣ дѣятели этой великой сцены едино-«гласно провозгласили ее битвой гигантовъ.»

Шапюи (p. 567), между прочимъ, замѣчаетъ то же, что «у «Семеновскаго семьсотъ пушекъ, собранныхъ на пространствѣ «менѣе тысячи метровъ, изрыгаютъ безостановочно огненный дождь «на защищающихся и на нападающихъ.»

Биньйонъ (p. 39), описывая борьбу на этомъ пунктѣ, присовокупляетъ: «Съ обѣихъ сторонъ убиваютъ другъ друга не пере-

---

ставить на этомъ мѣстѣ предлагавшееся имъ укрѣпленіе, то, конечно, результатъ битвы былъ бы иной. Объ этомъ я уже говорилъ печатно.

«мѣняя мѣста. Три раза Русскіе возобновляютъ свои линіи: должно «давать третью битву на томъ же пространствѣ.»

Баронъ Фенъ, свѣдѣтель битвы (t. II, p. 33), пишетъ то же: «Два часа въ Семеновскомъ убиваютъ другъ друга, не перемѣняя мѣста.»[15]

Графъ Сегюръ, очевидецъ, описавъ (t. I, p. 389), какъ Русскія массы, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживаютъ картечь, присовокупляетъ (p. 399): «Русскіе не престаютъ нападать около «Семеновскаго, и если бы, по словамъ Нея и Мюрата, было при«слано имъ десять тысячъ пѣхоты, побѣда была бы рѣшительная, «но, доведенные до одной только своей конницы, они считали себя «счастливыми, что удержали поле битвы».[16]

Комбъ, участникъ въ битвѣ (p. 81), говоритъ: «Она была, «въ самомъ большомъ разгарѣ, и ничто не предвѣщало побѣды».

Графъ Дюма (t. III, p. 437), свѣдѣтельствуетъ, что, «въ пылу «сраженія, окружающіе Наполеона разсуждали между собой вполголоса о положеніи и о правдоподобномъ исходѣ битвы».

---

[15] Извѣстный намъ литераторъ войнъ, участникъ въ Бородинской битвѣ, Ѳ. Н. Глинка (въ превосходныхъ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія», стр. 72), приводитъ подлинный разсказъ стараго солдата объ этомъ моментѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы сошлись и стали колоться. Колемся часъ, колемся «два—устали, руки опустились! И мы, и Французы, другъ друга не трогаемъ, «ходимъ какъ бараны! Которая ни будь сторона отдохнетъ — и ну опять ко«лоться. Колемся, колемся, колемся! Часа, почитай, три на одномъ мѣстѣ «кололись».

[16] Тотъ же Ѳ. Н. Глинка замѣчаетъ, что здѣсь восвали шесть Михаиловъ, разумѣется, изъ главныхъ начальниковъ. Со стороны Французовъ первое мѣсто въ Бородинской битвѣ занимаетъ Михаилъ Ней, у насъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, Михаилъ Богдановичъ Барклай, Михаилъ Андреевичъ Мидорадовичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, Михаилъ Михайловичъ Бороздинъ.—Ѳедоръ Николаевичъ могъ бы, въ строгомъ смыслѣ, присовокупить здѣсь и Петра Михайловича Каницевича, командовавшаго 6-мъ корпусомъ и съ центральной батареи громившаго Михаила Нея. Далѣе, въ примѣчаніи, стр. 1, Ѳ. Н. дѣлаетъ выписку изъ изреченій XVII главы Исаіи: «Въ тѣ дни возстанетъ князь Михаилъ и ополчится за люди своя.» Это авторъ относитъ къ Князю Кутузову.

Шамбре (t. II, p. 67), также участникъ въ битвѣ, пишетъ: «Успѣхи Французовъ въ этой части позиціи ограничились занятіемъ «редантовъ и деревни Семеновской. Упорство обороны соотвѣтство- «вало стремительности атаки, и съ обѣихъ сторонъ сражались съ рѣдкимъ мужествомъ».

По овладѣніи Семеновской позиціей, Галлуа, въ «Исторіи Мю- рата» (p. 216), говоритъ: «Французы находились еще въ безпоряд- «кѣ отъ побѣды: они видятъ себя тѣснимыми, удивляются и от- «ступаютъ. Мюратъ забываетъ самаго себя, и, чтобы собрать сво- «ихъ, нашелся окруженнымъ и угрожаемымъ попасться въ плѣнъ; «у него не остается другаго средства, какъ броситься въ редутъ, «который былъ набитъ оробѣвшими солдатами. Въ третій разъ «(p. 217) конница его открываетъ путь къ побѣдѣ, но она была «истощена усталостью. Мюратъ, Ней и Даву принуждены остано- «виться. Кутузовъ пользуется этимъ неожиданнымъ случаемъ, при- «зываетъ весь свой резервъ до самой гвардіи на свой лѣвый флангъ. «Багратіонъ возстановляетъ свою линію, и вскорѣ его огонь опу- «стошаетъ ряды Французовъ.[17] Его атака стремительна; пѣхота, «артиллерія, конница усиливаются въ одно время сбить Францу- «зовъ; Ней и Мюратъ ожесточаются противъ бури; дѣло идетъ уже «не о томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но только о сохра- «неніи первыхъ успѣховъ. Къ счастію, резервная артиллерія подо- «спѣла съ восьмидесятью орудіями, расположилась по гребню и «громила Русскихъ. Кавалерія первая потерпѣла отъ этой металли- «ческой стѣны, на которую она наступала густыми массами, въ «коихъ наши ядра производили широкія и глубокія борозды, одна- «ко же она все приближалась; тогда Французскія батареи удвоили «огонь картечью и произвели въ ней опустошеніе. И наконецъ, «колонны останавливаются, не смѣя болѣе подаваться впередъ, но «не хотятъ и отступать, и этѣ упорствующія массы позволяютъ «себя истреблять въ продолженіе двухъ часовъ. Французы устаютъ «отъ медленности дѣйствій артиллеріею, Ней, Даву, Мюратъ бро- «саются на Русскихъ, половина ихъ линіи опрокинута; тогда бой- «ня перестаетъ на равнинѣ и сосредоточивается на остальныхъ вы-

[17] Тьеръ (p. 335) говоритъ, что «Ней заставлялъ свои колонны ложиться, оставаясь самъ на ногахъ.»

«сотахъ Русскихъ, которыя Барклай упорно защищаетъ противъ «Вице-Короля».

Шамбре, описавъ вторичное отступленіе Русскихъ отъ Семеновскаго, разсказываетъ помянутый эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. II, p. 72): «Но не обнаруживалось ни какого безпорядка «въ арміи Русскихъ; участь битвы была еще сомнительна. Кутузовъ рѣшился на нападеніе. Французы поставили батареи (p. 73). «Наполеонъ, извѣщенный объ опасности, угрожающей его центру, «подвигаетъ гвардейскую пѣхоту, чтобы она была въ возможности, «въ случаѣ нужды, подкрѣпить. Однако же Русскіе шли впередъ, «медленно, поражаемые самымъ сильнымъ огнемъ артиллеріи, ка«кого, можетъ быть, ни одно войско не испытывало. Ихъ конница «атаковала нѣсколько разъ батареи и нѣкоторыми даже овладѣла. «Но, прикрывавшая ихъ, Французская конница возвратила батареи. «Наконецъ эта масса грозной пѣхоты, претерпѣвая несмѣтныя по«тери, умѣрила свое движеніе, потомъ остановилась. Это опасное «для Французовъ предпріятіе, такъ хорошо обдуманное, не уда«лось отъ медленности».

Сентъ-Илеръ (t. III, p. 68, 69) говоритъ: «Вновь подвезен«ныя восемьдесятъ пушекъ открыли огонь. За ядрами слѣдуетъ «картечь. Подавляемые этимъ желѣзнымъ ураганомъ, Русскіе ищутъ «перестроиться; смертоносный дождь удвоивается: они останавли«ваются, не смѣя ити впередъ и не хотятъ сдѣлать шагу назадъ. «Сорокъ тысячъ здѣсь оставляютъ громить себя въ продолже«ніе двухъ часовъ. Это было ужасное побоище, безконечная бойня»!

Пюибюскъ (p. 88) пишетъ о Русскомъ резервѣ и гвардіи въ этотъ моментъ: «Эти колонны были остановлены нашею артилле«ріей и оставались болѣе полутора часа неподвижными подъ нашей «картечью, не потерявъ ни пяди пространства».

Вильсонъ (p. 19) приводитъ слова Наполеона: «Баталіоны «склоняются подъ его огнемъ, но не хотятъ отступить, и не мо«гутъ, однако же, оставаться». Но, однако же, не ушли, а оставались.

Лавале (t. IV, p. 543) пишетъ: «Непріятельскія массы въ «третій разъ бросились на Семеновское; столкновеніе было ужас-

«пос: все сцѣпилось, смѣшалось и, среди грома осьмисотъ орудій, «люди душатъ другъ друга». [18]

Генералъ Сарразенъ, описывая завладѣніе въ первый разъ Семеновскимъ (р. 130), присовокупляетъ: «Первый успѣхъ стоилъ «столько крови, что Наполеонъ не смѣлъ и думать пользоваться «своею побѣдой, чтобы атаковать Кутузова, находившагося на раз- «стояніи только пушечнаго выстрѣла, со всею своею арміей, по- «строенной колонно въ массѣ».

Керъ-Портеръ (р. 153), описывая отбитіе нами Семеновскаго, присовокупляетъ: «Эта ужасная сцена была непродолжи- «тельна: Французы отступили, и Бонапарте имѣлъ горесть видѣть «свои лучшія войска потерявшими пространство, которымъ они «только что овладѣли».

Говоря о битвѣ на этомъ мѣстѣ (р. 154), присовокупляетъ: «Невозможно описать ожесточенія битвы, происходившей въ это «время (когда мы отбивали). На громъ тысячи пушекъ Русскіе «отвѣчали такимъ же числомъ.[19] Тучи дыма скрывали солнце отъ

---

[18] Въ рапортѣ Фріана (Journal des sciences milit. etc. 1826, t. V, p. 137) описывается, какъ при Утицѣ Русскій гренадеръ и Польскій солдатъ, оба раненые, подползли одинъ къ другому и, схватившись другъ друга за волосы, такъ умерли. Фріанъ присовокупляетъ, что, увидя это, Понятовскій, обратилъ вниманіе Маршала Даву, присовокупивъ: «Вотъ примѣръ неугасимой антипатіи между двумя народами!» Оставляя въ сторонѣ народную непріязнь, опредѣляемую Понятовскимъ, въ Бородинской битвѣ ожесточенье Русскихъ видѣло однихъ Французовъ. Подобныхъ сценъ разсказывали много. Такъ, я, въ тотъ же день, слышалъ отъ очевидцевъ, что одинъ нашъ барабанщикъ, едва живой, подползъ къ раненому Французу, на центральной батареѣ, и, вынувъ изъ перевязи барабанную палку, толстымъ концемъ билъ Француза по головѣ. Здѣсь не было съ Генераломъ Бонами Поляковъ, слѣдственно и международныхъ отношеній. Мы видѣли только врага, не различая въ битвѣ національностей. И если Понятовскій видѣлъ сцену, описываемую Фріаномъ, между Русскимъ и Полякомъ, то это одна случайность: ибо Русскій гренадеръ подползъ бы точно также и къ солдату старой гвардіи Наполеона, и къ каждому изъ составлявшихъ его армію. Ожесточенье Русскихъ въ этой битвѣ, даже между ранеными, описывается, какъ увидимъ далѣе, многими, и въ числѣ ихъ Генераломъ Графомъ Солтыкомъ. Впрочемъ, результатъ самой битвы, почти безъ плѣнныхъ, лучше всего объясняетъ это.

[19] Число орудій преувеличено: въ обѣихъ арміяхъ было около тысячи двухсотъ пушекъ.

«сражавшихся и не оставляли имъ для продолженія своихъ убій-«ственныхъ дѣйствій другаго свѣта, кромѣ выходящаго изъ ихъ «ружей, стрѣлявшихъ по всѣмъ направленіямъ. Сабли сорока ты-«сячъ драгунъ скрещиваются и звучатъ среди этого ужаснаго мра-«ка, между тѣмъ какъ оконечности безчисленныхъ штыковъ бли-«стали со всѣхъ сторонъ и покрывали землю грудами убитыхъ».

Участникъ въ битвѣ, Французъ, въ сочиненіи своемъ[20] (p. 21) говоритъ: «Видѣли Русскія карре, которыхъ конница не могла по-«чать, и чтобы успѣть въ этомъ, были въ необходимости, посред-«ствомъ картечи, широко открывать ряды, въ промежутокъ кото-«рыхъ кирасиры производили свои атаки».

Въ «Картинѣ войнъ» (p. 429) читаемъ: «Между тѣмъ уже че-«тыре часа какъ продолжается бой, но поле битвы еще не было «открыто. Русскіе уступили мѣсто (на лѣвомъ флангѣ), но не въ «безпорядкѣ, и видны были: ихъ центръ, резервы подвигаю-«щимися влѣво на смѣну, а на ихъ мѣсто становились другіе». По отбитіи Русскими центральной батареи, которой овладѣлъ было Генералъ Бонами, сказано: «Такимъ образомъ, на всемъ простран-«ствѣ успѣхъ былъ перѣшителенъ, и Кутузовъ готовился къ атакѣ».

Въ сочиненіи: «Moscou av. et apr. l'incendie» (p. 14) ска-зано, что «Кутузовъ выдержалъ атаку съ большою неустраши-«мостью, и побѣда долго была не рѣшенною. Наполеонъ долженъ «былъ пожертвовать частью своей конницы, чтобы овладѣть Рус-«скими позиціями, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Поло-«женіе Французовъ было таково, что имъ должно было побѣдить, «или умереть». Тиссо (t. II, p. 722) говоритъ то же, что «Фран-«цузы были увѣрены въ успѣхѣ битвы, по тому что имъ неотмѣн-«но должно было побѣдить, или умереть, и эта мысль воспламе-«няла ихъ храбрость».

Баронъ Денье (p. 77) говоритъ: «Оборона непріятеля упор-«на, но въ центрѣ онъ оказываетъ наиболѣе энергіи; роковой ре-«дутъ (центральный) опустошаетъ (décime) наши ряды; онъ взятъ

---

[20] «Details abregés sur la campagne de Moscou, en 1812 etc., par un Français etc. Paris, 1841, in 12.

«и отбитъ, и опять оспаривается». Приказываютъ Коленкуру и пѣхотѣ взять оный (р. 79) (далѣе восклицаетъ): «Должно побѣдить, «или умереть; нѣтъ болѣе воспоминаній, скоро не будетъ и отече-«ства. Ночь! Запоздалая ночь! Прійди сокрыть столько ужасовъ; «изнеможеніе, останови убійства!»

Лабомъ (р. 154) пишетъ, что, когда во второй разъ овладѣли центральной батареей, «Русскіе, защищавшіе ее, предпочитали «смерть плѣну». То же находимъ въ другомъ сочиненіи (Beautés viet., p 241): «Всѣ Русскіе солдаты предпочитали быть убитыми «на своихъ мѣстахъ».

Генералъ Пеле, также участникъ въ битвѣ, говоря объ этой батареѣ (р. 138), присовокупляетъ: «Русскіе умираютъ на своихъ «пушкахъ».

Умалчиваю объ этомъ окончательномъ овладѣніи центральною батареей: тѣ же подвиги Русскихъ, та же справедливость, отдаваемая имъ непріятелемъ. Но нельзя умолчать здѣсь о засвѣдѣтельствованіи, также участника въ битвѣ, Виттурини, тѣмъ болѣе засвѣдѣтельствованіе его замѣчательно, что онъ не Французъ, а Нѣмецъ. Вотъ его слова, приведенныя Ѳ. Н. Глинкою: «Русскіе ар-«тиллеристы были примѣрно вѣрны своему долгу. Брали редуты, «ложились на пушки и не отдавали ихъ безъ себя. Часто, ли-«шась одной руки, канониръ отмахивался другою. У подножья «редантовъ лежали Русскіе, Нѣмцы и Французы; истекая кровью, «они еще язвили другъ друга чѣмъ кому было можно. Иные, какъ «говорятъ, грызлись зубами».

Тиссо, въ сочиненіи, писанномъ обществомъ Офицеровъ, представляетъ эпизодъ при Семеновскомъ и присовокупляетъ (t. II, p. 724): «Три линіи Французскихъ батарей громятъ Русскихъ... «Наконецъ, послѣ четырехчасовой битвы, упорной и кровопро-«литной, Русскіе были сбиты и два редута ихъ взяты». И такъ, кажется, кончено, Русскіе были enfoncés и пр.; но нѣтъ: здѣсь авторъ пошутилъ, и въ слѣдъ за симъ (р. 725) присовокупляетъ: «Однако же битва возобновляется съ новымъ ожесточеніемъ. Свѣ-«жія войска идутъ на встрѣчу Русскихъ колоннъ, которыя, бывъ «остановлены дивизіею Фріана и осыпаемы картечью осьмидесяти

«пушекъ, остаются неподвижными: не смѣя [21] ити впередъ, но и «не хотятъ отступать».

Изъ «Записокъ Вице-Короля» (t. VII, p. 5) видно, что «онъ «долженъ былъ ити изъ Бородина на Горки; но большія силы «Русскихъ занимали это мѣсто». Пунктъ этотъ былъ страшенъ непріятелю.

Генералъ Водонкуръ (въ «Исторіи Вице-короля Итальянскаго», t. II, p. 100) подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что «по диспози«ціи, Вице-Король долженъ былъ атаковать Горки и центральную «батарею. Въ шесть часовъ утра (p. 101), онъ захватилъ Бороди«но, перешелъ Колочу, но былъ принужденъ опять перейти на«задъ, встрѣтивъ здѣсь сильное сопротивленіе, а по тому и не пред«принялъ атаки».

Значитъ, не только что онъ не смѣлъ покуситься на эту атаку, но нашъ правый флангъ атаковалъ еще его лѣвый конницею Уварова и Платова, которая, по сознанію самихъ Французовъ (Пеле, Шапюи и др.), если бы не была отозвана и дѣйствовала рѣшительнѣе, то поставила бы армію Наполеона въ самое критическое положеніе.

Жомини (t. II, p. 227) говоритъ, что въ три часа Французы овладѣли центральной батареей и Семеновскими флешами: «однако же Русскіе, перестроившіеся за двумя оврагами, пред«ставляли еще упорное сопротивленіе. Обѣ стороны, присо«вокупляетъ онъ, утомленныя убійствомъ, перестрѣливались изъ «орудій, не атакуя другъ друга.»

Лабомъ (p. 158) пишетъ: «Въ продолженіи нѣсколькихъ ча«совъ Французы оставались въ этомъ бездѣйствіи, увѣренные, что «Кутузовъ отступаетъ; одна артиллерія изрыгала на всѣхъ пунк«тахъ пламя и смерть.... Болѣе десяти часовъ выдерживали непрі«ятельскія атаки; [22] битва еще не кончена; не было дивизіи, ко«торая не оплакивала бы своихъ начальниковъ.»

---

[21] «N'osant pas avancer», выраженіе, часто употребляемое Французами, очень не кстати къ разсказываемому ими же самими.

[22] Изъ сего видно, что наши нападали, и что при концѣ дѣло не было еще рѣшено.

Фенъ (t. II, p. 37) говоритъ: «Еще только четыре часа, «еще одно усиліе, и Наполеонъ могъ бы превратить пораженіе въ «бѣгство. [23] Но начальники говорятъ объ усталости; войска уто- «млены; надобно бы было употребить гвардію.... Императоръ на- «шелъ не нужнымъ пріобрѣсть послѣдній успѣхъ за такую цѣну.»

Бисмаркъ (p. 149) пишетъ, что Наполеонъ сказалъ настаивавшимъ у него на счетъ введенія гвардіи въ дѣло: «Я долженъ «беречь мой резервъ; [24] на нынѣшній день побѣда обезпечена; Рус- «скіе не оставятъ намъ Москвы, не испытавъ еще битвы.»

Норвенъ, какъ говоритъ въ предисловіи къ «Исторіи Наполеона», собравшій всѣ свѣдѣнія о Наполеонѣ, съ перваго его времени, замѣчателенъ наборомъ словъ и расточительностію фразъ, при описаніи этого эпизода. Разсказавъ о кровопролитной сѣчѣ при Семеновскомъ (t. III, p. 310), присовокупляетъ: «Остатки ар- «міи Кутузова останавливаются на Псаревскомъ оврагѣ и, не «знаю для чего, остаются тутъ подъ огнемъ нашихъ батарей» и пр. Замѣчательно, что онъ не знаетъ для чего? Ему хотѣлось бы, чтобы мы не останавливались на второй позиціи, а ушли, не сражаясь болѣе. «Отъ насъ зависѣло (присовокупляетъ этотъ зна- «менитый исторіографъ многихъ изданій) истребить Русскихъ, но «для этого нужно было ввести въ дѣло гвардію, почавъ этотъ кор- «пусъ, еще не тронутый, и который могъ спасти армію отъ опа- «сности, или обезпечить побѣду въ другомъ сраженіи. Предусмо- «трительность, такъ торжественно доказанная въ послѣдней поло- «винѣ кампаніи, не допустила Наполеона нанести Кутузову второй «ударъ.» Но чѣмъ же эта предусмотрительность такъ торже- ственно оправдалась? Гвардія не принимала ни какаго участія въ битвахъ въ продолженіе всей этой войны, исключая молодой гвардіи, въ первые два дня послѣ Бородина, въ авангардѣ, гдѣ дѣйствіе ея, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было безуспѣшно, и наконецъ подъ Краснымъ, противъ слабаго отряда Графа Ожа-

---

[23] Господинъ Императорскій Секретарь очень легко произнесъ свое заключеніе. Въ Бородинѣ, какъ и вездѣ, Русскіе показали, что ихъ не такъ легко обращать въ бѣгство.

[24] Въ книгѣ: «Maximes de Napoleon etc.,» читаемъ противное. См. гл. III.

ровскаго, чтобы открыть путь Наполеону къ Оршѣ, куда онъ и поспѣшилъ. Такъ Французскіе историки фразами своими убаюкиваютъ читателей. Очистивъ разсказы отъ фразъ, выйдетъ, что Русскій лѣвый флангъ отступилъ на вторую позицію, къ которой Французы не рѣшались приближаться. Послѣ же всѣхъ восторженныхъ фразъ, сказанныхъ о мнимомъ разгромленіи Русскихъ, наконецъ, когда пришлось сводить счетъ, Г. Норвенъ называетъ эту битву (p. 340) «trop peu décisive».

Генералъ Сарразенъ, разсуждая объ успѣхахъ Неаполитанскаго Короля противъ лѣваго фланга Русскихъ, и какъ бы оправдывая Кутузова на счетъ его отступленія (p. 145), присовокупляетъ: «И дѣйствительно, мы видимъ, что Кутузовъ предупреж-«даетъ своего Государя, что онъ найдется въ необходимости оста-«вить свою позицію, если Наполеонъ направится по Московской «(старой) дорогѣ, обходя его позицію.... Кутузовъ показываетъ «Наполеону то, чтобы онъ долженъ былъ сдѣлать. Кутузовъ по-«даетъ назадъ свой лѣвый флангъ и центръ (т. е., лѣвый флангъ «центра), и съ отборнымъ своимъ войскомъ принуждаетъ Вице-«Короля отступить къ своему центру — движеніе, исполненное съ «поспѣшностію. Временно побѣдитель лѣваго крыла Французовъ, «Кутузовъ идетъ противъ нашего центра и заставляетъ его отсту-«пить и пр. Такимъ образомъ Наполеонъ, выгнанный изъ пра-«выхъ редутовъ и центра Русскихъ, находится атакованнымъ этѣмъ «же самымъ Кутузовымъ.»

Я не имѣю намѣренія и не признаю въ себѣ достаточно силъ, чтобы представить полную картину Бородинской битвы; нѣсколько эпизодовъ, здѣсь приведенныхъ, имѣли главной цѣлью показать упорное и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, отважно вступившихъ въ борьбу съ закаленными въ двадцатилѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ воинами, подъ предводительствомъ непобѣдимаго до того времени полководца-Государя. Твердость и неустрашимость нашихъ войскъ изумила непріятелей; артиллерія, избранная Наполеономъ главнымъ орудіемъ въ этой исполинской битвѣ, не могла поколебать извѣстной стойкости нашего солдата; громимый, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ внималъ голосу начальниковъ точно также, какъ бы дѣлалъ это въ мирныхъ воинскихъ

упражненіяхъ. Онъ истощилъ своимъ самоотверженіемъ силы и снаряды непріятелей, которые должны были прекратить первые ужасающіе огонь сосредоточенныхъ ими батарей въ нѣсколько сотъ орудій, израсходовавъ изумительное количество снарядовъ, какъ это будетъ показано въ III главѣ этого Отдѣленія.

ГЛАВА III.

ОКОНЧАНІЕ БИТВЫ И ПОЛОЖЕНІЕ АРМІИ НОЧЬЮ.

По взятіи центральной батареи и послѣ атакъ конницы, на пространствѣ около этой батареи, Генералъ Пелэ (р. 529), говоритъ: «Милорадовичъ, начальствовавшій корпусами Остермана и «Корфа, собравъ остатки корпусовъ Бороздина, Раевскаго и Дох«турова, построилъ послѣднюю линію, которую Русскіе могли про«тивопоставить. Линія эта была болѣе грозною своимъ положе«ніемъ, чѣмъ числительною своею силой.» За симъ описываетъ свое положеніе и ужасный огонь, ею производимый.

Сегюръ (t. I, p. 401) говоритъ, что, когда Бельяръ пріѣхалъ въ третій разъ, Наполеонъ сѣлъ на лошадь и медленно поѣхалъ на Семеновскія высоты. «Онъ нашелъ поле битвы не вполнѣ пріобрѣтеннымъ и еще оспариваемымъ ядрами и пулями «Русскихъ; они остановились и начали окапываться на новой «позиціи.»

Изъ этого видно, что не только нашъ центръ и безспорно правый флангъ оставались твердо на мѣстѣ, но и лѣвый флангъ, отступивъ на вторую позицію, началъ окапываться и оспаривалъ потерянное мѣсто, не только ядрами, но и пулями: линія эта была грозна «по засвѣдѣтельствованію Пелэ,» и Наполеонъ нашелъ, что поле битвы не вполнѣ пріобрѣтено и еще оспариваемо; слѣдовательно, слово «побѣда» здѣсь неумѣстно.

Баронъ Фенъ описываетъ отступленіе нашего лѣваго фланга: Наполеонъ осматриваетъ самъ эту послѣднюю нашу позицію, на которой нашъ лѣвый флангъ остановился, и видитъ (t. II, p.

37): «Русскія массы стоящими предъ Псаревскимъ оврагомъ.» «Русскія массы, присовокупляетъ авторъ, не могутъ болѣе ити «на насъ, а между тѣмъ не хотятъ отступить.» Далѣе (p. 38): «Русскіе упорствуютъ оставаться подъ огнемъ нашихъ батарей, «сказалъ Наполеонъ, но пусть же и остаются. Артиллерія до по- «чи дѣйствуетъ ужасно!» [25]

И это далеко не обозначаетъ **побѣды**, даже относительно одного фланга; ибо онъ остановился твердо, и Французы не дерзали напасть на него: это только мѣстный успѣхъ, не болѣе.

Тьеръ (p. 334) объ этомъ эпизодѣ говоритъ: «Русская ар- «мія (лѣвый флангъ), подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ, от- «ходитъ медленно и останавливается у опушки Псаревскаго лѣса. «Ее не атакуютъ болѣе, и, въ ожиданіи рѣшительнаго движенія, «Французы ставятъ въ линію артиллерію всѣхъ корпусовъ и со- «средоточиваютъ на Русскихъ триста орудій. Подъ массою снаря- «довъ, которыми ихъ засыпаютъ, они остаются **неподвижными** «и твердо сомкнутыми.»

И изъ этого далеко не видно **побѣды**.

«Наполеонъ (p. 346) объѣзжаетъ линію вскачь и видитъ «Русскихъ, стоящихъ неподвижно въ плотныхъ массахъ, не пред- «ставляя возможности нигдѣ легко взяться за нихъ.»

---

[25] Въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ обязательнаго И. И. Греча, между прочимъ читается: «О графѣ Нарбонѣ — «Вотъ что я слышалъ отъ Барона «Де Баранта, бывшаго въ 1836 году Посломъ въ Петербургѣ: «Въ числѣ «особъ, составлявшихъ свиту Наполеона въ 1812 году, находился у него и «образованный дипломатъ Графъ Де-Нарбонъ, носившій званіе Император- «скаго Адъютанта. На канунѣ Бородинской битвы Наполеонъ спросилъ у него, «имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что есть большая битва?—Ни малѣйшаго, «отвѣчалъ Нарбонъ. — Такъ я вамъ скажу, продолжалъ Наполеонъ, это въ «точности трагедія: начинается изложеніемъ дѣла и предстоящихъ препят- «ствій; во второмъ актѣ дѣло запутывается, въ третьемъ — еще болѣе, а «въ четвертомъ—разгараются и бушуютъ страсти; въ пятомъ спорное дѣло «рѣшается, выходитъ авторъ и возвѣщаетъ мораль пьесы. На другой день, «по приближеніи вечера, когда дѣло не развязывалось, Наполеонъ обратил- «ся къ стоявшему возлѣ его Нарбону, сказавъ: «Narbone! aujourd'hui le cin- «quième acte n'arrive pas!»

Значитъ, въ совершенномъ порядкѣ на второй позиціи.

Еще далѣе (р. 347) авторъ говоритъ: «Въ глубинѣ поля бит-«вы густыя Русскія массы представляли артиллеріи богатую до-«бычу, и казались вызывающими насъ.»

Слѣдовательно, все таки вызывали на поле битвы.

«Такъ какъ имъ хочется еще, сказалъ Наполеонъ съ же-«стокой свычкой съ полемъ битвы, то поддайте имъ еще (don-«nez leurs en)! Онъ приказалъ поставить свою артиллерію, кото-«рая не была употреблена, и съ этой минуты начали дѣйствовать «около четырехъ сотъ орудій. Такимъ образомъ, въ продолженіе «нѣсколькихъ часовъ, стрѣляли въ массы Русскихъ, которые упор-«но стоятъ въ линіи, подъ этой ужасной канонадой, теряя тысячи «людей безъ колебанья. Слѣдовательно, тутъ убивали вмѣсто того, «чтобы брать плѣнныхъ; [26] мы также теряли людей, но, конечно, «шестую часть противъ тѣхъ, которыхъ поражали. Съ наступле-«ніемъ ночи канонада прекратилась.»

Спрашивается: какая же это побѣда?

Исторіографъ этотъ говоритъ (р. 345): «Ужасы этой страш-«ной битвы, безпримѣрные еще для Наполеона, хотя онъ и ви-«далъ ихъ много, и очень кровопролитныхъ, какъ бы изумили «его геній.»

Буржуа (р. 46) свѣдѣтельствуетъ, что Русскіе оставили поле сраженія (опять говорю—только лѣвое крыло); «однако же Фран-«цузская артиллерія продолжала стрѣлять.»

Значитъ, что фланъ этотъ оставался на своей второй позиціи неподвижно, а Генералъ Гурго, извѣстный преданностію На-полеону (р. 133), присовокупляетъ: «Позиція эта была еще «сильна.»

Неле, разсказавъ, какъ видно было выше, о личномъ обозрѣніи Наполеономъ позиціи при Горкахъ, когда онъ былъ за

---

[26] Да какъ же было брать плѣнныхъ, когда не сдавались, предпочитая смерть плѣну? Это свѣдѣтельствуется всѣми писателями, участниками въ битвѣ.

руку отведенъ назадъ (р. 142), присовокупляетъ: «Съ сей минуты «битва кончилась. Пушечная пальба продолжалась еще довольно «долго и окончилась совершенно около шести часовъ.»

Изъ этого слѣдуетъ, что Французы оттѣснили нашъ лѣвый флангъ на вторую позицію, но къ которой приступить не отваживались. Относительно же атаки центра — Наполеонъ отваживался еще менѣе.

Сегюръ (р. 401) говоритъ: «День уже склонялся; наши спа«ряды были истощены; битва кончилась....» (р. 402): «Русскіе «укрѣпляются въ своей послѣдней позиціи (т. е., лѣвый флангъ), «Наполеонъ не думаетъ болѣе ни о чемъ, какъ только внушить «побѣдителю осторожность.»

Что за фразы! Отбросивъ ихъ, находимъ, что Русскіе остались на мѣстѣ и Наполеонъ не думаетъ уже продолжать битву, а опасается, чтобы мы оной не начали.

Тиссо (t. II, p. 139), говоря о второй позиціи нашего лѣваго фланга, присовокупляетъ, что «эта вторая возвышенность бы«ла покрыта батареями, хорошо дѣйствующими, истощала безпре«рывнымъ огнемъ своимъ наши войска и сопротивлялась движе«нію, которое Ней хотѣлъ предпринять». [27] Какая же это побѣда?

Генералъ Рапнъ (р. 168) говоритъ: «Битва была выиграна, «но огонь былъ все еще ужасный.»

Съ кѣмъ же перестрѣливались, когда непріятель сбитъ? Такого обмѣна изъ орудій не бываетъ

Пелс также говоритъ (р. 140), что Наполеонъ не очень былъ доволенъ результатомъ битвы: «Русскіе понесли огромныя потери «съ того времени, какъ они должны были выдержать на откры«томъ мѣстѣ огонь нашей артиллеріи. Поля скрывались подъ гру-

---

[27] Г. Тиссо не могъ же оставить это безъ прекрасы фразою и не потѣшить себя и своихъ, а по тому, въ слѣдъ за послѣдними словами, и говоритъ (р. 140): «Однако же Русскіе замѣтили, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно — «ночью отступили. По утру мы ясно увидѣли, что они отступили.» — Что за безсмыслица!

«дами труповъ: они представляли по нѣскольку Русскихъ на од-«ного Француза.»

Это все можетъ быть, но ни какъ не доказываетъ побѣды, что, въ слѣдъ за симъ, скажетъ и самъ авторъ.

«Однако же (продолжаетъ Генералъ Пеле) мы взяли лишь «нѣсколько человѣкъ, по одиночкѣ раненыхъ и пушки, бывшія въ «укрѣпленіяхъ. Русскіе оказали всюду сопротивленіе, пре-«кращавшееся только съ ихъ жизнію.»

Указывая на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя Кутузовымъ, Генералъ Пеле восклицаетъ: «Преданность Генераловъ (p. 522) и «непоколебимая храбрость солдатъ спасли Россію. Другія вой-«ска были бы разбиты и можетъ быть уничтожены до по-«лудня. За чѣмъ не сознать ошибокъ, исправленныхъ съ такою «славой?»

Вотъ это истина безъ прикрасъ фразами. Она прямо говоритъ, что Русскіе не были разбиты.

Въ «Der Krieg des franzos. etc., im Jahr 1812» (S. 107), сказано: «Не смотря на чрезвычайныя усилія Французовъ, сопровож-«давшіяся большими потерями, въ центрѣ они оставались до полу-«дня тщетными, и потери ихъ были значительны. Но послѣ полу-«дня Русскіе должны были уступить (т. е., лѣвый флангъ), и по «сему (авторъ очень наивно прибавляетъ) кажется Наполеонъ «одержалъ побѣду самыми кровавыми пожертвованіями.»

Дюрданъ (p. 38) говоритъ: «Какъ бы то ни было, но этотъ «успѣхъ, столь дорого пріобрѣтенный, долженъ почитаться по-«слѣднимъ изъ одержанныхъ Наполеономъ.»

Въ «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 24): «Непріятель былъ «побѣжденъ, но между тѣмъ поддерживалъ свой огонь, и толь-«ко около ночи онъ прекратился съ обѣихъ сторонъ.»

Съ кѣмъ же, повторяю, побѣдитель перестрѣливался?!

Мишо (p. 134) пишетъ: «Сплою крови и усиліями успѣли «сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ пунктовъ.... Сѣча кончилась

«только съ окончаніемъ дня. Только тогда, наконецъ, непріятель «удалился съ поля битвы, и Французская армія провела на ономъ «ночь. [28] Наполеонъ почелъ себя побѣдителемъ, но, какъ Пирръ, «онъ могъ сказать: «Еще одна такая же побѣда, и мы погибли!»

Клаузевицъ, разсуждая о Бородинской битвѣ, говоритъ, между прочимъ (de la guerre, p. 454): «Дѣйствительно, въ про«долженіе этой битвы не могло еще быть рѣчи о преслѣдованіи. «Побѣда рѣшилась въ четыре часа по полудни, но Русскіе за«нимали еще большую часть поля битвы; они не хотѣли «еще оставить его, и если бы атака возобновилась, то «они оказали бы упорное сопротивленіе.»

Что за логика? Побѣжденные занимаютъ большую часть позиціи, не хотятъ оставить оной и оказали бы упорное сопротивленіе! Все это вмѣстѣ ни какъ не склеивается. Но вотъ что, въ слѣдъ за симъ, говоритъ авторъ: «Естественно, это повело бы ихъ «къ совершенному разбитію.» — Это по чему? — По Нѣмецки! Но, въ слѣдъ за симъ, онъ утѣшаетъ насъ, говоря: «Это стоило бы «много крови и Французамъ.»

Но еще замѣчательнѣе слова въ слѣдъ за послѣдними: «Въ «Бауценѣ (Будышинѣ) побѣжденный предпочелъ первый оставить «поле битвы. Въ Бородинѣ, побѣдитель предпочелъ довольствовать«ся не полною побѣдой.» Я рѣшительно не нахожу смысла, особенно въ первой половинѣ фразы: «побѣжденный предпочитаетъ первый оставить поле битвы!» Да какъ же бы это могло быть иначе? Вѣдь не побѣдителю же первому отступить, если того не было въ общемъ планѣ, такъ какъ это было у насъ въ 1812 году; а въ Бауценѣ о такомъ планѣ не могло быть и рѣчи. Шутница, часто встрѣчаемая въ книгѣ Клаузевица.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) свѣдѣтельствуетъ: «Съ прибли«женіемъ ночи Императоръ приказалъ прекратить огонь и «занять позицію. Непріятель, съ своей стороны, остановился: пра«вый флангъ у Горокъ, лѣвый — въ лѣсу, между двумя дорогами

---

[28] Слишкомъ неопредѣлительно! Французы ночью занимали передовыми постами только Семеновское. О чемъ будетъ говорено далѣе.

«въ Москву.» Шнейдавиндъ (1-te Band, S. 195) говоритъ одинаково, что «правый флангъ нашъ оставался у Горокъ, а лѣвый при-«мыкалъ къ лѣсу у Утицы, нѣсколько сзади оной, оставляя Семе-«новское впереди.»

Изъ этого видно, что Французы первые отказались отъ дальнѣйшей битвы, прекративъ свой огонь. Относительно же обозначенія позиціи, намъ не нужно было останавливать нашъ правый флангъ у Горокъ, которыя нами были заняты съ самаго начала, т. е., за четыре дня до битвы, и въ продолженіе оной войска отбивали изъ нихъ всѣ покушенія непріятеля. Сверхъ того, Горки не были правымъ флангомъ въ общей позиціи: это былъ правый флангъ центра; ибо, правѣе ихъ, на правомъ флангѣ позиціи, находились: цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова, Платовъ съ Казаками и нѣсколько егерскихъ батальоновъ. Оттуда и дѣланы были нападенія на лѣвый флангъ Французовъ. Бывшіе же тамъ два пѣхотные корпуса, 2 и 4-й, во время битвы получили другое назначеніе. Что же касается до лѣваго нашего фланга, то хотя Генералъ Бертезенъ и не положительно указываетъ, но направленіе вѣрно, и это все доказываетъ только то, что этотъ флангъ изо всей позиціи осадилъ на нѣсколько сотъ саженъ, на свою вторую позицію, не разорвавъ связи съ общей.

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Послѣ долгихъ переговоровъ Ви-«це-Короля съ Бертье, первый—приказалъ прекратить пушеч-«ную пальбу, тогда непріятель сдѣлался спокойнѣе; онъ дѣлалъ «временами по нѣскольку выстрѣловъ, и тишина его послѣдняго «редута (Горки) несомнѣнно насъ удостовѣрила, что Русскіе отсту-«паютъ по дорогѣ въ Москву.»

Изъ этого засвѣдѣтельствованія опять видно, что Французы первые отказались продолжать битву, прекративъ свой огонь; нашъ же огонь, должно полагать по выраженію, если это не фраза, ихъ безпокоилъ. Относительно же тишины съ нашего редута у Горокъ, то это былъ не послѣдній; ибо ниже этой батареи (только въ три орудія), а не редута, была еще батарея въ девять орудій, не считая находившихся на правомъ флангѣ, и орудій, выставленныхъ безъ искуственнаго прикрытія тотчасъ влѣво возлѣ Горокъ. Касательно же несомнѣнности, по-

рожденной въ мысляхъ непріятеля, на основаніи, что батарея съ Горокъ не производила огня, и что послужило къ заключенію, что мы отступаемъ по дорогѣ на Москву, то, помимо того, что мы вовсе тогда и не думали еще отступать, да по чему же мы должны бы были совершить это движеніе именно на Москву? Это все догадки автора. Обращаюсь къ прекращенію огня съ Горокъ, давшему поводъ заключать о нашемъ отступленіи. Батарея, или какъ авторъ называетъ, редутъ, былъ занятъ артиллеріею до разсвѣта слѣдующаго дня. Послѣ же битвы, когда стемнѣло, бывшія тутъ орудія роты Маіора (Х. II.) Дидерихса, были смѣнены орудіями роты Полковника Гулевича. Прапорщикъ (В. Ѳ.) Раевскій занялъ эту батарею, гдѣ оставался, и снялся съ оной только при отступленіи арріергарда. [29]

Боссе, Префектъ дворца (t. II, p. 99) говоритъ: «Вечеромъ, «въ семь часовъ, Наполеонъ возвратился въ свою палатку, и я за«мѣтилъ, что, противъ обыкновеннаго, лице его было распалено, «волосы въ безпорядкѣ и видъ усталый. Сердце его страдало отъ «потери столькихъ Генераловъ и храбрыхъ солдатъ. Здѣсь, конеч«но, въ первый разъ онъ понялъ, что слава дорого была запла«чена» и т. д. Боссе, рьяный сторонникъ Наполеона, приписываетъ это чувство тому, что онъ не употребилъ въ дѣло гвардіи и пр.

Сегюръ (t. 1, p. 403) пишетъ: «Когда послѣ битвы Напо«леонъ вошелъ въ свою палатку, къ упадку физическихъ его силъ «присоединилась большая печаль нравственная. Онъ видѣлъ поле «битвы: мѣстность говорила еще болѣе, чѣмъ люди. Около десяти «часовъ вечера пріѣхалъ (p. 404) Мюратъ опять просить гвардей«ской конницы и доносилъ, что Русская армія въ безпорядкѣ пе«реходитъ чрезъ Москву рѣку. [30] Онъ хотѣлъ напасть на нихъ и по«рѣшить. Наполеонъ отвергъ эту выходку чрезмѣрной горячности, «потомъ продиктовалъ бюллетень этого дня (18), замѣчательный «своею ложью».

---

[29] Онъ былъ награжденъ золотою шпагой «за храбрость», тогда очень рѣдкой, особенно въ его чинѣ. Раевскій живъ по сіе время.

[30] На другой же день этотъ самый Мюратъ оспаривалъ Нея, утверждая, что Русскіе отступили въ порядкѣ.

Сегюръ продолжаетъ (p. 403): «Эта побѣда, которой такъ «долго домогались и которую купили столь дорого, была непол- «ною. Дѣйствительно, потери были огромны и безъ соразмѣрнаго «имъ результата... Въ арміи и въ палаткѣ Наполеона побѣда была «безмолвна, мрачна, одинока, даже безъ льстецовъ..... Тѣ, которыхъ «онъ призвалъ: Дюма, Дарю — слушали его и молчали (p. 404); «но ихъ видъ, ихъ потупленные взоры, ихъ молчаніе — не были «безмолвны».

Вотъ, что говоритъ объ этомъ самъ Графъ Дюма, въ «Воспо- минаніяхъ» (t. III, p. 440): «Около девяти часовъ вечера, я и Дарю «были позваны къ Императору (его бивакъ былъ расположенъ «среди карре батальона старой гвардіи). Ему подали ужинать; онъ «былъ одинъ и посадилъ насъ подлѣ себя, одного на право, дру- «гого на лѣво. Выслушавъ наши донесенія о сдѣланныхъ нами рас- «поряженіяхъ, для призрѣнія раненыхъ, и о ничтожности средствъ, «представляемыхъ Колоцкимъ монастыремъ и нѣсколькими дворами «около Бородина, онъ поговорилъ съ нами объ исходѣ битвы и «тотчасъ послѣ заснулъ минутъ на двадцать. Потомъ, вдругъ про- «снувшись, продолжалъ такъ: «Удивятся, что я не употребилъ «своихъ резервовъ, чтобъ пріобрѣсть болѣе значительные «результаты. Но я долженъ былъ ихъ сохранить, чтобы «нанести рѣшительный ударъ въ большой битвѣ, которую «намъ дастъ непріятель подъ Москвою. Успѣхъ (нынѣш- «няго) дня былъ обезпеченъ: я долженъ думать объ ус- «пѣхѣ кампаніи, а по тому я и сберегъ свои резервы».[31]

Тьеръ (p. 348) пишетъ: «Въ этотъ вечеръ изъявленія радо- «сти и удивленія, которыя нѣкогда рѣзко обнаруживались въ Аус- «терлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ — не были слышимы въ палаткѣ по- «бѣдителя».

---

[31] Здѣсь Наполеонъ поступилъ противъ своихъ правилъ. Въ его «Maximes de guerre» (Ar. 94, p. 49) сказано: «Les généraux, qui gardent des troupes frai- «ches, pour le lendemain d'une bataille, sont presque toujours battus. On doit, «s'il est utile, faire donner jusqu'a son dernier homme, parce que le lendemain «d'un succès complet, on n'a plus d'obstacle devant soi; l'opinion seule assure «de nouveaux triomphes au vainqueur».

Цельнеръ (S. 86) также свѣдѣтельствуетъ объ унынiи въ тотъ вечеръ въ палаткѣ Наполеона. И далѣе (S. 88) присовокупляетъ, что «вечеромъ, послѣ битвы, не было ни пѣсенъ, ни раз«сказовъ: господствовало общее печальное, молчаливое унынiе».

Не слишкомъ ли уже достаточно объясняется, за кѣмъ осталась честь этого дня?

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. 1812», описавъ довольно еще сносно Бородинскую битву, не могъ, однако же, воздержаться отъ обычныхъ фразъ, и вотъ одна изъ нихъ (t. II, p. 25): «Le soir venu, l'armée russe était en pleine déroute». Но тотчасъ же начинаетъ поправляться (p. 26): «Поле битвы покры«то было убитыми и ранеными. Какъ и подъ Эйлау, бой былъ «продолжительный и ужасный. Остановились биваками, не осмѣ«ливаясь атаковать, или даже сдѣлать малѣйшее преслѣдованiе. «Чтобы дать отдыхъ своимъ солдатамъ, Императоръ подвинулъ мо«лодую гвардiю, и приказалъ ей занять позицiю предъ Русскими».

Что за путаница! «Не «отваживается атаковать, но даже «и сдѣлать малѣйшаго преслѣдованiя! Русская армiя въ пол«номъ бѣгствѣ, а молодую гвардiю ставятъ на позицiю предъ «Русскими!» Вѣроятно, Г. Сентъ-Илеръ позабылъ, что онъ заставилъ уже Русскихъ бѣжать, такъ сказать, безъ оглядки, и что не кого было атаковать, а наголову разбитаго непрiятеля слѣдовало преслѣдовать, чего, конечно, не упустили бы, если бы это было такъ, какъ гласитъ фраза.

Останавливаясь отъ дальнѣйшихъ выписокъ объ этомъ предметѣ, ограничусь приведенiемъ мнѣнiя одного Нѣмца, автора книги: «Der Krieg d. franz. etc. 1812». Вотъ что у него читается (S. 111): «Вообще замѣчаютъ, что почти никогда разноплеменныя войска «не бились такъ яростно, какъ въ этотъ кровавый день. Каждый «былъ въ ожиданiи, что на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день произой«детъ спасенiе его отечеству, будетъ конецъ претерпѣваемымъ из«нуренiямъ, неизбѣжнымъ въ такъ малонаселенномъ краѣ и при«томъ въ столь жаркое лѣто, по чему и бились неимовѣрно храбро.[32] Виртембергцы, Саксонцы, Вестфальцы, Поляки, Фран-

[32] Причина оригинальная, откровенная, безъ фразъ, подобныхъ употребляемымъ

«цузы, Португальцы, Италіянцы, Хорваты, казалось, въ этой бит-«вѣ одушевлены были однимъ духомъ, чего не бывало ни прежде, «ни послѣ». Да! однимъ духомъ—голодомъ, который всѣми и выставляется на первомъ планѣ.

Далѣе сказано (S. 124): «Положимъ, что битва кончилась бы «отступленіемъ Русскихъ, или Французовъ, но во всякомъ случаѣ «послѣдніе были такъ изнурены сильными напряженіями овладѣть «укрѣпленіями и удерживать ихъ, что не были въ состояніи пре-«слѣдовать Русскихъ, или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать «по своему. Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, «чтобы опамятоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы «узнать движеніе и направленіе своего непріятеля. Многое, что «случилось въ послѣдствіи, было слѣдствіемъ изнуренія Великой «арміи, которая, можетъ быть, и била непріятеля, но не обра-«щала его въ бѣгство, можетъ быть отбила его, но не раз-«строила.»

Теперь должно разсмотрѣть положеніе арміи по окончаніи битвы, и мѣста, ими занятыя до утра.

По окончаніи битвы о расположеніи Французовъ встрѣчаются въ частностяхъ противорѣчащіе разсказы, но въ общемъ результатѣ представляется одно и то же.

Сегюръ (t. I, p. 402) пишетъ, что Наполеонъ, «возвратясь «въ свою ставку, подозвалъ Маршала Мортье, и приказалъ ему «подвинуть молодую гвардію, но въ особенности не перехо-«дить новаго оврага, отдѣляющаго его отъ непріятеля»,[33] и прибавилъ, «что онъ возлагаетъ на него сохранить поле битвы;

Французами. Тутъ просто сказано, что сражались храбро съ голоду. Что же касается до выраженья «спасенія отечества,» это чистый юморъ. Нѣмцы того времени шли въ Москву спасать свое отечество! Ужь и тутъ надо было быть столь же откровенными и сказать, что Французы велѣли имъ итти, а голодъ заставилъ ихъ драться. Не будь голода, а раздолье, какъ въ Германіи, можетъ быть они бы повторили Ульмъ, Іену и т. п. Сытые дерутся хуже голодныхъ, что замѣчено и у хищныхъ животныхъ.

[33] Значитъ, непріятель былъ тутъ, а не ушелъ?

«что требуетъ отъ него только этого, и болѣе ничего. Вскорѣ «онъ опять подозвалъ его и спросилъ: хорошо ли онъ его понялъ? «Приказывалъ не завязывать ни какого дѣла и въ особенности со«хранять поле битвы. Черезъ часъ онъ опять велѣлъ повторить «приказаніе — не ити впередъ и не отступать, что́ бы ни слу«чилось.»

Это доказываетъ какъ близкое присутствіе вовсе не разстроенныхъ Русскихъ, такъ и то, какъ мало было увѣренъ Наполеонъ въ своей силѣ.

Фенъ (t. II, p. 41) говоритъ: «Чтобы дать возможность «отдохнуть войскамъ, бывшимъ въ битвѣ, Наполеонъ приказываетъ «подвинуть молодую гвардію и занимаетъ ею позицію противъ «Русскихъ (значитъ, они были тутъ): «Сохраняйте поле битвы, «сказалъ онъ Герцогу Тревизскому (Мортье), дѣлайте, что я «вамъ говорю, и болѣе ничего!»

Гурго (p. 138) свѣдѣтельствуетъ тоже, что «Наполеонъ по«ручилъ молодой гвардіи сохраненіе поля битвы. Непріятель могъ «получить подкрѣпленіе въ продолженіе ночи; Наполеонъ дѣлаетъ «распоряженіе, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать ее.»

И это опять подтверждаетъ, какъ мало онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Эти три показанія лицъ, находившихся при Наполеонѣ, ясно доказываютъ, что Французская армія, бывшая въ дѣлѣ, отступила, какъ это далѣе будетъ сказано яснѣе, и что молодая гвардія въ этомъ мѣстѣ, т. е., при Семеновскомъ, составляла какъ бы авангардъ; а расположившись такъ, они это и разумѣютъ подъ именемъ поля битвы, что разъяснится въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, самая числительность молодой гвардіи (около 6 т.) доказываетъ, что она далеко не могла составлять и авангарда, а имѣла порученіе содержать посты въ Семеновскомъ.

Пеле (p. 142) пишетъ: «Французская армія расположилась «на пространствѣ, взятомъ у непріятеля близъ лѣса, въ который «онъ отступилъ.»

На этомъ пространствѣ, противъ нашего лѣваго фланга, Французы оставались до наступленья темноты, но потомъ стянулись къ Семеновскому, гдѣ смѣнены были молодою гвардіей, и пошли далѣе, назадъ, къ своему лагерю.

Рёдеръ, Полковникъ Гессенскаго Генеральнаго Штаба, участникъ въ битвѣ (S. 152), говоритъ: «Французы заняли только часть «поля битвы (на нашемъ лѣвомъ флангѣ); дивизія Роге, молодой «гвардіи, заняла ее. Наполеонъ у Шевардина, среди баталіоннаго «каре старой гвардіи.» Лессингъ, Саксонскій Офицеръ, участникъ въ битвѣ (t. I, S. 450), говоритъ то же, что «только одна конница занимала постами часть поля битвы, Русскіе также занимали оное: пѣхота же Французовъ отошла.» Лессингъ описываетъ ужасныя сцены и зрѣлища.

Генералъ Гофманъ, также участникъ въ битвѣ, въ «Schl. von Borodino» (S. 65), говоритъ, что, «по окончаніи битвы Французы были за Семеновскимъ. [34] Гвардія оставалась въ Шевардинѣ, а Понятовскій около Утицы.»

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Армія расположилась на полѣ «битвы и частью во взятыхъ ею редутахъ.»

Здѣсь поле битвы разумѣется около Семеновскаго, и самые редуты, въ которыхъ частью остановилась, какъ замѣчено выше, молодая гвардія. Относительно же центральной батареи, какъ смерклось, на ней не было и ведета со стороны Французовъ, отошедшихъ съ этѣхъ мѣстъ на лѣвый берегъ Семеновки. Эта батарея составляла оконечность лѣваго фланга 6 корпуса, который защищалъ ее, а по тому мнѣ близко извѣстно, что въ полночь на ней, кромѣ грудъ убитыхъ и умирающихъ, никого не было, да и быть не могло; ибо пунктъ этотъ для Французовъ былъ слишкомъ изолированнымъ впереди.

---

[34] Тогда Подполковникъ Генеральнаго Штаба у насъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ Пруссіи). Сказавъ за Семеновскимъ, значитъ должно понимать съ нашей стороны, т. е., что Французы имѣли передъ собою Семеновское, а занимали редуты только передовою цѣпью. Это въ дѣйствительности и было такъ.

Биньіонъ (р. 40) пишетъ: «Поле битвы принадлежитъ «намъ. Непріятельская армія не думаетъ болѣе возвращаться «на насъ; она придвинулась къ Псаревскому оврагу, но не от-«ступаетъ; послѣ ужасной канонады она стоитъ въ колоннахъ.»

Здѣсь опять идетъ рѣчь объ одномъ лѣвомъ флангѣ, ибо прочія части оставались на мѣстѣ. Замѣчательны выраженія: «болѣе не возвращается на насъ, но не отступаетъ!» Значитъ, что она остановилась на своей второй позиціи и ожидала Французовъ къ себѣ въ гости, и, по словамъ автора, не переходила даже за Псаревскій оврагъ.

Посмотримъ теперь сказанія еще нѣкоторыхъ.

Генералъ Сарразенъ (р. 144) говоритъ: «и Наполеонъ въ «Бородинѣ, какъ Фридрихъ въ Колинѣ, занимаетъ ночью про-«странство, на которомъ онъ находился, прежде чѣмъ «дать битву, кромѣ его праваго фланга, подъ начальствомъ Мю-«рата, который съ большимъ трудомъ удержался на отнятой у «Русскихъ позиціи.»

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ, что, по «окончаніи битвы, «обѣ арміи остановились бивуаками одна противъ другой, не осмѣ-«ливаясь атаковать, или преслѣдовать, на другой день.»

Само собою разумѣется, что одна противъ другой; но на какомъ разстояніи онѣ находились? По смыслу сказаннаго явствуетъ, что если бъ мы не отступили, то непріятель не осмѣлился бы насъ атаковать; между же тѣмъ извѣстно, что мы даже осмѣливались думать на другой день атаковать Наполеона, и, по удостовѣренію Французскихъ писателей, мы поставили бы этѣмъ непріятельскую армію еще и въ самое опасное положеніе.

Керъ-Портеръ (р. 155) пишетъ: «Французы отступили «съ поля битвы, когда уже нельзя было различать ни одного «предмета», и присовокупляетъ еще: «Разставляя ночную цѣпь, «Русскіе на каждомъ шагу имѣли доказательство, что славные дни «Эйлау и Ваграма, какъ бы кровопролитны они ни были, съ этѣхъ «поръ должны уступить мѣсто, по огромному побіенію, Бородин-«ской битвѣ.» Далѣе, разсуждая о лжи, наполняющей бюллетени

Наполеона, говоритъ: «Будучи принужденъ отступить двѣнадцать «верстъ (11 километровъ), не останавливаясь, онъ требуетъ себѣ «право на успѣхъ дня?» присовокупляя, что Платовъ былъ посланъ за нимъ. По засвѣдѣтельствованію же Полковника Комба, какъ видно будетъ далѣе, Платовъ, дѣйствительно, на разсвѣтѣ атаковалъ Французскіе аванпосты.

Вентурини, участникъ (t. I, S. 283), говоритъ, что «Русскій лѣвый флангъ былъ отодвинутъ въ кустарникъ, но, съ наступленьемъ ночи, каждая сторона заняла опять тѣ мѣста, съ которыхъ поутру начали битву.»

Буркерсрода, Офицеръ Гессенскаго гвардейскаго кирасирскаго полка, говоритъ, «что когда стемнѣло, они отошли съ поля битвы при Семеновскомъ, оставивъ только аванпосты, и расположились въ кустарникахъ, откуда поутру выступили въ дѣло.

Въ «Skiz. zur einer Gesch.» (S. 202): «Ночью обѣ стороны заняли «опять тѣ мѣста, на которыхъ были по утру.»

Дюрданъ (p. 34—35) говоритъ тоже, что «Французы отошли.»

Козегартенъ (стр. 166) говоритъ, что «ночью Французы «не выиграли пяди пространства.»

Генералъ Гурго, пламенный сторонникъ Наполеона и сопутникъ его на островъ Св. Елены, опровергая Сегюра, говоритъ (p. 139), что, напротивъ, «Русская армія провела ночь на оставшемся у ней полѣ битвы, упираясь правымъ флангомъ къ Гор«камъ, правѣе которыхъ находилась дивизія легкой пѣхоты, а лѣ«вое крыло упиралось къ лѣсу, находящемуся сзади Семеновскаго. [35]

Но правѣе Горокъ, т. е., на правомъ флангѣ, находился еще цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова. Обозначеніе, занимаемаго

---

[35] Здѣсь опять ссылка на Бутурлина (t. II, p. 116), что Кутузовъ въ Тарутинѣ занимался реорганизаціей: «Des corps qui avaient échappé au massacre de «Borodino.» Досадно находить подобныя фразы въ устахъ нашихъ повѣствователей, и если бы еще онѣ были справедливы! Событія послѣ Бородина, какъ видно будетъ въ гл. «Отступленіе», докажутъ всю нелѣпость этой и ей подобныхъ фразъ.

нами пространства вѣрно и изъ онаго видно, что только лѣвое крыло наше осадило на нѣсколько сотъ саженъ, сохраняя правымъ флангомъ своимъ на этой второй позиціи неразрывную связь со всею арміей.

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 307) пишетъ: «Русскіе, кото-«рымъ ихъ отчаянныя усилія, чтобы занять обратно линію своихъ «редутовъ, причинили великія потери, получили наконецъ при-«казаніе отступить, и хотя побѣда безспорно осталась за Фран-«цузами, но можно сказать, что Русскіе скорѣе отказались отъ «битвы, чѣмъ потерпѣли пораженіе.»

Какимъ же образомъ писатель этотъ впадаетъ въ такое ошибочное повѣствованіе, когда всѣ Французскіе писатели, дѣятели въ битвѣ, утверждаютъ, что Французы первые прекратили огонь, но что Русскіе по временамъ и потомъ еще посылали въ нихъ свои ядра? Слово — «отказались» — совершенно неправильно: это — фраза.

Далѣе онъ говоритъ (тамъ же): «На дѣлѣ же, по прекращеніи «дѣйствія, Французы отступили на мѣста, которыя занимали преж-«де, оставивъ Русскихъ обладателями окровавленнаго поля битвы, «на которомъ они имѣли время похоронить убитыхъ и подобрать «раненыхъ. Ихъ конница произвела даже тревогу во Французскомъ «лагерѣ въ послѣдующую ночь за битвою.»

Въ «Fragm. sur la camp. de Russie etc.» (p. 44), сказано: «Въ «этотъ достопамятный день Русскіе приняли такъ хорошо старыя «толпы (vieilles bandes) (любимое выраженіе Наполеона), что не «много образумили ихъ привычную самоувѣренность торжествовать, «и отбросили ихъ за двѣ мили отъ поля битвы, поздравить своего «Императора съ его побѣдой.»

Заключу этотъ предметъ повѣствованіемъ Тьера, который, конечно, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй склонился бы на сторону своихъ соотечественниковъ, а онъ говоритъ (p. 347): «Наши Ге-«нералы отвели немного назадъ свои дивизіи, чтобы обез-«печить (garantir) ихъ отъ Русскихъ ядръ, и расположились у по-«дошвы взятыхъ высотъ».[36]

---

[36] Шапюи, рьяный защитникъ военной славы своихъ соотечественниковъ,

Этѣ высоты были—Семеновскія, слѣдовательно, тутъ только, какъ замѣчено выше, они и занимали поле битвы; все же остальное, въ особенности главное поле битвы, было за Семеновскимъ, но Французы предпочли лучше оставить оное, чѣмъ оставаться подъ нашими ядрами.

Толь (t. II, S. 116, 117) говоритъ: «Только Бородино, цен«тральная батарея и деревня Семеновская остались на ночь заня«тыми Французами.» Далѣе (S. 118, 119) подкрѣпляетъ доводами, «что Французы отвели свои войска со всѣхъ другихъ пунктовъ.» Относительно центральной батареи, я говорилъ выше.

Въ такомъ грозномъ, какъ видно было выше, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, положеніи нашей арміи, не только что готовой принять Французовъ, но замышлявшей еще, съ разсвѣтомъ, атаковать ихъ, она съ горестью, о чемъ могутъ удостовѣрить остающіеся еще въ живыхъ дѣятели, узнала, что Главнокомандующій измѣнилъ планъ свой.

Въ этомъ расположеніи армія оставалась около двѣнадцати часовъ послѣ окончанія битвы, а потомъ предприняла, какъ говорится въ третьемъ отдѣленіи, въ гл. I-й, движеніе къ Можайску. Арріергардъ же нашъ оставался до десяти часовъ утра на позиціи, занимая Горки, слѣдовательно, шестнадцать часовъ по окончаніи битвы, производя тревогу своими партіями во Французскомъ лагерѣ, и оставилъ мѣсто, не будучи къ тому вынужденъ, а слѣдуя сдѣланной диспозиціи; тогда только дано приказаніе Мюрату слѣдовать за нимъ, что онъ и предпринялъ не ранѣе полудня.

Изъ всего этого видно, что слово «побѣда» ни въ какомъ случаѣ Французамъ принадлежать не можетъ.

возстаетъ противъ Керъ-Портера, Дюрдана и Сарразена, сказавшихъ что послѣ битвы Французы отступили на нѣсколько верстъ (т. е., на мѣста, съ которыхъ пошли въ дѣло). Замѣчательна его логика относительно Генерала Сарразена. Онъ говоритъ, что Генералъ этотъ, хотя и писатель съ талантомъ, но не достоинъ критики, по тому что онъ человѣкъ безнравственный! Какое же это опроверженіе его повѣствованій? Преступленіе Сарразена заключалось въ двоеженствѣ.

ГЛАВА IV.

ПОТЕРИ.

Относительно потерь, понесенныхъ обѣими арміями, представляется такое же разногласіе, какъ и въ числительности армій, вступившихъ въ Бородинскую битву. Никто еще не предпринималъ разсмотрѣть критически и этѣхъ цифръ, чтобы разъ навсегда опредѣлить оныя, хотя бы только приблизительно, а не съ тою разницей, которая представляется нынѣ.

Вотъ цифры, которыя находимъ въ разныхъ повѣствованіяхъ о Бородинскомъ сраженіи у иноземныхъ историковъ, съ присовокупленіемъ и нашихъ.

Буржуа (p. 47) говоритъ: «Русскіе потеряли отъ тридцати «пяти до сорока тысячъ человѣкъ, Французы половину.»

Въ «Details abrégés» etc. (p. 20, 21) читается, что «битва эта «была наїкровопролитнѣйшая: потеря Французовъ восходитъ отъ «пятнадцати до двадцати тысячъ, а Русскихъ отъ тридцати до со- «рока тысячъ человѣкъ.» Авторъ присовокупляетъ: «Если бы, по «взятіи Французами Семеновскихъ ретраншаментовъ, Русская армія «отступила тотчасъ, [37] то этотъ день для Французовъ, хотя и по- «бѣдителей (?), стоилъ бы гораздо болѣе, чѣмъ Русскимъ, по тому «что первые потеряли уже болѣе десяти тысячъ человѣкъ изъ

[37] По мнѣнію автора, намъ слѣдовало уступить съ перваго разу! и это мнѣніе раздѣляется, какъ увидимъ, многими и самимъ Наполеономъ, которому это было бы, конечно, очень пріятно. Замѣчательна филантропія и попеченіе о непріятелѣ!

«строя, тогда какъ потеря Русскихъ простиралась только до двухъ «тысячъ.»

Въ «Der Krieg der Franz.,» etc сказано (S. 118) то же, что намъ «слѣдовало бы отступить тотчасъ, когда у насъ были взяты «Семеновскія флеши, и что тогда потеря Французовъ превосходила «бы нашу, но что мы упорствовали отбирать потерянное, такъ что «укрѣпленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ одинъ часъ, перехо-«дило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и присовокупляетъ, что «отъ девяти до десяти тысячъ лошадей осталось на мѣстѣ.»

Здѣсь авторъ разумѣетъ только лошадей Французскихъ (и то въ уменьшенной цифрѣ), ибо присовокупляетъ: «это пожертвованіе «конницею разразилось потомъ ужасными послѣдствіями. Когда «началось отступленіе, выгоды Русскихъ, превосходныхъ въ числи-«тельности конницы, были чувствительнѣе, нежели потери ея при «Бородинѣ.» Но здѣсь представляется вопросъ: дожили ли бы этѣ лошади до того времени, когда началось отступленіе? Остававшіяся въ арміи Наполеона не могли уже имѣть корма и большее количество лошадей увеличило бы потребность фуража, а извѣстно, что по отступленіи изъ Москвы Французы должны были бросить множество пушекъ и различныхъ военныхъ обозовъ, по причинѣ гибели лошадей отъ недостатка корма. Въ тогдашнее же время, при большомъ количествѣ конницы, имъ столь же затруднительно было бы посылать далѣе на фуражировку; наши партіи и поселяне имѣли бы еще болѣе удобства уничтожить тѣхъ, которые отдѣлялись бы далеко отъ средоточія своихъ силъ.

Сарразенъ (p. 130) пишетъ то же. Онъ говоритъ: «Если «бы Русскіе, вытѣсненные изъ своихъ позицій, сказалъ Наполе-«онъ, не предпринимали опять овладѣть оными, нашъ уронъ пре-«восходилъ бы ихъ уронъ; но они уничтожили свою армію, держа «ее съ осьми часовъ до двухъ подъ огнемъ нашихъ батарей, и «упорствомъ отбирать то, что уже потеряли. Это причина ихъ «огромныхъ потерь.» И послѣ вдругъ опредѣляетъ (p. 136) потерю слѣдующимъ образомъ: «Потеря Французовъ около сорока тысячъ, «Русскихъ столько же», присовокупляя къ сему (p. 138): «что же «касается до пяти тысячъ плѣнныхъ, которыми хвастаетъ Напо-«леонъ (въ 18 бюллетенѣ), взятыхъ у Русскихъ, то должно пред-

«полагать, что это раненые и больные, оставленные въ Можайскѣ «и окрестностяхъ.» Авторъ, не замѣчая безсмыслицы, которую сказалъ, самъ [38] прибавляетъ (p. 139): «Подобныя нелѣпости можно «разсказывать дѣтямъ. Какое безумство хотѣть увѣрить, что Рус- «скіе, извѣстные плотностью и непоколебимостью своихъ колоннъ, «не умѣютъ смыкаться по мѣрѣ того, что люди выбываютъ изъ «фронта!» Это авторъ говоритъ въ опроверженіе сказаннаго въ помянутомъ бюллетенѣ, что Мюратъ врѣзался въ бреши, сдѣлан- ныя въ нашихъ колоннахъ Французскою артиллеріею.

Пюпбюскъ, Главный Интендантъ въ Смоленскѣ (p. 84), пи- шетъ: «Истина въ томъ, что тридцать тысячъ человѣкъ не попол- «нятъ потери 7-го Сентября (26 Августа). Храбрѣйшая конница, «нещадно расточенная въ этотъ кровопролитный день, не скоро «возстановится.» Далѣе (p. 89): «Относительно убитыхъ и раненыхъ, «я не думаю, чтобы наша потеря была менѣе Русской»... «Я ви- «дѣлъ Наполеона, объѣзжающаго поле битвы, я слѣдовалъ за нимъ «повсюду. Онъ былъ сіяющимъ, потирая руки, повторялъ съ удо- «вольствіемъ: «Пять убитыхъ Русскихъ на одного Француза!» Я ду- «маю (присовокупляетъ авторъ), что онъ принялъ Нѣмцевъ за «Русскихъ.»

«Такимъ образомъ (p. 90), продолжаетъ Пюпбюскъ, Боро- «динское сраженіе уменьшало Французскую армію на тридцать пять «тысячъ человѣкъ безъ всякой выгоды. Вы увидите изъ 18-го «бюллетеня, какъ уже я васъ извѣщалъ, что Русская армія, съ «открытія кампаніи, побитая, или взятая въ плѣнъ, оказывается «существующею, чтобы своею числительностью превзойти нашу, «или, по крайней мѣрѣ, сравняться съ нею въ день битвы. Вы за- «мѣтите также, что наша армія въ триста пятьдесятъ тысячъ чело- «вѣкъ, при переходѣ чрезъ Нѣманъ, хотя почти ничего не потер- «пѣла въ частыхъ схваткахъ и перестрѣлкахъ, съ 20-го Іюня яв- «ляется на битву, 7-го Сентября, въ числѣ не болѣе ста тридцати «тысячъ человѣкъ... Что сдѣлалось съ сотнями тысячъ, которыхъ

---

[38] Ибо бюллетень былъ писанъ 26-го Августа вечеромъ, а Можайскъ занятъ Французами только 28-го Августа. Впрочемъ, эти раненые, если они только были въ такомъ числѣ, могли быть подобраны на полѣ битвы, но и это не въ то время, когда былъ писанъ бюллетень, а конечно, на другой день.

«недостаетъ съ 20 Іюня по 7-е Сентября, по признанію самаго «18 бюллетеня? Откуда являются Русскія фаланги, которыя мы «безостановочно убивали въ продолженіе шестидесяти четырехъ «дней? Какимъ образомъ можно заставить вѣрить, чтобы, атакуя «непріятеля, имѣющаго редуты, каре, окруженныя засѣками, рав«няющимися рогаткамъ, овраги между собой и противниками— «понести, сравнительно, несоразмѣрную потерю, къ числу громи«мыхъ имъ, изъ пяти сотъ орудій въ продолженіе семи часовъ «безостановочно?»

Бомсдорфъ (t. II, p. 108) говоритъ, что «обѣ арміи потеряли «убитыми и ранеными семьдесятъ тысячъ человѣкъ, Русскихъ боль«шая половина.»

Ларей (Пеле, p. 531), главный хирургъ арміи, пишетъ: «Французовъ убито девять тысячъ, а ранено отъ двѣнадцати до «тринадцати тысячъ человѣкъ.» Пеле (p. 144) ссылается на эту же цифру, а потерю Русскихъ обозначаетъ по Бутурлину

Либенштейнъ (t. II, S. 61) говоритъ, что «по 18-му бюл«летеню, Французовъ убито двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, а «ранено семь тысячъ пятьсотъ, но Французы потеряли не менѣе «сорока тысячъ, а Русскіе, по малой мѣрѣ, тридцать тысячъ че«ловѣкъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 86) пишетъ: «Съ обѣихъ сторонъ «считали отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ убитыхъ и ране«ныхъ,» и присовокупляетъ: «поле битвы представляло ужасную кар«тину! Горестна была участь раненыхъ, составлявшихъ цѣлую ар«мію. Они лежали тысячами безъ помощи. Но Русскій проливалъ «кровь, утѣшаясь тѣмъ, что палъ за родину; сыны же Германіи, «Франціи и Италіи, издыхали далеко отъ отечества жертвами вла«столюбія.»

Керъ-Портеръ (p. 156) говоритъ, что «потеря Французовъ «должна была простираться нѣсколько болѣе пятидесяти тысячъ «человѣкъ, а лошадей болѣе двадцати пяти тысячъ.»

Нѣсколько выше (p. 155) онъ пишетъ, что «въ этотъ день «восемьдесятъ тысячъ человѣкъ прекратили свое существованіе.»

Значитъ, что на долю Русскихъ авторъ даетъ тридцать тысячъ человѣкъ.

Миллеръ (t. I, S. 123), какъ участникъ въ битвѣ, свѣдѣтельствуетъ: «Французы говорятъ, что взяли въ плѣнъ пять тысячъ «человѣкъ, но это по большей части были раненые, которыхъ «Кутузовъ долженъ былъ оставить на мѣстѣ битвы.» Далѣе (S. 142) «прибавляетъ: «Русскіе потеряли болѣе людей, чѣмъ Французы, ко«торыхъ уронъ былъ уже довольно значителенъ.»

Шамбре (t. II, p. 75) опредѣляетъ общую потерю обѣихъ арміи за семьдесять тысячъ убитыхъ и раненыхъ, но потеря Русскихъ была значительнѣй потери Французовъ, по тому что первые были въ необходимости оставить часть своихъ раненыхъ на полѣ битвы.[39] И далѣе (p. 76) говоритъ: «Русская пѣхота, от«носительно къ конницѣ, потерпѣла болѣе; въ арміи же Наполеона «это было на оборотъ. Одни отъ другихъ отбили по нѣскольку «полевыхъ орудій; Французы же, сверхъ того, овладѣли двадцатью «одной пушкой, находившимися въ редутѣ.[40]

Далѣе авторъ (p. 83) присовокупляетъ, что «Наполеонъ, слѣ«дуя своему обыкновенію преувеличивать свои успѣхи, извѣщаетъ, «въ 18-мъ бюллетенѣ, объ удержанной имъ рѣшительной побѣ«дѣ, въ которой Русскіе потеряли сорокъ, или пятьдесятъ, тысячъ, «а Французы только десять тысячъ человѣкъ.»

Фенъ, хотя и свѣдѣтель битвы, однако же не даетъ цифры потерь и ограничивается (t. II, p. 41) тѣмъ, что говоритъ: «По«тери Французской арміи велики. Потеря же Русской арміи не «смѣтна.» И повторяетъ то, какъ замѣчено выше, что мы «потеряли бы менѣе Французовъ, если бы не упорствовали въ защи«тѣ и въ нападеніяхъ.» Само собою разумѣется, говорю опять, что имъ было бы очень пріятно, если бы мы, какъ Пруссаки

---

[39] Но это ни какъ не измѣняетъ цифры выбывшихъ изъ строя, а только превращаетъ раненыхъ въ плѣнныхъ.

[40] Въ Бородинѣ, кромѣ полевыхъ орудій, у насъ не было ни какихъ, слѣдовательно и въ редутѣ были не крѣпостныя или осадныя, а тѣ же полевыя пушки.

подъ Іеною, бѣжали послѣ перваго на нихъ нападенія. Но Французы умѣютъ такъ ловко выражаться, въ подобныхъ случаяхъ, что можно подумать, будто они дѣйствительно руководимы филантропическими чувствами и искренне сожалѣютъ, за чѣмъ мы такъ упорно отстаивали мѣсто, что отъ этого-то мы такъ много и потеряли и т. д. Но не лучше ли было бы имъ вовсе не нападать, въ избѣжаніе кровопролитія? Послушать ихъ фразъ, такъ они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижа; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже фразы оказываются безсильными, они очень ловко умѣютъ слагать вину въ своихъ неудачахъ: или на мнимо несоразмѣрную числительность непріятеля, или на недоумѣнія нѣкоторыхъ частныхъ своихъ начальниковъ при исполненіи диспозиціи, на ошибки, на смерть начальниковъ частей и иногда на измѣну и тому подобныя причины, но и въ такихъ случаяхъ слово «victoire» съ другими, столь же громкими, выраженіями, всегда находитъ мѣсто во фразахъ, которыми мастерски облекаютъ свой разсказъ, ни мало не заботясь о томъ, что разсказъ, ими же самими составленный, совершенно противорѣчитъ хвастливымъ ихъ выраженіямъ.

Графъ Дюма равномѣрно не опредѣляетъ цифры потери подъ Бородинымъ, хотя ему, какъ Генералъ-Интенданту арміи, она должна быть положительно извѣстна. Вотъ, что онъ говоритъ («Souvenirs,» t. II, p. 442): «Наши потери громадны и тѣмъ болѣе чувствитель«ны, что наши усилія и попеченія не могли создать на этихъ пу«стынныхъ равнинахъ достаточныхъ вспомоществованій, чтобы «вырвать у смерти столько храбрыхъ изувѣченныхъ.» Изъ словъ Дюма должно заключить, что потери Французовъ были огромны.

Вольцогенъ (S. 148, 149), сказавъ, что у Русскихъ убито и ранено тысяча двѣсти Офицеровъ, но никогда нельзя было узнать точно, сколько именно въ этотъ день пало солдатъ, приводитъ цифру Бугурлина—пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Потерю Французовъ опредѣляетъ въ двадцать тысячъ убитыми и десять пушекъ, а Русскіе потеряли тринадцать пушекъ.

Солтыкъ (p. 244) говоритъ, что «у Русскихъ выбыло изъ «строя пятьдесятъ тысячъ человѣкъ,» и присовокупляетъ: «но мы «взяли только малое число плѣнныхъ.» Потерю же Французской

арміи онъ опредѣляетъ въ восьмнадцать тысячъ убитыми и ранеными, и говоритъ, что (p. 25): «при осмотрѣ Наполеономъ на другой «день поля битвы (авторъ находился при Наполеонѣ), замѣтили, что на одного убитаго Француза было трое Русскихъ.» Выше же видно было, что Наполеонъ насчиталъ на одного Француза пять Русскихъ.

Галлуа, въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 442) опредѣляетъ «потери Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ, а Французовъ «отъ десяти до двѣнадцати тысячъ,» и то же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ, что намъ не слѣдовало оспаривать Семеновскія укрѣпленія; тогда мы потеряли бы менѣе Французовъ. Не угодишь этѣмъ Господамъ: когда мы отступаемъ—они кричатъ, что мы бѣжимъ! Начали сражаться, они опять говорятъ: зачѣмъ мы обороняемся, или нападаемъ на нихъ, это причиняетъ намъ потери! Филантропы!

Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ, что «эта битва, очень не «рѣшительная (trop peu décisive), Французамъ стоила отъ двѣнад«цати до тринадцати тысячъ ранеными и девять тысячъ убитыми, «а Русскимъ (p. 311) около пятидесяти тысячъ. Французы взяли «пятьдесятъ пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.»

Тиссо (t. II, p. 726): «Эта битва, одна изъ самыхъ кровопро«литныхъ нашего времени, стоила Французамъ отъ пятьнадцати до «двадцати тысячъ человѣкъ. Число раненыхъ Генераловъ восходило «до тридцати. У Русскихъ (p. 727) выбыло изъ фронта около со«рока тысячъ человѣкъ. Убитыхъ, или раненыхъ, Генераловъ пять«десятъ.» (Но это даже не на оборотъ: у Французовъ сорокъ девять, а у насъ только двадцать два). Въ числѣ убитыхъ Генераловъ онъ называетъ двухъ Тучковыхъ, что неправильно, ибо убитъ только одинъ А. А. Тучковъ 4, а П. А. Тучковъ 1-й раненъ: правда, что онъ чрезъ три недѣли умеръ, но въ такомъ случаѣ убитъ и Князь Багратіонъ. «Французы взяли болѣе пятидесяти пушекъ,» и опять: «plusieurs milliers плѣнныхъ».

Въ «Kurze Darstel.» (S. 16): «Русскіе потеряли болѣе сорока «тысячъ, а Французы десять тысячъ человѣкъ.» Въ описаніи уча-

стія въ войнѣ Саксонцевъ въ 1812 и 1815 годахъ (S. 384): «съ «обѣихъ сторонъ убитыхъ и раненыхъ шестьдесятъ тысячъ.»

Въ «Skizzen zur einer Gesch. (S. 83): «Съ обѣихъ сторонъ «убитыхъ и раненыхъ сто тысячъ человѣкъ.»

Гурго (p. 377) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ; тридцать тысячъ труповъ лежало на полѣ битвы.

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ: «Вечеромъ съ той и дру«гой стороны не много насчитывали плѣнныхъ. Поле битвы уст«лано тѣлами; считали семьдесятъ тысячъ выбывшихъ изъ строя».. Далѣе на той же страницѣ: «Русскихъ убито и ранено тридцать «тысячъ, Французовъ двадцать тысячъ».... По утру, 8 Сентября, «(27-го Августа), оказались (p. 278), по перекличкѣ, только девяно«сто тысячъ, а на канунѣ было сто двадцать тысячъ подъ ружьемъ.» Здѣсь представляется разнорѣчіе въ цифрахъ, ибо въ первомъ случаѣ тридцать и двадцать тысячъ составляютъ не семьдесятъ, а только пятьдесятъ тысячъ, а во второмъ выходитъ, что у Французовъ убыль показана въ двухъ цифрахъ, въ двадцать и тридцать тысячъ, какъ видно изъ результата переклички.

Бисмаркъ (S. 559) опредѣляетъ другую цифру. «Потерю Русскихъ онъ ограничиваетъ въ двадцать пять тысячъ человѣкъ, а Французовъ въ тридцать тысячъ.» Въ другомъ же мѣстѣ (Spect. mil. 1847, t. XXIV, p. 148) онъ считаетъ «потерю Русскихъ, по Даниловскому, въ пятьдесятъ тысячъ, присовокупляя, что «это число еще увеличилось послѣ битвы—больными и дезертирами.» Потерю Генераловъ онъ опредѣляетъ въ сорокъ три.

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de 1812,» написанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p 187), потеря Французовъ опредѣляется: «болѣе двадцати тысячъ, «а у насъ убитыми, ранеными и плѣнными болѣе тридцати тысячъ «человѣкъ, и болѣе тридцати Генераловъ выбыло изъ фрон«та.» Положимъ, что онъ прибавилъ около десяти, но замѣчательно, что въ число убитыхъ онъ включаетъ «Генералъ-Лейтенанта Коновницына.»

Авторъ дѣлалъ кампанію и долженъ былъ знать, что убитый Коновницынъ послѣ Бородина не разъ командовалъ значительными частями войскъ, отъ Малоярославца до Парижа, о чемъ упоминаютъ всѣ повѣствователи иноземные. Любопытно было бы также знать, кто такой, кромѣ Генерала Лихачева, былъ взятъ подъ Бородинымъ въ плѣнъ, ибо авторъ говоритъ о трехъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ Генералахъ. О Тучковѣ 3-мъ не можетъ быть рѣчи; ибо онъ также израненый, какъ и Лихачевъ, взятъ былъ за двадцать дней прежде въ битвѣ на Валутиной горѣ.

Денье, находившійся въ Главномъ Штабѣ Наполеона и въ послѣдствіи изъ Архива Военнаго Министерства, до котораго, какъ говоритъ, Бертье никого не допускалъ, выбралъ цифры потерь Французской арміи, которыя (p. 80), представляютъ слѣдующее: «Генераловъ убито десять, ранено тридцать девять, всего сорокъ «девять поименно). Полковниковъ убито десять, ранено двад«цать семь, всего тридцать семь. Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ «и солдатъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено двадцать «одна тысяча четыреста пятьдесятъ три; всей же потери двадцать «восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ.

«Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ въ пятьдесятъ тысячъ «человѣкъ.»

Казалось бы, что послѣ подобнаго труда, относительно цифръ Французской арміи, числительность должна была быть уже принята окончательно, но это сдѣлано, какъ будетъ видно, не многими, писавшими въ послѣдствіи.

Г.-Л. Фезензакъ (p. 46) опредѣляетъ потерю Французовъ слово въ слово по Денье, а потерю нашу въ пятьдесятъ тысячъ, и въ число убитыхъ включаетъ Принца Евгенія Виртембергскаго! Замѣчательно то, что онъ въ эту войну служилъ Полковникомъ въ Штабѣ Наполеона и на другой день послѣ Бородина получилъ полкъ, а книгу свою написалъ въ 1849 году; слѣдовательно, имѣлъ время справиться, если позабылъ то дѣятельное участіе, которое Принцъ принималъ во всѣхъ битвахъ послѣ того, какъ былъ убитъ, да и самъ Генералъ Фезензакъ говоритъ о немъ не разъ.

Жомини (t. II, p. 230) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ «выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» То же говоритъ (p. 45) и Бретонъ дела Мартиньe.

Мишо (p. 134) пишетъ: «сорокъ три Генерала и тридцать «тысячъ Французовъ были убиты на мѣстѣ. Потеря Русскихъ бы«ла не менѣе; ни съ той, ни съ другой стороны плѣнныхъ не «было. Убивали другъ друга безъ жалости, безъ пощады, по обы«кновенію дикихъ.»

Сентъ-Иларъ (въ «Hist. popul.,» t. III, p. 69) говоритъ: «На«ши потери были ужасны, но безъ соразмѣрныхъ результатовъ.» Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Hist. de la camp. de 1812,» t, II, p. 25) опредѣляетъ потерю Французовъ по цифрамъ Денье, а нашу въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, присовокупляя (p. 26): «но плѣн«ныхъ насчитывали не много.»

Кастельверъ (p. 276) опредѣляетъ нашу потерю: «убитыми пятынадцать тысячъ, ранеными тридцать тысячъ и пять тысячъ плѣнными.»

Мортонвалль (p. 282, 283) показываетъ, согласно съ Кастельверомъ, нашу потерю убитыми и ранеными; но плѣнныхъ, вмѣсто пяти тысячъ, только въ двѣ тысячи человѣкъ. Потерю же Французовъ беретъ изъ Ларрея, т. е., девять тысячъ убитыми и тридцать тысячъ ранеными.

Биньіонъ (p. 10) одинаково ничего не опредѣляетъ, а говоритъ только: «потери обѣихъ арміи были чрезвычайно велики, «но потеря Русскихъ далеко превосходитъ нашу.»

Дю-Кассъ (p. 204): «Болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ «съ обѣихъ сторонъ нашли смерть при Бородинѣ.»

Форъ (p. 48), медикъ 1-го кавалерійскаго корпуса, говоритъ, «что на одного Француза было четверо Русскихъ,» и присовокупляетъ, «что онъ никогда бы не повѣрилъ, если бы самъ «того не видѣлъ.» И такъ, вотъ еще новая цифра сравненія: выше видно было, что Наполеонъ насчиталъ пять Русскихъ, Графъ Солтыкъ трехъ, а Г. Форъ четырехъ на одного Француза! Чего ихъ жалѣть! Замѣчательно основаніе разсчета!!

Клаузевицъ опредѣляетъ «потерю Русскихъ въ тридцать тысячъ, а Французовъ въ двадцать тысячъ человѣкъ,» а въ другомъ своемъ сочиненіи («Milit. Briefe,» t. I, p. 419) потерю Русскихъ приводитъ по Бутурлину: пятьнадцать тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ; Французовъ, по Ларрею: девять тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ, и выводитъ причину несоразмѣрности потери въ противоположныхъ арміяхъ ту, что, будто бы наша артиллерія стрѣляла слишкомъ высоко!

Рёдеръ (S. 152, 153) потерю Французовъ опредѣляетъ по Ларрею, а Русскихъ по Бутурлину. У Французовъ убитыхъ и раненыхъ Генераловъ около сорока. У Русскихъ, въ числѣ убитыхъ, показанъ не только Тучковъ 1-й, раненый, какъ и Багратіонъ, умершіе послѣ, но и Коновницынъ. Плѣнныхъ Русскихъ взято около тысячи и двадцать одну пушку въ редутахъ.

Лоссбергъ (S. 174): «Французовъ убитыми и ранеными двад«цать пять тысячъ, а у Русскихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, «или, по крайней мѣрѣ, въ пропорціи 2 къ 3. Наши трофеи, при«совокупляетъ авторъ, заключаются въ какихъ ни будь двадцати «пушкахъ, взятыхъ въ редутахъ.»

Въ «Das Buch vom Jahre 1812» etc. (S. 287): «потеря Русскихъ опредѣляется въ сорокъ тысячъ человѣкъ.» Авторъ (S. 301) присовокупляетъ: «Результатъ этой бойни заключался въ тысячѣ «плѣнныхъ и около тридцати пушекъ, взятыхъ у Русскихъ.»

Вентурини (t. I, S. 281): «потеря съ каждой стороны по «тридцати тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.»

Гофманъ, въ «Schl. v. Borod.» (S. 66), собственно въ Бородинѣ, 26 Августа, полагаетъ «потерю Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, а Французовъ по Денье.»

Шапюи принялъ цифры Барона Денье. Онъ только одинъ буквально придержался къ оными, или и самъ изслѣдилъ ихъ въ источникѣ.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54), пишетъ: «потери Французовъ «убитыми и ранеными простираются отъ двадцати до двадцати «пяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ тысяча триста Офицеровъ

«разныхъ чиновъ и порядочное число Генераловъ.» Потерю Русскихъ Генераловъ Бертезенъ (p. 55) опредѣляетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Въ «Воспоминаніяхъ о Наполеонѣ» его Секретаря (t. I, p. 36) опредѣляется «потеря Русскихъ также около пятидесяти тысячъ и сорокъ Генераловъ!»

Бейтцке (S. 214) означаетъ потери Французовъ приблизительно съ цифрами Денье и Шапюи, и именно: въ двадцать восемь тысячъ и сорокъ девять Генераловъ. Относительно же Русскихъ онъ возвышаетъ ихъ потерю отъ пятидесяти двухъ до пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ. «Французы взяли сорокъ пу«шекъ и тысячу плѣнныхъ.»

Тьеръ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, даетъ также приблизительныя цифры къ показаннымъ Барономъ Денье и Полковникомъ Шапюи, но въ нѣкоторыхъ онъ далеко отходитъ отъ нихъ. Вотъ, что онъ (p. 348) говоритъ: «девяносто тысячъ съ «обѣихъ сторонъ легло на полѣ битвы,[41] отъ двадцати до двад«цати пяти тысячъ лошадей убитыхъ, или блуждающихъ (errants) «по полю.»

Онъ раздѣляетъ этѣ цифры слѣдующимъ образомъ (p. 349): «Раздѣленіе этого погребальнаго списка было очень не равное. Мы считали около девяти, или десяти, тысячъ убитыми.» (Денье и Шапюи 65, 67); «отъ двадцати до двадцати одной тысячи ра«неныхъ» (Денье и Шапюи 21, 519), т. е., тридцать тысячъ изъ «строя; сорокъ семь Генераловъ убитыхъ и раненыхъ[42] (у Денье «и Шапюи сорокъ девять) и тридцать семь Полковниковъ уби«тыхъ и раненыхъ.» Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ близъ шестидесяти тысячъ человѣкъ! И говоря о потерѣ Французскихъ Генераловъ и Полковниковъ, присовокупляетъ: «у Русскихъ около

---

[41] Насть на полѣ, или, какъ говоритъ, «couché sur le champ de bataille» понимаетъ объ убитыхъ, а потомъ онъ опредѣляетъ убитыми Французовъ только около десяти тысячъ; но не уже ли семьдесятъ тысячъ Русскихъ было убито? Далѣе же онъ и это опровергаетъ, говоря, что у насъ «потери около того же.»

[42] Генералъ Бельяръ, котораго онъ помѣстилъ въ спискахъ раненыхъ подъ Бородинымъ, былъ раненъ при Можайскѣ.

«того же.» Но наша потеря Генералами далеко не достигаетъ и половины потерянныхъ непріятелемъ.

Такая же разница представляется и у нашихъ повѣствователей

Козегартенъ (S. 167) говоритъ, что «потеря въ обѣихъ ар«міяхъ заключалась въ сто тысячъ человѣкъ, а именно: у Фран«цузовъ шестьдесятъ тысячъ, у Русскихъ сорокъ тысячъ, присово«купляя, что Французы потеряли пятьдесятъ Генераловъ, шестьде«сятъ Полковниковъ, сто двадцать Штабъ-Офицеровъ и тысячу «четыреста Оберъ-Офицеровъ. У Русскихъ Генераловъ потеряно менѣе.»

Ахшарумовъ (стр. 117) опредѣляетъ «потерю Русскихъ «убитыми въ десять тысячъ, ранеными въ четырнадцать тысячъ «семьсотъ.»

«Потерю Французовъ, на основаніи перехваченныхъ бумагъ, «простираетъ до сорока тысячъ, присовокупляя, что битва эта на«звана битвою Генераловъ, по множеству ихъ тутъ павшихъ.»

Бутурлинъ (т. I, стр. 228) пишетъ, что у «Русскихъ выбы«ло изъ строя около пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ пятнад«цать тысячъ убитыми, тридцать тысячъ ранеными и около двухъ «тысячъ плѣнными.»

«У Французовъ же (стр. 289) онъ потерю возводитъ свыше «шестидесяти тысячъ человѣкъ, изъ нихъ убитыми до двадцати «тысячъ и плѣнными болѣе тысячи человѣкъ.»

«Русскіе отбили десять пушекъ, а тринадцать потеряли.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 243): «потеря Рус«скихъ 24 и 26 Августа около пятидесяти семи, или пятидесяти «осьми тысячъ человѣкъ. У Французовъ до пятидесяти тысячъ, «въ томъ числѣ сорокъ три Генерала.»

«Русскіе взяли тринадцать пушекъ, а потеряли пятнадцать. «Плѣнныхъ съ каждой стороны по тысячѣ человѣкъ.»

Авторъ къ изысканіямъ своимъ присовокупляетъ, что «по изгнаніи Французовъ, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ

труповъ пятьдесятъ восемь тысячъ пять сотъ двадцать одинъ; конскихъ тридцать пять тысячъ четыреста семьдесятъ восемь. Само собою разумѣется, что трупы эти принадлежали къ обѣимъ арміямъ.

Нѣловъ (стр. 81): «Русскихъ Генераловъ убито трое,[43] ра«нено двѣнадцать и одинъ плѣненъ. Рядовыхъ убито пятьнадцать «тысячъ, ранено тридцать тысячъ.»

«У Французовъ: Генераловъ убито девять, ранено тринадцать; «рядовыхъ убито двадцать тысячъ, ранено сорокъ тысячъ и отби«то у нихъ Русскими тринадцать орудій.»

Глинка (ч. II, стр. 26) говоритъ: «у Французовъ убито и «ранено Генераловъ, какъ показано и Нѣловымъ, но присоеди«нено: Штабъ и Оберъ-Офицеровъ тысяча пятьсотъ, рядовыхъ въ «одинаковой цифрѣ, какъ и выше, но не говоритъ о тринадцати «пушкахъ »

«Потерю Русскихъ опредѣляетъ, какъ и Нѣловъ. И одинако«во говорится о третьемъ Генералѣ.»

Полевой (стр. 89): «потеря Русскихъ по однимъ: пятьдесятъ «тысячъ, въ томъ числѣ убито пятьнадцать тысячъ, ранено болѣе «тридцати тысячъ; по другіе, какъ авторъ присовокупляетъ, до«стовѣрно считаютъ убитыхъ и раненыхъ до шестидесяти тысячъ «человѣкъ. Французовъ убито и ранено, конечно, не менѣе, если «не болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 113), послѣ критическаго разсмотрѣнія даваемыхъ нѣкоторыми цифръ потерямъ, опредѣляетъ оныя собственно при Бородинѣ, 26 Августа, Русскихъ отъ сорока четырехъ тысячъ, и около тридцати семи пушекъ.»

Относительно потери у Французовъ, то, разобравъ цифры, опредѣляемыя Денье и Неле, означаетъ (S. 114) оную «отъ тридцати четырехъ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ.»

---

[43] Убиты: Генералы Тучковъ 3, Графъ Кутайсовъ, но кто же это третій? Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ, и онъ показалъ.

Богдановичъ (т. II, стр. 222, 223), относительно потери Русской арміи, повторяетъ то, что сказалъ уже Михайловскій-Данилевскій; исчисливъ по чинамъ потерю изъ 1-й арміи, опредѣляетъ ее до тридцати осьми тысячъ человѣкъ. Относитетьно 2-й арміи положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но авторъ говоритъ, что «уронъ вообще нашей арміи въ Бородинскомъ сраженіи можно «опредѣлись безошибочно (!) до сорока четырехъ тысячъ «человѣкъ.» [44]

Относительно потери у Французовъ вотъ что авторъ пишетъ (стр. 223): «Со стороны непріятеля, по показанію Денье (самое достовѣрное), свыше двадцати осьми тысячъ (Денье говоритъ двадцать восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ), убито Генераловъ двѣнадцать (а Денье говоритъ десять), Полковниковъ десять, Офицеровъ и нижнихъ чиновъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено Генераловъ тридцать семь (а Денье говоритъ тридцать девять),» остальныя цифры изъ Денье вѣрны. Послѣ сего авторъ приводитъ показаніе Ларрея, что при Бородинѣ и Шевардинѣ армія потеряла двадцать двѣ тысячи, и что Тьеръ возводитъ эту цифру до тридцати тысячъ, но онъ, какъ сказано было выше, считаетъ потерю убитыми отъ девяти до десяти тысячъ, ранеными въ двадцать, или двадцать одну тысячу (Денье и Шапюи раненыхъ считаютъ въ двадцать одну тысячу пятьсотъ девятнадцать). Послѣ всего этого авторъ заключаетъ, что потеря непріятеля была не двадцать восемь тысячъ, какъ пишетъ Денье, не двадцать двѣ тысячи, какъ говоритъ Ларрей, и не тридцать тысячъ, по повѣствованію Тьера, а не меньше нашей потери, т. е., въ сорокъ четыре тысячи! Это очень можетъ быть; но чтобы увеличить потери на 5%, [45] нужны были данныя, которыя могли

---

[44] Не уже ли нѣтъ возможности изъ полковой отчетливости безошибочно обозначить настоящее число? И не уже ли 2-я армія потеряла только шесть тысячъ человѣкъ? Были дивизіи, какъ, на примѣръ, Воронцова, отъ которой осталось только семьсотъ человѣкъ. Неудовлотворительны, повторяю, такія повѣствованія.

[45] На стр. же 551, авторъ, на основаніи выводовъ Бернгарди (t. II, S. 112 — 114), говоря о численьности Наполеоновой арміи послѣ Бородина, присовокупляетъ: «Въ такомъ случаѣ непріятель потерялъ въ этомъ сраже-

бы опровергнуть показаніе Барона Денье, удостовѣряющаго, что цифры его выбраны изъ архивовъ Военнаго Министерства, до которыхъ прежде Бертье никого не допускалъ; слѣдовало бы его уличить; но это не возможно, ибо трудъ его добросовѣстенъ, и Полковникъ Шанюи, въ превосходномъ описаніи своемъ Бородинской битвы, увидѣвшемъ свѣтъ въ 1853 году, принялъ тѣ самыя цифры, которыхъ придерживался и Тьеръ, и если у послѣдняго есть кой-какія отклоненія, то, или по ошибкѣ переписчиковъ, или для округленія цифръ, такъ какъ исторія его не есть собственно военное описаніе.

Авторъ говоритъ (стр. 224): «что касается до трофеевъ... то «съ каждой стороны захвачено въ бою, по различнымъ, несовер- «шенно между собою согласнымъ, показаніямъ, отъ тринадцати до «пятнадцати орудій, кромѣ того достались въ руки непрія- «теля нѣкоторыя изъ орудій, стоявшихъ въ нашихъ укрѣ- «пленіяхъ.» [46] Объ этомъ выраженіи я говорилъ уже выше и замѣтилъ, что въ укрѣпленіяхъ стояли тѣ же самыя полевыя орудія, которыя дѣйствовали и въ полѣ.

Авторъ продолжаетъ: «Иностранные писатели увѣряютъ, будто «бы мы потеряли вообще до сорока орудій; [47] но какъ по очи- «щеніи отъ непріятеля Московской Губерніи найдено въ окрести- «стяхъ Бородина (именно у Колоцкаго монастыря) всего на все «семьнадцать орудій, то и должно полагать, что ими огра- «ничивались трофеи, пріобрѣтенныя Французами въ Бо- «родинской битвѣ.» Здѣсь опять ссылка (N 33) на Бейтцке (S «214) и на свѣдѣнія о событіяхъ въ 1812 году, доставленныя мѣ- «стнымъ начальствомъ Губерніи.

«ніи не менѣе тридцати трехъ тысячъ человѣкъ.» И такъ, сколько же именно онъ потерялъ? Относительно этой потери, слѣдовало бы, повторяю, принять цифры Денье, если фактически ихъ нельзя опровергнуть.

[46] Здѣсь ссылка, N 32, на «подлинную записку Толя; но гдѣ она? Слѣдовало бы сдѣлать изъ оной выписку, и на Шамбре (t. II, p. 75, 76).

[47] Приступая что либо критиковать, или опровергать, слѣдуетъ назвать того, о комъ идетъ рѣчь, а не просто: «иностранные писатели;» ибо, какъ было видно выше, они разноголосятъ о количествѣ взятыхъ у насъ орудій, а

Мнѣ кажется, никто лучше не разрѣшилъ бы сомнѣнія почтеннаго автора, какъ Артиллерійскій Департаментъ, если въ архивахъ, изъ которыхъ извлекались матеріялы для настоящей книги, другихъ лучше не было, какъ Г. Бейтцке, написавшаго Нѣмецкую книгу свою чрезъ сорокъ четыре года, и донесенія мѣстнаго начальства, т. е., всекопечно Можайскаго Исправника, или кого либо въ этомъ родѣ! Описывать Бородинскую битву и не знать положительно, сколько мы взяли и сколько потеряли орудій—никто этому не повѣритъ. Наконецъ, можно ли полагаться на то только, что эти 17 орудій, найденныя близъ Бородина (и именно у Колоцкаго монастыря), могли быть единственными трофеями? Но довольно о семъ. Повторяю, что Артиллерійскій Департаментъ могъ бы доставить желаемое свѣдѣніе, которое не только что было бы полновѣсиѣе показаній Бейтцке и Можайскаго Исправника, но и самое вѣрное, и ссылки на него были достойны исторіи Отечественной войны. По видимому, Г.-М. Богдановичъ не довѣрялъ Артиллерійскому Департаменту, по тому что даже и не спрашивалъ его, а положился на свѣдѣнія Исправника! Указанія же для справокъ въ помянутомъ Департаментѣ онъ имѣлъ въ виду и долженъ былъ предполагать, что въ оном должно что либо быть о семъ, ибо Г.-І. Михайловскій-Данилевскій (ч II, стр. 244), говоря о потеряхъ подъ Бородинымъ, пишетъ, «что мы отбили три-«надцать пушекъ, а у насъ взято пятьнадцать. Сверхъ того, у насъ «подбито тридцать семь пушекъ, да взорванныхъ и доставшихся «непріятелю зарядныхъ ящиковъ сто одиннадцать». И, въ слѣдъ за симъ, дѣлаетъ ссылку на свѣдѣнія Артиллерійскаго Департамента, а по тому, это достаточно указывало Г.-М. Богдановичу, откуда слѣдовало почерпать данныя, но у него этого ничего нѣтъ, и нѣтъ помину о зарядныхъ ящикахъ, о которыхъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. Если же этотъ показалъ неправильно, слѣдовало оговорить: это была обязанность добросовѣстнаго изложенія Отечественной войны, при тѣхъ условіяхъ, которыми обладалъ Г.-М. Богдановичъ, или лучше сказать, при тѣхъ средствахъ, ко-

---

цифра сорокъ, какъ кажется, встрѣчается только у одного Бейтцке, не участвовавшаго въ битвѣ; точно также, какъ Норвенъ и Тиссо, которые говорятъ, что у насъ взято пятьдесятъ пушекъ. Такихъ компиляторовъ много. Во всякомъ случаѣ нужно назвать, кого опровергаемъ, по выбранной цифрѣ.

торыя ему были предоставлены. Такимъ образомъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ положительныхъ цифръ, какъ числительности войскъ, принимавшихъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, такъ и потери, понесенной обѣими арміями, а равно и трофеевъ, какъ сей часъ это было видно. Очень жаль, что Г. Смитъ не распространилъ ученаго критическаго разбора своего и на всѣхъ вообще авторовъ, писавшихъ самостоятельно объ этомъ предметѣ, изъ которыхъ второстепенные историки заимствовали уже по своему выбору, или, лучше сказать, по своему произволу, опредѣленіе помянутыхъ цифръ, придерживаясь въ этомъ случаѣ той или другой стороны, убавляя и прибавляя числительность и потери, соображаясь съ собственными своими взглядами, или ложнымъ патріотизмомъ и т. п. Строгій анализъ имѣющихся матеріяловъ сблизилъ бы между собою цифры, даваемыя нѣкоторыми авторами, которые могли понимать въ цифрахъ своихъ, одни всю массу арміи, собранной на Бородинскомъ полѣ, другіе только тѣ войска, которыя дѣйствовали въ битвѣ; такъ, на примѣръ, одни повѣствователи Французы могли не считать около осьмнадцати тысячъ гвардіи, не принимавшей ни какого участья въ дѣлѣ, другіе, напротивъ, включать и ее въ свои цифры; точно также и у насъ, нѣсколько полковъ не были вовсе въ дѣлѣ, составляя резервъ, а равно и знатная часть милиціи.

Но намъ гораздо легче, чѣмъ Французамъ, доискиваться настоящей цифры войскъ, бывшихъ на Бородинскомъ полѣ, какъ участвовавшихъ въ битвѣ, такъ и не участвовавшихъ: у насъ архивы должны быть цѣлы и современный отчетъ о частяхъ войскъ можетъ удовлетворить этому. Но не то видимъ относительно арміи Наполеона подъ Бородинымъ, составленной изъ разныхъ народовъ, которые едва только высвободились изъ Россіи, какъ начали постепенно отпадать отъ тогдашняго своего владыки, и историки въ послѣдствіи, принявшіеся составлять свои описанія, могли уже не имѣть подъ рукой положительныхъ данныхъ для составленія общей цифры, какъ бывшимъ въ строю, въ день битвы, такъ и павшимъ въ ней. [48] Въ Москвѣ едва ли имъ до того было, чтобы за-

[48] Баронъ Денье, какъ говоритъ, извлекъ свои цифры изъ архива Военнаго Министерства, въ которое онѣ могли быть доставлены изъ Москвы, или сохранiться при отступленіи. Но какимъ же образомъ, писавшіе послѣ Денье,

няться симъ съ надлежащею отчетливостью; а если это въ нѣкоторыхъ частяхъ и было сдѣлано, то, конечно, въ чрезвычайно малой долѣ и отрывисто, ибо послѣдовательной цѣлости быть не могло. Многое, отсылавшееся изъ Москвы, было перехватываемо на дорогѣ, частью доставлялось въ нашу главную квартиру, но большею частью вѣроятно истреблялось, въ особенности если попадалось въ руки крестьянамъ. Когда же армія Наполеона двинулась изъ Москвы въ обратный путь, то извѣстно, что ни одна изъ повозокъ не достигла Нѣмана, чтобы передать въ архивы тѣ необходимые документы, которые могли бы послужить основаніемъ для точныхъ выводовъ по сему предмету. Кто дѣлалъ эту кампанію, тотъ припомнитъ фуры, наполненныя не одними бумагами, разбитыми среди дорогъ, въ снѣгу и часто служившими намъ для бивачныхъ костровъ, преимущественно начиная отъ Дорогобужа по всей дорогѣ, особенно въ Гжатскѣ, Смоленскѣ и на Вопѣ, въ Красномъ и до самыхъ Борисова и Студянки, гдѣ многія тысячи различнаго рода экипажей были брошены, и очень немногія изъ главныхъ лицъ арміи успѣли увидѣть свои повозки на противоположномъ берегѣ Березины, да и то не на долго. Понарскія высоты оставили на себѣ почти все еще остававшееся. Самъ Наполеонъ подалъ примѣръ приказаніемъ сжечь многія бумаги, а потомъ даже и орлы. Если еще что могло быть спасено въ этомъ отношеніи, то, конечно, только изъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ Риги и противъ Витгенштейна и Чичагова; но тутъ о Бородинѣ не можетъ быть и рѣчи.

Обращаясь къ числительности арміи при Бородинѣ, можно только сказать, что, при обозрѣніи шестидесяти вышеприведенныхъ повѣствователей, должно заключить, что Французская армія превосходила нашу около пятнадцати процентовъ, съ значи-

---

не заимствовали этихъ данныхъ? Такъ, на примѣръ, Тьеръ, имѣвшій, конечно, также доступъ въ архивы и по положенію своему могшій пользоваться многими записками, не для всѣхъ доступными, не совершенно совпадетъ съ цифрами Денье, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно съ нимъ разногласитъ, на примѣръ: относительно убитыхъ, Денье показываетъ убитыми опредѣлительно шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ семь человѣкъ, а Тьеръ возводитъ эту цифру отъ девяти до десяти тысячъ! Разница на третью часть! И въ потерѣ Генераловъ между ними есть разница.

тельнымъ превосходствомъ конницы и опытностью въ битвахъ, по свѣдѣтельству, какъ видно было выше, самихъ Французскихъ писателей. Но это свѣдѣтельство должно быть отнесено въ буквальномъ смыслѣ только къ нижнимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ у насъ было много рекрутъ. Что же относится до военачальниковъ и вообще до Офицеровъ, то, конечно, они не уступали въ достоинствахъ непріятельскимъ; ибо иначе итогъ былъ бы совершенно иной: это признано самимъ непріятелемъ. Если же Французы и нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ, принимавшихъ участіе въ Бородинской битвѣ, могутъ встрѣчать отъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ препятствіе для полной отчетливости по сему предмету, то у насъ препятствій этихъ вовсе существовать не могло, а при всемъ томъ и всѣ наши историки разногласятъ въ этомъ случаѣ! Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 года» не изъята отъ подобныхъ недостатковъ въ неопредѣлительности излагаемаго предмета, а въ военной Исторіи и нѣсколько промаховъ колеблютъ довѣріе къ цѣлому, и сочиненіе оказывается не достигшимъ опредѣленной своей цѣли — точности.

Не полагаю излишнимъ привести здѣсь данныя объ израсходованіи снарядовъ въ этой битвѣ.

По отчету Генерала Ларибоссьера, въ Бородинскомъ сраженіи, собственно 26-го Августа, выпущено шестьдесятъ тысячъ пушечныхъ зарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ.[49]

---

[49] Генералъ Гурго (p. 137) говоритъ, что Французская артиллерія сдѣлала въ этомъ сраженіи девяносто одну тысячу выстрѣловъ. То же говоритъ Рёдеръ (S. 152); Мортонвалъ (p. 285) пишетъ то же и присовокупляетъ, что цифра эта, по донесенію также Ларибоссьера! Графъ Монтолонъ (t. II, p. 98) приводитъ слова Наполеона на островѣ Св. Елены, что въ Смоленскѣ выпущено было шестьдесятъ тысячъ снарядовъ, а при Бородинѣ вдвое; по этому выходитъ сто двадцать тысячъ, и что каждое орудіе было снабжено тремя стами пятидесятью зарядами. Должно полагать, что количество выстрѣловъ при Бородинѣ Наполеономъ преувеличено. Другіе уменьшаютъ количество пушечныхъ выстрѣловъ, а увеличиваютъ ружейные. Но цифра Ларибоссьера, приведенная Барономъ Денье, должна быть принята за положительную, ибо онъ былъ при Бородинѣ начальникомъ артиллеріи. Независимо отъ Денье, Гг. Пеле, Шанюи, Тьеръ имѣли возможность повѣрить оную въ источникѣ, и по тому принимаютъ ее за основаніе.

Баронъ Денье изъ этѣхъ цифръ выводитъ слѣдующее: Битва продолжалась около десяти часовъ, по чему приходится на каждую минуту по сту выстрѣловъ пушечныхъ и по двѣ тысячи триста ружейныхъ. Присоединивъ къ сему, конечно, такое же число и съ нашей стороны, тогда окажется, на каждую минуту по двѣсти выстрѣловъ пушечныхъ и по четыре тысячи шестисотъ ружейныхъ. Допустивъ же въ соображеніе, что главная сцена разыгрывалась на протяженіи не болѣе двухъ верстъ, и что разгаръ битвы продолжался только около шести часовъ, можно вообразить, что происходило въ этомъ адѣ, изрыгавшемъ такое громадное количество чугуна и свинцу!

Принявъ въ счетъ пушечные и ружейные выстрѣлы, выпущенные только непріятелемъ, всего милліонъ четыреста шестьдесятъ тысячъ, и выбывшихъ у насъ изъ строя около пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ, найдемъ, что изъ двадцати пяти выстрѣловъ поражалъ одинъ, [50] или, по показанію Г.-М. Богдановича, если собственно убитыхъ и раненыхъ сорокъ четыре тысячи человѣкъ, то придется, что изъ тридцати трехъ выстрѣловъ поражалъ одинъ.

Потеря съ обѣихъ сторонъ убитыми и ранеными, за исключеніемъ плѣнныхъ, составилась не менѣе осьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ кругломъ счетѣ, въ одинъ часъ времени, у сражавшихся выбывало изъ фронта по осьми тысячъ человѣкъ, или въ минуту по сту тридцати три.

Собственно бывшихъ въ бою, за исключеніемъ у Французовъ гвардіи, а у насъ Казаковъ, милиціи и нѣкоторыхъ полковъ, выйдетъ цифра не менѣе двухсотъ тысячъ, находившихся въ дѣйствительномъ огнѣ, по чему цифра павшихъ составляетъ двѣ пятыхъ наличнаго числа.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что Французы потеряли менѣе, нежели мы, конечно, не въ той пропорціи, какъ они показываютъ,

---

[50] Кавалерійскія схватки бѣлымъ оружіемъ не бываютъ значительны—относительно къ поражаемымъ огнемъ. Штыки одинаково большаго измѣненія въ цифрѣ произвести не могутъ.

и тогда окажется, что Русскіе, дѣйствительно бывшіе въ бою, потеряли болѣе половины наличнаго числа.

Въ настоящее время истребительные снаряды болѣе усовершенствованы, а въ 1812 году ракеты не были еще употребляемы въ полевыхъ битвахъ; шрапнели и другіе разрывные снаряды не были извѣстны, объ оружіи дальняго полета не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что всѣ эти истребительныя средства далеко уменьшили кровопролитіе противъ битвъ прежняго времени. [51] Да и самая пропорція убитыхъ къ раненымъ менѣе прежней: — Бородинская битва служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Впрочемъ, въ тѣ времена сражающіяся арміи теряли четвертую, иногда третью, часть, а бывало и половину людей, тогда какъ нынѣ такихъ явленій уже нѣтъ, не смотря на всѣ смертоносныя нововведенія. Войны 1848, 1849, 1854, 1855, 1859 годовъ и пр. служатъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ тактикъ говорится, что «воен-«ные писатели вывели, что въ сраженіяхъ, происходившихъ въ «концѣ прошедшаго столѣтія, изъ десяти тысячъ пуль попа-«дала только одна.» [52] Но здѣсь я позволю себѣ думать, что, безъ указанія источниковъ и разсмотрѣнія оныхъ критически, признать это фактомъ нельзя, особенно же въ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло не о голой теоріи, а объ ея практическомъ примѣненіи къ сказанному. Въ такомъ убѣжденіи нахожу, что помянутый выводъ едва ли основателенъ для эпохи исхода прошедшаго столѣтія; можетъ быть, онъ былъ бы примѣнимъ къ сраженіямъ, происходившимъ

---

[51] Въ 1858 году я имѣлъ случай коснуться этого предмета въ особенности, — съ нѣкоторою подробностью (См. Сѣв. Чч. NN 151—155).

[52] Въ Медицинской газетѣ, издающейся во Франкфуртѣ на Майнѣ (Русс. Инв. 1861 г., N 106), выведенъ расчетъ израсходованныхъ Австрійцами снарядовъ въ сраженіи при Сольферино. Изъ расчета этого оказывается, что семьсотъ выстрѣловъ ранили только одного, а четыре тысячи двѣсти убивали одного. Если этотъ расчетъ пусть только и приблизителенъ, то результатъ далеко не подходитъ къ тому, который оказывался въ битвахъ въ 1812 и послѣдующихъ войнахъ, когда употреблялись еще гладкія ружья, которыя, впрочемъ, и нынѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ изъ опытныхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ свое достоинство.

въ XIV столѣтіи, но не въ исходѣ XVIII, особенно обративъ вниманіе на то, что въ этотъ періодъ времени, отъ Креси, гдѣ въ первый разъ показались пушки, до окончанія прошедшаго столѣтія, являются на военномъ поприщѣ дѣятелями: Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Тюренъ, Конде, Монтекукули, Евгеній Савойскій, Де Саксъ, Фридрихъ Великій, Румянцовъ, Суворовъ и наконецъ Бонапарте. Не уже ли всѣ эти Полководцы, по геніяльности своей, не оставляли положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи? Сомнительно.

Принявъ во вниманіе одну Семилѣтнюю войну, найдемъ, что въ битвахъ, происходившихъ въ продолженіе ея, какъ, на примѣръ, въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, продолжавшемся восемь часовъ, выбыло изъ тысячи человѣкъ 294, такъ что въ часъ времени приходилось выбывшихъ изъ строя четыре тысячи сто пятьдесятъ человѣкъ, [53] явствуетъ, что принять изъ десяти тысячъ выстрѣловъ только одну пулю, достигавшую до цѣли, было бы болѣе, чѣмъ сомнительно.

Въ битвѣ этой въ обѣихъ арміяхъ дѣйствовало сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: убитыхъ и раненыхъ было тридцать двѣ тысячи.

Дадимъ всевозможныя льготы: во первыхъ, примемъ, что половина убитыхъ, была поражена холоднымъ оружіемъ и артилеріею (каждый опытный военный человѣкъ сознаетъ, что этого слишкомъ много; но пусть это будетъ такъ!). [54] За тѣмъ другая половина, т. е., шестьнадцать тысячъ человѣкъ, были поражены пулями.

Чтобы поразить такое число людей, по мнѣнію, высказанному выше, нужно было бы сдѣлать сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ!

---

[53] О другихъ битвахъ той войны умалчиваю, ибо результатъ тотъ же самый, какъ и подъ Кунерсдорфомъ.

[54] Бородинская битва была, и по настоящее время есть, исключительная: въ ней дѣйствовали болѣе тысячи орудій преимущественно картечью и гранатами по массамъ, сосредоточеннымъ на маломъ пространствѣ.

Круглая пуля недавняго образца имѣла $^{36}/_{96}$ золотниковъ вѣса; несомнѣнно въ эпоху Кунерсдорфскаго сраженія она была тяжелѣе; но дадимъ и здѣсь льготу: пусть пуля того времени была еще легче пули, употреблявшейся предъ настоящимъ временемъ; возьмемъ для каждой пули только шесть золотниковъ. Изъ этого выходитъ, что для ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ употреблено было девятьсотъ шестьдесятъ милліоновъ золотниковъ или двѣсти пятьдесятъ тысячъ пудовъ металла, и что для пораженія одного человѣка, если принять общую сложность, нужно было употребить около шестьнадцати пудовъ свинца и т. п.

Но допустивъ, что въ тѣ времена арміи имѣли возможность возить за собой подобныя баснословныя тяжести, обратимся ко второму обстоятельству, гораздо важнѣйшему, къ качеству оружія.

Въ Кунерсдорфскомъ сраженіи было сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: не будемъ исключать изъ этого числа ни конницы, ни артиллеріи, и, на основаніи допускаемыхъ льготъ, пусть всѣ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ дѣйствовали ружьями, то и въ такомъ даже случаѣ изъ ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ приходится на каждое ружье по тысячи двѣсти осьмидесяти выстрѣловъ. Каково же должно было быть тогда достоинство ручнаго огнестрѣльнаго оружія!

Кунерсдорфское сраженіе продолжалось восемь часовъ. Въ эти восемь часовъ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ сдѣлали сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ, что приходится въ часъ по двадцати милліоновъ выстрѣловъ, а на каждаго человѣка изъ полныхъ ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ часъ по сту шестидесяти выстрѣловъ, или безъ малаго по три выстрѣла въ минуту!! А если принять въ соображеніе, какъ и слѣдуетъ, что, по прибытіи на поле сраженія, не сразу вдругъ всѣ начали пальбу, продолжая ее безостановочно восемь часовъ сряду, что происходили движенія, что дѣйствовали колоннами, что конница и артиллерія (которыхъ мы хотя и исключили), не могли производить этой пальбы, и наконецъ, что люди постепенно выбывали изъ фронта, то и выйдетъ, что на каждаго человѣка изъ дѣйствовавшихъ ружьемъ придется едва ли болѣе

десяти выстрѣловъ въ минуту. Только при такой небывалой поспѣшности, очень натурально, и могло быть, что изъ десяти тысячъ выстрѣловъ достигалъ цѣли только одинъ. А каковы должны были быть ружья, выдерживающія тысячу двѣсти восемьдесять выстрѣловъ въ восемь часовъ, или безостановочно по сту шестидесяти въ часъ, а по другому расчету по шестисотъ?!

Подъ Бородинымъ, конечно, найкровопролитнѣйшемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ со времени изобрѣтенія пороха, израсходовано на каждое ручное огнестрѣльное оружіе, въ кругломъ счетѣ, только около двѣнадцати зарядовъ въ продолженіе десяти часовъ.

Въ тѣхъ же тактикахъ полагаютъ, что прежнія гладкія ружья, дѣйствуя на триста шаговъ, были причиной, что пуля рѣдко достигала своего назначенія, на томъ, будто бы, основаніи, что стрѣлокъ, находящійся на столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, не могъ сохранять необходимаго спокойствія! Сознаюсь, что этотъ выводъ для меня непонятенъ; ибо если я убѣжденъ, что ружье, которое въ рукахъ у меня и у непріятеля можетъ вредить обоюдно другъ другу на взаимно равномъ разстояніи, то это рѣшительно одинаково дѣйствуетъ на душевное спокойствіе при встрѣчѣ смерти, и къ тому еще, какъ я убѣдился опытами въ эпоху великихъ браней, что Русскій, чѣмъ ближе находится къ непріятелю, тѣмъ мужество его, пусть и одна отвага, болѣе усиливается: онъ не понимаетъ, чтобы сраженіе съ непріятелемъ могло кончиться однимъ обмѣномъ пуль; ему нужно столкновеніе, безъ котораго онъ не вполнѣ признаетъ сраженіе; [55] а безъ столкновенія какія бы изобрѣтенія дальняго полета снарядовъ ни были, никогда, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время, не убѣдятъ Рус-

---

[55] Покойный братъ мой, на штурмѣ Варшавы въ 1831 году (бывшій въ то время полковымъ командиромъ Елецкаго пѣхотнаго полка), которому въ первый и во второй день штурма удалось овладѣть нѣсколькими редутами, съ потерею едва ли не половины наличнаго числа людей, узналъ, что рекруты, составлявшіе знатную часть его полка, спрашивали у старыхъ солдатъ: «Когда же будетъ сраженіе?» не допуская мысли, что можно сразиться и одержать поверхность безъ рукопашнаго боя. Въ этомъ-то и загадка, что каждый народъ имѣетъ свой взглядъ на тактику.

скаго человѣка, чтобы сраженіе могло оканчиваться безъ, такъ называемой, потасовки.[56] Впрочемъ, эта истина доказана и въ войнѣ 1854 и 1856 годовъ.

Дальніе полеты истребительныхъ снарядовъ не только не сдѣлали битвъ кровопролитнѣе, но также, какъ и прежде, не кончали ихъ безъ штыковой работы, а это-то самое и обращаетъ на себя вниманіе.

Нѣкоторые думаютъ, что въ продолженіе десяти часовъ времени, въ Бородинѣ, выбыло у насъ изъ строя, по крайней мѣрѣ, не многимъ менѣе, нежели въ одиннадцать мѣсяцевъ защиты Севастополя, включая тутъ и битвы Альмскую, Балаклавскую, Инкерманскую и на Ѳедюхиныхъ горахъ. Само собою разумѣется, сюда не входятъ погибшіе отъ болѣзней. Любопытно было бы повѣрить это предположеніе. Относительно выбытія изъ строевъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, то число таковыхъ въ Бородинѣ очень далеко превосходитъ убыль при Севастополѣ.

---

[56] Не доказало ли это наше Ополченіе въ 1812 году въ Полоцкѣ, въ 1813 подъ Данцигомъ, и дружины Полковника Графа (А. Д.) Гурьева подъ Дрезденомъ и пр.?

ГЛАВА V.

ОЦѢНКА БИТВЫ.

Ни одна изъ битвъ не вызывала о себѣ столько толковъ, какъ Бородинская, а по тому здѣсь я приведу нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, полагая, что они не будутъ излишними, тѣмъ болѣе, что всѣ они возглашены иноземцами.

Наполеонъ, какъ выше было видно, говорилъ на островѣ Св. Елены: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, кото-«рое далъ я подъ Москвою: Французы въ немъ показали себя «достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть «непобѣдимыми.»

Что за конструкція фразы: «Французы одержали побѣду, а Русскіе непобѣдимы!» Но несчастный узникъ долженъ былъ утѣшать себя фразами, еще болѣе замѣчательными.

Ласъ-Казасъ (t. II, p. 179), передавая слова Наполеона объ Аустерлицкой битвѣ, между прочимъ, присовокупляетъ: «Рус-«скіе показали себя превосходными солдатами, которыхъ съ того «времени уже не встрѣчали; Русская Аустерлицкая армія не про-«играла бы битвы Бородинской.»

Явное противорѣчіе многому, сказанному о Русскомъ Бородинскомъ солдатѣ. [57]

---

[57] Я привелъ, въ особенной главѣ, мнѣніе иноземныхъ повѣствователей о Русскомъ солдатѣ (Отд. третье, гл. II).

Этотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ (t. VI, p. 40), приводитъ слова Наполеона: «Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, оно «(Бородинское) было однимъ изъ тѣхъ, гдѣ было выказано болѣе «дарованій и прекрасныхъ качествъ, а пріобрѣтено менѣе ре- «зультатовъ.»

Монтолонъ (t. II, p. 91, 92) приводитъ его же слова: «По- «слѣдствія Бородинской битвы были неисчислимы! Никогда не «было такъ кстати отважиться на битву.»

Довольно загадочно! Къ чему относятся «неисчислимыя по- слѣдствія?» Относительно же отваги дать битву, то видно было выше, что голодъ былъ главною причиной, какъ свѣдѣтельствуютъ всѣ Французскіе историки.

Шапюи (p. 592) говоритъ: «Наполеонъ на островѣ Св. Еле- «ны называетъ эту битву борьбою гигантовъ.»

Генералъ Фезензакъ, участникъ въ битвѣ (p. 45), говоритъ: «Никогда не видали болѣе остервененія, какъ въ этотъ день; едва «маневрировали,—атаковали одинъ другаго фронтомъ, съ ожесточе- ніемъ» и т. д.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 269) пишетъ: «Бит- «ва эта одна изъ самыхъ кровопролитныхъ, данныхъ въ продол- «женіе многихъ вѣковъ, не принесла Наполеону выгоды, развѣ «только облегчила ему занятіе Москвы. Наполеонъ хотѣлъ не по- «бѣдить, а истребить Русскую армію.»

Жомини (t. II, p. 221): «Въ продолженіе всей жизни своей «Наполеонъ давалъ много битвъ, но никогда не видалъ столь «ужасной. Ей слѣдовало быть необыкновенной по всѣмъ отноше- «ніямъ: по существу предпріятія, которое она должна была повер- «шить, по важности выгодъ, съ нею сопряженныхъ, наконецъ, по «особымъ обстоятельствамъ, ознаменовавшимъ столкновеніе массъ, «на пространствѣ столь сжатомъ.»

Далѣе (p. 227), изображая разные эпизоды въ этой великой битвѣ, о которой столько писали, говоритъ: «одни составляли по- «эмы, другіе въ вдавались критическія разсужденія, очень мало «между собою сходныя, наконецъ нѣкоторые возносили ее до не-

«бесъ; замѣчательно же то, что планъ Наполеона, мудро сообра-«женный, былъ худо выполненъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) говоря объ этой битвѣ, называетъ ее «одною изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ «новѣйшія времена.»

Шамбре (t. II, p. 77) называетъ ее «найкровопролитнѣйшею «изъ данныхъ со времени изобрѣтенія пороха [58] (и присовоку-«пляетъ): Наполеонъ былъ побѣдителемъ (?), но онъ не достигъ «результата, предмета своихъ желаній, и его положеніе станови-«лось очень затруднительнымъ.... До того времени дарованія его, «въ особенности на поляхъ битвъ, сіяли большимъ блескомъ; ими-«то, нѣкоторымъ образомъ, онъ, казалось, повелѣвалъ счастіемъ.»

Что за фразы! Значитъ онъ непобѣдимъ?

Далѣе (p. 82) Маркизъ этотъ пишетъ: «Не многія изъ вы-«гранныхъ битвъ производили на побѣдителей (!) такое необы-«кновенное впечатлѣніе: они, казалось, поражены были остолбе-«неніемъ (frappé de stupeur). Но перенесши столькихъ бѣдствій, «лишеній, усталости, чтобы побудить непріятеля дать битву, ока-«завъ въ ней столько доблестей, они видѣли послѣдствіемъ всему «этому одно избіеніе (massacre), и болѣе нежели когда либо усо-«мнились относительно продолжительности и участи войны.»

Раппъ (p. 169) отзывается объ этой битвѣ: «Мы взяли плѣн-«ныхъ и нѣсколько пушекъ; но этотъ результатъ не вознаградилъ «потери, нами понесенной.»

Норвенъ (t. III, p. 310), какъ видно было выше, называетъ битву эту «побѣдой trop peu décisive.»

Въ Нѣмецкомъ сочиненіи («Der Krieg der franz. etc. 1812—1813», p. 118), читаемъ: «На берегахъ Москвы, рѣки дана была «битва между Сѣверомъ и Югомъ Европы, [59] и то, что за годъ

---

[58] Клаузевицъ усиливается доказать, что Кунерсдорфское и Цорндорфское сраженія были кровопролитнѣе! Неудивительно: онъ Пруссакъ.

[59] Державинъ то же самое сказалъ о битвѣ сей гораздо прежде:

«предъ тѣмъ казалось невозможнымъ, сбылось на дѣлѣ! И какая «битва! Одна изъ самыхъ кровавыхъ, не только въ этомъ походѣ, «но изъ всѣхъ, данныхъ Наполеономъ.»

Пюнбюскъ (p. 85): «Я видѣлъ одну изъ самыхъ ужасныхъ «битвъ, которыя были даны когда либо съ тѣхъ поръ, какъ «люди изучаютъ искуство истреблять другъ друга.»

Въ «Mém. pour. servir etc. 1814, par un offic. d' ét. etc. maj» (t. II, p. 187): «Одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ и упор- «нѣйшихъ битвъ, которой подобной давно не видали.»

Въ «Moscou av. et ap. l'incend.» (p. 140): «Бородинская «битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ военныхъ лѣто- «писяхъ. Громъ пушекъ слышенъ былъ въ окрестностяхъ Москвы.»

Керъ-Портеръ (p. 155): .. «Такъ кончился этотъ достопа- «мятный день, въ который прекратилось существованіе осьмиде- «сяти тысячъ человѣкъ. Военныя лѣтописи новѣйшаго времени не «упоминаютъ о такомъ ужасномъ побіеніи. Наполеонъ имѣлъ право «воскликнуть: «Никогда не видали подобнаго поля битвы!»

Мишо (p. 133): «7-го Сентября (26 Авг.), 1812 года, дана «была самая кровопролитнѣйшая битва, о которыхъ только по- «вѣствуетъ Исторія.»

Галлуа (p. 215): «Бородинская битва одна изъ самыхъ кро- «вопролитнѣйшихъ послѣднихъ временъ—побіенія и истребленія.»

Биньонъ (p. 40): «Изъ всѣхъ битвъ, данныхъ Наполеономъ, «самая кровопролитнѣйшая, безспорно, есть Бородинская. Только «двѣ изъ всѣхъ другихъ нѣсколько приближаются къ ней огром- «ными жертвами, которыми должно было купить побѣду: Эйлау «и Ваграмъ; Маренго, Аустерлицъ, Іена, стоившія меньше, дали «гораздо большіе результаты.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406), описавъ поѣздку Наполеона, на другой день для обозрѣнія поля битвы, [60] присовокупляетъ:

«Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался,
«И ударялся громъ о громъ.»

[60] См. «Утро на другой день и отступленіе» (Отд. третье, гл. 1).

«Биваки безмолвны: не слышно болѣе пѣсней, нѣтъ разсказовъ, «угрюмая молчаливость. Около орловъ видѣлись остатки Офице «ровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько солдатъ, едва сколько бы «ло нужно для охраненія знаменъ. Одежда ихъ изорвана отъ оже «сточенія битвы; почернѣвшіе отъ пороха, обагренные кровью, « «между тѣмъ въ этихъ лохмотьяхъ, въ этомъ бѣдствіи, въ такомъ «несчастіи, видъ ихъ гордъ и, усмотрѣвъ Императора, послыша «лось нѣсколько торжественныхъ кликовъ, но рѣдкихъ и возбуж «даемыхъ; ибо въ этой арміи (присовокупляетъ авторъ), способ «ной въ одно и то же время къ энтузіязму, каждый обсуждаетъ «положеніе всего... Французскіе солдаты никогда не ошибаются. «Они удивляются столькимъ убитымъ непріятелямъ и большому «количеству раненыхъ и такому малому числу плѣнныхъ: не было «осьмисотъ. Мертвые свѣдѣтельствовали скорѣй мужество побѣж «денныхъ, чѣмъ побѣду. Если остальные отступаютъ въ такомъ «хорошемъ порядкѣ, съ такою твердостію, такъ не упали духомъ, «то къ чему выигрышъ поля битвы?»

Далѣе (p. 408): «Императоръ не могъ оцѣнить своей побѣды «иначе, какъ только числомъ убитыхъ. Земля до того была устла «на распростертыми тѣлами Французовъ, на редутѣ (центральномъ), «что, казалось, онъ принадлежалъ болѣе имъ, чѣмъ остававшим «ся на ногахъ; казалось, что видишь здѣсь болѣе побѣдителей «мертвыхъ, чѣмъ побѣдителей живыхъ.»

Кроссаръ (t. IV, p. 352): «Бородинская (битва была необ «ходима политикѣ, а не военному дѣлу...»—«Бородинскія поля были «свѣдѣтелями одной изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, ка «кія только собраны Исторіею до нашихъ временъ.»

Канфигъ (t. IX, p. 278): «Никогда битва не считала столь «ко Генераловъ, выбывшихъ изъ строя. Бородинскою битвой не было пріобрѣтено ни какихъ политическихъ послѣдствій, а, правду сказать, она обезсилила болѣе Наполеона, нежели поразила Рус скихъ».

Мишо (p. 133), разсуждя объ этой битвѣ, говоритъ: «При «Бородинѣ все ограничивалось со стороны Французской арміи ата «ками съ фронта, кровопролитными приступами на редуты, при

«чемъ солдаты обѣихъ сторонъ убивали другъ друга, хватаясь за «горло, какъ варвары, или залпами артиллеріи, повергавшими од«нимъ выстрѣломъ цѣлые батальоны, которые тотчасъ замѣнялись «другими, строясь подъ самымъ огнемъ батарей.» Говоря о Напо«леонѣ: «Онъ выказалъ какую-то нерѣшительность: приписывали «это болѣзни; но достовѣрно то, что онъ не проявилъ ни рвенія, ни «искуства, которыя проявлялись въ немъ прежде, въ случаяхъ, ме«нѣе важныхъ».

Жомини (t. II, p. 230) пишетъ: «Если бы Французы встрѣ«тили малѣйшія несчастія, что бы сталось тогда съ ихъ арміею? «Таковы были причины, дѣйствовавшія на умъ Наполеона, и по«буждали его избѣгать всякаго маневра на удачу, и уменьшили его «силу и рѣшимость, что обыкновенно было отпечаткомъ всѣхъ его «распоряженій. Побѣда, какъ бы она ни была не полна, должна «была привести его въ Москву. [61] За чѣмъ же было ему подверга«ться Полтавскому дню? Достопамятный кровопролитный день Бо«родинскій, котораго такъ пламенно желали, былъ далекъ отъ то«го, чтобы исполнить его цѣль. Онъ надѣялся дать эту битву въ «Литвѣ и сдѣлать ее рѣшительной: онъ нашелъ ее за двѣсти лье да«лѣе, и ему осталось только пространство, покрытое шестидесятью «тысячами съ обѣихъ сторонъ раненыхъ, или умирающихъ, безъ «малѣйшихъ трофеевъ».

Вильсонъ говоритъ: «При Бородинѣ, какъ и при Ватерлоо, «линіи были противопоставлены линіямъ, человѣкъ противъ чело«вѣка; воззвали къ храбрости каждаго солдата отдѣльно: исходъ «битвы зависѣлъ болѣе отъ употребленія силы, чѣмъ отъ иску«ства маневрированья, или отъ своенравнаго счастія; примѣръ на«чальниковъ, нападенія, аттаки въ штыки, чтобы отбивать непрія«теля и удерживаться твердо—вотъ вся тактика этого дня. Пере«крестный огонь артиллеріи—единственное соображеніе стратегіи.»

---

[61] Но занятіе Москвы, какъ видно изъ записокъ Ровиго, Фьеве и множества другихъ, во Франціи почиталось событіемъ гибельнымъ. Баронъ Меневаль (t. 1) говоря объ этомъ вступленіи, послѣ Бородинской битвы, присовокупляетъ: «Послѣ этого дня, столь сомнительнаго и такъ жарко оспариваемаго, открылось намъ вступленіе въ Москву» и т. д.

Жомини (t. II, p. 227), разсуждая о причинахъ, по которымъ Наполеонъ не упорствовалъ въ дальнѣйшихъ нападеніяхъ на Русскихъ, присовокупляетъ: «Онъ не хотѣлъ вновь отважиться на «удачу, и въ положеніи, въ которомъ находился, довольствовался «полупобѣдой. Онъ (будто бы) предвидѣлъ, что Кутузовъ на«правится на Москву, что до разсвѣта онъ и сдѣлалъ».

Относительно употребленія гвардіи,—мнѣнія раздѣлены не только между разными повѣствователями, но даже встрѣчаются у одного и того же изъ нихъ различные взгляды; такъ, на пр., Гурго (p. 124) говоритъ: «Если бы Наполеонъ употребилъ гвардію, ре«зультатъ побѣды былъ бы гораздо блистательнѣе». Потомъ, въ другомъ мѣстѣ, оправдывая въ этомъ Наполеона, онъ (p. 133) говоритъ: «Что бы послѣдовало, если бы битва должна была возобно«виться на другой день, какъ это и предполагалъ Кутузовъ? Фран«цузскія войска, не смотря на свою побѣду, а, можетъ быть, и по «причинѣ этой самой побѣды, могли быть отбиты. Двадцать тысячъ «свѣжихъ избранныхъ войскъ одни могли выиграть битву.» [62] Сегюръ же говоритъ (t. II, p. 405): «Этотъ грозный резервъ (гвардія) былъ едва въ двадцать тысячъ, въ числѣ коихъ около трети новыхъ рекрутъ.» [63]

Лавалле (t. IV, p. 543) то же пишетъ о вліяніи, которое могла бы имѣть гвардія, если бы ее употребили: «Можно было, «посредствомъ гвардіи, выбить Русскихъ изъ этой второй позиціи «лѣваго фланга и порѣшить ихъ разбитіемъ. Наполеонъ удовольствовался полупобѣдой».

Такъ мечтали Французы, а нѣкоторые и не Французы понынѣ мечтаютъ о возможности разгромленія тогдашней Русской арміи этимъ резервомъ.

---

[62] Значитъ, что и самъ Гурго сознаетъ возможность Кутузова атаковать Французовъ на другой день, что не соглашается съ тѣмъ, что Французы одержали викторію.

[63] Если это такъ, то мы далеко бы справились съ нею такимъ же числомъ, но сытыхъ и борющихся за святое дѣло.

Приведу мнѣніе о гвардіи Полковника Шанюи, которое, согласно съ обстоятельствами, изложено человѣкомъ, участвовавшимъ въ битвѣ, извѣстнымъ исторіографомъ ея и другихъ эпизодовъ этой войны (p. 576). Оправдывая Наполеона, что онъ, въ три часа по полудни, не ввелъ въ дѣло гвардіи, присовокупляетъ: «Но такъ какъ «не было взято плѣнныхъ, не одержано ни одного изъ тѣхъ успѣ«ховъ, которые бы показывали, что непріятель утратилъ свои си«лы, то онъ былъ правъ, что не пустилъ гвардіи въ битву. Но поло«жимъ (продолжаетъ авторъ), что Наполеонъ поддался бы требо«ванію Нея и другихъ, и предположивъ, что Кутузовъ, лучше вдох«новенный, предпринялъ бы на лѣвый флангъ Французской арміи «диверсію, гораздо сильнѣе, чѣмъ она была сдѣлана Уваровымъ, «что онъ и могъ сдѣлать, чѣмъ же бы тогда Наполеонъ остано«вилъ это движеніе?»

Вотъ что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ объ этомъ предметѣ (t. VII, p. 305, 306): «Судьба дня показывала его болѣе одного «раза такъ сомнительнымъ, что у Наполеона нѣсколько разъ на«стаивали пустить въ дѣло гвардію, которую онъ держалъ въ ре«зервѣ, какъ единственное средство рѣшить дѣло. Причинъ тому «приводятъ много: что онъ былъ болѣнъ и пр. Но тайна этого от«каза кажется, заключалась въ отвѣтѣ, который онъ сдѣлалъ Бертье, «настаивавшему по сему случаю: «А если завтра будетъ другая «битва, гдѣ моя армія?» Это былъ послѣдній его резервъ.» [64]

Унгеръ, разсуждая о Бородинскомъ сраженіи и объ участіи въ немъ конницы (p. 113) говоритъ: «Надобно было, во что бы «то ни стало, уничтожить Русскую армію, а этого невозможно было «сдѣлать безъ жестокихъ потерь для самаго побѣдителя. Если по«бѣда (p. 114) не была такъ полна, такъ рѣшительна, как ъ бы «ей слѣдовало быть, чтобы высвободить Французскую армію изъ «опасностей ея необыкновеннаго положенія, то это было сопря«жено съ причинами, чужыми дѣйствіямъ ея войскъ, и можетъ «быть отнесено только къ направленію битвы». Здѣсь авторъ намекаетъ на бездѣйствіе главнокомандующаго, самого Неполеона. На этой же страницѣ онъ говоритъ: «Французская конница въ «этой знаменитой битвѣ, цѣною огромныхъ пожертвованій, пріоб-

[64] И этотъ резервъ старой гвардіи, во всю войну, не заряжалъ ружей.

рѣла кровопролитную, но безплодную, побѣду. [65] Еще одно та«кое восторжествованіе, и нашей конницы бы не стало (s'en était «fait d'elle).»

Генералъ Пеле, разсматривая эту битву критически, между прочимъ (p. 145) говоритъ: «Неправильныя распоряженія Кутузо«ва много способствовали къ проигрышу битвы». Это послѣднее выраженіе неправильно употреблено о битвѣ въ общемъ пониманіи, какъ уже было о томъ говорено Здѣсь замѣчу еще только слѣдующее: Французы имѣли успѣхъ противъ части центра и нашего лѣваго фланга, понудивъ его отойти за нѣсколько сотъ таговъ назадъ, на вторую позицію, гдѣ онъ утвердился въ связи съ общей позиціей арміи и которой Французы не рѣшились атаковать, видя, по ихъ словамъ, грозное ея положеніе. Но другая часть нашего центра и правый флангъ, въ свою очередь, одержали успѣхъ, отбивъ всѣ на себя нападенія, и не только осталась на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, а еще окопечностью своего праваго фланга сдѣлала нападеніе на лѣвый флангъ непріятеля, произведя значительный въ немъ, и особенно въ тылу его, безпорядокъ. Слѣдовательно, битва исходомъ своимъ, собственно какъ сраженіе, представляетъ успѣхъ на разныхъ только пунктахъ, одержанный обѣими сторонами, а общій исходъ безспорно былъ въ нашу пользу. Отступленіе наше, чрезъ двѣнадцать часовъ по окончаніи битвы (арріергардъ чрезъ шестнадцать), имѣетъ совершенно другія причины, а отнюдь не тѣ, по которымъ можно было бы заключать, что мы не могли продолжать битвы отъ нанесеннаго будто бы намъ пораженія. Противное было доказано самими непріятельскими повѣствователями, какъ это приведено въ своемъ мѣстѣ. [66]

Генералъ Пеле продолжаетъ: «Если бы Русскіе уперлись пра«вымъ флангомъ къ Горкамъ, и если бы пространство, занимав«шееся Багратіономъ, имѣло укрѣпленія, безполезно построенныя «на правомъ флангѣ, всѣ условія успѣха были бы на сторо«нѣ Русскихъ.» Послѣ сего авторъ исчисляетъ всѣ выгоды, ко-

---

[65] Здѣсь авторъ, по принятому обычаю, поставилъ слово «побѣда», вмѣсто слова «успѣхъ,» который не разъ въ этой битвѣ пріобрѣтала и наша конница.

[66] См. Отд. третье, гл. 1: «Отступленіе».

торыя мы пріобрѣли бы надъ непріятелемъ,[67] а потомъ говоритъ:

«Распоряженія Кутузова, въ продолженіе битвы, заслужива-
«ютъ нѣкоторую похвалу. Если въ началѣ онъ худо расположился,
«если онъ не могъ видѣть всего того, что ему нужно было дѣ-
«лать, то въ остальное время показалъ тотъ характеръ, который
«бываетъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ Главнокомандующаго. Его
«упорство уравновѣшивало и частью разрушило высокія сообра-
«женія Императора.[68] Если бы Наполеонъ сдѣлалъ только одну
«ошибку предъ такимъ непріятелемъ, то онъ погибъ бы. Но Ге-
«нералъ искусный и предпріимчивый взялъ бы Французскую ар-
«мію на мѣстѣ преступленія, что часто говорилъ Наполеонъ—en
«flagrant délit. Около осьми часовъ онъ приступилъ бы къ на-
«паденію съ пятидесятью тысячами человѣкъ праваго фланга, на-
«правивъ ихъ черезъ Колочу къ берегамъ Войны.»[69]

Въ «Détails abrég. sur la camp. de 1812 etc.» (p. 24), авторъ, сказавъ, что Французы потеряли менѣе, чѣмъ Русскіе, присовокупляетъ: «Это очевидно доказываетъ, что Бородинская битва
«была побѣдой для Французовъ, по тому что на другой день часть
«ихъ арміи направилась къ Москвѣ.»

Очень удовлетворительное доказательство!

---

[67] Онъ могъ бы къ своему превосходному критическому разбору этой битвы присоединить еще и то, что если бы мы послѣдовали совѣту Бенигсена, и на центральной высотѣ соорудили не плохую батарею—въ 18 орудій,—а редутъ на 36 орудій, и поставили четыре батальона, не ломая линіи, то результатъ могъ бы быть подобенъ Полтавскому. Объ этомъ я говорилъ уже.

[68] Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (p. 150) говоритъ: «Упорство, ко-
«нечно, бывало причиной выигрыша болѣе одной битвы, а противополож-
«ный ему недостатокъ неоспоримо бывалъ причиной потери еще большаго
«числа битвъ.»

[69] Объ этомъ предпріятіи Генералъ Пеле разсуждаетъ глубоко и дѣльно, изъясняя всѣ выгоды, которыя мы пріобрѣли бы, и далѣе (p. 535), исчисливъ ошибки, сдѣланныя подъ Аустерлицемъ, присовокупляетъ: «Русскій полково-
«водецъ былъ лучше впушаемъ на берегахъ Москвы рѣки, и Наполеонъ на-
«прасно ожидалъ, чтобы онъ сдѣлалъ какое либо движеніе на удачу.»

Генералъ Хржановскій (p. 11), какъ ему и слѣдуетъ, то же приписываетъ побѣду Французамъ: «Русская армія была побѣж-«дена, но не истреблена.»

Да! далеко не истреблена! ибо черезъ полтора года, послѣ кровавыхъ битвъ, для снятія оковъ съ материка Западной Европы, она взяла приступомъ Монмартрскія высоты, низложила порабо-тителя Европы и возвратила корону законному Королю, отчужден-ному отъ оной въ продолженіе двадцати лѣтъ. Германскіе и Ита-ліянскіе Государи получили свои владѣнія обратно, Король Испаніи вступилъ въ свои права и т. д.

Шапюи (p. 592): «Если эта битва не дала всѣхъ результа-«товъ, которыхъ должно было ожидать, то это надобно приписать «обстоятельствамъ, которыхъ Императоръ не могъ ни предвидѣть, «ни отстранить.» Но это не совпадаетъ съ мнѣніемъ, которое имѣ-ютъ о свойствахъ генія.

Нюибюскъ (p. 84): «Если Бородинское сраженіе не даетъ «другихъ выгодъ, кромѣ только тѣхъ, которыя намъ объявляютъ, «то это жалкій трофей, гибельная побѣда!»

Боссе (t. II, p. 94) говоритъ о Бородинскомъ сраженіи, какъ «о днѣ, столь гибельномъ и такъ славномъ для Французской ар-«міи,» присовокупляя, что «одно время Русскія ядра перелетали че-резъ нихъ»: онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардина.

Тьеръ (t. XIV, p. 350) присовокупляетъ: «Нѣкогда Наполе-«онъ увѣдомлялъ о нѣсколькихъ тысячахъ убитыхъ у непріятеля, о «тридцати, или сорока, тысячахъ плѣнныхъ, о нѣсколькихъ стахъ «пушекъ и знаменъ, взятыхъ у непріятеля! Здѣсь же не было «взято ни плѣнныхъ, ни знаменъ, ни пушекъ, исключая малаго «числа орудій (найденныхъ въ редутахъ); но шестьдесятъ тысячъ «убитыхъ, или умирающихъ, непріятелей покрывали землю.» Исто-рикъ изъявляетъ удивленіе, что Наполеонъ показалъ менѣе.

Шапюи о поискѣ Уварова (p. 594) говоритъ: «Диверсія «Уварова могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы Кутузовъ «поддержалъ ее. Онъ могъ, безъ всякаго опасенія, располагать «большею частью войскъ своего праваго крыла» и т. д.

Шамбре (t. II, p. 81) пишетъ: «Диверсія, исполненная Ува-«ровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно по-«лезнѣе, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что «не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ «ожидать, [70] а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, «ведущую изъ Смоленска; онъ бы распространилъ безпорядокъ и «смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіант-«скихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его «отступленіе не было бы такъ опасно, ни такъ затруднительно, «какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ испол-«нить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, ко-«торыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы «занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.»

Онъ же, между прочимъ (p. 76), говоритъ: «Нѣкоторые изъ «Генераловъ предлагали Кутузову пустить Московское ополченіе, «ночью, на Французскую армію. Это предпріятіе было бы полез-«но, по тому что оно потревожило бы покой арміи и могло бы «произвести большой безпорядокъ.» Дѣйствительно, объ этомъ шла рѣчь: ополченье, двѣ кирасирскія дивизіи и 6-й корпусъ Дохтурова предполагали направить отъ Горокъ на Бородино. Въ это время Милорадовичъ долженъ былъ занять центральную высоту, оставленную непріятелемъ, когда стемнѣло, а Платовъ, усиленный, съ Казаками, долженъ былъ перенестись на р. Войну, и изъ окрестностей Беззубова распространить ужасъ въ окрестностяхъ Колоцкаго монастыря и далѣе. Диспозицію начали составлять, какъ внезапно намѣренія Кутузова измѣнились. Эпизодъ этотъ составляетъ до сихъ поръ пробѣлъ въ нашей военной исторіи, не смотря на то, что Французскіе писатели какъ бы вызываютъ насъ пополнить оный. Въ помянутой же книжкѣ моей говорится объ этомъ слегка. Барклай дѣлалъ уже для сего нападенія распоряженія въ Горкахъ, и я очень хорошо помню, какъ мой корпус-

---

[70] Не по тому отступилъ Уваровъ, что не могъ смять пѣхотныхъ карреевъ, а по тому, что получилъ двукратное приказаніе отойти назадъ. Причины тому изложены въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Отечественную войну 1812 года, соч. Богдановича Спб. 1861.»

ный начальникъ, Дохтуровъ, сокрушался объ отмѣнѣ этого движенія, что раздѣляли съ нимъ и всѣ лучшіе наши Генералы. И объ этомъ въ упомянутой моей книжкѣ сказано нѣсколько словъ.

Въ другомъ же сочиненіи своемъ («Philosophie de la guerre») Шамбре, разсуждая о дѣйствіяхъ на пути сообщенія непріятеля на его магазины, этапы, обозы и пр., посредствомъ отрядовъ опредѣляемой имъ числительности (p. 148), присоединяетъ: «Если «бы Кутузовъ, тотчасъ послѣ Бородинскаго сраженія, сдѣлалъ по«добныя распоряженія, онъ воспрепятствовалъ бы Наполеону про«никнуть до Москвы; [71] а если бы онъ сдѣлалъ это тотчасъ по «занятіи Французами Москвы, то принудилъ бы Наполеона не «медля отступить. И дѣйствительно (присовокупляетъ авторъ), отъ «Смоленска до Москвы, если исключить гарнизоны въ Вязьмѣ, «Гжатскѣ и Можайскѣ, уже сами по себѣ слабые, всѣ этапы состо«яли каждый изъ ста пѣхотинцевъ, укрѣпившихся по домамъ.» Далѣе Генералъ Шамбре замѣчаетъ: «Не возможно было предви«дѣть продолженія пребыванія Наполеона въ Москвѣ, по тому что «это было событіемъ, выходившимъ изъ всѣхъ расчетовъ вѣроятія, «и Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ большія выгоды принудить «Наполеона оставить Москву прежде, чѣмъ Французскія войска, «утомленныя усталостію и лишеніями, имѣли время отдохнуть, «чтобы возстановить себя.»

Генералъ Ронья («Considerat. sur l'art de la guerre»), говоритъ: «Русскіе могли очень легко избѣжать Бородинскаго сраженія, ибо «выиграли ли бы они, или проиграли, сраженіе, ихъ неосторожный «непріятель одинаково былъ бы разстроенъ, какъ событія и «оправдали это.»

Заключу главу сію мнѣніемъ Подполковника Дю Шато, которое онъ излагаетъ въ своихъ стратегическихъ разсужденіяхъ. Вотъ что онъ говоритъ о Бородинѣ (p. 38): «Бородинская битва, «выигранная Наполеономъ, была причиной всѣхъ обрушившихся

---

[71] Генералъ Пеле, Шапюи и нѣкоторые другіе говорятъ объ опасности для Французской арміи, если бы даже Уваровъ и Платовъ не отступили, произведя замѣшательство на лѣвомъ флангѣ Французовъ, и когда бы послѣдній перенесся на ихъ путь и т. д.,—предметъ, требующій пространнаго обсужденія, о которомъ я слегка коснулся въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе. Окончаніе. Спб. 1861 г.»

«на него бѣдствій въ концѣ года.» По тому, будто бы, что если бы онъ проигралъ ее, то не углублялся бы такъ далеко въ Россію, а подумалъ бы расположиться на зимнія квартиры между Днѣпромъ и Двиною.

Но едва ли мнѣніе автора справедливо: [72] во первыхъ, по тому, что, дойдя до Бородина, Наполеонъ углубился уже въ наше отечество, почти на тысячу верстъ, и оставалось углубиться еще только около ста верстъ; но за то онъ имѣлъ въ виду Москву, гдѣ думалъ возстановить физическія и нравственныя силы своей арміи, ни какъ не ожидая того, что случилось съ Москвою. Слѣдовательно, если Наполеонъ дошелъ уже до Бородина, то ему оставалось углубиться еще только на десятую часть того пространства, которое армія его уже совершила. Во вторыхъ: если бы Наполеонъ былъ разбитъ въ этой битвѣ такъ, что былъ бы вынужденъ отступать, въ такомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о занятіи зимнихъ квартиръ между Днѣпромъ и Двиною. Армія его лишена была конницы, а у насъ она была числительна и сбережена. Тогда бы лучше Казаки и легкая конница наша насѣли на него, имѣя возможность производить набѣги съ большею быстротой. Французы же, послѣ проигранныхъ ими сраженій, отступать не мастера, въ особенности на большихъ пространствахъ, что свѣдѣтельствуется и Исторіею. Здѣсь же Казаки составляли бы и авангардъ отступающей арміи, подобно тому, какъ это дѣлалъ Генералъ (В. Д.) Пловайскій, въ 1813 году, отъ Лейпцига до Ганау и отчасти до самаго Майнца. Отъ Бородина до Смоленска не было магазиновъ, а въ послѣдній городъ не успѣли еще свезти запасовъ. Шедшіе же къ арміи транспорты всѣхъ родовъ попались бы въ руки Казакамъ. Малочисленные гарнизоны въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ и по сту человѣкъ на этапахъ составлены были большею частью изъ слабыхъ, не могшихъ слѣдовать за арміею, не въ состояніи были оказать какого либо сопротивленія, терпя сами голодъ, вмѣстѣ съ ранеными и больными, отсталыми и разсѣян-

---

[72] Не возражаю на выраженія: «Битва, выигранная Наполеономъ.» Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ говорится удовлетворительно. Да и самъ авторъ выражается такъ по тому только, что мы отступили, какъ видно будетъ далѣе.

ными мародерами, коими завалень былъ весь помянутый путь; слѣдовательно, отступать Наполену при такихъ спутникахъ было бы очень невыгодно, и я даже думаю, что такое отступленіе было бы гибельнѣе отступленія его изъ Москвы. Объ этомъ предметѣ я говорилъ уже пространно въ другомъ мѣстѣ. [73]

Продолжая свои стратегическія разсужденія, Подполковникъ Дю-Шато (p. 39) говоритъ: «Такъ какъ отступленіе Русскихъ на «Москву было такъ хорошо соображено, то Кутузовъ могъ избѣ- «жать Бородинской бойни, по тому что, чѣмъ болѣе вдавался На- «полеонъ въ степи Россіи, тѣмъ болѣе положеніе его становилось «критическимъ.» [74]

Авторъ этотъ одинъ изъ весьма немногихъ Французовъ, допускающихъ предварительно обдуманный и соображенный планъ нашего отступленія. Почти всѣ другіе хотятъ увѣрить, что только одинъ страхъ заставлялъ насъ отступать.

---

[73] Въ книгѣ, имѣвшей счастіе быть посвященной Государю Императору, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя премущественно «изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причи- «нахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году.» Спб., 1855, 8.

[74] Авторъ прибавляетъ: «Столь же мудро набрана была позиція при Тарутинѣ, «сколько преслѣдованіе было медленно, на основаніи правила: «Que l'on ne «saurait metre trop de promptitude à attaques et à déborder un ennemis, qui se «replie à des grandes distances, quelles que soyent les causes de son mouve- «ment rétrograde,» и развиваетъ свои доказательства. Далѣе (p. 40): «Битва «при Краснымъ ведена была очень слабо. За чѣмъ ввели въ дѣло только «тридцать тысячъ человѣкъ, тогда какъ очень легко можно было употребить «бо́льшую часть арміи, чтобы задавить Наполеона?»

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

ГЛАВА I.

УТРО И ПРОДОЛЖЕНІЕ ОТСТУПЛЕНІЯ РУССКИХЪ.

Графъ Солтыкъ (p. 248) пишетъ: «Когда на другой день послѣ сраженія, къ палаткѣ Наполеона, въ Шевардинѣ, пріѣхали Ней и Мюратъ, онъ слышалъ слѣдующій разговоръ:

Мюратъ. «Вчерашній день былъ жаркій: я никогда не ви«далъ подобнаго сраженія относительно огня артиллеріи. Подъ «Эйлау сдѣлано было столько же выстрѣловъ, но ядрами. Вчера «же обѣ арміи были такъ близки одна къ другой, что почти всег«да стрѣляли картечью.»

Ней. «Мы не ударили лицемъ въ грязь (Nous n'avons pas «cassé des oeufs): потеря непріятеля должна быть огромная, и «его нравственныя силы должны быть очень потрясены, надо ихъ «преслѣдовать и воспользоваться побѣдою.»

Мюратъ. «Однако жь, они отступаютъ въ хорошемъ порядкѣ.»

Ней. «Мнѣ трудно этому вѣрить: какъ это можетъ быть по«слѣ такого столкновенія?»

Ней позванъ былъ къ Наполеону.

Что Русскіе отступили въ порядкѣ, это свѣдѣтельствуется всѣми авторами; но здѣсь замѣчательно то, что Мюратъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ (Отд. II, глав. 4), просилъ у Наполеона гвардейской конницы, чтобы преслѣдовать Русскихъ, переправляющихся въ безпорядкѣ чрезъ Москву рѣку.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406): «Французская армія оставалась «неподвижной, или скорѣй можно сказать, что нѣтъ болѣе арміи, «только одинъ авангардъ. Всѣ были заняты переноскою двадцати «тысячъ раненыхъ въ Колоцкій монастырь.... Наполеонъ объѣз-«жалъ (p. 407) поле битвы; никогда ни одно не представляло та-«кого ужаснаго зрѣлища....: Въ продолженіе (p. 409) этого печаль-«наго обозрѣнія, Императоръ тщетно старался успокоить себя «самообманомъ, приказывая пересчитывать малое число плѣнныхъ «и собирать нѣсколько подбитыхъ орудій. Семь, или восемь, сотъ, «плѣнныхъ и двадцать пушекъ — были единственными трофеями «этой неполной побѣды.»

Мишо (p. 134) говоритъ: «На другой день съ обѣихъ сто-«ронъ господствовало такое уныніе, былъ такой упадокъ силъ, что «Кутузовъ, желавшій на другой день дать битву, вынужденъ былъ «отказаться отъ этого, и Наполеонъ долженъ былъ остановиться «въ Москвѣ, куда онъ такъ желалъ достигнуть, и даже не зналъ, «какое направленіе взялъ Кутузовъ.»

Уныніе и упадка силъ у Русскихъ не было; самое отступленіе, чрезъ двѣнадцать часовъ по окончаніи Бородинской битвы, въ Можайскѣ, порядокъ, въ которомъ оное было совершено, это доказываетъ. Сверхъ того, битва на другой день, подъ Можайскомъ, а чрезъ два дня у Крымскаго Брода показываютъ, были ли въ нашихъ рядахъ уныніе и упадокъ силъ. У Французовъ, дѣло другое. Эпизодъ этотъ свѣдѣтельствуется иноземными повѣствователями и участниками, какъ это было въ главѣ: «Оцѣнка битвы, и какъ будетъ еще видно далѣе.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 55) пишетъ: «Наполеонъ хо-«тѣлъ лично убѣдиться въ потеряхъ, понесенныхъ Русской гвар-«діей, и по тому, объѣзжая поле сраженія, осматривалъ мѣста, на «которыхъ сражался этотъ избранный корпусъ. На всѣхъ тѣхъ «мѣстахъ, гдѣ сражалась Русская гвардія, находили доказатель-

«ства ея храбрости и истребленія, только Преображенскаго «полка нигдѣ не было видно. [1] Этѣмъ были поражены! Отыски-«вали его, и нашли почти весь лежащимъ на полѣ битвы.»

Шамбре (t. II, p. 85) также описываетъ поѣздку Наполеона, и представляетъ всѣ ужасы самыми разительными словами, присовокупляя (p. 86): «Наполеонъ приказалъ переворотить многіе «трупы, чтобы видѣть, какимъ оружіемъ они убиты: почти всѣ «ядрами.»

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. II, p. 31), разсказавъ эту же поѣздку Наполеона и со словъ Констана (перваго Императорскаго камердинера), когда Наполеонъ возвратился: «Сонъ его былъ очень безпокоенъ, или, лучше сказать, «онъ совсѣмъ не спалъ. Нѣсколько разъ внезапно переворачивался «на постелѣ и восклицалъ: «Quelle journée! Quelle journée!» [2]

Форъ (p. 47), описавъ, что представлялось на полѣ сраженія, которое онъ осматривалъ на другой день, присовокупляетъ:

---

[1] И очень естественно, что Наполеонъ не находилъ Преображенскаго полка; ибо какъ этотъ полкъ, такъ и Семеновскій, не были въ дѣйствительной схваткѣ, и потеря ихъ выбывшими изъ строя была (Даниловскій, ч. II, стр. 248), въ Преображенскомъ 37, въ Семеновскомъ 22. Этѣ полки нѣкоторое время находились подъ ядрами. Толь (T. II, S. 113) увеличиваетъ эту потерю до семнадцати Офицеровъ и шести сотъ нижнихъ чиновъ, пораженныхъ артиллеріею!!

[2] Здѣсь текстъ перепутанъ, какъ это часто встрѣчается у Французскихъ повѣствователей: 7-го была битва. На другой день, 8-го ч., когда, по общему свѣдѣтельству, Наполеонъ осматривалъ поле битвы, и съ 8-го на 9-е, уже тамъ не ночевалъ, а думалъ ночевать въ Можайскѣ. Доѣхавъ было до этого города и найдя, что Платовъ не пускаетъ Мюрата, долженъ былъ возвратиться назадъ и ночевать въ маленькой деревушкѣ, съ 8-го на 9-е ч. Между же тѣмъ Сентъ-Илеръ говоритъ: «На утру, на другой день, 9 Сентября, извѣстили, что Платовъ при-«нялъ начальство надъ арріергардомъ и располагалъ удерживаться въ Можайскѣ. «Хорошо, сказалъ Наполеонъ: Мы останемся нѣсколько часовъ долѣе «съ нашими несчастными ранеными.» Путаница эта продолжается, ибо въ слѣдъ за симъ Сентъ-Илеръ говоритъ: «Въ сумерки Императорская главная квар-«тира ночевала въ остаткахъ деревушки, при выходѣ съ равнины по Московской дорогѣ». Значитъ, 9-го ч. вечеромъ! Но Наполеонъ ночевалъ въ ней съ 8-го на 9-е Сентября, а по отступленіи нашего арріергарда изъ Можайска, онъ 9-го же въѣхалъ туда. Впрочемъ, не одинъ Сентъ-Илеръ путаетъ, и многіе другіе компиляторы, не изучившіе предмета, ставятъ читателя въ тупикъ.

«Подаваясь впередъ, въ кустарники, я встрѣтился съ пѣхотинцемъ, «который сказалъ мнѣ, чтобы я не шелъ далѣе, по тому что тутъ «тотчасъ Французскіе аванпосты.» Должно полагать, что это было тогда, когда арріергардъ нашъ, и противъ котораго этѣ аванпосты были выставлены, еще не оставлялъ позиціи. Хотя это обстоятельство и ничтожно съ перваго взгляда, но оно подтверждаетъ, что арріергардъ нашъ утромъ, на другой день битвы, стоялъ еще на Бородинской позиціи, что мы, очевидцы, очень хорошо знаемъ и, какъ далѣе, другіе еще Французы подтвердятъ; въ это утро арріергардъ нашъ атаковалъ Французскіе аванпосты. Авторъ присовокупляетъ: «Погода сдѣлалась мрачной, грусть, казалось, «распространилась въ воздухѣ.» Такъ мыслили побѣдители!

Графъ Солтыкъ, также сопровождавшій Наполеона на этомъ обозрѣніи, описавъ зрѣлище поля битвы, присовокупляетъ (p. 244), какъ онъ хотѣлъ, посредствомъ опросовъ, узнать что либо отъ Русскихъ солдатъ (Солтыкъ говорилъ по Русски): «Они всѣ были «такъ раздражены, что не хотѣли произнести ни одного слова; «многіе впадали даже въ самое ужасное отчаяніе, имѣя безпре«рывно предъ глазами несчастіе своего отечества.»

Графъ Сегюръ (p. 409) присовокупляетъ: «Замѣчательно, что «Русскіе, раненые на этомъ полѣ битвы, пробирались ползкомъ, а «нѣкоторые къ перебитымъ ногамъ подвязывали палки, не испус«кая ни одного стона; можетъ быть (присовокупляетъ авторъ), «будучи далеко отъ своихъ, они расчитывали на меньшее состра«даніе. Но положительно то, что они показывались болѣе твердыми противъ боли, чѣмъ Французы.» Французъ не можетъ разсказывать ничего безъ фразъ, такъ и тутъ Графъ Сегюръ дѣлаетъ свое заключеніе: «Не то, чтобы они переносили страданіе «съ преимущественнымъ духомъ, но страдали они менѣе, по тому «что менѣе чувствительны тѣломъ, какъ и умомъ, [3] а это происхо«дитъ отъ цивилизаціи, менѣе подвинутой впередъ, и органовъ, «отвердѣвшихъ отъ климата» и пр. Но Графъ, по видимому, ставитъ ни во что религію, убѣжденіе въ защитѣ праваго дѣла, безропотное повиновеніе Провидѣнію и тому подобныя побужденія.

---

[3] Фраза, достойная «печеныхъ яблоковъ» Г.-М. Богдановича (т. I, стр. 274).

Боссе, Префектъ дворца, также сопутствовалъ Наполеону и (t. II, p. 102) говоритъ: «Цѣлые ряды Русскихъ лежали [4] на «орошенной кровью землѣ и свѣдѣтельствовали, что они пред- «почли смерть отступленію.» Выставивъ такимъ образомъ, вмѣстѣ со всѣми другими участниками въ этой битвѣ, мужество Русскихъ (p. 96); разсказывая, что Маршалъ Бессьеръ, находясь въ головѣ старой гвардіи, близъ Шевардина, ловилъ Французскихъ солдатъ, удалявшихся съ битвы, подъ предлогомъ переноски раненыхъ товарищей на перевязочный пунктъ, присовокупляетъ, что такъ Маршалъ остановилъ четырехъ человѣкъ, несшихъ своего товарища, которому рана дозволяла итти самому; закричавъ на нихъ, они бросили раненаго и скрылись, раненый же продолжалъ путь самъ и пр., и пр. Здѣсь Префектъ невольно изобразилъ сравнительную доблесть Русскаго солдата съ Французскимъ.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406) пишетъ: «Въ продолженіе ночи «(послѣдовавшей за Бородинскимъ сраженіемъ), Русскіе заявили «свое присутствіе досадными криками. [5] На слѣдующее же «утро сдѣлалась тревога, распространившаяся до ставки Импера- «тора. Старая гвардія принуждена была броситься къ ружью, что «послѣ побѣды казалось намъ поруганьемъ.» Цельнеръ (S. 87) также упоминаетъ объ этой тревогѣ. Боссе (t. II, p. 102) говоритъ: «Около полудня сдѣлалась тревога, по случаю приближав- «шагося къ Французской арміи (будто бы) ошибкой значитель- «наго отряда Казаковъ, отдѣленнаго отъ Русской арміи.»

Лабомъ (p. 162) пишетъ: «На другой день послѣ битвы, Вице- «Король, полагая, что проведутъ оный на мѣстѣ, приказалъ распо- «ложить свою главную квартиру въ одной изъ уцѣлѣвшихъ дере- «вень на лѣвомъ берегу Колочи; но только что экипажи его на-

---

[4] Авторъ употребляетъ здѣсь слово: «gissaient miserablement,» какъ будто бы Французы лежали иначе, а не «miserablement!» О характерѣ повѣствованія Г. Боссе будетъ сказано нѣсколько словъ далѣе.

[5] «Par quelques clameurs importunes». Что хотѣлъ авторъ сказать этимъ? Ему, конечно, непріятно, что Казаки осмѣливались безпокоить побѣдителей! Но въ настоящемъ смыслѣ фраза эта показываетъ, что Русскіе ночью были на своей позиціи не обезпокоиваемы и, напротивъ, безпокоили непріятеля.

«чали въѣзжать во дворъ, какъ появилась партія, и экипажи по-«спѣшно удалились.»

Шамбре (t. II, p. 86) говоритъ: «Въ слѣдъ за отъѣздомъ На-«полеона изъ Шевардина къ Можайску, въ четыре часа по по-«лудни, вдругъ услышали крики: «Казаки! Казаки!» Вскорѣ приго-«товились принять ихъ, но они не показывались.» Значитъ, это вторая тревога старой гвардіи; ибо та, о которой говорилъ Сегюръ, произошла утромъ. Шамбре продолжаетъ: «Фуражиры, ко-«торыхъ они преслѣдовали и которые возвратились во всю прыть, «произвели эту тревогу.» Графъ Сегюръ (t. I, p. 408) присово-куплятъ: «Казаки въ тылу арміи забирали раненыхъ и мароде-«ровъ: пятьсотъ послѣднихъ скоро попалось въ ихъ руки.»

Побѣда Французовъ была такъ основательна, что партіи наши гуляли почти въ расположеніи ихъ арміи, производя тревогу до самой ставки непобѣдимаго, который, среди торжества своего, заключалъ себя въ баталіонномъ каре старой гвардіи!

Теперь посмотримъ, что Французы и ихъ союзники говорятъ объ отступленіи Русской арміи.

Выше видно было, на какихъ мѣстахъ послѣ битвы остано-вились сражавшіяся арміи. Здѣсь же слѣдуетъ взглянуть на то, что пишутъ иноземные историки о времени, въ которое Русскіе оставили свои позиціи и направились къ Можайску, а Французы послѣдовали за ними.

Битва кончилась послѣ четырехъ часовъ по полудни, потомъ не было уже ни какого связнаго движенія и часа два мѣнялись пушечными выстрѣлами съ обѣихъ позицій, расположенныхъ одна противъ другой. Французы первые прекратили огонь. Из-вѣстно, что Русскіе, далеко не признавшіе себя побѣжденными, приготовлялись рано утромъ къ наступательному движенію по предначертанію, сдѣланному еще въ самый разгаръ битвы, до трехъ часовъ по полудни. По окончаніи сраженія, начали состав-лять диспозицію къ наступленію за часъ до свѣта; но Главноко-мандующій нашъ отмѣнилъ намѣреніе, а по какимъ причинамъ, здѣсь разсматривать не буду: отъ того ли дѣйствительно, что со-

бралъ свѣдѣнія о потеряхъ, нами понесенныхъ, чего, впрочемъ, онъ не могъ не знать тотчасъ по окончаніи битвы, слѣдственно, за нѣсколько часовъ до измѣненія своихъ предначертаній къ атакѣ; слѣдовалъ ли онъ плану отступленія, или что другое побудило его отмѣнить планъ, составленный въ пылу битвы, объ этомъ говорить не буду, а приведу только разсказы иноземцевъ, какъ объ этомъ, такъ и о времени, въ которое армія наша оставила позицію, а непріятель пошелъ за нею.

Вольцогенъ, который, по положенію своему, имѣлъ всю возможность знать обстоятельства, касавшіяся предмета, имъ описываемаго, и въ то же время недовольный Кутузовымъ, не можетъ быть подозрѣваемъ въ искаженіи истины, имъ излагаемой, хотя бы это и не подтверждалось многими другими. [6] Вотъ что говоритъ Вольцогенъ (S. 147): «Въ три часа по утру (27 Авг.) Ку-«тузовъ прислалъ съ Адъютантомъ своимъ, Монтрезоромъ (живъ «до сихъ поръ, Генералъ отъ кавалеріи), повелѣніе Барклаю (Воль-«цогенъ былъ при Барклаѣ), чтобы онъ тотчасъ отправилъ за «Можайскъ резервную артиллерію и обозы, а въ слѣдъ и армію.... «(S. 148): Около шести часовъ утра, Барклай, съ остальными «войсками, направился на Можайскъ, оставивъ Платова съ арріер-«гардомъ на позиціи.»

Гоффманъ, [7] въ «Schlacht von Borodino» (S. 65), говоритъ: «Кутузовъ имѣлъ намѣреніе на другой день возобновить битву, но, «собравъ свѣдѣнія объ убыли, въ три часа ночи отдалъ прика-«заніе отступить.»

Въ другомъ же сочиненіи своемъ «Tagebuch» (S. 45): «Ночью «прислано было приказаніе отступать, и по утру пришли въ Мо-«жайскъ.... Пѣхотная бригада Вольфа (бывшая Росси) оставалась «до десяти часовъ утра на полѣ битвы въ составѣ арріер-

---

[6] О значеніи Вольцогена въ 1812 году было бы говорить излишне.

[7] Гоффманъ, перешедшій изъ Прусской службы въ нашъ Генеральный Штабъ, предъ войной исполнялъ должность Оберъ-Квартирмейстера 2-го корпуса Багговута. По окончаніи войны, онъ вновь перешелъ въ Прусскую службу Генералъ-Маіоромъ.

«гарда. Егерская бригада Пилара и Потемкина остались то же «въ арріергардѣ у Горокъ.» А это центръ позиціи.

Въ «Das Buch von Jahr 1812 etc.» (S. 288): «Въ три часа по «полуночи Русскіе начали отступать.»

Выше видно было, что резервная артиллерія и обозы выступили около сего времени. Далѣе (S. 289): «Только въ полдень Мю«ратъ съ кавалеріею и пѣхотною дивизіей Дюфура пошелъ за «Русскими.» Шрекенштейнъ (S. 3) то же говоритъ, что «пошли «за Русскими около полудня.»

Капфигъ (t. IX, p. 279) говоритъ, что «намѣреніе Кутузова «было на другой день возобновить битву, но, узнавъ вечеромъ о «потеряхъ, онъ отказался» и пр. «Призвавъ Барклая, чтобы раз«смотрѣть первоначальный планъ кампаніи, согласился со сдѣлан«ными ему представленіями (p. 282), и отступленіе приказано ис«полнить ночью.» Когда отбросимъ всѣ фразы, здѣсь доказывается, что пораженія не было и отступленіе могло входить и въ тайные планы Кутузова. Авторъ присовокупляетъ, что «На«полеонъ не смѣлъ преслѣдовать эту побѣду, такъ оспаривавшую«ся и почти безъ плѣнныхъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 58): «Кутузовъ совершилъ «отступленіе ночью и прикрылъ себя сильнымъ арріергардомъ.»

Маркизъ Шамбре (t. II, p. 76): «Кутузовъ предполагалъ ата«ковать на другой день, но, по полученіи свѣдѣній объ убыли, рѣ«шился на отступленіе. Онъ воспользовался ночью, чтобы ис«полнить оное; къ разсвѣту всѣ его позиціи были оставлены. Арріер«гардъ, порученный Платову, былъ составленъ изъ войскъ, наи«менѣе пострадавшихъ.»

Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Philosophie de la guerre») Генералъ Маркизъ Шамбре (p. 152) говоритъ: «Если бы Куту«зовъ не отступилъ въ ночь, послѣдовавшую за сраженіемъ, и «далъ на другой день новую битву, то, по всему вѣроятію, онъ «проигралъ бы ее, и Россія была бы порабощена.» Здѣсь слѣдуетъ принимать только то, что положительно, т. е., что данная битва не была проиграна, а только та, которая была бы дана

на другой день, могла быть проиграна; но такъ какъ послѣдняго не совершилось и предполагаемое вѣроятіе основано на однихъ мечтаньяхъ, то объ этомъ и говорить нечего. Положительно и то, что мы отступили ночью, не будучи вынуждены силой. О выраженіи же, что Россія была бы порабощена отъ потери одной битвы, остается только сожалѣть, какимъ образомъ такая нелѣпость могла быть сказана Г. Шамбре? И не уже ли онъ не понималъ, что этѣмъ самымъ выраженіемъ онъ очень ясно сказалъ, что Бородинская битва не была нами проиграна?

Полковникъ Шапюи (p. 559): «Кутузовъ отступилъ ночью «съ 7-го на 8-е Сентября, не понеся тѣхъ огромныхъ потерь, ко «торыя бываютъ участью большихъ пораженій.»

Вице-Король, въ «Запискахъ своихъ» (t. VIII, p. 9): «Русская «армія оставила поле битвы въ продолженіе ночи.» Это ясно говоритъ, что мы не были сбиты; оттѣсненный лѣвый флангъ, занявъ вторую позицію, продолжалъ огонь съ непріятелемъ до тѣхъ поръ, пока мракъ не прекратилъ его. Далѣе (p. 40) присовокупляетъ: «Послѣ столь кровопролитной битвы всѣ имѣютъ нужду «въ отдохновеніи.»

Генералъ Водонкуръ, въ «Исторіи Вице-Короля Италіянскаго» (t. II, p. 104), говоритъ: «Русская армія окончила ночью «оставленіе поля битвы. Французская армія пошла за непріятелемъ 8-го Сентября (27-го Августа).»

Арріергардъ нашъ оставался не только что до десяти часовъ утра на позиціи, но еще атаковалъ Французскіе аванпосты, и когда въ предписанное время началъ отступать, тогда только дано повелѣнье Мюрату ити за Русскими, за которыми онъ и двинулся около полудня.

Рёдеръ (S. 154): «Въ ночь на 8-е Сентября Кутузовъ снялся съ позиціи и остановился за Можайскомъ съ арміею, которую онъ спасъ, по словамъ Бутурлина, изъ «massacre de Borodino.» Далѣе говоритъ (S. 155): «Около полудня Мюратъ получилъ приказаніе преслѣдовать съ резервнымъ кавалерійскимъ «корпусомъ и съ дивизіею Дюфура (бывшаго Фріана), и остановиться за 7, или 8, верстъ за Можайскомъ. Маршалъ Моргье,

«съ дивизіями молодой гвардіи Роге и Клапареда, долженъ под-«держивать авангардъ,» и присовокупляетъ: «Французы, уставшіе «послѣ столь кровопролитнаго боя, оставались отдыхать до обѣда «и ѣли лошадей.»

Въ «Skiz. zur eines Gesch.» (S. 202): «27-го Августа (8 «Сентября), Русскіе получили приказаніе оставить свою пози-«цію и отступить.» Должно полагать, какъ и слѣдуетъ, авторъ понимаетъ три часа по полуночи, когда приказаніе отдано, а по тому и именуетъ уже 27-мъ числомъ.

Миллеръ (t. II, p. 142) также думаетъ, что Кутузовъ, «по-лучивъ свѣдѣніе о большой потерѣ, не отваживался на вторую битву.» Значитъ, что только одна убыль людей принята была имъ въ соображеніе и побудила его отказаться отъ замышлен-наго имъ нападенія, а не то, чтобы онъ былъ разбитъ, и по тому разстроенъ въ составѣ частей своей арміи.

Въ «Жизнеописаніи Нея» (p. 57): «Русскіе оставили свою «позицію ночью, совершивъ отступленіе въ хорошемъ порядкѣ.»

Генералъ Пеле (p. 143): «Кутузовъ отступилъ ночью.»

Въ «Запискахъ Прусскаго Офицера Генеральнаго Штаба» (Denkwürdigkeiten etc. S. 117): «Русскіе отступили ночью.» — Лабомъ (p. 160) говоритъ то же.

Генералъ Сарразенъ (p. 149): «Кутузовъ оставилъ позицію «при Бородинѣ до разсвѣта. [8] Одинаково свѣдѣтельствуетъ и Мил-«леръ (t. I, S. 123), присовокупляя, что «Кутузовъ былъ вынуж-денъ къ отступленію движеніемъ 5-го корпуса Французской арміи.» Но это неправда: ни какихъ движеній не было.

Мортонваль (p. 283): «Кутузовъ, узнавъ, въ продолженіе «ночи, о понесенныхъ потеряхъ, приказалъ тотчасъ отступать.» Далѣе же (p. 320) присовокупляетъ: «Бородинская битва остави-«ла Кутузову армію еще грозную.»

---

[8] А въ широтѣ, подъ которою находится Бородино, въ концѣ Августа разсвѣтаетъ около шести часовъ.

Тиссо (t. II, p. 726), Форъ (p. 45), Норвенъ (t. III, p. 312) и многіе другіе свѣдѣтельствуютъ объ отступленіи арміи нашей «ночью.» [9]

Клаузевицъ «(Feldz. von 1812,» S. 162): «Русскіе послѣ бит«вы были въ хорошемъ порядкѣ;» далѣе (S. 169) присовокуп«ляетъ: «Съ 7-го на 8-е ч., въ ночь, Кутузовъ отступилъ, отка«завшись отъ предположеннаго имъ нападенія на другой день.»

Въ «Запискахъ Офицера Французскаго Генеральнаго Штаба» (Mém. pour serv. à l'hist. de la guerre de 1812, t. I, p. 187—191): «Русская армія отступила въ ночи, прикрывая отступленіе до Мо«жайска сильнымъ арріергардомъ.»

Но есть повѣствователи, которые говорятъ объ отступленіи нашей арміи не ночью, а на другой день, что, впрочемъ, отчасти и справедливо; ибо независимо отъ того, что въ три часа по полуночи 27 ч. нѣкоторыя тяжести начали сниматься, за которыми около шести часовъ утра послѣдовала и вся армія, но арріергардъ нашъ оставался до десяти часовъ у Горокъ, занимая Бородинскую позицію; слѣдовательно, въ буквальномъ смыслѣ и выходитъ, что Русскіе отступили на другой день. Вотъ нѣкоторые изъ этѣхъ авторовъ:

Либенштейнъ (t. II, p. 59): «8-го Сентября (27 Августа), «очень рано утромъ, Русскіе начали отступать къ Можайску, и «за ними медленно пошелъ Мюратъ.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 309): «Кутузовъ на слѣдующее «утро хотѣлъ дать битву, но получивъ свѣдѣніе объ убыли, не «захотѣлъ рисковать. На другой день онъ предпринялъ отсту«пленіе на Москву, не оставляя сзади себя ни малѣйшихъ при«знаковъ потерь, имъ на капищѣ понесенныхъ.»

---

[9] Тиссо (p. 725), говоря о нападеніи Латуръ-Мобура, присовокупляетъ, по общему обыкновенію, фразу: «Успѣхъ этого нападенія былъ полный: хотя побѣда оста«лась за Французами, но канонада не прекращалась; къ вечеру она утихла, «ночью Русскіе отступили».

Тьеръ (р. 350): «Кутузовъ отдалъ приказаніе къ отступле-«нію 8-го ч. по утру, [10] предписавъ оспаривать Можайскъ все «время, необходимое для вывоза изъ онаго продовольствія, сна-«рядовъ, раненыхъ» и пр. Значитъ, что Русскій предводитель чувствовалъ себя для этого въ силахъ послѣ мнимой, одержанной надъ нимъ, побѣды, и арріергардъ выполнилъ возложенное на него и удерживалъ натискъ непріятеля сколько было нужно, не смотря на жаркій бой, о которомъ говорятъ Французы.

Графъ Солтыкъ (р. 249), неизвѣстно, на какомъ основаніи, и сколько я знаю, онъ и Бертезенъ только одни пишутъ, будто бы армія наша отступила вечеромъ послѣ битвы, однако же не скрываютъ, что она отступила въ хорошемъ порядкѣ. А это еще болѣе доказываетъ, что битва не разстроила арміи, если она тотчасъ послѣ оной могла начать отступленіе въ порядкѣ, которому удивляются всѣ Французы, и самъ Графъ Солтыкъ говоритъ объ этомъ.

И такъ похоже ли все это на разбитіе, на одержанную побѣду, вынудившую къ отступленію, на побѣду, въ какихъ бы она размѣрахъ ни была? Французы одержали мѣстный успѣхъ, т. е., заставили наше лѣвое крыло, огромными массами и упорными натисками, превосходною въ числительности конницею своею, загнуться назадъ, не потерявъ связи, и, занявъ вторую позицію, ожидать непріятеля, и если это есть побѣда (victoire), а не мѣстный успѣхъ (succés), то вѣрнѣе — мы одержали побѣду, отбивъ всѣ покушенія непріятеля на правый флангъ нашего центра и, въ то же самое время, своимъ правымъ флангомъ произвели тревогу въ лѣвомъ непріятельскомъ (въ такой степени, что Вице-Король долженъ былъ укрыться въ каре пѣхоты своей) и остались непоколебимыми на всемъ помянутомъ пространствѣ. Объ этомъ говорится мною со словъ самихъ же Французовъ, а теперь обращусь къ ихъ же засвѣдѣтельствованіямъ объ отступленіи нашей арміи, и какъ они воспѣваютъ эту побѣду, которая, въ буквальномъ смыслѣ, принадлежитъ намъ.

---

[10] Здѣсь видимо Либенштейнъ, Вальтеръ-Скоттъ и Тьеръ понимаютъ утро съ трехъ часовъ по полуночи, какъ выступила резервная артиллерія и пр., и въ 6 час. армія, арріергардъ же въ 10 часовъ.

Прежде всего замѣчу, что армія наша, вопреки побѣды надъ нею, какъ говоритъ хвастливость, оставалась, какъ видно было выше, двѣнадцать часовъ послѣ битвы на мѣстѣ, думая еще съ разсвѣтомъ атаковать Французовъ, а арріергардъ нашъ, составленный изъ пѣхоты и конницы, простоялъ на полѣ битвы около шестьнадцати часовъ, и только въ десять часовъ утра, по приказанію, а не вынужденно, отступилъ, сдѣлавъ еще нападеніе на непріятельскіе аванпосты и тревожа его армію съ разныхъ сторонъ до того, что старая Французская гвардія не разъ бралась за оружіе. Послѣ сего, по засвѣдѣтельствованію непріятеля же, армія отступила въ порядкѣ, а именно:

Бомсдорфъ, участникъ, говоритъ (t. II, S. 109): «Русскіе «отступили послѣ этой битвы въ порядкѣ и медленно къ Мо«жайску, не оставивъ ни какихъ слѣдовъ по дорогѣ.»

Биньіонъ (p. 41): «Русская армія отступаетъ, но отступле«ніе ея медленно и размѣрно.»

Въ «Fragm. sur l. camp. de Russie,» писанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (p. 45): «Русскіе отступали «спокойно и въ хорошемъ порядкѣ. Французы подаются впе«редъ съ недовѣрчивостью.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 411): «На пути къ Можайску до«рога была чиста и безъ всякихъ остатковъ людей, по«возокъ и одежды. Всѣхъ убитыхъ ихъ нашли похоронен«ными.» Описывая обозрѣніе, сдѣланное Наполеономъ поля битвы, на другой день, авторъ (p. 407) восклицаетъ: «Если остальные отступаютъ въ такомъ хорошемъ порядкѣ, съ гордо«стью и не упавшимъ духомъ, къ чему выигрышъ поля битвы?»

Баронъ Денье (p. 82) говоритъ, что, когда армія, 8-го Сентября, выступила къ Можайску, «она проходила лѣсъ, гдѣ все «напоминало смерть: небольшіе деревянные кресты на разныхъ «разстояніяхъ одни отъ другихъ, поставленные на свѣже подня«той землѣ, обозначали могилы, и которые воздвигнуты были «Русскими солдатами своимъ Офицерамъ.»

Г.-Л. Шрекенштейнъ, также участникъ (S. 3), свѣдѣтельствуетъ, что «Русскіе отступили утромъ 27 числа, и послѣ столь

«ужаснаго сраженія, не оставили ни какихъ слѣдовъ до самой «Москвы. (только въ Можайскѣ оставили тяжело раненыхъ): поря- «докъ былъ изумительный!»

Генералъ Пеле (p. 143) пишетъ: «Замѣчательное отступ- «леніе по порядку, который царствовалъ, было облегчено «большою шириной дороги, по которой въ нѣсколько рядовъ шли «разныя войска.» То же самое свѣдѣтельствуетъ Рёдеръ (S. 155), также очевидецъ. Но если бы армія была въ безпорядкѣ, какъ обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе послѣ проиграннаго сраженія, ни какая ширина дороги не способствовала бы ей къ удержанію порядка въ такой массѣ, съ столькими пушками, парками, обозами, ранеными и т. п. [11] Спрашивается у каждаго бывалаго въ генеральныхъ битвахъ: могла ли бы армія, побѣжденная въ такой ужасной битвѣ, заниматься съ такимъ тщаніемъ погребеніемъ павшихъ товарищей, если къ отступленію была она вынуждена силою?

Маркизъ Шамбре, сказавъ то же самое, что такое отступленіе «въ одну ночь облегчалось шириною дороги,» присовокупляетъ (t. II, p. 87): «Несчастія (revers) при Бородинѣ, имѣли ре- «зультатъ болѣе гибельный, чѣмъ по наружности могли подозрѣ- «вать это. Отступленье, исполненное по одной дорогѣ въ одну «ночь, тотчасъ послѣ столь ужасной битвы, произвело почти во «всей пѣхотѣ (Русской) такой безпорядокъ, что она составляла «смѣшанную массу, не способную къ бою.» [12] Откуда Маркизъ взялъ это свѣдѣніе? Самъ онъ этого положительно не говоритъ; должно полагать, что онъ заимствовалъ его изъ неисчерпаемаго словаря фразъ, употребляемыхъ Французами, при описаніи воен-

---

[11] Французы имѣли прекрасное шоссе въ разныхъ направленіяхъ послѣ Ватерлоо и т. п.

[12] Здѣсь кажется Маркизъ ошибся: онъ приписываетъ арміи Русской именно то, что происходило въ его арміи. Историки свѣдѣтельствуютъ, и очевидцы помнятъ, что Мюратъ явился къ Можайску точно съ перемѣшанной массой, въ которой конный гренадеръ стоялъ возлѣ гусара, а возлѣ этого драгунъ, кирасиръ, уланъ и др., и повѣствователи не разъ упоминаютъ, что послѣ Бородина, еще на полѣ битвы и потомъ въ Можайскѣ, Наполеонъ останавливался именно для того, чтобы ввести порядокъ въ корпусахъ, а между тѣмъ они считаютъ себя побѣдителями..... побѣдители, какъ извѣстно, всегда менѣе бываютъ разстроены, чѣмъ побѣжденные.

ныхъ событій. Онъ могъ позаимствоваться отчасти и отъ Бутурлина, написавшаго свою книгу по Французски, а по тому не изъятую отъ фразъ, на которыя часто Французы и ссылаются.[13] Всѣ участники этого отступленія засвѣдѣтельствуютъ, что полки, до одного, выступили изъ своихъ мѣстъ въ наличномъ составѣ, что къ нимъ по дорогѣ присоединялись люди, находившіеся въ моментъ отступленія, по какимъ либо причинамъ въ отлучкѣ, не безъ вѣдома своихъ начальниковъ. Тѣмъ болѣе это могло случиться, что никто не ожидалъ отступленія, а напротивъ всѣ думали, что сдѣлаютъ нападеніе. Когда же мы заняли позицію у Можайска, по утру 27 Августа, окончательно всѣ люди присоединились къ своимъ командамъ и составили, по словамъ Французовъ же, какъ видно будетъ, даже еще грозную для нихъ армію. Да и самъ Маркизъ Шамбре, въ слѣдъ за помянутой фразой, говоритъ: «Не«поколебимость арріергарда и сопротивленіе, имъ оказанное, прежде чѣмъ оставить Можайскъ, дозволило Кутузову удерживать «этотъ городъ, въ продолженіе ночи на 9-е Сентября, части «утра 9-го и оставить въ немъ только раненыхъ.» Могла ли же все это совершить безпорядочная масса? Бой былъ «жаркій,» «очень живой,» «упорный;» дѣйствіе нашей конницы, поддерживаемой нѣсколькими пѣхотными полками, а армія, выстроенная въ боевой порядокъ, стояла на позиціи въ трехъ верстахъ отъ сражающихся. Чрезъ два же дня, у Крымскаго Брода, какъ видно будетъ, эта перемѣшанная масса дала себя почувствовать. Но вотъ еще лучше: черезъ двѣ страницы, этотъ же самый авторъ (p. 89) говоритъ: «Наполеонъ, увѣренный, что Кутузовъ со«вершаетъ отступленіе въ хорошемъ порядкѣ, и не зная, куда «онъ изъ Можайска направился, на Москву, или на Калугу, остано«вился.»[14] Опять спрашиваю: могла ли бы разстроенная армія,

---

[13] Вотъ, на примѣръ, одна изъ любимыхъ фразъ, которая очень часто приводится Французами, когда Бутурлинъ говоритъ объ отступающей арміи: «échapée aux «massacre de Borodino.»

[14] Но это недоумѣнье его продолжалось почти до самой Москвы. Вотъ что свѣдѣтельствуетъ Шамбре (t. II, p. 108): «Приближаясь къ Москвѣ, вдругъ Напо«леонъ останавливаетъ армію $^{1}/_{13}$ Сентября (на канунѣ ея вступленія въ столицу!), «серіозно опасаясь, не взялъ ли Кутузовъ направленія на Калугу?» Какова разбитая армія?!... Маркизъ (p. 109) присовокупляетъ: «Такимъ образомъ, чрезъ

сбившаяся въ массу, не только что оказывать упорную оборону занимаемаго ею пространства, столько времени, сколько это было необходимо, но и по томъ отступать такъ, что непріятель потерялъ слѣдъ ея? Могла ли такая армія, въ 60 тыс., болѣе чѣмъ съ шестью стами пушекъ, съ многочисленными парками, обозами и т. п., исчезать изъ глазъ, не оставляя за собою ни чего такого, что указывало бы непріятелю на путь ея движенія? Между тѣмъ, Исторія войны 1812-го года, написанная Маркизомъ Шамбре, многими почитается одною изъ лучшихъ! По крайней мѣрѣ, она такъ признана нашимъ военнымъ исторіографомъ, Г.-М. Богдановичемъ.

Замѣчательно также сужденіе о Бородинскомъ сраженіи Маршала Гувьіона Сенъ-Сира. Вотъ что онъ говоритъ (t. III, p. 269): «Не смотря на самое упорное сопротивленіе, Русскіе были «побѣждены, по тому что были вынуждены отступить; [15] «но они не были разбиты; не было ни малѣйшаго смя«тенія или безпорядка ни на одномъ пунктѣ ихъ линіи: «было поражено ихъ тѣло, но не душа ихъ арміи.» И продолжаетъ (p. 270): «Наполеонъ могъ бы еще сдѣлать то, что хотѣлъ: «остановиться въ Москвѣ, на зимнихъ квартирахъ, и весною про«должать свои успѣхи, или предложить Императору Александру

«пять дней послѣ Бородинской битвы, ayant déjà repoussé Кутузова на 17 «лье отъ поля битвы, Наполеонъ не зналъ еще, какое направленіе Русскій пол«ководецъ избралъ для своего отступленія. Этотъ столь необыкновенный «фактъ «могъ бы показаться сомнительнымъ, если бы онъ не доказывался повелѣніями «Наполеона своимъ Генераламъ». Здѣсь замѣчательна фраза ayant déjà repoussé! Да какъ же это repoussé, когда тутъ же говорится, что Наполеонъ не зналъ, въ продолженіи пяти дней, какое даже направленье приняла наша армія? Кого же онъ отбрасывалъ? Впрочемъ, все это торжественно доказываетъ, что армія наша совершала побѣдоносное отступленье, не оставляя ни какого слѣда по себѣ. Эта, по его фразамъ, разбитая армія и силою вынужденная къ отступленію, преслѣдуемая l'épée dans les reins, пройдя Москву, опять исчезаетъ со втораго перехода изъ глазъ побѣдителей, которую они нашли уже на Нахрѣ, гдѣ готовились аттаковать ее (Шамбре, p. 15): «Кутузовъ $^{16}/_{28}$ Сентября отступалъ «медленно, такъ какъ будто бы это было скорѣй слѣдствіемъ соображеннаго пла«на, чѣмъ необходимостью». Опять фраза, и фраза бетозковая!

[15] Что за доказательство!.. И гдѣ это вынужденье? Въ Малоярославцѣ Французы отступили, уже—чисто вынужденные, что и самъ Маршалъ говоритъ, а между тѣмъ они трубятъ побѣду!

«миръ, могущій быть принятымъ. Но результатъ битвы, не будучи достаточно рѣшеннымъ съ обѣихъ сторонъ, позволилъ «Кутузову спокойно отступить къ Москвѣ и колебаться: дать ли «еще вторую битву для защиты этой столицы» и т. д. Разсмотрѣвъ внимательно эти строки, не трудно замѣтить, что слово побѣда, вмѣстѣ съ прочимъ, тутъ сказаннымъ, совершенно лишаетъ ихъ всякаго смысла, представляя изъ себя одинъ наборъ словъ.

Генералъ Баронъ Кросаръ свѣдѣтельствуетъ, что Русскіе не потеряли духа и что наступленіе Французовъ, во время преслѣдованія, было слабо, что ихъ эскадроны дѣлали атаки медленно; они выказывали только намѣреніе поддерживать свою артиллерію и пр., присовокупляя (t. IV, p. 356): «столько осторожнаго благоразумія не было въ характерѣ Французовъ, въ особенности тогда, когда предъ ними ретировались бы войска, надъ «коими они думали, что одержали неодолимое преимущество: въ «такихъ случаяхъ дѣятельность Наполеона никогда не имѣла равной. Русскіе съ своей стороны отступали въ порядкѣ и спокойно, какъ чувствующіе себя не вынужденными къ отступле«нію и сознающіе свои силы.»

Форъ, очевидецъ, описывая въ главныхъ чертахъ Бородинскую битву, присовокупляетъ (p. 45): «Всѣ были согласны, что «непріятель отступилъ въ хорошемъ порядкѣ; вечеромъ видѣли его линіи въ движеніи, безъ всякой торопливости, не смотря «на то, что онъ потерялъ много.»

Генералъ Фезензакъ, хотя и участникъ въ битвѣ, но, вопреки всѣмъ историкамъ, вмѣстѣ съ Солтыкомъ, говоритъ, будто бы Кутузовъ отступилъ вечеромъ и (p. 46) присовокупляетъ: «Французское войско, подавляемое изнеможеньемъ, едва могло преслѣдо«вать.» Мюратъ получилъ только между десятью и двѣнадцатью часами дня приказаніе — итти за Платовымъ, когда этотъ началъ отступленіе (а онъ началъ отступать въ десять часовъ утра); слѣдовательно, надобно же было чѣмъ либо оправдаться, что такъ долго оставляли разбитую армію безъ преслѣдованія; въ этомъ Генералъ Фезензакъ и нашелъ причину, какъ будто бы наша армія не должна была устать, отступивъ такъ, что не оставила за

собой даже колеса, не только что человѣка. А дѣло въ томъ, что если бы арріергардъ нашъ не отступилъ, то, можетъ быть, въ этотъ день Наполеонъ и не тронулся бы съ мѣста, а, пожалуй, простоялъ бы нѣсколько дней, чтобы дать отдохнуть войскамъ и выждать транспорты.

Армія наша, не будучи вовсе тревожима, начала свое отступленіе въ совершенномъ порядкѣ. Арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, составленный изъ конницы и пѣхоты, оставленъ былъ на позиціи. Вотъ что разсказываетъ Французскій Офицеръ, Комбъ (р. 85): «Утро, наступившее послѣ этого достопамятнаго дня (Бо«родинскаго), было очень кровопролитно. Нашему полку приходи«лось поочереди занимать голову колонны . . . Съ первымъ раз«свѣтомъ аванпосты наши были атакованы, и мы пошли ихъ под«держивать; но пришлось имѣть дѣло съ многочисленнымъ арріер«гардомъ: тридцать пушекъ встрѣтили насъ картечью, мы взяли «было (р. 86) нѣсколько изъ нихъ, но онѣ были у насъ отбиты.» И далѣе входитъ въ нѣкоторыя частности.

Керъ-Портеръ (р. 157) пишетъ: «Платовъ, съ разсвѣтомъ, «долженъ былъ не атаковать, или преслѣдовать, Французовъ, но «только тревожить ихъ.»

Все это доказываетъ, что Русскіе не полагали себя побитыми, а напротивъ искали только вредить непріятелю, вполнѣ сознавая возможность къ тому, не уклоняясь при этомъ отъ основнаго своего правила отступать, принятаго съ самаго начала кампаніи и гораздо прежде еще оной обдуманнаго. Всѣ безъ исключенья, отступая, были убѣждены, что это движенье не есть слѣдствіе потери битвы, но соображеніе Главнокомандующаго.

Послѣ Бородинской битвы обѣ арміи представляли между собою разительную противоположность: Русская, убѣжденная въ томъ, что исполнила свой священный долгъ, отступала съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства, дисциплина и на минуту не была ослаблена, разсѣянныя части, по окончаніи битвы, спѣшили ночью присоединяться къ своимъ полкамъ; непріятель, по собственному своему сознанью, не нашелъ на пути ни малѣйшихъ признаковъ, что за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ прошла тамъ армія въ шесть-

десятъ тысячъ человѣкъ, съ слишкомъ шестью стами пушекъ, огромными парками, военными и другими обозами и, сверхъ того, съ нѣсколькими тысяча мираненыхъ. Французская же армія, приписывающая себѣ побѣду, была въ разстройствѣ, свѣдѣтельствуемомъ ея же писателями, и мало того, по окончаніи этой битвы, принесшей ей побѣду, не полагала себя обезпеченною въ собственномъ своемъ лагерѣ.

Изъ всего видно, что Наполеонъ, похвалялся своею побѣдою, самъ не былъ убѣжденъ въ ея дѣйствительности. Графъ Дюма свѣдѣтельствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 440), что когда онъ и Дарю были позваны послѣ битвы, около девяти часовъ вечера, къ Наполеону, «бивакъ его былъ расположенъ сре«ди каре баталіона старой гвардіи, нѣсколько сзади редута.»

Похоже ли это на сознанье себя побѣдителемъ, такъ ли это бывало послѣ всѣхъ, данныхъ имъ, битвъ? Имѣя еще около ста тысячъ войска, бывшаго въ дѣлѣ, и за осьмнадцать тысячъ гвардіи, не початой въ этотъ день, находясь на столь дальнее разстоянье отъ непріятеля, будто бы побѣжденнаго и противъ котораго выдвинута была молодая гвардія, для занятія Семеновскихъ флешей, заключить себя въ баталіонный каре!! Но дѣло въ томъ, что въ ночь, послѣдовавшую за этой побѣдой, грозный побѣдитель не почиталъ себя обезпеченнымъ: наши Казаки бродили вокругъ Французской арміи, а за ними могло быть что либо другое.

Посмотримъ теперь, какъ эта побѣжденная армія, арріергардомъ своимъ, чрезъ нѣсколько часовъ, встрѣтила, по словамъ Французскихъ же писателей, побѣдоносную ихъ армію.

Генералъ Пеле (p. 143) говоритъ: «Платову оставлена была «лучшая конница, съ приказаньемъ защищать Можайскъ до «послѣдней крайности. Французская армія (продолжаетъ онъ, p. 144) устала отъ битвы, столь продолжительной и живой. [16] По «утру 8 числа Наполеонъ далъ ей нѣсколько отдохнуть; это время «было посвящено на призрѣнье раненыхъ и для возстановленья «порядка въ корпусахъ. Въ десять часовъ утра Бертье послалъ

[16] Но и Русскіе не могли не устать, а между тѣмъ, отступая, не оставили и слѣда за собой. Эта фраза неловка и ни какъ не оправдываетъ неуспѣхъ Мюрата.

«повелѣнье Мюрату итти за шесть, или за семь, верстъ далѣе Мо-«жайска.» Мюрата поддерживалъ Даву.

Какимъ же образомъ побѣдитель, послѣ своей victoire, дѣлаетъ распоряженіе о преслѣдованіи непріятеля только чрезъ шестьнадцать и болѣе часовъ по окончаніи битвы? Но дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ Русскій арріергардъ остановившимся на позиціи до десяти часовъ утра; когда же Платовъ отступилъ, тогда Наполеонъ и велѣлъ Мюрату слѣдовать за нимъ. Очень можетъ быть, повторяю, если бы арріергардъ, слѣдуя общему предначертанію, не отступилъ, когда настало къ тому время, то изъ всего, что говорится объ этомъ эпизодѣ, нельзя положительно сказать, послалъ ли бы Наполеонъ Мюрата, чтобъ силою понудить нашъ арріергардъ оставить Бородинскую позицію?

Пеле продолжаетъ: «Непріятель (арріергардъ) занималъ крѣп-«кую позицію подъ Можайскомъ, бой продолжался до вечера.»

Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p, 141) пишетъ: «На слѣдующее утро, 8-го Сентября, Неаполитанскій Король съ «своею конницей продолжалъ преслѣдовать Русскую армію, бы-«стро отступавшую. Предъ Можайскомъ было довольно жаркое дѣ-«ло съ Русскимъ арріергардомъ. Непріятель поспѣшно оставилъ «городъ. Императоръ перенесъ туда свою Главную Квартиру».

Должно полагать, что Генералъ-Интендантъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» не помнитъ, что 8-го ч. Французы пытались занять городъ, но Платовъ отбилъ всѣ ихъ упорные натиски, и только по утру, 9 ч., послѣ нѣкоторой схватки, очистилъ оный и остановился на высотахъ, на кацунѣ занимавшихся нашей арміей. Слѣдовательно, и Наполеонъ, прежде 9-го ч., не могъ перенести въ Можайскъ своей Главной Квартиры, что, впрочемъ, и сами Французы говорятъ единогласно. Правда, Наполеонъ имѣлъ намѣреніе 8-го ч. быть въ Можайскѣ, но экипажи его, доѣхавъ до авангарда, воротились и остановились въ Кривушѣ, небольшой деревушкѣ.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 411) говоритъ: «Увидѣвъ Можайскъ, «Мюратъ думалъ, что городъ уже принадлежалъ ему, послалъ ска-«зать Наполеону, чтобы пріѣзжалъ туда ночевать. Но Русскій «арріергардъ занялъ позицію предъ этимъ городомъ, за которымъ,

«на высотахъ, стояла вся Русская армія. Ея положеніе было «твердо и грозно, какъ и предъ битвой. Завязался бой, что- «бы еще увеличить потери, понесенныя нами на канунѣ.»

«Императоръ (р. 413) пріѣхалъ на мѣсто битвы съ наступле- «емъ темноты, послѣдуемый недостаточнымъ числомъ войскъ; онъ «направлялся къ Можайску шагомъ, еще болѣе медленнымъ, неже- «ли на канунѣ, и въ такомъ глубокомъ размышленіи, что, каза- «лось, не слыхалъ грома битвы, не видалъ ядеръ, до него доле- «тавшихъ. Кто-то остановилъ его, указавъ на непріятельскій арріер- «гардъ, находившійся между нимъ и городомъ, а сзади сего по- «слѣдняго—всѣ огни пятидесятитысячной арміи. Зрѣлище это «доказывало недостаточность его побѣды и далеко не унынie не- «пріятеля. Наполеонъ казался нечувствительнымъ. Онъ выслу- «шивалъ донесенія съ видомъ изнеможенья и оставлялъ дѣйство- «вать; потомъ возвратился и провелъ ночь въ небольшой дере- «венькѣ (Кривушѣ), въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда и на разсто- «ніи выстрѣла отъ непріятеля. 9-го Сентября мы нашли Можайскъ «цѣлымъ и очищеннымъ, но по ту сторону непріятельскій арріер «гардъ стоящимъ еще на высотахъ, командующихъ городомъ «которыя на канунѣ заняты были его арміею.»

«Шамбре (t. II, p. 83) пишетъ: «Наполеонъ думалъ, что въ «тотъ же день, т. е., 8-го ч., займетъ Можайскъ. Его экипажи, «доѣхавши до авангарда, принуждены были возвратиться. Это «событіе, по видимому, мало значительное, имѣло на послѣдствіе «дѣйствій большое вліяніе.»

«Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ: «Послѣ того, какъ «Кутузовъ рѣшилъ отступить и, преслѣдуемый на Московской до- «рогѣ, упорно защищая Можайскъ, заявилъ онъ намѣреніе «свое дать намъ еще битву въ прекрасной позиціи, въ Фи- «ляхъ.»

Галлуа (p. 219): «Русскій арріергардъ, при Можайскѣ, «оказалъ сильный отпоръ, и Мюратъ принужденъ былъ «остановиться.» Всѣ историки единогласно говорятъ, [17] что

[17] Денье, p. 82 «здѣсь раненъ Бельяръ»; Лабомъ, p. 161; Тьеръ, p. 351; Вальтеръ-Скоттъ, t. VII, p. 309; Жизнеописаніе Нея, p. 57; Жомини,

нашъ арріергардъ, не смотря на всѣ усилія Мюрата, чтобы въ тотъ же день овладѣть оными, мужественно отбивалъ всѣ натиски. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что мы далеко не были разстроены Бородинскою битвой? Въ ней легла почти половина арміи, но другая не упала отъ того духомъ, и чрезъ нѣсколько часовъ доказала это побѣдителямъ.

Повѣствованіе Боссе, Префекта Дворца и также очевидца, замѣчательно своею хвастливостью. Онъ (t. II, p. 101) пишетъ, въ опроверженіе того, будто бы Французы, по окончаніи Бородинской битвы, не оставляли поля сраженія, а напротивъ «пошли «впередъ, опрокинули послѣдній Русскій корпусъ, который «отважился было насъ остановить при Можайскѣ. Далѣе (p. 103) присовокупляетъ: «Мы ночевали, 8 ч., въ Можайскѣ и видѣли «вправо и влѣво укрѣпленія, приготовленныя Русскими въ намѣ«реніи защищаться; но быстрота нашего наступленія не «допустила ихъ занять этѣ укрѣпленія.» Такъ фразируютъ наши непріятели, не обращая вниманія на точность.

По утру, 28-го Августа, арріергардъ нашъ очистилъ городъ и остановился на высотахъ, на которыхъ на канунѣ стояла армія. Денье говоритъ: «Городъ былъ удерживаемъ Русскими только «для того, чтобы облегчить возможность вывезти раненыхъ, но «изъ нихъ осталось еще много. [18] Наполеонъ въѣхалъ туда «въ десять часовъ, и оставался три дня, какъ для приведе-

---

t. II, p. 231; Унгеръ, p. 113; Рашъ, p. 170; Буржуа, p. 46; Beaulis, victoire ect., t. II, p. 242; Фенъ, t. II, p. 43; Солтыкъ, p. 252; Бертезенъ, t. II, p. 59), и присоединяетъ, что дивизія Фріана очень пострадала, и безъ помощи Вислинскаго легіона была бы принуждена отступать, да и всѣ другіе изображаютъ бой при Можайскѣ кровопролитнымъ, жаркимъ, очень жаркимъ, упорнымъ и т. п.

[18] Генералъ-Интендантъ Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, 141), также говоритъ, что въ Можайскѣ нашли много (но сколько, не опредѣляетъ), нашихъ раненыхъ безъ средствъ; что было столько же труповъ, сколько и живыхъ, и присовокупляетъ: «Можно себѣ вообразить умноженіе бѣдствій «и несчастій, скопившихся на этомъ пунктѣ приращеніемъ числа нашихъ раненыхъ.» Авторъ, однако же, умалчиваетъ, что съ Русскими ранеными они обходились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, выбрасывая ихъ въ окна, на дворъ, на улицу и т. п.

«нія въ порядокъ войскъ своихъ, которыя онъ двигалъ ма-«лыми переходами (Шамбре, t. II, p. 88), такъ, по мнѣнію нѣко-«торыхъ, и для поправленія своего здоровья.»

Фенъ (t. II, p. 46) говоритъ: «Одно изъ первыхъ при-«казаній Наполеона къ Бертье состояло въ томъ, чтобы сдѣлать «рекогносцировку Можайска и поставить редутъ въ одномъ изъ дефиле.» Далѣе присовокупляетъ (p. 48) (изъ Можайска же онъ пишетъ Герцогу Беллунскому): «Кутузовъ хочетъ воспрепятство-«вать намъ вступить въ Москву и выказываетъ свою рѣшимость «употребить все, чтобы выгнать насъ, когда мы тамъ будемъ. А «по тому я долженъ думать объ усиленіи Московской арміи, по мѣ-«рѣ того, какъ непріятель будетъ усиливать свою,» и т. д.

Такъ ли боятся побѣжденной, разбитой арміи, какъ это выражается фразами?!

Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 442), приво-дитъ замѣчательный случай, доказывающій, до какой степени по-трясена была дисциплина во Французской арміи. Вотъ его слова: «Въ Можайскѣ, въ присутствіи Наполеона, завязался споръ, и «почти ссора, между Мюратомъ и Даву. Послѣдній охуждалъ об-«разъ преслѣдованія Мюратомъ Русскаго арріергарда, изнуряя и «разрушая остатки Французской конницы, которой Русскіе про-«тивопоставляли только легкія войска. Онъ предлагалъ Наполео-«ну дать отдохнуть этому драгоцѣнному резерву и поручить ему «авангардъ и преслѣдованіе непріятеля пѣхотою. «Находите ли «вы, спросилъ Наполеонъ у Маршала, что Неаполитанскій Ко-роль не выказываетъ достаточно ревности»? — «Слишкомъ много», отвѣчалъ Даву. Дюма оправдываетъ Маршала.

Форъ (p. 49) и Фезензакъ (p. 47) говорятъ, что Главная Квартира Наполеона вступила въ Можайскъ только 10 Сентября (29 Авг.). Это противорѣчитъ показаніямъ Денье, Шам-бре, Лабома, Фена и др., которые были также, какъ и Форъ и Фезензакъ участниками. Главная Квартира вступила въ Можайскъ 9 Сентября, какъ это и было въ дѣйствительности. 7-го проис-ходила Бородинская битва; 8-го, съ 3-хъ часовъ по полудни до поздней ночи и нѣкоторое время утромъ 9-го, мы защищали го-

родъ и потомъ оставили. Туда, въ слѣдъ за тѣмъ, вступилъ Мюратъ, а за нимъ, по показанію Барона Денье (p. 83; а онъ долженъ былъ знать положительнѣе другихъ), въ десять часовъ утра, и Наполеонъ. Здѣсь я отмѣчаю это обстоятельсво единственно для того только, чтобы показать, какія разнорѣчія встрѣчаются у Французскихъ писателей.

Генералъ Фезензакъ говоритъ: «Русскій арріергардъ защи-«щалъ нѣкоторое время Можайскъ, чтобы имѣть возможность пре-«дать оный пламени.» Значитъ, что арріергардъ могъ защищать городъ столько времени, сколько было ему нужно, но совсѣмъ не для того, чтобы истребить его огнемъ, для чего не было бы нужно много времени; на самомъ же дѣлѣ, только по выходѣ нашемъ, сгорѣло нѣсколько крайнихъ домовъ. Объ этомъ истребленіи нами Можайска пишетъ и Винтурини (t. I, S. 286).

Вотъ что еще замѣчательно у Генерала Фезензака (p. 47): «На другой день утромъ (т. е., когда Русскіе были уже въ Мо-«жайскѣ), 5-й корпусъ маневрировалъ вправо, чтобы направить-«ся на Москву, по старой дорогѣ. Кутузовъ, опасаясь быть «отрѣзаннымъ, рѣшился на общее отступленіе.» Что за путаница! Нѣсколько выше онъ сказалъ, что мы, будто бы, отступили съ Бородинской позиціи вечеромъ, а здѣсь, что движеніе 5-го корпуса заставило Кутузова къ общему отступленью! Старая же дорога, идущая чрезъ Утицу, сходится въ Можайскѣ съ новою, идущею чрезъ Бородино; какимъ же образомъ 5-й корпусъ могъ, по старой дорогѣ, угрожать тылу Кутузова, который былъ уже въ Можайскѣ?

Тиссо (p. 727), сказавъ, что Французы на другой день преслѣдовали побѣжденныхъ до Можайска, присовокупилъ: «Русскіе, разрушивъ городъ, оставили оный только послѣ «упорной защиты.» Слѣдовательно, повторяю, не были вынуждены, а вышли тогда только, когда признали это нужнымъ. Но вотъ что забавнѣе (p. 728): «По взятіи Можайска, не было «болѣе случая видѣть Русскихъ, и 2 (14) Сентября мы вступи-«ли въ Москву.» Напротивъ, Русскіе, послѣ Можайска, на Крымскомъ Бродѣ остановили почти на двое сутокъ напоръ Мюрата и

Даву. Объ этомъ и позабылъ авторъ, а тамъ, однако же, было очень жаркое свиданье, какъ сей часъ увидимъ.

Только два дня послѣ занятія Можайска, Мюратъ, атаковавшій Милорадовича, принявшаго начальство надъ арріергардомъ у Крымскаго Брода, потерпѣлъ сильное пораженіе. Ф е н ъ (t. II, p. 47) говоритъ: «10-го числа Мюратъ усиливается дойти до «Крымскаго Брода; начиная съ полудня, онъ сражался, и только «ночь прекратила битву.» Ш а м б р е (t. II, p. 90) также говоритъ объ очень жаркой битвѣ у Крымскаго Брода; «но Мюратъ, «не успѣвъ сбить Милорадовича, который отразилъ Мюрата и «Даву съ пѣхотой, 11-го числа оставался на мѣстѣ, что сдѣлала «и вся армія.» С е г ю р ъ (t. I, p. 313) замѣчаетъ, что здѣсь Русскій арріергардъ отбилъ Мюрата и Мортье съ молодою гвардіей: «Отсюда «Мортье написалъ Наполеону, что онъ не будетъ болѣе «слушаться Мюрата.»

Дальнѣйшее отступленіе до Москвы описывается историками одинаково: Ропья (p. 203) говоритъ: «Отступленіе Русскихъ про«должалось на Москву, но м е д л е н н о, чтобы дать время всѣмъ со«средоточиться.»

Б р е т ш н е й д е р ъ (t. I, p. 87), пишетъ:» Русскіе, мало пре«слѣдуемые, прикрытые своею конницею, отступали м е д л е н н о. «Кутузовъ, не найдя удобной позиціи, оставилъ Москву.» Д е н ь е (p. 83) свѣдѣтельствуетъ: «Русская армія продолжала отступать къ «Москвѣ, въ т а к о м ъ ж е п о р я д к ѣ.»

Замѣчательно выражается Графъ Дюма, въ «В о с п о м и н а н і я х ъ» своихъ (t. III, p. 451). Вотъ его слова: «Русская армія, послѣ «того, какъ была разбита (battue) при Бородинѣ, прошла чрезъ «Москву, и такъ б ы с т р о и с ч е з л а предъ нами, что, такъ сказать, «мы п о т е р я л и ея слѣдъ, по направленію къ востоку.» Что за наборъ словъ! Могла ли армія, въ дѣйствительности разбитая подъ Бородинымъ, отступать такъ медленно, какъ она хотѣла и какъ она это совершила въ ш е с т ь дней, около с т а д е с я т и в е р с т ъ пространства, не оставивъ за собой, по свѣдѣтельству всѣхъ писателей, ни о т с т а л ы х ъ, ни пушекъ, ни обозовъ, ни вещей, словомъ, ни колеса, какъ они выражаются; удерживать каждый разъ

натискъ Французскаго авангарда стл кьзсо овремени, сколько было было нужно, какъ, на пр., въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода; пройти пространную столицу въ томъ же порядкѣ, и такъ быстро исчезнуть предъ Французскою арміей, что послѣдняя потеряла слѣдъ ея! Спрашивается: не уже ли разбитая армія могла совершить такія чудеса?!...

До сихъ поръ на дѣлѣ мы еще не видали этого, а встрѣчаемъ только въ наборѣ словъ непріятеля не столько истины, сколько хвастовства. [19]

Нѣкоторые писатели, и въ особенности Солтыкъ и Клаузевицъ, полагаютъ, что если бы насъ преслѣдовали сильнѣе, то могли бы произвесть въ нашей арміи безпорядокъ. Но, помимо того, что это самое выраженіе уже показываетъ, что въ нашей арміи не было того безпорядка, о которомъ мечтаетъ Шамбре (t. I, p. 87), настоящіе ихъ доводы отзываются однимъ недоброжелательствомъ къ Русскимъ; ибо, во первыхъ, допустимъ даже большой натискъ въ преслѣдованіи насъ, то онъ могъ имѣть мѣсто скорѣй до Бородинскаго сраженія, когда Наполеонъ имѣлъ еще сильную конницу, но послѣ Бородина это было уже не возможно. Конница Французовъ значительно уменьшилась и, по мѣрѣ углубленія, изнурялась до невозвѣрной степени отъ недостатка фуража. Такъ, подходя къ Москвѣ, Мюратъ, недовольный одной атакой конницы, исполненной безъ должной силы и быстроты, замѣтилъ это Генералу Шансуи, который отвѣчалъ: «Это «происходитъ отъ того, что лошади мои не имѣютъ патріотизма: «наши солдаты хорошо дерутся безъ хлѣба, но лошади безъ овса не исполняютъ своей обязанности». [20] Во вторыхъ, главное

---

[19] Объ этомъ неотъемлемомъ дарѣ Французскаго племени замѣчу слегка въ Заключеніи.»

[20] Форъ (p. 304), говоря, что ихъ конница, уменьшившаяся на половину, не могла внушать ничего болѣе, какъ жалость, приводитъ отвѣтъ Шансуи, или дополненье къ вышеприведенному слѣдующимъ образомъ: «Мюратъ сказалъ Генералу Шансуи, что онъ въ Смоленскѣ испросилъ у Наполеона позволеніе пре«слѣдовать Русскихъ до Москвы l'épée dans les reins»... — «Жаль, отвѣчалъ послѣдній, что у лошадей нѣтъ соревнованія.»

успѣшно преслѣдовать армію можно тогда только, когда армія эта разбита, деморализована, разстроена и находится подъ начальствомъ не свѣдущихъ вождей. Но этого ничего не было, и далеко не было: Русская армія, выдержавъ кровавый день Бородина, не была ни разбита, ни разстроена, ни деморализирована, и можно сказать, въ чемъ подтвердятъ всѣ участники, что духъ и бодрость едва ли не возрасли у ней еще болѣе послѣ этой битвы, которой она не сознавала, и очень правильно, проигранною, а по тому съ восторгомъ готовилась сама на другой день къ нападенью. Слѣдовательно, всѣ доводы обоихъ помянутыхъ историковъ не основательны и несправедливы: они заключаютъ въ себѣ множество противорѣчій, перепутанныхъ фразами; отбросимъ послѣднія, и истина, вопреки ихъ желанію, говоритъ совершенно противное тому, что они маскируютъ.

Замѣчательна здѣсь выходка (ибо иначе и назвать нельзя) въ нѣсколькихъ строкахъ, встрѣчаемыхъ у Генерала Пеле, въ его описаніи Бородинскаго сраженія. Отрывокъ этотъ не можетъ принадлежать исторіи, какъ противорѣчащій всѣмъ иноземнымъ участникамъ въ этомъ походѣ. Авторъ противорѣчитъ и самому себѣ, когда повѣствуетъ, какъ историкъ. Здѣсь же онъ подчинилъ себя вліянію тоски по отчизнѣ, которымъ болѣе или менѣе одержимы всѣ его соотечественники, и у которыхъ, если не одно, такъ другое, обличаетъ ихъ въ хвастливости, до того невѣроятной, что теряешь къ ихъ разсказамъ вообще довѣріе, въ особенности оза-дачиваютъ они тѣхъ, которые недостаточно ознакомлены съ характеромъ ихъ военныхъ изложеній. Стоитъ прочитать описаніе одного сраженія при Ватерлоо, чтобы встрѣтить на каждой строкѣ высокопарныя слова о дѣятеляхъ—Французахъ въ этой битвѣ. И тамъ слово victoire довольно часто встрѣчается. [21] Но отбро-

---

[21] Вотъ одинъ образчикъ изъ сотенъ такихъ сочиненій. Въ книгѣ «Oeuvres de Napoleon etc.» (Изданія Наполеона) верхъ наглаго безстыдства и лжи. Пропускаю 1-е, годъ. Но вотъ, на пр. (p. 211): авторъ, описывая день 6(18) Октября подъ Лейпцигомъ, въ заключеніи говоритъ: «Поле битвы вполнѣ осталось въ нашемъ «распоряженьи, и Французская армія была побѣдительницей на Лейпцигскихъ по«ляхъ точно также, какъ и на поляхъ Виндау. Подъ вечеръ пушки наши, на всѣхъ «пунктахъ, отбросили непріятеля за четыре версты съ поля битвы... Потеря Фран«цузовъ въ этотъ день 6(18) Окт. можетъ восходить до четырехъ тысячъ уби«тыми и ранеными, потеря непріятельская огромна и т. д. Наполеонъ рѣшился от-

сивъ фразы, видимъ совсѣмъ другое. Генералъ Пеле, описавъ Бородинскую битву, изъ коей нѣкоторые эпизоды были изложены выше, потомъ, при окончаніи, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, обращается къ фразамъ и (p. 144, 145) говоритъ:

«Раненые Французы были сохранены для арміи, между тѣмъ «какъ часть Русскихъ раненыхъ погибла по дорогѣ и въ Москвѣ. «Но самая чувствительная потеря Русскихъ, потеря невознагради«мая, которая была чувствуема въ продолженіе всей войны, заклю«чалась въ Генералахъ, Штабъ и даже Оберъ-Офицерахъ, кото«рые пали на полѣ чести. Въ Россіи весьма трудно замѣщать ихъ. «Между тѣмъ солдатамъ ихъ начальство неотмѣнно необходимо. И «отъ того мы находили по дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ, «кучки этѣхъ храбрыхъ, сохранившими свое оружіе, которое Фран«цузы пренебрегали уничтожать. Если присоединить къ тому (при«бавляетъ авторъ) ружья, снаряды, вещи, пушки, которыя непрія«тель потерялъ на полѣ битвы, по дорогѣ и въ Москвѣ, глав«ная сила Русскихъ была почти совершенно разрушена.» (La principale force des Russes était presque entièrement detruite).

Возможно ли написать что либо болѣе противорѣчащее, не только всѣмъ историкамъ, но и самому себѣ, когда авторъ разсказываетъ событія, какъ историкъ? Если бы это сказалъ всякій другой, а не Генералъ Пеле, можно было бы пройти молчаніемъ, безъ разсмотрѣнія; но авторитетъ этого военнаго писателя требуетъ возраженія и улики въ его неосновательномъ сужденіи, вынужденномъ страстью къ фразамъ и свойственною всѣмъ Французамъ хвастливостью. [22]

Показаніе, будто бы Французскіе раненые были сохранены для арміи, иначе нельзя понимать, какъ только такъ, что сохра-

---

«ступать по тому только, что начальникъ артиллеріи доложилъ объ истощеніи «снарядовъ. Это обстоятельство (p. 212) побудило Французскую армію отказать«ся отъ плодовъ двухъ побѣдъ, въ которыя она разбила войска гораздо «многочисленнѣйшія» и т. д. Ватерлооская битва (p. 327) и все написано въ такомъ же духѣ.

[22] Это проявлялось во всѣ эпохи; въ послѣднюю же войну оно выразительно высказалось; стоитъ только припомнить донесеніе Адмирала Гамелена о бомбардировкѣ Одессы и о множествѣ подобномъ, чтобы убѣдиться въ томъ.

нены были трупы ихъ, ибо многіе не были даже и преданы землѣ; небольшое только число легко раненыхъ могло быть излѣчено. Безпорядокъ и всевозможные недостатки въ Колоцкомъ монастырѣ свѣдѣтельствуются всѣми писателями. Въ Можайскѣ то же самое, только Генералъ Пеле употребилъ при этомъ хвастливую фразу. [23]

---

[23] Генералъ Пеле имѣлъ случай видѣть этѣхъ раненыхъ даже и на возвратномъ пути. Генералъ Фезензакъ (p. 78) описываетъ ужасное зрѣлище Колоцкаго монастыря: «Тамъ оставили больныхъ безъ лѣкарствъ, безъ продовольствія, безъ «всякой помощи» и пр. Лабомъ и Сентъ-Илеръ (Hist. de la camp. de 1812, p. 226) говорятъ объ одномъ раненомъ Французѣ, безъ ногъ, пролежавшемъ около двухъ мѣсяцевъ на полѣ битвы, питаясь кореньями у ручья и пр. Шамбре (t. II, p. 252 и въ другихъ мѣстахъ) изображаетъ въ ужасныхъ краскахъ картину Французскихъ раненыхъ и вообще госпитали ихъ, въ которыхъ не только что не было лѣкарствъ и необходимыхъ принадлежностей, но и самаго продовольствія; люди гибли отъ голода и страданій. Буржуа (p. 50), не менѣе яркими красками представляетъ это ужасное положеніе, присовокупляя (p. 76), что во время этой кампаніи постоянно чувствовали недостатокъ въ пособіи раненымъ; между тѣмъ, говоритъ онъ, все это могло быть, если бы администрація не была въ рукахъ людей, совершенно въ томъ не свѣдущихъ. Всѣ раненые при Малоярославцѣ и изъ Колоцкаго монастыря размѣщены были по частнымъ повозкамъ, но ихъ сбрасывали въ поле. О такомъ образѣ сохраненія раненыхъ для своей арміи, всѣми дѣятелями, какъ это ниже видно будетъ, свѣдѣтельствуется. Буркерсрода (S. 13) говоритъ, что раненые ихъ, послѣ Бородина, которыхъ они подобрали на другой день (значитъ въ тотъ день не могли, ибо не властвовали на полѣ битвы), не имѣли ни лѣкарствъ, ни продовольствія. Положеніе этѣхъ несчастныхъ, присовокупляетъ авторъ, было въ высшей степени ужасно (S. 14): Госпиталь въ монастырѣ Маломъ, куда раненые полка, въ которомъ служилъ авторъ, были сложены, чрезъ нѣсколько дней былъ атакованъ поселянами и Казаками, но отъ нихъ отбились; по полудни полкъ пошелъ съ Мюратомъ къ Можайску. Лосбергъ (S. 235) описываетъ 16(28) Октября, ужасное положенье госпиталя въ Колоцкомъ монастырѣ, присовокупляя, что съ Бородинскаго поля и Французы, и ихъ союзники, и Русскіе не были еще погребены. Извѣстно, что по прогнаніи Французовъ Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 244) свѣдѣтельствуетъ, что на этомъ полѣ было сожжено человѣческихъ труповъ 58,521 и конскихъ 34,472. Впрочемъ, сами Французскіе врачи: Генералъ-Хирургъ Ларрей и находившійся при Штабѣ Главной Квартиры Наполеона врачъ Лемазюрье, описываютъ положеніе этѣхъ несчастныхъ. Можно бы привести множество объ этомъ достовѣрныхъ засвѣдѣтельствованій; остается только удивляться Генералу Пеле, что онъ рѣшился выпустить такую фразу!

Въ отзывѣ же о Русскихъ раненыхъ, что «часть ихъ погибла на дорогѣ и въ Москвѣ»; слово «часть» такъ неопредѣлительно, что можно допустить дѣйствительность погибшихъ въ Можайскѣ, въ Москвѣ, но отнюдь не по дорогѣ. Если же были случаи умершихъ при перевозкѣ, то число ихъ ни какъ не можетъ имѣть мѣста въ Исторіи: по мѣрѣ скопленія раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ, ихъ тотчасъ отправляли; тяжело раненые большею частью оставались въ Можайскѣ, подводы изъ подъ нихъ скоро возвращались, всѣ же другіе раненые отправлялись въ Москву, и когда армія снялась съ позиціи, предъ разсвѣтомъ, 27 Августа, всѣ раненые были уже отправлены, но, конечно, могли оставаться нѣкоторые на полѣ битвы, въ особенности на лѣвомъ флангѣ, гдѣ перестрѣлка происходила, по наступленіи уже темноты: этѣ-то несчастные и составляли почти исключительно плѣнныхъ, которыхъ число, по сознанію самихъ историковъ, преувеличено въ 18 Бюллетенѣ. Изъ Можайска, занятаго Французами только 28 Августа, раненые безпрерывно отправлялись въ Москву, въ Можайскѣ же оставались одни тяжело раненые, въ особенности съ отнятіемъ членовъ, преимущественно ногъ, требовавшіе особенной укладки на подводы, а по тому человѣколюбіе скорѣе повелѣвало не тревожить ихъ съ мѣста. На второмъ переходѣ отъ Можайска, у Крымскаго Брода, Французы опять были задержаны нашимъ арріергардомъ на двое сутокъ, слѣдовательно, отправленные раненые имѣли всю возможность достигнуть до Москвы, и ни въ одномъ изъ селеній на этомъ пути ихъ не оставляли; если же и случалось, какъ и должно предполагать, что нѣсколько изъ нихъ и умерли, то были на привалахъ похороняемы, обрядъ, свято соблюдаемый Русскими, засвѣдѣтельствованный многими изъ повѣствователей, какъ видно было выше, что на самомъ полѣ битвы и по дорогѣ они встрѣчали этѣ могилы. Слѣдовательно, съ Генераломъ Пеле, по этому случаю, можно согласиться въ томъ только, что дѣйствительно часть раненыхъ могла погибнуть на дорогѣ, но эта часть такъ мала, повторяю, что не должна была найти мѣста въ Исторіи и, конечно, она была несравненно меньше той части погибшихъ раненыхъ Французовъ, которыхъ ихъ армія сохранила за собой. Что же касается до раненыхъ, оставленныхъ, какъ сказано, въ Можайскѣ на попеченіе Французовъ, они почти всѣ погибли, не только отъ неимѣнія помощи,

но и съ голода, которому подвергались и самые Французы. Къ этому должно еще присоединить и то, что помѣщеніе, гдѣ находились Русскіе, было тотчасъ очищено для Французовъ, при чемъ обходились съ нашими ранеными самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, что также свѣдѣтельствуется.

Касательно же раненыхъ, оставленныхъ въ Москвѣ, то этому опять только подверглись тяжело раненые; ибо изъ Москвы другіе вывозились далѣе, такъ что многіе Бородинскіе транспорты и не останавливались въ столицѣ. Французы, по занятіи Москвы, обошлись съ ними точно также, какъ и въ Можайскѣ; слѣдовательно, если они, какъ утверждаетъ Генералъ Пеле, погибли, то, конечно, въ этомъ случаѣ они обязаны попеченію о нихъ Французской администраціи, дѣйствовавшей такъ филантропически. [24] Лишь нѣсколько нашихъ Офицеровъ, находившихся по квартирамъ, были выпользованы Французскими хирургами, а можетъ быть въ томъ числѣ случились и нижніе чины.

Генералъ Пеле, въ выноскѣ (p. 144), говоритъ, что Русскіе, оставляя Москву, поручили, письмомъ Кайсарова, раненыхъ великодушію Французскихъ войскъ, и что въ это же самое время подготовляли разрушеніе столицы огнемъ. Но между этѣми двумя событіями нѣтъ ни какого взаимнаго отношенія. Первое принято всѣми образованными арміями, второе было дѣломъ народнаго патріотизма, въ которомъ армія проявляла любовь къ родинѣ другимъ путемъ, — на поляхъ битвъ. Всякое проявленье патріотизма народомъ, при защитѣ отъ вторгнувшагося врага, должно было бы казаться въ глазахъ автора иначе, какъ онъ смотритъ на это. Запятнали ли себя Русскіе поступкомъ, подобнымъ тому, когда, при отступленьи, Французы и ихъ союзники, конвоируя нѣсколько тысячъ Русскихъ плѣнныхъ, по дорогѣ убивали ихъ и оконча-

[24] Какая разница въ человѣколюбіи представляется между Французами и Русскими! Когда мы заняли Вильну, госпитали и частные домы были завалены больными Французами и ихъ союзниками; на нихъ было обращено то же вниманіе, что и на нашихъ. Государь Императоръ не разъ посѣщалъ Французскіе госпитали, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ очень часто, и имъ не только подавали пособіе, но разливали утѣшеніе и милости, что свѣдѣтельствуется Французскими же писателями. Мортонваль (p. 44) въ особенности распространяется о заботахъ Государя Цесаревича, Корсакова, Дризена и др.

тельно около Дорогобужа хладнокровно перестрѣляли и перекололи ихъ всѣхъ, а нѣкоторыя партіи, заключивъ въ строенія, зажигали оныя! О чемъ въ «Заключеніи» буду имѣть случай сказать съ нѣкоторою подробностью.

Далѣе, Генералъ Пеле, чтобы выказать еще болѣе мнимое торжество Французовъ въ Бородинскомъ сраженіи, говоритъ: «Но «самая чувствительная потеря Русскихъ, потеря невознагради«мая, которая была чувствуема въ продолженіе всей войны, за«ключалась въ Генералахъ, Штабъ и даже Оберъ-Офицерахъ, кото«рые пали на полѣ чести. Въ Россіи весьма трудно замѣ«щать ихъ»

Нѣтъ сомнѣнія, что потеря Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, въ такомъ числѣ, какъ это было при Бородинѣ, не могла не быть чувствительной, но уже далеко не въ той степени, какъ представляетъ авторъ. У насъ изъ фронта выбыло двадцать два Генерала, но собственно, для продолженія войны, мы лишились только пятерыхъ. Убиты на мѣстѣ: Тучковъ 4-й и Графъ Кутайсовъ, ранены: Князь Багратіонъ и Тучковъ 1-й, которые вскорѣ умерли; слѣдовательно, не могли участвовать въ дальнѣйшемъ продолженіи войны, и Лихачевъ, раненый, взятъ въ плѣнъ, въ которомъ и умеръ. Остальные же семнадцать Генераловъ, не только явились къ своимъ мѣстамъ для продолженія войны въ 1813 и 1814 годахъ, но многіе были опять въ рядахъ и въ самую Отечественную Войну; то же самое должно разумѣть о Штабъ и Оберъ-Офицерахъ. Между тѣмъ какъ у Французовъ выбыло изъ фронта сорокъ девять Генераловъ, изъ коихъ десять убито на мѣстѣ, а изъ остальныхъ многіе умерли, не принявъ участія въ продолженіи войны. Но положимъ, что у насъ, по мнѣнію автора, весьма трудно замѣщать ихъ, о чемъ я скажу нѣсколько словъ далѣе, но здѣсь обращаюсь съ вопросомъ: откуда онъ взялъ, что потеря эта была чувствуема нами въ продолженіи всей войны? Не сохранились ли у насъ, независимо отъ князя Кутузова: Барклай, Беннигсенъ, Милорадовичъ, Платовъ, Дохтуровъ, Раевскій, Графъ Остерманъ-Толстой, Багговутъ, Лавровъ, Бороздинъ, Графъ Паленъ, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, Корфъ, какъ Корпусные Командиры; Дивизіонные: Принцъ Евгеній Виртембергскій, Графъ Строгановъ, Графъ Воронцовъ, Паскевичъ, Коновницынъ, Капце-

вичъ и множество другихъ, со славою подвизавшихся во всю войну? То же самое скажу и относительно Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. На другой день, послѣ Бородинскаго сраженія, подъ Можайскомъ, и чрезъ два дня на Крымскомъ Бродѣ, «эту чувствительную потерю нашу» замѣтили ли Французы, съ коими наши войска выдержали жаркіе бои, отбивъ всѣ покушенія Мюрата и Герцога Тревизскаго, которые, по обыкновенію, обвиняли въ неуспѣхѣ другъ друга? Русскіе совершили это, не смотря на то, что въ первое время нѣкоторые полки были подъ начальствомъ Капитановъ и даже Штабсъ-Капитановъ. Могло ли быть исполнено отступленіе наше, отъ Бородина до Москвы, въ томъ порядкѣ, которому всѣ Французскіе писатели, и самъ генералъ Пеле, удивляются, когда бы мы не имѣли необходимыхъ къ тому знаній? Могла ли бы армія пройти столицу въ той изумительной правильности, если бы не было начальниковъ, постигающихъ свое назначенье, начиная съ высшихъ до ротныхъ Командировъ? Могла ли эта армія, въ семьдесятъ тысячъ, со втораго перехода отъ Москвы, вдругъ исчезнуть изъ глазъ Мюрата и Себастіани, не оставивъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ? Наконецъ, имѣли ли случай замѣтить, что и въ послѣдствіи мы терпѣли отъ потерь, понесенныхъ при Бородинѣ, Генералами, Штабъ и Оберъ Офицерами? Если Французы могутъ упрекнуть насъ Вязьмой, Краснымъ и Студянкой, то этотъ упрекъ можетъ относиться только до лица нашего Главнокомандующаго, который могъ имѣть свои соображенія, но отнюдь не до Генераловъ, а еще менѣе до Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. [25]

Генералъ Пеле говоритъ: «Эта потеря чувствуема была въ «продолженіи всей войны;» значитъ, онъ понимаетъ и кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Гдѣ же и тутъ замѣтилъ онъ эту «чувствительную потерю, понесенную нами при Бородинѣ?» Онъ затруднился бы указать безъ богатаго участья фразъ: изъ всѣхъ союзниковъ, Русскія знамена первыя осѣнили высоты Монмартра. Конечно, въ описаніи и этого, слишкомъ уже осязательнаго, событія, фразы занимаютъ первое мѣсто: вся Европа ополчилась противъ Франціи. Это такъ, но по чему этѣхъ фразъ нѣтъ, когда

---

[25] То же самое и на Чернишнѣ; ибо Мюратъ, съ авангардомъ долженъ былъ принадлежать намъ. Событіе, достаточно извѣстное, чтобы говорить о немъ.

Наполеонъ, за полтора года предъ тѣмъ, потащилъ весь материкъ Западной Европы противъ Россіи? Здѣсь умѣнье Французовъ описывать свои подвиги—молчитъ.

За тѣмъ обращусь къ выраженью автора, что «въ Россіи «весьма трудно ихъ (Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ) «замѣщать.» Положимъ, что, можетъ быть, это и такъ, но такое выраженіе, при описаньи Бородинскаго сраженія, подходитъ къ сказанному, какъ говорится у насъ, «ни къ селу, ни къ городу.» Но положимъ, что автору нужно было такъ неумѣстно вклеить эту фразу: гдѣ же, повторяю, онъ имѣлъ случай замѣтить, «въ продолженіе войны, затрудненіе» наше замѣщать означенные чины? Кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ выработали намъ отличныхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Замѣщеніе первыхъ, въ полномъ значеніи слова, столь же затруднительно у насъ, какъ и вездѣ; Наполеонъ, въ осьмнадцатилѣтнюю войну выработалъ, конечно, много отличныхъ Маршаловъ и Генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые возведены были имъ въ Короли, но всѣ ли они удались? Это другое дѣло. Многіе ли изъ нихъ имѣли способность начальствовать отдѣльно, самостоятельно? Въ его только присутствіи они и блистали; отдѣльно рѣдкій изъ нихъ остался не только что побѣдителемъ, но и былъ въ состояніи уравновѣшивать борьбу съ противникомъ; сами Французскіе писатели обличаютъ ихъ въ этомъ. Слѣдовательно, замѣщенье Генераловъ вообще трудно. Однако же, въ 1813 и 1814 годахъ мы не ощущали недостатка въ замѣщеніи всѣхъ трехъ упомянутыхъ званій, и могли успѣшно бороться съ Великою арміею Наполеона. Только, по овладѣніи Парижемъ, когда уже война кончилась, для пополненія комплекта Оберъ-Офицеровъ, всѣ Фельдфебеля и Вахмистры были произведены въ Офицеры; изъ нихъ многіе оправдали свое возвышеніе, другіе, возвратясь въ Россію, перешли въ разные гарнизоны и т. п. [26]

[26] Этѣ-то произведенные и получили въ арміи названье Бурбоновъ (отъ возстановленья Бурбоновъ), что перешло въ общее употребленіе до сихъ поръ называть Бурбонами всѣхъ производимыхъ въ Офицеры изъ солдатскаго званія. Пожалуй, и нынѣ произведенные съ уменьшеннымъ срокомъ Унтеръ-Офицеры, для укомплектованія Офицеровъ усиленной арміи, получатъ въ народѣ прозванье Бонапартовъ.

Генералъ Пеле, сказавъ о помянутомъ затрудненіи замѣщать у насъ чины, присовокупляетъ: «Между тѣмъ Русскимъ солдатамъ «начальство неотмѣнно необходимо.» Это аксіома не для однихъ Русскихъ солдатъ. Начальство необходимо въ каждой арміи, и чѣмъ оно положительнѣе, тѣмъ болѣе сохраняется порядокъ въ арміи. Въ этомъ отношеніи Французская армія никогда не можетъ равняться съ Русской; у насъ не было еще примѣра, чтобы неудачи могли поколебать дисциплину и потрясти порядокъ, а не только что породить въ ней деморализацію. Французы далеко этѣмъ не могутъ похвастаться. Не приводя примѣровъ до войны 1812 года, посмотримъ, что повѣствуютъ историки, описывавшіе оную. Не достигнувъ еще нашихъ границъ, дисциплина была потрясена, не отъ того ли, что во Франціи легче, чѣмъ въ Россіи, имѣть достойныхъ начальниковъ? По вступленіи въ границы, отъ Нѣмана до Москвы, дисциплина болѣе и болѣе слабѣла; противъ отсталыхъ и мародеровъ всѣ мѣры оказывались безполезными, а по занятіи Москвы, Французскіе и союзные имъ писатели, въ живыхъ краскахъ представляютъ ужасныя сцены, проистекавшія отъ совершеннаго почти упадка дисциплины. По отбитіи ихъ въ Малоярославцѣ, на третій день деморализація начала распространяться, солдаты начали бросать оружіе, составлять толпы, выпрягать изъ подъ артиллеріи, казенныхъ обозовъ и провіантскихъ повозокъ, лошадей и впрягать ихъ въ свои, нагруженныя добычей, и это все до Дорогобужа, гдѣ, чрезъ двѣнадцать дней послѣ Малоярославца, началась временная зима съ морозами, только въ 8°, то тутъ уже деморализація охватила болѣе или менѣе всѣ части арміи; сами Французы изображаютъ въ ужасныхъ видахъ неимовѣрные эпизоды. [27] А что, наконецъ, было подъ Ватерлоо? Вмѣсто того, чтобы отступить къ Лаону, всѣ бросились бѣжать, кто куда попалъ и какъ можно скорѣе. При успѣхахъ, Французская армія еще сохраняетъ дисциплину и слушается голоса начальника, но при малѣйшемъ неуспѣхѣ — всѣ остаются глухи, армія поражается паническимъ страхомъ, предшествуя деморализаціи, какъ это было въ 1836 году, при отступленіи Маршала Кло-

[27] Если во время отступленія при Вязьмѣ, Красномъ и Студянкѣ мы встрѣчаемъ порывы храбрости во Французской арміи, то это имѣетъ совершенно другой источникъ, о которомъ здѣсь распространяться нѣтъ мѣста.

зеля изъ подъ Константины. [28] Есть ли что либо приблизительное съ Русскими арміями, въ которыхъ самыя неудачи не только что не ослабляютъ дисциплины, но напротивъ скрѣпляютъ ее? Не говоря объ отступленіи нашемъ въ 1812 году, ибо отступленіе это не было вынужденнымъ, слѣдуетъ только посмотрѣть отступленіе Бибикова въ 1790 году изъ подъ Анапы, чтобы получить понятіе о нравственномъ состояніи Русскихъ армій и ясно видѣть все пристрастіе многихъ Французскихъ, въ особенности же Нѣмецкихъ, писателей, относительно нашихъ начальниковъ. Нельзя здѣсь вскользь не упомянуть о возмутительномъ происшествіи, въ 1815 году, въ Страсбургѣ. Сержантъ Далузи, избранный главою гарнизономъ, въ одно утро арестовалъ всѣхъ Офицеровъ, Генераловъ и самого Главнокомандующаго, въ крѣпости, извѣстнаго Наполеонова Генералъ-Адъютанта Раппа, наложилъ контрибуцію на городъ, удовлетворилъ весь гарнизонъ жалованьемъ, и, провластвовавъ нѣсколько дней, сдалъ опять начальство Раппу и т. д. Таково вліяніе начальниковъ на дисциплину во Франціи!

Авторъ, сказавъ о непремѣнной необходимости начачальства для Русскихъ солдатъ, въ слѣдъ за симъ говоритъ: «А потому [29] мы «находили на дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ, кучки этѣхъ «храбрыхъ сохранившими свое оружіе, которое Французы пре«небрегали (!) уничтожать.» Въ этѣхъ строкахъ я не доискиваюсь смысла: къ чему относится слово — «а по тому»; что же это «а по тому»? — Фраза, такъ себѣ, какъ говорится: «палка въ углу, «а по тому на дворѣ дождь!»

Но оставляю въ сторонѣ это «а по тому», а обращусь къ храбрымъ кучкамъ, сохранившимъ свое оружіе и которыхъ Французы находили по дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ. Довольно трудно опредѣлить, что тутъ разумѣетъ Г. Пеле. По

---

[28] А усилія, употребленныя Генераломъ Савари, въ 1831 году, въ Алжирѣ, чтобы возстановить дисциплину и т. д., и т. д.?

[29] Сказавъ: «Pourtant, leurs soldats ont absolument besoin d'être commandes. Aussi «(?) trouvames nous sur les chemins, et particulièrement dans Moscou, des bandes «de ces braves, conservant leurs armes, que les français dedaignaient (!) de bri«ser.»

дорогѣ отъ Бородина до Москвы отсталыхъ у насъ не было, и быть не могло; ибо всѣ иноземцы, описавшіе это отступленіе, какъ видно было выше, свѣдѣтельствуютъ, что на этомъ пространствѣ мы не оставили ни какого слѣда, и отступленіе это было замѣчательно по порядку, господствовавшему въ немъ, что подтверждаетъ и самъ Генералъ Неле (p. 143). При томъ же арріергардъ нашъ прикрывалъ отступленіе арміи и тамъ, гдѣ нужно было, удерживалъ всякій натискъ Французскаго авангарда, слѣдовательно, отсталыхъ отъ арміи быть не могло, а отъ арріергарда и подавно. Что же, наконецъ этѣ вооруженныя кучки, которыхъ Французы «dedaignaient» даже обезоруживать! Не встрѣчали ли Французы, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, нашихъ крестьянъ, вооруженныхъ кто чѣмъ попало? Опять слово «презирали» не согласуется со всѣмъ тѣмъ, что писали сами же Французы о вооруженныхъ жителяхъ, которыхъ они далеко не «презирали,» и если ихъ не обезоруживали, то, конечно, не могли сдѣлать этого, ибо одна старостиха Василиса, вооруженная вилами, обезоруживала десятками ветерановъ Великой арміи!

Относительно же вооруженныхъ кучекъ, въ особенности встрѣчавшихся въ Москвѣ, представляется еще болѣе затрудненія отгадать мысль автора. Оставленіе нами Москвы очень подробно описано иноземцами, но никто не говоритъ объ остававшихся въ ней кучкахъ вооруженныхъ солдатъ, чего ни какъ и быть не могло, а сверхъ того, если бы такія и случились, то Французы не могли ихъ «презирать» и оставлять оружіе этѣмъ «храбрымъ,» какъ ихъ называетъ Генералъ Неле, а напротивъ спѣшить обезоруживать ихъ. Но не говоритъ ли авторъ о тѣхъ мелкихъ частяхъ нашихъ войскъ, которыя не успѣли дойти до выхода изъ города, когда Французы уже вступили? Такихъ Французы не могли обезоруживать, ибо Милорадовичъ заключилъ условіе съ Мюратомъ, что если непріятель помѣшаетъ не успѣвшимъ очистить городъ выйти изъ заставы, то онъ будетъ сражаться въ самомъ городѣ. Генералъ Неле могъ встрѣтить нѣкоторыя изъ этѣхъ командъ, или, какъ онъ называетъ, «кучекъ,» само собою разумѣется, вооруженныхъ, но тутъ слово — «презрѣнье» ни какъ мѣста имѣть не можетъ. Кучки этѣ могли, слѣдуя за арміей, оставаться на протяженіи пути къ заставѣ, ко-

нечно, не болѣе часа и были ограждены условіемъ, слѣдовательно, неприкосновенными. Нельзя отнести повѣствованія о «кучкахъ» къ тѣмъ, которые иногда по нѣскольку человѣкъ, въ Москвѣ, случались на улицахъ и которыхъ Французы, во время пожара, и въ первые дни послѣ онаго, забирали и разстрѣливали. Этѣ кучки составлялись не изъ солдатъ, а изъ жителей Москвы, оставав-шихся въ оной во время пребыванія Французовъ, и не имѣли оружія, но и въ такомъ даже положеніи не были «презираемы» непріятелемъ. Словомъ все, что Генералъ Пеле говоритъ объ этѣхъ кучкахъ, есть необдуманная фраза. Но онъ еще не довольствуется этѣмъ и, къ удивленью, переходитъ границы въ своихъ увлеченіяхъ.

Сказавъ о «презрѣньи,» оказываемомъ Французами къ выше-сказаннымъ кучкамъ, созданнымъ его воображеніемъ, чтобы имѣть возможность сказать нѣсколько льстивыхъ фразъ своимъ орламъ, онъ прибавляетъ: «Если присоединить къ сему (т. е., къ «кучкамъ), ружья, снаряды, вещи, пушки, которыя непріятель «потерялъ на полѣ битвы, по дорогѣ (!) и въ Москвѣ, главная «сила Русскихъ была почти совершенно разрушена.» [30]

Можно ли было ожидать чего либо подобнаго отъ историка, столь отчетливо изобразившаго Бородинскій день, когда онъ без-пристрастно описывалъ ходъ этой знаменитой битвы, чтобъ по-томъ подчиниться общей его соотечественниковъ болѣзни — пу-стыми фразами потерять всякое довѣріе къ своему безпристрастью? Но чему, сто разъ повторяю, по чему наши военные исторіографы по ремеслу, не займутся критическимъ разборомъ всѣхъ несооб-разностей, включенныхъ въ повѣствованье иноземныхъ писателей о нашей Отечественной войнѣ? [31]

---

[30] «La principale force des Russes était presque entièrement détruite.»

[31] Независимо отъ этой работы, не безполезно было бы собрать въ одно цѣлое все то, что разбросано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Европы съ 1812 года, не только о Бородинскомъ сраженіи, но и обо всей войнѣ. Такой сборникъ былъ бы драгоцѣннымъ памятникомъ, матеріяломъ, относительно своей поучительности. Ни въ одной изъ нашихъ библіотекъ далеко нѣтъ и половины даже отдѣльно напечатанныхъ матеріяловъ. Да для сего и издержки были бы незначительны, по крайней мѣрѣ имѣли бы что либо цѣлое; вѣдь образуются же Богъ вѣсть какія Общества—подъ фирмами патріотическими т. п.?

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что «на полѣ битвы» могли быть найдены ружья, перебитыя, или даже и цѣлыя отъ убитыхъ, или только отъ раненыхъ; пусть даже и «снаряды» въ подбитыхъ ящикахъ, или въ сумахъ убитыхъ и раненыхъ; конечно, и «пушки,» большею частью въ редутахъ, а можетъ быть и нѣсколько подбитыхъ на полѣ битвы; но что подъ словомъ «вещей» разумѣетъ авторъ, не извѣстно, конечно съ оторванными ногами, сапоги и клочки аммуниціи. Все это онъ нашелъ и въ «Москвѣ,» точно въ болѣе значительномъ числѣ. Но чтобы мы потеряли подобные предметы «по дорогѣ,» это совершенно несправедливо; ибо, по засвѣдѣтельствованію всѣхъ историковъ, какъ это было видно выше, непріятель не нашелъ ни какихъ слѣдовъ нашего отступленія, «ни пушекъ, ни зарядныхъ ящиковъ, ни людей, ни вещей,» словомъ, ничего, чтобы могло указывать на отступленіе арміи, проигравшей сраженіе и которая два раза послѣ Бородина исчезала съ глазъ Мюрата и Себастіани. Самъ Генералъ Шеле (p. 143) говоритъ: «Замѣчательное отступленіе по порядку, которымъ господствовалъ,» а чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ, что «на дорогѣ были находимы кучки солдатъ, ружья, снаряды, вещи, пушки!» Это ни какъ не клеится «съ замѣчательнымъ порядкомъ.» Правда, онъ и тутъ прибавилъ, что отступленіе наше «было облегчено большою шириной дороги, по которой (будто бы), въ нѣсколько рядовъ, шли разныя войска.» Но если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога отъ Бородина до Можайска, а пожалуй, и до самой Москвы, была гораздо шире тогдашнихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ шоссе, то, во всякомъ случаѣ, она часто представляла пространства, на которыхъ дорога съуживалась, и вообще на мостахъ она не позволяла ни въ «нѣсколько рядовъ,» слѣдовательно, въ такихъ мѣстахъ неминуемо долженъ бы былъ происходить безпорядокъ отъ столпившихся массъ пѣхоты, конницы, стеченья артиллеріи, полковыхъ ящиковъ и т. п., а по тому ширина дороги ни какъ не облегчала бы отступленія, если бы въ войскахъ не былъ соблюдаемъ строгій порядокъ. Но довольно объ этѣхъ безотчетныхъ фразахъ; замѣчу главное.

Выше видно было, на какихъ основаніяхъ Генералъ Шеле заключаетъ: «почти совершенное разрушенье главной силы

Русскихъ.» Читаешь и не вѣришь, что подобный выводъ могъ вылиться изъ пера такого военнаго писателя, каковъ авторъ!

Взгляднемъ, однако, на чемъ основываетъ онъ свое заключеніе о такихъ значительныхъ трофеяхъ, пріобрѣтенныхъ Французскою арміей, отъ которыхъ сила Русской арміи «почти совершенно разрушилась!» Начну съ Бородина, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Въ этомъ достопамятномъ сраженіи, какъ говорятъ всѣ безъ исключенія Французскіе писатели и самъ Генералъ Пеле, не пріобрѣтено ни какихъ трофеевъ соразмѣрно кровопролитію въ ономъ. Ни одного знамени; отъ осьми сотъ до тысячи плѣнныхъ, взятыхъ по одиначкѣ, большею частью раненыхъ; около семи тысячъ раненыхъ, подобранныхъ на полѣ битвы и оставленныхъ въ Можайскѣ; [32] около сорока пушекъ, взятыхъ въ редутахъ, большею частью подбитыхъ, [33] и само собою разумѣется, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Вотъ все, что было взято непріятелемъ подъ Бородинымъ; а мы у него взяли тринадцать пушекъ въ полѣ, слѣдовательно, остаемся въ потерѣ двадцати семи пушекъ. Какое же вліяніе потеря этѣхъ двадцати семи пушекъ, пусть и всѣхъ сорока, изъ приблизительнаго числа шестисотъ сорока орудій, бывшихъ у насъ подъ Бородинымъ, могла имѣть на разрушеніе нашихъ главныхъ силъ?

«По дорогѣ» до Москвы не было у насъ взято непріятелемъ ни чего, кромѣ, какъ замѣчено, оставленныхъ въ Можайскѣ — раненыхъ.

Въ Москвѣ находилось сто пятьдесятъ пушекъ разнаго калибра, мѣдныхъ и чугунныхъ, негодныхъ къ употребленію, [34] и по Отчетамъ до осьмидесяти тысячъ разнаго ручнаго огнестрѣль-

---

[32] Это по свѣдѣніямъ Французовъ, по нашимъ гораздо менѣе.

[33] Я беру эту цифру «сорокъ» изъ писателей Французскихъ: она вѣрнѣе той, которую выставилъ Г.-М. Богдановичъ (т. II, стр. 224), по свѣдѣніямъ Можайскаго Исправника о количествѣ потерянныхъ нами пушекъ въ Бородинскомъ сраженіи!!

[34] Чрезъ пять недѣль пушки этѣ остались опять въ распоряженіи Русскихъ съ изумительными лихвенными процентами.

наго оружія, изъ коего половина требовала починки: около шестидесяти тысячъ палашей, сабель и тесаковъ. Какъ ручное огнестрѣльное, такъ и бѣлое, оружіе, передъ оставленьемъ Москвы, было разграблено, изъ остальнаго многое содѣлалось добычею пламени. По такимъ же Отчетамъ было двадцать тысячъ пудовъ пороха, двадцать семь тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ, по которые, по распоряженію Кутузова, были положжены. Одинаково, по Отчетамъ, на два съ половиной милліона р. ас. (около 600 т. р. с.) разныхъ коммиссаріятскихъ вещей, которыя, по распоряженью Ростопчина, были преданы огню. Онъ же доносилъ, что Коммиссаріятъ и Арсеналъ были вывезены и т. д. Но пусть бы это все находилось дѣйствительно въ томъ количествѣ, въ которомъ значилось по Отчету и не было большею частью истреблено, а дѣйствительно досталось Французамъ, чтобы они могли сосчитать свою добычу. При всемъ томъ, можно ли сказать, что эти потери «почти разрушили главныя силы Русскихъ?» Подобная потеря не только не разрушила бы силъ Русскихъ, но едва ли и силы котораго либо и изъ мелкихъ Нѣмецкихъ владѣтелей.

Въ движеніи Русской арміи изъ Москвы до самаго Тарутина, арріергардъ нашъ, усиливаемый иногда войсками изъ главной арміи, давалъ кровопролитныя и упорныя битвы, и Французы въ этихъ столкновеніяхъ не могли замѣтить не только «почти совершенно разрушенной главной силы Русскихъ,» но, конечно, чувствовали ея силу столь же могущественною, какъ до Бородинскаго сраженія: въ этой битвѣ, въ Можайскѣ, на Крымскомъ Бродѣ, гдѣ въ авангардѣ ихъ была молодая гвардія, подъ начальствомъ Герцога Тревизскаго, Моръе, и подъ предводительствомъ Короля Неаполитанскаго. Не прошло трехъ недѣль по занятіи Тарутинскаго лагеря, Мюратъ былъ атакованъ и разбитъ; чрезъ шесть дней послѣ, въ Малоярославцѣ, Русскіе доказали, что главныя силы ихъ не разрушены.

Генералу Неле должно было быть извѣстнымъ, что Русская сила далеко не была разрушена, ибо она преслѣдовала Французовъ до самаго Парижа, продолжая давать кровопролитныя сраженія, какъ въ предѣлахъ своихъ, такъ въ Германіи и Франціи, и всегда въ головѣ союзниковъ; она первая подавала имъ примѣръ,

теряя во всѣхъ битвахъ болѣе людей, чѣмъ другіе. Французы, оставивъ въ Москвѣ и по дорогѣ до Нѣмана всю свою артиллерію и почти все ручное огнестрѣльное оружіе, потерявъ сотни тысячъ людей, не разрушили своей главной силы; какимъ же образомъ Русскіе, потерявъ только сорокъ пушекъ (ибо Московскихъ, негодныхъ къ употребленію, считать нельзя, да и онѣ опять остались у насъ), могли «почти совершенно разрушить свою главную силу?» Значитъ, здѣсь Генералъ Пеле былъ увлеченъ только фразами. Отступленіе нашей арміи, послѣ Бородинскаго сраженія, оцѣнено всѣми повѣствователями-участниками и самимъ Генераломъ Пеле, когда онъ говоритъ, какъ историкъ.

Впрочемъ, во Франціи, какъ нигдѣ болѣе, очень много такихъ историковъ событіямъ 1812 года, хвастливость коихъ доходитъ иногда до высшей степени, какъ въ этомъ И. П. Гречъ уличилъ уже Тьера, въ разсказѣ о сраженіи при Вартенбургѣ, въ 1813 году. Они не обращаютъ вниманія ни на какую безсмыслицу, сходящую съ ихъ пера; имъ нѣтъ ни какой нужды на безпрерывныя самимъ себѣ противорѣчія. Все ихъ стремленіе заключается въ одномъ, чтобы только блеснуть фразой, удовлетворяющей преимущественную часть читающихъ Французовъ, болѣе чѣмъ истина, которую бы имъ и очень было трудно излагать, ибо часто предметъ, о которомъ берутся писать, вовсе для нихъ чуждъ, и невѣжество это обнаруживается на каждой страницѣ. Между тѣмъ многіе десятки, а пожалуй сотни и тысячи такихъ сочиненій по нѣскольку изданій, распространяются и, конечно, находятся въ рукахъ многихъ и у насъ въ Россіи, и какъ мнѣ не разъ случалось встрѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, въ особенности живущіе въ провинціи, получая иноземныя книги, пріобрѣтаютъ понятіе о событіяхъ своей Отечественной войны 1812 года въ превратномъ видѣ. Естественно, очень трудно разувѣрить [35] ихъ въ томъ, что они разъ уже усвоили.

Выше видно было, что многіе изъ историковъ 1812 года, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ на этомъ поприщѣ, несовершенно

---

[35] Для обличенья такихъ сочинителей нуженъ былъ бы критическій разборъ ихъ книгъ; но такой разборъ излишенъ. Это не стоитъ серіознаго труда, а необходимы были бы одни указанія на явныя и рѣзкія безсмыслицы, самимъ себѣ противорѣчащія.

изъяты отъ природной наклонности къ хвастовству, относительно воинскихъ подвиговъ, искажая истину фразами.

Здѣсь, для примѣра, приведу, изъ множества сочиненій, пять, или шесть, имѣющихъ, по заглавію своему и по личности авторовъ, нѣкоторое значеніе на пріобрѣтеніе занимательности и привлеченія читателей.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно занимаютъ «Памятныя Записки» Г. Боссе (Bausset), Префекта Дворца, прибывшаго къ арміи на канунѣ Бородинскаго сраженія и всю кампанію остававшагося, по званію своему, при Наполеонѣ. Какъ очевидецъ всѣхъ событій, онъ, въ сочиненіи своемъ, изумляетъ читателей многими мѣстами, въ которыхъ не обращается ни какого вниманія не только на истину описываемыхъ имъ происшествій, разсказанныхъ людьми военными, также какъ и онъ участниками въ этой кампаніи и находившимися вмѣстѣ съ нимъ при Наполеонѣ, но и на всякій смыслъ. Г. Боссе предается болѣе другихъ хвастовству, тѣмъ менѣе извинительному, что, занимая столь высокое мѣсто, онъ долженъ бы былъ воздержаться отъ выходокъ, болѣе сносныхъ у людей, которые стоятъ, по значенію своему въ свѣтѣ, ниже его, и по тому важному предмету, который онъ задалъ себѣ для изданія въ свѣтъ Записокъ своихъ, дѣйствительно, по многимъ отношеніямъ, очень любопытныхъ. Безгранично преданный Наполеону, онъ вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи и Русскихъ, бросается на нихъ, какъ говорится, очертя голову (à tête perdue), но, не смотря на то, всѣ, подбираемые для насъ, эпитеты, не въ силахъ скрыть того, что происходило въ дѣйствительности.

Выше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, я уже приводилъ выдержки изъ этого автора. Здѣсь укажу еще нѣсколько болѣе замѣчательныхъ, которыя будутъ достаточны, чтобы оцѣнить его безпристрастіе и достоинство того отдѣла, гдѣ онъ говоритъ о кампаніи 1812 года и вообще о Русскихъ.

И такъ Г. Боссе, не довольствуясь тѣмъ, что безъ изъятія историки и самъ Наполеонъ не называетъ Бородинской битвы совершенною побѣдой, онъ (t. II, p. 95) говоритъ: «Побѣда была «полная, трофеи несмѣтны» и пр. А далѣе (p. 100) повторяетъ.

«Побѣда была полная, и полная до того, что Русская армія не «осмѣлилась даже и помыслить о защитѣ своей столицы.»

Но пусть онъ основываетъ побѣду свою на томъ только, что мы оставили Москву, а вотъ его личное засвѣдѣтельствованіе о происшествіи, о которомъ ни одинъ изъ историковъ, съ нимъ находившихся, не упоминаетъ. Разсказывая, какъ онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардинскаго редута, между прочимъ (p. 96) говоритъ: «Многіе Русскіе Генералы, тяжело раненые, по прика«занію Наполеона, получили первое пособіе на перевязочномъ «пунктѣ: между ними былъ Князь Потемкинъ (!), раненый саб«лей въ голову. Императорскій Хирургъ, Иванъ, сдѣлалъ ему пер«вую перевязку» и т. д.

Нужно ли здѣсь говорить, что подъ Бородинымъ у насъ былъ взятъ въ плѣнъ только одинъ Генералъ Лихачевъ, о чемъ пишутъ и всѣ иноземные историки. Князь же Потемкинъ созданъ воображеніемъ автора. Не только что съ 1791 года, въ рядахъ Русской арміи, не бывало въ чинѣ Генерала, или въ другихъ низшихъ званіяхъ, Князя Потемкина, но при Бородинѣ не находилось и просто Генерала Потемкина. Былъ Полковникъ (Я. А.) Потемкинъ, но онъ не былъ ни раненъ, ни взятъ въ плѣнъ. Подробности, приводимыя очевидцемъ-Префектомъ, не для всѣхъ могутъ показаться вымышленною болтовней.

Говоря о томъ, что мы, оставляя Москву, поручили раненыхъ великодушію побѣдителя, авторъ присовокупляетъ (p. 104): «Ничто не было такъ справедливо, хотя это и заявляло не«признаніе прямодушія Французской арміи и сомнѣніе въ томъ.» Прекрасная фраза! но между тѣмъ авторъ умалчиваетъ о прямодушіи, въ слѣдствіе котораго нѣсколько тысячъ нашихъ плѣнныхъ были разстрѣляны, чему, въ своемъ мѣстѣ, я приведу всѣ данныя.

Описывая зданія Кремля, Г. Боссе называетъ колокольню Ивана Великаго (p. 120) мечетью (mosquée). Въ другомъ же мѣстѣ эта колокольня уже не просто мечеть, а мечеть съ крестомъ. Вотъ эти забавныя строки (p. 183): «Нѣсколько до выступ«ленія изъ Москвы спустили съ колокольни Ивана Великаго крестъ,

«который возвышался на вызолоченныхъ куполахъ боль-«шой церкви,» (и присовокупляетъ): «безсчетное количество во-«ронъ собралось на купола, на которыхъ находился крестъ, «и своимъ продолжительнымъ карканьемъ, казалось, оплакивали «свою потерю и предвѣщали преждевременную зиму. Предвѣщаніе «это было болѣе чѣмъ справедливо.»

Описывая, по своему, битву на Чернишнѣ (p. 125), говоритъ, что битва эта происходила $^{5}/_{17}$ Октября! Замѣчательно также выраженіе, когда авторъ говоритъ о ранѣ одного знакомаго ему Офицера: «Подлый, низкій, Казакъ (un vil Cosaque), однимъ ударомъ «своей пики, разбилъ ему ногу.» Подобные эпитеты, даваемые авторомъ Русскимъ, не рѣдкость въ его книгѣ,[36] Французамъ же эпитеты иные; такъ, на пр., когда они столпились у Смоленска, потерявъ всякій порядокъ, чего не можетъ скрыть и самъ Боссе, онъ говоритъ (p. 185): «Масса (толпа, бросившая оружіе) была «еще великодушна и полна жизни (!)», и присовокупляетъ (p. 186): «Я не говорю о Генералахъ и Офицерахъ всѣхъ чиновъ: это были «Французы, и этѣмъ все сказано (c'est tout dire).»

Событія при Малоярославцѣ Г. Боссе объясняетъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ утверждаетъ, что Наполеонъ никогда не имѣлъ намѣренія итти на Калугу, или на Медынь, но появленіе его въ Малоярославцѣ было только одною военною хитростію, и что онъ вполнѣ успѣлъ въ томъ, разбивъ Кутузова и отбросивъ его на Калугу, и этѣмъ выигралъ нѣсколько маршей для своего отступленія. Объ этой сказкѣ я буду говорить подробно въ «Заключеніи.»

Описывая положеніе Французовъ, когда они достигли Смоленска (p. 144), говоритъ: «Преслѣдуемые двумя, или тремя, ста-

[36] Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе называть Казаковъ канальями (canailles). Канфигъ (t. IX, p. 418) говоритъ, что: «Бертье, Наполеонова обезьяна, употре-«бляетъ слово каналья, когда говоритъ о Казакахъ.» Но и самъ Канфигъ хорошъ! Вотъ какъ онъ описываетъ Платова (p. 417): «Онъ отличался отъ дру-«гихъ бѣлой длинной и почтенной бородой, орденомъ Св. Владиміра, лѣвдой, сі-«яющей на его Калмыцкой куртѣ, шитой золотомъ» и пр. А въ другомъ мѣстѣ (p. 416): «У Платова двадцать полковъ (plucks), каждый въ тысячу пять сотъ «человѣкъ.» И это — историки!

«ми тысячъ (каково хватилъ!), безпрерывно тревожимые Казаками, «избиравшими свои жертвы» и т. д. Онъ забылъ о сказанномъ имъ выше, что Русскіе никогда не могли догнать Французовъ, и что этому спасительному событію обязаны были Наполеону, который прогналъ Кутузова изъ Малоярославца, и тѣмъ выигралъ нѣсколько маршей. [37] Въ слѣдъ за помянутыми словами (р. 145) становится разстроганнымъ и говоритъ: «Какъ уничиженные изгнанники, вы«нужденные возвращаться чрезъ эту самую Россію, чрезъ эту са«мую Польшу и добрую Германію» и т. д., продолжаетъ грустить, не смотря на все мужество и храбрость своей, воспѣваемой имъ, арміи.

Наконецъ (р. 186) авторъ говоритъ: «Отъ Смоленска, въ «особенности послѣ бойни подъ Краснымъ, армія (Французовъ) «шла въ величайшемъ безпорядкѣ.» Она бросила ружья, всевозможнаго рода экипажи. Изображая эту ужасную картину въ самыхъ яркихъ краскахъ, авторъ вдругъ восклицаетъ: «Можно ли «назвать это трофеями? Мудрыя ли стратигическія соображенія «были причиною этого ужаснаго несчастія нашего? Нѣтъ! Военная слава Русскихъ состояла въ томъ только, чтобы подбирать «огромные остатки, которые стужа и голодъ заставили насъ сло«жить на снѣгѣ. Если Русскіе брали у насъ плѣнныхъ, то это было «только между разсѣявшимися, безъ оружія, изнуренными, замер«завшими, до которыхъ безжалостныя окопечности Казачьихъ пикъ «достигали, по тому только, что эти Французы не были вооруже«ны, по тому что они сворачивали съ дороги, для отысканія себѣ «скудной пищи, которой и не было въ этихъ страшныхъ пусты«няхъ.» Каждое, здѣсь сказанное, слово могло бы легко быть опро-

---

[37] Въ другомъ мѣстѣ (р. 185) пишетъ, что этотъ выигрышъ дозволилъ имъ «про«вести четыре дня въ Смоленскѣ, не бывъ тревожимы непріятелемъ» (!). Это замѣчательно; ибо, по его же словамъ, вмѣстѣ со всѣми другими повѣствователями, видно, что, начиная отъ Колоцкаго монастыря, и даже ранѣе, наши войска окружали Французовъ. Въ Вязьмѣ, Кутузовъ, со всею арміей находился въ десяти верстахъ въ сторонѣ и подкрѣпилъ пѣхотные корпуса кирасирами, которые, само собою разумѣется, въ авангардѣ быть не могли. Въ Дорогобужѣ и до самаго Смоленска одни Казаки не могли распространить ужаса въ рядахъ Великой Арміи. Самъ авторъ говоритъ о разрушеніи на Вонѣ Италіянской арміи. Развѣ все это не совершившіеся факты? Не продолжаю болѣе.

вергнуто, но авторъ такъ снисходителенъ, что избавляетъ отъ этого труда, взявъ оныя на себя; ибо, въ слѣдъ за послѣдними словами, онъ спѣшитъ сказать: «Одно имя Казаковъ, даже и тогда, «когда ихъ вовсе не было, внушало внезапный и безотчетный «ужасъ. Я видѣлъ болѣе двадцати тысячъ сбившихся въ толпу, и «при восклицаніи: «Вотъ Казаки!» обращавшихся отъ страха и «ужаса въ бѣгство» и т. д. Чтобы достигнуть возможности производить такое впечатлѣніе на героевъ, каковыми Г. Префектъ Боссе, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, представляетъ своихъ Французовъ, недостаточно было одного подбиранія замерзавшихъ по сторонамъ дороги!

Далѣе (p. 190) авторъ, говоря, что Русскіе отсылали плѣнныхъ въ Сибирь, какъ преступниковъ, присовокупляетъ: «Франція «обходилась лучше съ тѣми, которые въ эту безсмертную кампа«нію были взяты въ плѣнъ на полѣ битвы.» Авторъ могъ бы очень легко обойтись безъ этой фразы, въ особенности, когда это великодушіе, приписываемое имъ своимъ соотечественникамъ, торжественно опровергается такими же, какъ и онъ, историками, которые повѣствуютъ, что, начиная отъ Москвы, и не безъ вѣдома Наполеона, умерщвляли на каждомъ шагу Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ вели съ собою нѣсколько тысячъ, а въ Дорогобужѣ въ одинъ разъ порѣшили со всѣми, еще остававшимися. [38]

За симъ, конечно, слѣдуетъ сочиненіе одного Французскаго Камергера, подъ громкимъ названіемъ: «L'Empire ou dix ans sous Napoleon» (Имперія или десять лѣтъ при Наполеонѣ). Въ книгѣ этой, между прочимъ (t. IV, p. 16), читаемъ: «Первая Рус«ская армія была разбита, травлена (traquée).» Какъ будто Русскіе—воры, разбойники, или звѣри, противъ которыхъ дѣлалась облава и Французы на нихъ охотились! Авторъ продолжаетъ:

---

[38] Несравненно большая часть этѣхъ несчастныхъ захвачена была въ Москвѣ по подозрѣнію въ зажигательствѣ и мародерствѣ. Всѣ они были отправлены изъ Москвы прямо въ Можайскъ, за тѣмъ плѣнные въ Малоярославцѣ, Вязьмѣ и другихъ до Дорогобужа мѣстахъ, присоединены были къ помянутымъ и раздѣлили вмѣстѣ участь, т. е., подпали подъ великодушіе непріятеля. Въ «Заключеніи» посвящаю цѣлый параграфъ этому событію, почерпнутый изъ вышеупомянутыхъ историковъ.

«Преслѣдуемая въ упоръ (l'épée dans les reins), искала отступить «на Смоленскъ. 5-го Сентября (24 Августа), въ Можайскѣ, про«изошла та великая битва, которую назвали Московскою. 11-го «Сентября, мы (т. е., Французы) вступили въ Москву» и т. д.

Жалкій Камергеръ! Къ чему было браться писать о предметѣ, о которомъ онъ едва ли читалъ; ежели же слышалъ о немъ, то у него все, даже самыя числа, перепутаны, на примѣръ: Бородинская битва была дана не 5-го, а 7-го, и она-то и была названа Московскою, а въ Можайскѣ было дѣло между нашимъ арріергардомъ и авангардомъ Французовъ не 6-го, а 8-го ч. и утромъ 9-го и т. д. Французы вступили въ Москву не 11-го, а 14-го. Наполеонъ же въѣхалъ 15-го. Какова исторія!

За симъ описаніе пребыванія въ Москвѣ и отступленія пополнено громкими фразами безпрерывнаго тріумфа надъ Русскими, перепутаннаго съ описаніемъ разстройства и деморализаціи Французской арміи, лишеній, ужаса, наводимаго Казаками на героевъ, составлявшихъ полчища Наполеона, такъ что одна строка противорѣчитъ другой, и наконецъ (p. 33) Наполеонъ у него вездѣ побѣдитель, не передаетъ уже приказаній ни Мюрату, ни Бертье, какъ это скажетъ далѣе Гюго, но «самъ лично располагаетъ свою побѣдоносную армію на зимнія квартиры,» и тогда уже только уѣзжаетъ въ Парижъ! А въ слѣдъ за симъ авторъ приводитъ 29-й бюллетень, конечно, имъ не прочтенный, ибо документъ этотъ совершенно противорѣчитъ всему тому, что авторъ говоритъ объ арміи.

Послѣ повѣствованія о подвигахъ этой арміи, «самимъ Наполеономъ расположенной на зимнія квартиры,» чрезъ нѣсколько строкъ Г. Камергеръ, забывъ все, что онъ сказалъ, описываетъ (p. 38, 39) начало 1813 года (когда Русскіе предприняли выступленіе изъ границъ своихъ для дальнѣйшаго преслѣдованія Французовъ и продолженія войны), слѣдующимъ образомъ: «Съ «приближеніемъ одного изъ тѣхъ разрушительныхъ бичей, нака«зывающихъ народы, носились, такъ сказать, въ воздухѣ, подъ «свинцовымъ небомъ, міазмы грусти. Какая противоположность «(восклицаетъ Камергеръ) съ прошедшимъ! Въ то время миръ слѣ«довалъ за славой, а въ 1813 году и въ виду его не было, и ве-

«лучайшая армія новѣйшихъ временъ была истреблена.[39] «Слава стоила дорого, и такъ какъ она была безъ послѣдствій, «то и могла быть оспариваема.» Что за безсмысленный наборъ словъ!

За помянутыми двумя, слѣдуетъ Норвенъ, жизнеописатель Наполеона, сочиненіе котораго имѣло, до 1837 года, уже семь изданій. Книга эта одинаково замѣчательна познаніемъ описываемаго предмета. У него, на примѣръ (p. 324), при исчисленіи нашихъ Генераловъ, Орловъ-Денисовъ раздѣленъ на два лица, на Орлова и на Денисова, и такъ продолжается вездѣ, гдѣ только о немъ упоминается, тогда какъ подвиги Графа въ Отечественную войну были довольно громки, чтобы безошибочно знать его имя. Желательно было бы видѣть, какъ бы Французы разразились, если бы мы, варв.ры, раздѣли Графа Шуазель-Гуффье на Шуазеля и Гуффье.[40] Повѣствованіе Норвена о Малоярославцѣ исполнено нелѣпостей, фразъ, лжи и хвастовства въ высшей степени; однако же, не смотря на все это, выходитъ, что Французамъ не удалось, и они вынуждены были бѣжать,[41] присовокуп-

---

[39] Значитъ, что это послѣдовало на зимнихъ квартирахъ, или по выступленіи изъ оныхъ; но авторъ не говоритъ, чтобы послѣ сего она была побѣждена до истребленья. Главное то, что эта побѣдоносная армія располагалась на зимнихъ квартирахъ въ Россіи, начиная отъ Малоярославца до Нѣмана, гдѣ и предпочла не оставлять ихъ, а успокоить себя на вѣки, избавивъ Наполеона, Мюрата и Бертье отъ заботъ этой дислокаціи!

[40] Подобная точность у Французскихъ историковъ не рѣдкость; такъ, напр.: Баронъ Фенъ, въ своемъ манускриптѣ 1812 г. (t. I, p. 439), говоря о прибытіи къ арміи нашего Главнокомандующаго, Кутузова, называетъ его Рымнискимъ: «Golonitcheff-Kutusoff-Rimniskoi.» Такое невѣжество и вообще изуродованіе именъ господствуетъ у Французовъ. Приводить это было бы и напишимъ трудомъ и заняло бы, пожалуй, столько же мѣста, какъ и самая книга. Самъ Шамбре (t. II, p. 88) утверждаетъ, что Тула отъ Калуги отстоитъ на одинъ переходъ! И это онъ говоритъ именно тогда, когда вдается въ стратегическія разсужденія!! И много тому подобнаго.

[41] Вольдендорфъ (Observ. p. 63) приводитъ письмо Герцога Бассано (Марета) изъ Вильны къ Баварскому Генералу, Графу Вреде, въ которомъ извѣщаетъ его, что онъ получилъ изъ Вереи, отъ $^{5}/_{27}$ Октября письмо отъ Наполеона, въ которомъ сказано: «Армія имѣла многія прекрасныя битвы. Вице-Король въ блистатель-

ляя еще къ этому (p. 331), что Казаки докучали имъ, нападая на обозы и были до того дерзки, что не пощадили и обоза Вице-Короля! «Всѣ эти оскорбленія (insultes) были сильно отражены» (около Гжатска).

Не смѣшно ли слово «оскорблять?» Такъ выразиться можетъ только Французъ, въ особенности же когда, чрезъ нѣсколько дней, этѣ «insultes» Казаковъ, «оскорбили обозы,» не только Вице-Короля, но и самаго Императора! Заключу и этѣ замѣчанія еще однимъ забавнымъ разсказомъ Г. Норвена. Описывая, какъ наши крестьяне расправлялись съ Французами, авторъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, или непризнательности, къ Наполеону, который (p. 335) «хотѣлъ ихъ освободить, «а они нападали на Французовъ и истребляли ихъ.» Дѣйствительно, варвары!

Галлуа, также въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 437): «Въ Смоленскѣ Французы нашли двѣсти пушекъ и мортиръ «большаго калибра». И конечно, не увезли этого вымышленнаго количества трофеевъ! У автора (p. 448), не Мортье взрываетъ Кремль, а Макдональдъ, находившійся подъ Ригой .. «Отступленіе Русскихъ изъ подъ Малоярославца было такъ торопливо, что они бросили двадцать пушекъ въ рѣку! и т. д. [42]

«номъ дѣлѣ овладѣлъ Малоярославцемъ $^{13}/_{25}$ Октября (битва была $^{12}/_{24}$) и Русскіе «потеряли отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ.» Такъ морочитъ всю Европу Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, на основаніи сообщеній самаго повелителя. Здѣсь замѣчательно то, что послѣ занятія Москвы не было другихъ дѣлъ, кромѣ обычныхъ столкновеній нашего арріергарда съ авангардомъ Французовъ. Единственнаго же дѣла на Чернишнѣ Наполеонъ не могъ называть блистательнымъ, ибо Мюратъ потерялъ половину своей артиллеріи и прогнанъ до Спасъ-Кубли. Что же относится собственно до Малоярославца, то самое письмо изъ Верей опѣняетъ его, ибо до Верей бѣгство уже началось. Въ «Corresp. de Napoléon» t. VII, собраны всѣ сношенія Марета изъ Вильны съ иностранными Дворами. Любопытны усилія его обморачивать ихъ въ то уже время, когда Наполеонъ бѣжалъ, потерявъ свою армію. Впрочемъ, дипломація болѣе или менѣе основана на обманѣ.

[42] Малоярославецъ очень занимаетъ всѣхъ вообще Французскихъ повѣствователей: это очень естественно, ибо здѣсь положенъ былъ предѣлъ двадцатилѣтнему ихъ

Кастельверъ, въ «Военныхъ Меморіялахъ Франціи», изданныхъ уже въ 1846 году, наполнилъ книгу свою подобными выходками. Замѣчу одну, которой изложенье, по важности своей, дастъ понятіе о прочемъ (p. 275): «Наполеонъ избѣгаетъ Барклая (!) и идетъ чрезъ Витебскъ и Смоленскъ въ Москву и т. д.

Гюго, въ «Жизнеописаніи Наполеона,» книгѣ, изданной уже въ 1837 году, исчисляя мѣста, при которыхъ Наполеонъ всегда насъ разбивалъ (p. 373), называетъ ихъ: «Островно, Витебскъ,» тогда какъ при послѣднемъ рѣшительно ни какой битвы не было, а между нашимъ арріергардомъ и Французскимъ авангардомъ происходила битва въ Островнѣ, а не въ Витебскѣ; но это второстепенное, а вотъ что далѣе (p. 376). Приступая къ описанію Бородинской битвы, авторъ говоритъ: «Русская армія «была расположена за Москвой рѣкой, правый флангъ примыкалъ «къ Бородину, лѣвый къ Колочѣ» (!!!!). Расположить такъ армію никто не умудрится, стоитъ только взглянуть на карту.[43] Такъ вѣрно описываетъ Г. Гюго главнѣйшее событіе кампаніи! На

движенію впередъ, а потому чего-то они не пишутъ о событіяхъ при этомъ годѣ! Нѣкоторые вдаются даже въ географическія и этимологическія разысканія: такъ, на пр., Полковникъ Комбъ, издавшій объ этой войнѣ, уже въ 1853 году, Записки свои, между прочимъ (p. 139), говоритъ: «Малоярославецъ, маленькій городокъ по Французски, село Розановъ (village de Roses), лежитъ на возвышеньи; былъ защищаемъ рѣкой Окой, которая есть одинъ изъ рукавовъ Москвы рѣки.» (!!). Замѣчательно также и то, что почти всѣ историки о кампаніи 1812 года, говоря о Бѣлоруссіи и Литвѣ, называютъ тамошнихъ лошадей конями (konia)! А удивительнѣе, что Графъ Солтыкъ также пишетъ. Одинъ Французскій путешественникъ-историкъ, описывая Россію, между множествомъ нелѣпостей, говоритъ о собакахъ: «C'est une espèce des chiens, qu l'on noment «dans le pays sabaki et qui ont une grande ressemblanse avec les chiens de nos «pays.» Точно тоже и «espèce des cheveaux, que l'on noment konia!» Но то ли еще встрѣчается въ прогрессѣ просвѣщенья Французовъ по этому предмету! Стоитъ только заглянуть въ ихъ историческія и географическія книги, или, по крайней мѣрѣ, въ большую часть изъ нихъ.... Лѣтъ за десять предъ симъ, одинъ путешественникъ по Россіи, разоблаченный въ Сѣв. Пчелѣ, говоритъ о нашихъ морозахъ: «они такъ, по его словамъ, сильны, что отъ нихъ замерзаютъ глаза, но въ теплой избѣ они принимаютъ прежнія свойства.»

[43] Пусть глупитъ такъ этотъ Гюго.... но Капфигъ!! Онъ, изображая Бородинскую позицію (t. IX, p. 269), говоритъ, что село Бородино составляетъ лѣвый флангъ

стр. 378 умори тельный его взглядъ на религіозный обрядъ Русскихъ, совершенный на канунѣ битвы. На стр. 383 говоритъ: «Разбитая на всѣхъ пунктахъ Русская армія, въ пять часовъ вечера была въ полномъ отступленіи по Можайской дорогѣ на Москву,» и въ слѣдъ за симъ: «Кутузовъ воспользовался ночью, «чтобы совершенно очистить поле битвы» и т. д. Какъ же согласовать это? Вся книга составлена съ такою безотчетливостью. Заключу, однако же, слѣдующимъ (р. 399): «Лишь только Императоръ увидѣлъ свою армію внѣ опасности отъ непріятеля, «которому много содѣйствовала суровость времени года, онъ не«медленно уѣхалъ въ Парижъ, поручивъ Мюрату и Бертье распо«ложить ее на зимнихъ квартирахъ.» Замѣчательнѣе же всего, что все это сказано тотчасъ по приведеніи вполнѣ 29-го Бюллетеня, дающаго ясное понятіе объ арміи и т. д. Во всякомъ, однако же, случаѣ Г. Гюго былъ скромнѣе вышепомянутаго Камергера, который приписалъ «расположеніе арміи по зимнимъ квартирамъ самому Наполеону.»

Пусть историки-компиляторы безъ всякаго стыда пишутъ и выставляютъ свое невѣжество на судъ публики, которая, въ свою очередь, не возражаетъ противъ лжи, недостатковъ, безпрерывныхъ самому себѣ противорѣчій, по тому что сочиненія этѣ, испещренныя фразами, льстятъ самолюбію читающихъ Французовъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ. Но эта слабость, это самообольщеніе, болѣе или менѣе встрѣчается и у историковъ, учавствовавшихъ въ войнѣ 1812 года, и фразы, разсыпаемыя ими въ историческомъ текстѣ, разительно противорѣчатъ одна другой. Шамбре, Лабомъ, Фенъ, Дюма, Пеле, Шапюи, Сегюръ и др., подчинены этой страсти, и у нихъ встрѣчаются тѣ же необходимыя выходки, какъ, на пр., у Генерала Фезензака, который, какъ участникъ, описывая битву при Малоярославцѣ (р. 74), говоритъ: «Въ этой блистательной битвѣ выигрышъ

Русскихъ! Здѣсь онъ не ошибается въ названіи, ибо пишетъ «granbourg,» чего о Семеновскомъ или Утицѣ сказать нельзя. Далѣе путаетъ еще болѣе: у него Бородино занято то войсками Принца Карла Мекленбургскаго, то гвардейскими егерями, то Принцъ Карлъ защищаетъ дорогу въ Калугу! Корпуса Багговута и Остермана составлены изъ отборныхъ (élite) войскъ и т. д., и т. д. Словомъ, какъ говорится, валяетъ съ плеча.

«остался за Французами, не смотря на ихъ меньшую числительность противъ непріятеля.» И, въ слѣдъ за этой «блистательной» побѣдой, продолжаетъ, что Французы, не успѣвъ открыть себѣ путь, прегражденный имъ въ Малоярославцѣ, вынуждены были начать отступленіе по той самой дорогѣ, по которой они пришли въ Москву и которая была совершенно разорена, и съ самаго Малоярославца начинаетъ описывать въ сильно яркихъ краскахъ плачевное состояніе своей арміи!

Въ «Запискахъ къ Исторіи Войны» и пр., сочиненіи серіозномъ, писанномъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба, [1] въ которомъ отчетливо и правильно говорится о многомъ, сочинитель оговаривается фразами подобнаго рода (t. I, p. 269): «Таковы побѣды Русскихъ, которыя обманули Европу своими лжи«выми реляціями, и хвастались, что мужествомъ своимъ истребили «армію, которая постоянно ихъ била,» и пр. Вотъ въ какомъ духѣ описаны всѣ частности. Я имѣлъ случаи выше не разъ указывать на этого повѣствователя. Забавенъ въ этомъ отношеніи и Буржуа, также участникъ кампаніи: оба разсказываютъ многіе эпизоды очень вѣрно, но потомъ удовлятворяютъ себя и свою публику фразами, совершенно искажающими ими же самими, какъ очевидцами, сказанное. Не говоря о путаніи и извращеніи именъ нашихъ Генераловъ, они многихъ, по усмотрѣнію своему, убиваютъ, а въ послѣдующихъ эпизодахъ убитые ими уже воскресли и опять дѣйствуютъ до самаго Парижа, и т. п.

Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ чуждъ этой слабости искажать истину. Всѣ повѣствователи, имѣющіе вѣсъ въ историческомъ отношеніи, не смотря на всю преданность свою къ Наполеону, не могутъ скрыть его наклонности омрачать правду. Содержаніе Бюллетеней Великой арміи вошло во всеобщую поговорку, и когда хотятъ сказать о лжецѣ, говорятъ: «онъ лжетъ, «какъ Бюллетень! (Il ment comme un bulletin).»

Вотъ, въ заключеніе, одинъ изъ тысячи образчиковъ скромности Наполеона. Дю-Кассъ (p. 238) приводитъ одно письмо На-

---

[1] «Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, par «un officier de l'état major de l'armée française. Paris 1817, in 4°, 2 v.» Со множествомъ картъ и плановъ.

полеона, отъ $^{6}/_{18}$ Генваря, 1813 года, написанное имъ къ брату своему, Іерониму, Королю Вестфальскому, вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ Россіи. Въ письмѣ этомъ Наполеонъ, описывая отступленіе 1812 года, между прочимъ говоритъ: «Вашему Ве«личеству извѣстно изъ обнародованныхъ донесеній о побѣдахъ, «одержанныхъ мною надъ Русской арміей; я ни разу не встрѣ«чалъ ее, чтобы не разбить: ея конница, ея пѣхота вообще ока«зали себя съ дурной стороны. Ея Казаки одни хорошо дѣйство«вали въ родѣ войны, къ которому они сродны. Послѣ битвы «Смоленской и Бородинскаго сраженія, я вступилъ въ Москву» и пр. Всѣ письма составлены точно въ такомъ же духѣ. И отъ чего же у насъ не выставляютъ всего этого наружу, въ настоящемъ свѣтѣ?

ГЛАВА II.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

Выше (отд. II, гл. 2) упомянуто, что Генералъ Бертезенъ, Тьеръ и многіе другіе находили смѣшнымъ, что Кутузовъ, на канунѣ Бородинской битвы, приказалъ въ лагерѣ исполнить нѣкоторые религіозные обряды, съ цѣлью, будто бы «возбудить въ Русскомъ солдатѣ храбрость» къ предстоящей битвѣ! Не понимая религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ Православныхъ,[45] они какъ бы приписываютъ этому обстоятельству мужество, оказанное Русскими при Бородинѣ, о которомъ они сами и вообще всѣ другіе разсказываютъ въ своихъ повѣствованіяхъ.

Русскій солдатъ никогда не имѣлъ надобности въ возбужденіи его храбрости, какъ это дѣлается у другихъ, и въ особенности у Французовъ, которымъ на канунѣ, или предъ битвой, читаются приказы, взывающіе къ ихъ обязанностямъ и храбрости. У насъ такія воззванія чрезвычайно рѣдки, и если это было сдѣлано предъ Бородинскою битвой, выходившей изъ круга обыкновенныхъ особенностью обстоятельствъ, приказъ нашего Главнокомандующаго долженъ былъ показаться непріятелямъ чѣмъ-то чрезвычайнымъ, тогда какъ они сами у себя свыклись съ подобными воззваніями, и мы не обращали тогда никакого вниманія на приказъ, читанный войскамъ предъ битвой, по утру 26-го Августа. Какая же противоположность была между обоими этѣми воззваніями? Намъ говорили о долгѣ отстаивать отечество, а не-

[45] Отвергая это, они сами были далеки отъ неисполненія нѣкоторыхъ обрядовъ, преимущественно служенія торжественныхъ молебновъ за одерживаемыя Наполеономъ I побѣды, иногда даже мнимыя.

пріятелю: чтобы онъ дрался храбро, иначе ожидаетъ его голодная смерть! Французы очень хорошо знаютъ, что ни предъ Пултускомъ, ни предъ Прейсишъ-Эйлау, у насъ такихъ приказовъ отдаваемо не было, а между тѣмъ Наполеонъ, на островѣ Св. Елены, отдаетъ даже преимущество тогдашнимъ солдатамъ предъ Бородинскими. Относительно же религіознаго обряда, такъ какъ Русскіе, рѣшившись отстаивать на поляхъ Бородина святое дѣло, обрекали себя на смерть, что они доказали своимъ самоотверженіемъ, по повѣствованію всѣхъ авторовъ, и въ томъ числѣ Бертезена и Тьера, то исполненіе священнаго обряда становилось для каждаго необходимостью, точно такъ, какъ и Французъ, на одрѣ смерти, ищетъ совершить долгъ Христіянина. Въ послѣднее время видимъ, что и самъ Кавуръ призвалъ въ этомъ случаѣ Священника. Слѣдовательно, такая выходка Генерала Бертезена, Тьера и другихъ, неумѣстна.

Доблести Русскаго солдата давно извѣстны: Варнери, Генералъ Прусской службы, писавшій около 1771 года, [46] говоритъ: «Русскіе имѣютъ своихъ природныхъ Генераловъ, кото«рые блистали бы въ арміяхъ цѣлаго свѣта,» [47] и присовокупляетъ: «Русскій солдатъ не имѣетъ себѣ подобнаго.» Французъ Волней, въ извѣстномъ сочиненіи «О современной Турец«кой войнѣ,» въ началѣ 1788 г., говоря о Русскихъ войскахъ, присовокупляетъ: «Въ Семилѣтнюю войну, въ Пруссіи, они «пріобрѣли своими побѣдами репутацію вторыхъ войскъ въ Европѣ.» [48] Самъ Фридрихъ Великій, въ ту же самую войну, по-

---

[46] «Remarques sur le milit. des Turcs etc., Breslau, 1771.»

[47] Еще въ Семилѣтнюю Войну, Фридрихъ Великій, разбирая дѣйствія нашихъ Генераловъ, обратился къ своей свитѣ и сказалъ: «Остерегайтесь, сколько можно, этого Румянцева!» Послѣ же Кагула, великій полководецъ-Государь приказывалъ накрывать у себя столъ всегда однимъ приборомъ больше, и не позволялъ никому занимать ближайшаго подлѣ себя стула. Когда спросили его о причинѣ сего, Король отвѣчалъ: «Оставляю мѣсто для друга моего, Ру«мянцова, котораго хотя и нѣтъ, но я какъ бы всегда ожидаю его, «оставляя ему мѣсто и предлагая ему хлѣбъ и соль.»

[48] Кого же Волней считалъ тогда первыми: Прусаковъ, или своихъ соотечественниковъ, Французовъ?

читаетъ Русскія войска опаснѣйшими изъ всѣхъ, противъ которыхъ онъ долженъ былъ бороться, присовокупляя, что «Русскихъ можно разбить, но не побѣдить; для побѣды надъ «ними надобны два дѣйствія: сначала убить солдата, а по «томъ убитаго свалить съ ногъ!» Слова, повторенныя въ послѣдствіи какимъ-то другимъ знаменитымъ военачальникомъ. Костюшко и Блюхеръ выражались на счетъ непоколебимой стойкости Русскаго солдата еще съ большею энергіей. Наполеонъ, независимо отъ многихъ отзывовъ, сдѣланныхъ имъ о Русскихъ войскахъ въ продолженіе войны, въ Запискахъ своихъ, писанныхъ на островѣ Св. Елены, называетъ ихъ войскомъ очень храбрымъ. Говоря же о легкихъ войскахъ вообще, онъ, между прочимъ, отзывается о нашихъ Казакахъ слѣдующимъ образомъ. [49]

«Самъ онъ (Казакъ), красивый собою, кроткій, ловкій, хит«рый, хорошій всадникъ, неутомимъ; онъ рожденъ на лошади и «образовался въ войнѣ, на равнинахъ онъ то же, что бедуинъ въ «степяхъ, барбетъ (barbet) въ Альпахъ, онъ не входитъ никогда «въ домъ, не спитъ въ постелѣ, всегда перемѣняетъ бивакъ свой «съ закатомъ солнца, чтобы не проводить ночи на томъ мѣстѣ, «гдѣ непріятель могъ замѣтить его днемъ» и т. д.

Наслѣдный Принцъ Шведскій (Бернадотъ), въ послѣдствіи Король, сражавшійся противъ Русскихъ, а потомъ предводительствовавшій ими, имѣлъ возможность оцѣнить высокія качества Русской арміи: отзывы его и отдававшіеся имъ Бюллетени по Сѣверной арміи, неоднократно свѣдѣтельствовали это. Въ 20-мъ Бюллетенѣ (4 Октября, 1813 года, въ Берибургѣ) сказано о Казакахъ: «Эти безстрашные люди не только служатъ глазами для «арміи, но еще сражаются въ линіи, разсѣваютъ эскадроны, ата«куютъ карреи, переплываютъ на лошади рѣки, и являются въ «тылу непріятельской арміи, гдѣ распространяютъ страхъ и без«порядокъ.»

Въ сраженіи подъ Дешевицемъ, сей Принцъ, будучи свѣдѣтелемъ, что артиллеристы отъ шести орудій, конной роты Полковника Арнольди, пошли въ атаку и взяли двѣ пушки, спялъ

[49] Mem. de Napoleon. par le c. Montholon. Edit. de Paris. 1823 (t. I, p. 262).

шляпу и, поклонившись канонирамъ, сказалъ: «Много я испыталъ «чудесъ въ войнѣ, но не видалъ артиллеріи, берущей орудія у «пѣхоты,» и потомъ, возвысивъ голосъ, прибавилъ: «у пѣхоты «Французской!» Оканчивая этѣмъ выписки о доблестяхъ Русскаго солдата въ другихъ войнахъ, обращусь къ войнѣ 1812 года, и приведу нѣсколько отрывковъ изъ Французскихъ писателей, независимо отъ тѣхъ, которые вошли въ разныя другія главы.

Прадтъ (p. 215), описывая неожиданный пріѣздъ Наполеона изъ Россіи въ Варшаву, говоритъ: «Императоръ, остановив«шись въ Англійской гостинницѣ, вызвалъ къ себѣ своего По«сланника, Епископа Прадта, Графа Потоцкаго и Министра Финан«совъ. Разговаривая съ ними, онъ хвалился, что вездѣ билъ Рус«скихъ, присовокупляя: «это не Фридландскіе и Эйлаускіе сол«даты. Нынѣшніе не могутъ противустоять намъ. У меня еще пре«красная армія, въ сто двадцать тысячъ человѣкъ.»

Положеніе, въ которомъ тогда находился Наполеонъ, могло заставить его говорить все то, что приведено выше, но нельзя не удивляться, что, четыре года спустя, онъ говоритъ то же.

О' Меара (t. I, p. 201) передаетъ разговоръ свой съ Наполеономъ на островѣ Св. Елены. На вопросъ его о сравнительномъ достоинствѣ солдатъ: Русскихъ, Прусскихъ и Нѣмецкихъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «Солдаты измѣняются: они бываютъ въ одинъ «день храбры, а въ другой трусы. Я видѣлъ Русскихъ при Эй«лау совершавшими чудеса мужества: это были все герои. При «Бородинѣ, окопавшись неодолимымъ образомъ, въ числѣ 250,000 «человѣкъ, допустили меня съ 90,000 разбить себя.» [50]

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ одинаково отдаетъ онъ справедливость мужеству Русскихъ солдатъ, но, само по себѣ разумѣется, вездѣ ихъ бьетъ; непонятно только, по чему онъ отдаетъ преимущество солдатамъ Аустерлица и Эйлау предъ Бородинскими, о которыхъ всѣ отзываются самымъ блистательнымъ образомъ.

---

[50] Объ этой числительности, такъ безразсудно данной, было говорено въ своемъ мѣстѣ.

Бюржинс, говоря о защитѣ Смоленска, присовокупляетъ (p. 297): «Русскій умираетъ съ неустрашимостью на томъ самомъ «мѣстѣ, на которомъ начальникъ его приказалъ ему умереть.»

Капфигъ, описавъ событія при Смоленскѣ, при передовомъ движеніи Наполеона (t. IX, p. 252), присовокупляетъ: «Русскіе «умираютъ въ битвахъ, и ихъ баталіоны не просятъ пощады.» Далѣе (p. 263), говоря о Бородинской битвѣ: «Московское ополче«ніе горѣло желаніемъ схватиться съ непріятелемъ, солдаты — въ «продолженіи только нѣсколька дней: оно рвалось умереть за отечество.» [51]

Шамбре, дѣлавшій всю кампанію 1812 года и послѣдующія (t. II, p. 476), замѣчаетъ: «Храбрость Русскаго солдата не такъ «стремительна, какъ солдата Французскаго; это, если я могу такъ «выразиться, храбрость самоотреченья, а у рекрутъ она можетъ «быть еще выше, чѣмъ у старыхъ солдатъ; но эти послѣдніе пред«почтительнѣе, по тому, что знаютъ свое дѣло. Въ Россіи нужно «много времени, чтобы образовать солдата, а по тому рекруты, «прибывшіе къ Кутузову, были еще очень неловкими.»

Однако же они справились, и самъ же Маркизъ этотъ, въ другомъ мѣстѣ (t. II, p. 81) говоритъ: «Я долженъ присовокупить, «что Кутузовъ былъ бы совершенно разбитъ, безъ мужества и «упорства, съ какими Багратіонъ защищалъ редуты.»

---

[51] Кнезебекъ. Прусскій Посланникъ при нашемъ Дворѣ, въ депешѣ своей Королю, отъ $^{11}/_{23}$ Марта, 1812 года, предсказываетъ совершившіяся въ послѣдствіи событія. Онъ говоритъ (Corresp. ined. de Napoleon, t. VII, p. 116: «Русскіе «вообще храбры, и нація, атгакованная въ своихъ предѣлахъ, народная масса, «подвигаемая Священниками, какъ это, конечно, будетъ, тогда война можетъ «принять характеръ народной и религіозной борьбы; она будетъ продолжительнѣй «той войны, которую бы Александръ предпринялъ вести внѣ своихъ границъ.» Пишутъ, что Талейранъ говорилъ Наполеону, когда онъ замышлялъ экспедицію въ Россію: «Не троньте медвѣдя въ его берлогѣ!» Патріархъ дипломатовъ лучше своего Императора зналъ неукрощающій духъ вашего народа. Шамбре (t. II, p. 144) говоритъ, что когда въ Петербургѣ узнали о занятіи Москвы и начали отправлять по Невѣ къ Ладожскому озеру архивы и драгоцѣнности, присовокупляетъ: «Но отъ сего не послѣдовало утраты духа, а удвоили усилія и пожертвованія — для пораженія врага.»

Генералъ Сарразенъ (p. 149) говоритъ: «Кутузовъ показалъ, «что онъ опытный полководецъ; Русская армія поддержала его «репутаціи.»

Генералъ Вильсонъ (p. 19) говоритъ о героическомъ мужествѣ арміи и народа. Въ другомъ мѣстѣ (p. 108): «Этѣ войска со«ставляютъ армію, которая храбростью не уступаетъ ни одной «другой и не имѣетъ себѣ подобной въ перенесеньи трудовъ по«хода, голода и окрѣплости въ лишеніяхъ физическихъ, измѣне«ніи климата.

Генералъ Неле (p. 121), описывая худо расположенную армію нашу подъ Бородинымъ, присовокупляетъ: «Укрѣпленія были «худо расположены. Единственное достоинство оныхъ заключа«лось въ слѣпой храбрости тѣхъ, которые должны были «защищать ихъ.»

Генералъ Баронъ Жомини (t. II, p. 229): «Всѣ битвы, ко«торыя даваемы были Французами Русскимъ, въ продолженіе ше«сти лѣтъ (съ 1805), были сильно оспариваемы; чего же должно «ожидать отъ усилій, которыя они окажутъ подъ стѣнами Мо«сквы?»

Унгеръ, участникъ въ битвѣ (p. 112): «Русская конница, «распредѣленная впереди во время атаки Французами, сдѣлала «также многія атаки. Она овладѣла многими Французскими бата«реями, но потеряла ихъ, исключая десяти пушекъ» и пр. Далѣе (p. 114) онъ говоритъ: «Славная защита, которую Русскіе про«тивопоставили числительнѣйшимъ усиліямъ Французовъ, была «частью дѣломъ Русской конницы. Она попеременно сражалась и «съ успѣхомъ противъ конницы, пѣхоты и артиллеріи, какъ это «видно изъ свѣдѣтельства обѣихъ сторонъ.» [52]

Полковникъ Шапюи, описывая Бородинское сраженіе, между прочимъ (p. 594) говоритъ: «Борьба была такая ужасная, что

---

[52] Унгеръ написалъ о конницѣ чрезвычайно глубокомысленное сочиненіе. Въ немъ онъ описываетъ и критически разбираетъ обходъ Уварова и Платова и вообще дѣйствія Кутузова подъ Бородинымъ.

«самые старые солдаты не помнятъ, чтобы они когда ни будь ви-«дѣли столько отваги съ одной стороны и неустрашимой обороны «съ другой. Атакующіе были достойны тѣхъ, которые защища-«лись. Худыя распоряженія Кутузова при размѣщеніи арміи, безъ «замѣчательной храбрости его войскъ, его распоряженія при пер-«вомъ началѣ битвы содѣлались бы для него пагубными.»—«Боль-«шое упорство (p. 559) со стороны Кутузова, который такимъ «образомъ выкупилъ свои ошибки. Ни минуты не сомнѣваясь въ «мужественной оборонѣ своихъ войскъ, онъ содѣлалъ свое разби-«тіе не столь чувствительнымъ.»

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. II, p. 15), сказавъ о составленіи Наполеономъ превосходной диспозиціи, по которой, натискомъ на нашъ лѣвый флангъ, наша армія была припе-рта въ уголъ сліянія Колочи съ Москвой рѣкой, и тутъ принуж-дена положить оружіе, [53] присовокупляетъ: «Успѣхъ въ этомъ былъ «бы несомнѣннымъ противъ другихъ войскъ, менѣе воинствен-«ныхъ, нежели Русскія, и противъ вождя не столь упорнаго, какъ «Кутузовъ.»

Ограничиваюсь этѣми выписками; ибо въ эпизодахъ Бородин-ской битвы мужество Русскихъ, иноземными же повѣствователя-ми, несравненно ярче выказано. Но нельзя здѣсь не замѣтить, что, независимо отъ того, что всѣ Славянскія племена имѣютъ болѣе или менѣе врожденныя свойства положительной храбрости, не мо-жетъ быть, чтобы въ этомъ случаѣ и устройство арміи къ тому не содѣйствовало. Русскій человѣкъ, вступая въ военную службу, становится какъ бы постояннымъ жителемъ, гражданиномъ своего полка.

Устройство [54] и составъ полковъ нашихъ представляетъ нѣчто необыкновенное, далеко превосходящее составъ и устройство слав-

---

[53] Не только, чтобъ армія наша положила оружіе, но и можно ли было загнать сто тысячъ такимъ образомъ? «Трудно было бы исполнить это и со ста тысячами барановъ, такъ, чтобы большая часть изъ нихъ не избѣгла сего,» очень спра-ведливо замѣтилъ Генералъ Окуневъ.

[54] Объ этомъ уже много говорено въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Малая война» (Спб. 1851 г.).

ныхъ Римскихъ легіоновъ, когда они переносили орлы свои далеко отъ границъ. Пѣхотный полкъ нашъ, въ полномъ своемъ составѣ, уподобляется народонаселенію цвѣтущаго города: это подвижной городъ въ полномъ значеніи слова. Полкъ нашъ имѣетъ свою церковь, Священника, пѣвчихъ и церковную прислугу, своихъ врачей, фельдшеровъ и цырюльниковъ, свою аптеку и свой госпиталь съ необходимыми къ нимъ принадлежностями, свою канцелярію, своего юриста въ лицѣ аудитора, свою музыку и своихъ пѣсенниковъ, [55] свою казну, свой обозъ, своихъ оружейниковъ, свои швальни, свою кузницу и др. мастерскія, своихъ лошадей, свой шанцевый и другіе инструменты, свои хлѣбные запасы, свои пороховые и другіе военные снаряды, наконецъ свои временныя жилища-палатки. Въ каждомъ полку половина людей хлѣбопашцы; есть рыбаки, не страшащіеся какихъ бы то ни было водъ, [56] есть охотники всѣхъ родовъ, есть плотники, каменьщики,

---

[55] Въ 1813 году, когда главная квартира Сѣверной арміи находилась нѣкоторое время въ Цербстѣ, передъ зарей, къ замку, занимавшемуся Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ (Бернадотомъ), приходила музыка и пѣсенники поочередно отъ квартировавшихъ въ городѣ Ширванскаго и Невскаго полковъ. Пѣсенники особенно обращали на себя вниманіе Главнаго Штаба Арміи. Однажды начальникъ Главнаго Штаба Арміи, Генералъ Адлеркрейцъ, спросилъ бывшаго при томъ нашего Генерала: «Не уже ли мы возимъ для хора женщинъ?» Генералъ отвѣчалъ: «То, что онъ принимаетъ за голосъ женщинъ — исполняется какимъ ни будь гренадеромъ-усачемъ,» и въ доказательство тому оба сошли съ террасы и подошли къ хору, гдѣ Шведскій Генералъ убѣдился, что дѣйствительно усачъ-гренадеръ поетъ юнымъ женскимъ голосомъ. Возвратясь, онъ разсказалъ Принцу, а этотъ, въ свою очередь, подошелъ къ хору, и въ этотъ разъ, противъ обыкновеннаго, далъ болѣе на «pour boire». Едва ли не въ каждомъ полку найдутся и актеры, не говоря уже о комедіянтахъ, фокусникахъ, фигляхъ и т. п. Мы видѣли, всегда и въ настоящее время, и то и другое во всѣхъ полкахъ.

[56] Въ 1808, когда 6-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Барклая де Толли занимала Куопію, предложено было сдѣлать, подъ начальствомъ Полковника Маркиза Паулуччи, экспедицію по озеру, къ проливу Рауковирта. Для сего собраны были всѣ мелкія лодки, на которыхъ въ каждой могло помѣщаться отъ двухъ до шести человѣкъ. По наряду назначенъ былъ въ эту экспедицію баталіонъ Ревельскаго полка, который, сѣвъ въ тѣ лодки, отправился по назначенію (слишкомъ за тридцать верстъ), прикрываемый всего двумя капонирскими лодками, подъ начальствомъ Лейтенантовъ: Козакова (нынѣ Адмирала) и Мохова. Экспедиція

кирпичники, штукатуры, маляры, кузнецы, кожевники и др. всякаго рода чернорабочіе мастеровые, могущіе удовлетворить нуждамъ первой необходимости, есть столяры, печники, слесаря, мѣдники, ткачи, сапожники, позументщики и мастеровые Офицерскихъ вещей, свѣчники и разные другіе фабричные и заводскіе рабочіе, огородники, хлѣбопеки, повара и пр. Не ограничиваясь этѣми необходимыми для первыхъ нуждъ мастеровыми, каждый полкъ можетъ удовлетворить даже и прихотямъ роскоши: найдутся мастера часовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, хорошіе каретники, мебельщики, обойщики и живописцы, башмачники и отличные портные, мужскіе и женскіе, кухмистеры и кондиторы; словомъ, въ каждомъ полку можно встрѣтить представителей почти всѣхъ родовъ ремеслъ и искуствъ.

Къ этому удивительному составу нашихъ полковъ должно прибавить еще болѣе удивительныя свойства Русскаго солдата.

увѣнчалалась предполагаемымъ успѣхомъ, и никто тогда не думалъ и спрашивать: справятся ли сами пѣхотинцы съ лодками?

[57] Доказательствомъ тому можетъ служить праздникъ, данный Вестреботнійскимъ корпусомъ, при отъѣздѣ своего незабвеннаго начальника, Графа Каменскаго, въ Улеаборгѣ, по заключеніи Фридрихсгамскаго мира. Торжество это приготовлено было въ нѣсколько дней не успѣвшимъ еще совершенно стянуться корпусомъ (изъ 4 т. съ небольшимъ человѣкъ), на возвратномъ пути его послѣ блистательныхъ подвиговъ въ Вестерботніи. Оно замѣчательно тѣмъ, что все было исполнено солдатами по рисункамъ и подъ руководствомъ ихъ же Офицеровъ. Для сего за городомъ устроенъ былъ павильонъ: залы его сплошь украшены были транспарантами, изображавшими военные подвиги Графа, и многими другими аллегорическими картинами въ томъ же родѣ. Отъ квартиры Графа (бывшей въ домѣ Бургомистра Лиліендала) до мѣста праздника, на пространствѣ верстъ пяти, тянулась иллюминація, мѣстами пересѣкаемая арками, съ эмблематическими изображеніями. Самый павильонъ горѣлъ разноцвѣтными, художнически распредѣленными, огнями. Блистательный фейерверкъ и наконецъ воздушный шаръ, тоже украшенный транспарантами, завершили этотъ праздникъ. А какъ, по случаю кончины отца виновника торжества (Фельдмаршала Графа Каменскаго) въ домѣ его продолжался еще трауръ, то, вмѣсто бала, играны были, сочиненныя Офицерами по случаю торжества, новые марши и Польскіе съ куплетами. Не знаю, найдутся ли еще свѣдѣтели этому празднику, кромѣ А. А. Закревскаго, тогда бывшаго Адъютантомъ Графа Каменскаго (нынѣ Графъ, Генералъ-Адъютантъ и пр.; впрочемъ и онъ уже недавно умеръ): пятьдесятъ пять лѣтъ — много времени!

Нельзя было не изумляться его всегдашней находчивости даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Среди ихъ силы его духа какъ бы удвоивались, обычная преданность къ начальникамъ усиливалась: въ этѣ минуты, не щадя ни трудовъ, ни самого себя, онъ старался оберегать ихъ и угождать имъ, и, услышавъ за то «спасибо», гордился имъ и почиталъ себя вполнѣ награжденнымъ. Кто помнитъ «лагери-города,»[58] устроенныя на короткое время лейбъ-гвардіи егерскимъ баталіономъ, Низовскимъ и Ревельскимъ мушкетерскими полками, при киркѣ Идесальми, въ Октябрѣ 1808 года, Пермскимъ и Могилевскимъ мушкетерскими же при городѣ Умео, въ 1809 году,[57] наконецъ достопамятный лагерь при Тарутинѣ, въ 1812 году, тотъ можетъ вполнѣ оцѣнить разностороннія способности Русскаго солдата. Все это, однако, происходило еще въ мѣстахъ, хотя и разоренныхъ войной, но не совершенно лишенныхъ возможности доставать, впрочемъ и съ большимъ трудомъ, войкакіе матеріялы для устройства Офицерскихъ балагановъ; за то, во время перехода Генералъ-Лейтенанта Барклая де Толли, въ началѣ Марта, 1809 года, чрезъ Кваркенъ, по пустынному пространству замерзшаго моря, на протяженіи около ста верстъ, и при движеніи въ это же время Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова при 28° Р°,[59] въ Торнео, не было уже ни какихъ мѣстныхъ средствъ. И здѣсь, съ помощью лыжъ и

---

[58] Командиры этѣхъ полковъ, Полковники Мезенцевъ и въ особенности Князь Сибирскій, давали блестящіе праздники при освѣщеніи всего лагеря разноцвѣтными фонарями, разумѣется, изъ бумаги сдѣланными.

[59] Въ Киркѣ Кеми, куда корпусъ собирался для нападенія на Торнео, лежащаго въ 25-ти верстахъ оттуда, дѣлаемы были опыты, какъ въ эту стужу можно дѣйствовать ружьемъ. Солдатъ, съ заряженнымъ ружьемъ выходилъ изъ избы и, пройдя сто шаговъ, останавливался и дѣлалъ выстрѣлъ, потомъ заряжалъ ружье, но спустить курка уже не могъ.

[60] Въ каждомъ полку выбрано было нѣкоторое число людей въ застрѣльщики, особенно изъ уроженцевъ старой Финляндіи и другихъ Сѣверныхъ Губерній, гдѣ употребляются лыжи. Въ Улеаборгѣ было собрано нѣсколько сотъ такихъ лыжъ и роздано въ полки застрѣльщикамъ, какъ для удобства проходить огромныя пространства снѣжныхъ равнинъ на поверхности замерзшаго Ботническаго залива, такъ и для обхода праваго фланга непріятеля, если бы онъ вздумалъ гдѣ либо утвердиться и ожидать сраженія. Но случая употребить этѣ лыжи по предпа-

и самаго снѣга, Русскій солдатъ умѣлъ дѣлать ночлегъ сноснымъ для Офицеровъ, такъ что потомъ съ удовольствіемъ вспоминали объ этомъ кочевьѣ, какъ о празднествѣ особенно памятномъ. Вотъ неоспоримыя доказательства способностей нашего солдата, всегда и вездѣ неистощимаго въ изобрѣтательности. Я привелъ эти примѣры по тому, что свѣдѣтели и участники описанныхъ мною подвиговъ быстро исчезаютъ одинъ за другимъ.

Среди необитаемыхъ степей за Байкаломъ, Араксомъ, Русскій полкъ находитъ всѣ средства для своего существованія. Ведомый достойными начальниками, далеко превосходитъ онъ знаменитые легіоны Цезаря и Траяна. Подкавказье усѣяно у насъ укрѣпленными лагерями и военными поселеніями, устройствомъ которыхъ славились Римляне. Да сверхъ того, у насъ есть многое, что Римлянамъ и въ голову не приходило. [61]

При такомъ общемъ устройствѣ войскъ, съ такими людьми, способными и готовыми на все для службы Царю и Отечеству, можетъ ли быть что невозможнымъ для Русскаго оружія въ какой бы то ни было странѣ, противъ кого бы то ни было въ мірѣ?

Доблести Русскаго солдата и ратника до сихъ поръ тѣ же, что и прежде, что и въ 1812 году. Севастополь служитъ тому торжественнымъ доказательствомъ. Два первостепенныя, сильнѣй-

---

значенью не представлялось, и онѣ послужили вмѣсто балокъ на ямы, которыя вырывались въ снѣгу иногда до самаго льда. На этѣ балки-лыжи набрасывали рогожи, или вѣтви ельника, и потомъ засыпали снѣгомъ, чтобы не могъ проникать воздухъ. Въ этой крышѣ, для входа въ снѣжный бурак, оставляли отверстіе, которое закрывалось чѣмъ попало: ковромъ, войлокомъ, рогожей и т. п., по срединѣ раскладывался огонь, и ледяное жилище согрѣвалось.

[61] А съ ними исчезнутъ навсегда и плоды ихъ опытовъ и наблюденій въ великой борьбѣ Европы съ Россіею, въ продолженіе которой мы сражались и противъ и въ союзѣ со всѣми ея народами, не исключая самихъ Турокъ. Какіе матеріялы можно было бы собрать тогда о характеристикѣ иноземныхъ войскъ во всемъ развитіи страстей въ тѣхъ, или другихъ, обстоятельствахъ! Лѣтъ тридцать тому назадъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ, по моему мнѣнію, чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

шія и богатѣйшія въ Европѣ, Государства, съ двумя второстепенными, [62] соединивъ свои морскія и сухопутныя силы, одновременно охватили всѣ окопечности нашего пространнаго Отечества. Двѣ армады, каковыхъ еще до того времени не видано, развели пары: первая два года сряду являлась предъ Кронштадтомъ, преграждавшимъ путь въ столицу, не смѣя ни чего предпринять; вторая, многочисленнѣйшая, первоначально съ осьмидесятитысячнымъ десантомъ, вооруженная всѣхъ родовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ дальняго полета съ новоизобрѣтенными разрушительными снарядами, вошла въ Черное Море. Врагъ вышелъ на берегъ къ под-

---

[62] Но не этѣми только четырьмя Державами ограничивалась лига или чудовищный этотъ союзъ. Другія двѣ первостепенныя Державы вступили въ оный болѣе или менѣе гласнымъ образомъ парализировать дѣйствіе Россіи. Изъ нихъ одна болѣе открыто: придвинувъ сильную армію къ границамъ Молдавіи и Валахіи, въ тылъ нашимъ войскамъ, заставила насъ перемѣнить весь мудро обдуманный планъ кампаніи, и наконецъ очистить Княжества, которыя она и заняла. Другая, своимъ обычнымъ нейтралитетомъ, подобно тому, какъ въ 1805 году она сохраняла нейтралитетъ, когда Франція хозяйничала въ Австріи, забирая живьемъ цѣлыя арміи съ ихъ Главнокомандующимъ, не пожелавшимъ выждать Русскихъ, спѣшившихъ къ нему на помощь; такъ въ свою очередь Австрія сохраняла нейтралитетъ въ 1806 году, когда Пруссія была разгромлена при Іенѣ (и также не выждавъ Русскихъ); такъ эта послѣдняя опять сохраняла нейтралитетъ, когда Австрія пала въ Ваграмѣ. Въ 1812 году, соединившись они, напали на единственную свою защитницу — Россію. Но она восторжествовала и отплатила имъ: снявъ съ нихъ цѣпи рабства, возвратила имъ народную самостоятельность, и Государи, отчужденные отъ законныхъ престолонаслѣдій, заняли ихъ вновь. Кто подалъ руку помощи въ 1849 году падающей Австріи? И помощь эта водворила потрясенную законность въ цѣлой Германіи. Въ признательность за все это, въ 1854 году, какъ и въ 1812-мъ, обѣ помянутыя Державы вновь прибѣгли къ нейтралитету, въ разныхъ видахъ: Австрія, подъ предлогомъ опасенія за Италіянскія владѣнія, которыхъ въ послѣдствіи не спасла же, забывъ, что оба раза она обязана могущественному великодушію Россіи за обладаніе оными; вторая за Зарейнскія области и свой купеческій флотъ. Прямое ихъ дѣйствіе могло временно быть имъ тягостнымъ; но могущество Россіи не истощенное, возстановило бы ихъ въ правахъ своихъ, и онѣ вышли бы изъ борьбы со славой. Этотъ нейтралитетъ былъ для насъ хуже открытой борьбы. Не распространяюсь о семъ болѣе: все къ лучшему! Исторія Россіи не занятнана иноземною помощью для собственной защиты; она всегда боролась одна, и всегда помогала слабымъ, одолѣваемымъ врагами, чѣмъ гордится каждый Русскій. Исходъ Восточной войны возвеличилъ насъ.

готовленнымъ къ измѣнѣ Татарамъ, и, не взирая на всѣ эти преимущества и на самую числительность войскъ, находившихся тогда для защиты полуострова, подвигался робко, ощупью. На Альмѣ нашелъ онъ Русскихъ, которые, не смотря на превосходство силъ непріятеля, атаковавшаго ихъ съ фронта и громившаго въ лѣвый флангъ сильнымъ огнемъ съ флота, встрѣтили его съ прежнимъ мужествомъ. Цѣлыя сутки и болѣе союзныя войска оставались на мѣстѣ, не рѣшаясь ити въ слѣдъ за отступившими.

Севастополь, совершенно открытый съ сухаго пути, внезапно превращается въ пространную укрѣпленную позицію, потребовавшую всѣхъ усилій искуства извѣстныхъ и опытныхъ инженеровъ, чтобы правильной осадой приблизиться къ земляным насыпямъ, импровизованнымъ противъ осаждающихъ. Одиннадцать мѣсяцевъ нѣсколько тысячъ орудій самаго большаго калибра громили Русскихъ. Истребительные снаряды новаго изобрѣтенія разрушили искуственную защиту, но ни на минуту не поколебали мужества обороняющихся.[63] Если дѣла: Инкерманское и на Федюхиныхъ горахъ не удались; если второй штурмъ не былъ отбитъ, подобно первому, это, конечно, произошло не отъ недостатка мужества, а отъ причинъ, вовсе отъ войскъ не зависѣвшихъ. Непріятель, занявъ нѣсколько укрѣпленій на нашей линіи, не отваживался сдѣлать шага далѣе, и мы, въ ночь, очистили южную сторону и приготовились къ столь же упорной оборонѣ на сѣверной. Но непріятель усталъ бороться съ арміею, которая съ каждымъ днемъ возрастала духомъ. Пусть укажутъ войско, которое при такихъ

---

[63] Вотъ одинъ примѣръ изъ множества доказательствъ духа Русскаго человѣка: Курское Ополченье принимало дѣятельное участье при отбитіи перваго штурма на Севастополь. При осмотрѣ на третій день Княземъ Горчаковымъ Госпиталя раненыхъ, одинъ ратникъ помянутаго Ополченья, съ подвязанной рукой, отнесся къ нему: «Ваше Сіятельство! прикажите меня выписать!» — «Ты раненъ, сказалъ «Князь, куда же ты пойдешь?»—«Въ Редань, В. С-во, въ свою дружину.» На вопросъ Князя о ранѣ, лѣкарь отвѣчалъ, что она въ воспалительномъ состояніи и нагноеніе еще не началось, а потому отпустить опасно. «Ничего, В. С., возра«зилъ ратникъ: ужъ начали бить, то пусть, такъ ихъ м..., и добиваютъ; только «бы въ дружинѣ, да и я маху не дамъ. Сдѣлайте отеческую милость, В. С., пу«стите въ дружину: она на батареѣ, а здѣсь съ тоски помрешь!» Князь подарилъ ему 25 рублей.

условіяхъ, въ продолженіе почти года, осыпаемое ежедневно десятками тысячъ снарядовъ, не поколебалось бы въ нравственномъ отношеніи! Всякое другое дошло бы до высшей степени деморализаціи.

Непріятель, имѣя базисомъ свой многочисленный флотъ, не выходилъ, такъ сказать, изъ подъ защиты нѣсколькихъ тысячъ своихъ орудій огромнаго размѣра, и, однако, нигдѣ, ни на одномъ пунктѣ, онъ не сдѣлалъ перехода внутрь страны. Онъ ограничивался на всѣхъ моряхъ сожженіемъ орудіями неукрѣпленныхъ городовъ и селеній. Флотъ его являлся къ устью Двины, къ Ревелю и къ Нарвѣ, чтобы издали бросить нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ; то же съ одинаковою цѣлью подходилъ и къ другимъ мѣстамъ этого прибрежья. Подойдя съ нѣсколькими линейными кораблями и съ десятитысячнымъ десантомъ, разрушилъ недостроенную казарму въ Бомарзундѣ, защищавшуюся нѣсколькими стами гарнизона, и восчѣлъ побѣду! Выжегъ многія мѣста на прибрежьѣ Ботническаго и Финскаго заливовъ, и вездѣ, гдѣ задумывалъ выйти на берегъ, былъ прогоняемъ прежде, чѣмъ успѣвалъ достигнуть своей цѣли; бросилъ нѣсколько бомбъ въ Свеаборгъ и Кронштадтъ, съ разстоянья, до котораго тогда могли достигать не всѣ наши орудія.

На Бѣломъ морѣ онъ безстрашно бомбардировалъ беззащитный Соловецкій монастырь. На Восточномъ океанѣ, въ Петропавловскѣ, сдѣлавъ то же, выслалъ было десантъ, но былъ отбитъ съ большою потерей.

Въ Черномъ морѣ бомбардировалъ Одессу, ни мало не укрѣпленную, и не рѣшился выйти на берегъ. Кинбурнъ съ слабымъ гарнизономъ, а еще съ слабѣйшими укрѣпленіями и средствами къ оборонѣ, былъ скоро превращенъ въ груду камней, многочисленнымъ флотомъ и десантомъ.

Дѣйствія непріятельской армады по Абхазскому берегу столь же славны.

Въ Азовскомъ морѣ тѣ же опустошенія береговъ, съ единственною цѣлью истребленія, которому подверглись по преиму-

ществу Керчь и Таганрогъ; въ этотъ послѣдній непріятель пытался сдѣлать десантъ, но былъ отбитъ горстью случившейся тамъ команды изъ Казаковъ.

Вотъ всѣ подвиги лиги Восточной войны! Въ нихъ Русскій солдатъ принималъ участье въ борьбѣ только въ Севастополѣ и окрестностяхъ, гдѣ онъ выказалъ себя тѣмъ же самымъ, какимъ онъ бывалъ всегда и прежде. Въ немъ не нужно было возбуждать храбрость фанатизмомъ къ религіи, какъ говорятъ Бертезенъ, Тьеръ и др.; онъ съ юныхъ лѣтъ проникнутъ обязанностью защищать святыню, Царя и родину: этого напоминать ему не нужно. Если же доблести его не всегда увѣнчивались успѣхомъ, это, повторяю, не его вина. Продолжительный миръ не могъ образовать Барклаевъ, Беннигсеновъ, Багратіоновъ, Милорадовичей, Дохтуровыхъ, Раевскихъ, Строгановыхъ, Воронцовыхъ, Паленовъ, Остерманова, Тучковыхъ, Багговутовъ, Коновницыныхъ, Васильчиковыхъ, Сабанеевыхъ, Голицыныхъ, Платовыхъ и многихъ другихъ славныхъ военачальниковъ, подвизавшихся на поляхъ Бородинскихъ, въ предшествующихъ и послѣдующихъ войнахъ. Но за всѣмъ тѣмъ иноземцы, описывая Севастопольскія битвы, отдаютъ Русскому солдату ту же справедливость, какую отдали ихъ предшественники солдатамъ Бородинскимъ.

Генералъ Бисмаркъ, описывая Бородинское сраженье, говоритъ: [64] «Трудно обратить Русскую армію въ совершенное бѣгство (pleine déroute): солдаты никогда не оставляютъ поля битвы, не получивъ на то приказанья». [65] И дѣйствительно, едва ли можно найти примѣръ тому послѣ Нарвы, но тогда Русская армія только начинала образовываться въ регулярную, и великій преобразователь вскорѣ положилъ твердое ей основаніе. Между тѣмъ въ другихъ войскахъ, не говоря о Турецкихъ, Персидскихъ и отдѣльныхъ частей, часто многочисленныхъ, это случается и съ цѣлыми арміями. Приведемъ по одному только примѣру въ нашъ

---

[64] Spectateur milit. 1847, t. XXIV, p. 150.

[65] «Они умираютъ тамъ, гдѣ поставилъ ихъ начальникъ.» — «Они умираютъ, гдѣ начальникъ приказалъ умереть.» — «Они предпочитаютъ смерть плѣну» и пр., и пр. Все это замѣчено по отзывамъ самого непріятеля.

вѣкъ: Въ 1806 Іена, въ 1808 отступленіе Мура къ Коруну, въ 1809 Ваграмъ, въ 1815 Ватерлоо, въ 1849 Новара и пр. Объ Ульмѣ и говорить нечего. Тутъ былъ примѣръ, совершенно противоположный бѣгству: главная армія, въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, съ своимъ Главнокомандующимъ, сдалась въ плѣнъ, безъ видимой необходимости!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вышеприведенныя выписки, взятыя изъ Французскихъ и другихъ иноземныхъ писателей, свѣдѣтельствуютъ, какъ неправильно Французы приписываютъ себѣ при Бородинѣ побѣду, въ тѣсномъ военномъ значеніи этого слова, какъ оно истолковано въ особой статьѣ, въ слѣдъ за «Вступленіемъ.»

Наши отечественные исторіографы, болѣе или менѣе, почти всѣ, увлеченные обаяніемъ фразъ, разцвѣтляющихъ разсказъ нашихъ непріятелей, не взяли еще на себя самостоятельнаго труда прояснить глубокой критикой всѣ сказанія, до сего предмета касающіяся, чтобы положительно опредѣлить степень славы, падающей на каждую изъ арміи, состязавшихся на поляхъ Бородинскихъ, гдѣ, конечно, по выраженію самихъ Французовъ, какъ замѣчено выше, оборонявшіеся достойны были нападающихъ, или нападавшіе достойны были оборонявшихся. Но достаточно ли этого, чтобы изгладить слово побѣда, въ продолженіе уже полувѣка вездѣ прилагаемое къ нападавшимъ, не успѣвшимъ не только сломить нашу армію, но и пріобрѣсти какіе либо трофеи? Геній-полководца Государя, приковавшаго, какъ было уже замѣчено, къ колесницѣ своей весь материкъ Европы, увлекъ оный въ войну на Россію. Испытанные, въ продолженіе двадцати лѣтъ, побѣдители столькихъ народовъ, подъ предводительствомъ опытныхъ и искусныхъ вождей, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при своей числительности, превышавшей Русскую армію, съ величайшими пожертвованіями крови, возбуждавшіеся къ побѣдѣ угрожавшей имъ голодною смертью, что же сдѣлали они подъ Бородинымъ? Напавъ

почти всѣми силами своими на нашъ лѣвый флангъ,[1] они успѣли его оттѣснить, но онъ вновь овладѣлъ своею позиціей; вновь вытѣсненный, опять занялъ оную, и, уступивъ несоразмѣрной числительности, отошелъ за нѣсколько сотъ шаговъ на вторую позицію, громимую, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, изъ полутысячи орудій, и не колебался, вызывая къ себѣ врага. Но врагъ, по собственному сознанію своему, какъ видно было, не отважился напасть на «эту грозную еще линію,» оставшуюся въ связи со всею арміею. Съ остальной части, во всѣхъ пунктахъ, непріятель, неоднократно бросавшійся на нее, былъ отбитъ, и мы еще своимъ правымъ флангомъ съ успѣхомъ атаковали его лѣвое крыло, дѣлая распоряженія, въ свою очередь, на другой день атаковать его всѣми силами. Наполеонъ, находя, что поле битвы нашего лѣваго фланга оспариваемо еще «не только ядрами, но и пулями,» недовольный этѣмъ, прекращаетъ битву первый, не пріобрѣтя ни какихъ трофеевъ: нѣсколько пушекъ въ редутахъ, около тысячи плѣнныхъ, взятыхъ по одиначкѣ, ни одного знамени, не смотря на громадное количество конницы и безпрерывныхъ ея атакъ; потеря въ людяхъ почти равная: Французовъ около сорока тысячъ и около пятидесяти тысячъ Русскихъ. Первые потеряли сорокъ девять Генераловъ, у насъ менѣе половины. Армія наша остается на мѣстѣ около двѣнадцати часовъ (а арріергардъ шестьнадцать часовъ занималъ позицію при Горкахъ) и, отступивъ, по выраженію самаго непріятеля, «медленно, въ совершенномъ порядкѣ къ Можайску, не о-«ставила за собой ни какихъ слѣдовъ, могущихъ породить «хотя бы одинъ помыслъ, что она потерпѣла какое либо пораженіе.» Непріятель послѣ битвы стягиваетъ свои войска назадъ, занимая малою частью только Семеновскія флеши. Наша конница, ночью, на слѣдующее утро, производитъ на разныя

---

[1] Полковникъ Ахшарумовъ (стр. 116), говоритъ: «Любопытно еще замѣтить, что «почти во всѣхъ большихъ сраженіяхъ, кои давалъ Наполеонъ, обращать онъ «главное нападеніе на лѣвый флангъ своего непріятеля. Эйлау, Фридландъ, Бо-«родино — тому свѣдѣтелями. Происходило ли это отъ случайнаго положенія «мѣстъ, или особенно отъ какого правила и расчета, или отъ одной, можетъ быть, «привычки, съ большой ловкостью дѣлать распоряженія въ правую свою сторону «и занимаясь правымъ своимъ флангомъ, который противостоитъ лѣвому не-«пріятеля?»

пункты его арміи, родъ нападенія, и тревога достигаетъ до самой ставки Императора, поставившаго оную среди карре баталіона старой гвардіи. На слѣдующее, послѣ битвы, утро Платовъ атакуетъ аванпосты Французовъ, и въ десять часовъ начинаетъ стягиваться за арміей къ Можайску. Мюрату посылаютъ приказаніе итти за нашимъ арріергардомъ, и онъ начинаетъ свое движеніе около полудня. Въ тотъ же день арріергардъ этотъ «въ жаркомъ,» «очень жаркомъ» и «очень живомъ» бою отбиваетъ всѣ усилія Мюрата, и экипажи Наполеона, направленные въ Можайскъ, для предполагаемаго ночлега, возвращаются въ маленькую деревеньку, и послѣ всего этого и многаго другого, Французы одержали побѣду!! Не отнимая у нихъ всѣхъ доблестей, выказанныхъ ими на Бородинскихъ поляхъ, побѣда, повторяю, въ тѣсномъ, въ военномъ смыслѣ, не принадлежитъ имъ.

Генералъ-Маіоръ Богдановичъ (т. II, стр. 229) приводитъ, изъ книги Принца Евгенія Виртембергскаго (S. 96), слѣдующее: «Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ осталось сочиненіе, «въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской «битвѣ. Оно оканчивается сими словами: «Говоря по совѣсти, не «было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ Императору Алек«сандру, ни Наполеону извѣщать о томъ Маріо-Луизу. Если бы «мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ «повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, «конечно, признали бы насъ братьями.»

Какъ слова эти ни кажутся справедливыми, но они не совершенно, или не положительно, опредѣляютъ долю доблестей каждой изъ арміи, сражавшихся въ этой битвѣ.

Г.-М. Богдановичъ (т. II, стр. 229) разсматриваетъ этотъ предметъ, указывая отчасти на причины истолкованья донесенія Кутузова, который писалъ объ одержанной имъ подъ Бородиномъ побѣдѣ; но главное: слѣдовало разсмотрѣть и опредѣлить, кто изъ нихъ: Кутузовъ, или Наполеонъ, имѣлъ болѣе права на это притязанье; иначе вопросъ этотъ остается нерѣшеннымъ.

Сколько мнѣ извѣстно, одинъ изъ первыхъ, передавшихъ это, былъ докторъ О'Меара, которому Наполеонъ, на Островѣ Св. Елены, сказалъ (т. I, р. 192): «Я ихъ разбилъ въ большой

«битвѣ подъ Москвой; я атаковалъ съ девяносто тысячами че«ловѣкъ Русскую армію въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ, у«крѣпившихся до нельзя (jusqu'aux dents), и совершенно раз«билъ ее. Семьдесятъ тысячъ Русскихъ остались на полѣ «битвы, и они объявили, что выиграли сраженіе, хотя я пошелъ «на Москву. Два дня (?) спустя, я былъ среди прекраснаго го«рода» и проч.

Въ приведенномъ здѣсь нѣтъ ни слова истины: во 1-хъ, онъ убавилъ свою армію около пятидесяти тысячъ; во 2-хъ, Русскую увеличилъ болѣе чѣмъ вдвое; въ 3-хъ, укрѣпленія были не такъ страшны, какъ онъ ихъ изображаетъ, что свѣдѣтельствуется иноземными писателями и, исключая укрѣпленія оконечности праваго фланга, всѣ остальныя, гдѣ происходила битва, не были даже окончены, не говорю уже о палисадахъ, но не на всѣхъ были туры и фашины, что также свѣдѣтельствуется; въ 4-хъ, онъ не только что не разбилъ насъ совершенно, но и просто не разбилъ, а, какъ замѣчено выше, заставилъ только лѣвый флангъ осадить на нѣсколько сотъ шаговъ и занять грозную, по словамъ его повѣствователей, позицію, которую онъ не осмѣлился атаковать, и первый прекратилъ дѣло; въ 5-хъ, не только Русскихъ не осталось семидесяти тысячъ на полѣ битвы, но и съ ранеными было около пятьнадцати тысячъ менѣе; въ 6-хъ, Бородинская битва происходила 26-го Августа, а онъ подошелъ къ Москвѣ 2-го Сентября, въѣхалъ же въ оную только 3-го, слѣдовательно, не чрезъ два дня послѣ битвы, а чрезъ семь, или восемь, дней; развѣ послѣ Шевардина, или деревушки Кривуши, гдѣ онъ переночевалъ послѣднюю ночь. Можайскъ показался прекраснымъ городомъ, ибо туда онъ дѣйствительно въѣхалъ чрезъ два дня. Слѣдовательно, изъ всей этой басни справедливо только то, что Наполеонъ былъ въ Москвѣ.

Сарразенъ, въ 1815 году, разбирая 18-й бюллетень, верхъ лжи, [2] находитъ (p. 130 — 133): «хвастливое донесеніе Кутузова «правдивѣе бюллетеня.»

---

[2] Въ послѣднее время въ особенности не было ни какого довѣрія къ бюллетенямъ. Герцогъ Ровиго (Савари), въ Запискахъ своихъ (t. V, p. 305) говоритъ: «Когда «18-й бюллетень былъ полученъ въ Парижѣ, артиллерія Инвалиднаго Дома сдѣ-

Фенъ украсилъ это фразами; онъ (t. II, p. 43) говоритъ: «Между тѣмъ какъ побѣдитель въ своемъ шатрѣ получаетъ доне-«сенія и отдаетъ приказанія, побѣжденный (т. е., Кутузовъ) про-«водитъ ночь въ отправленіи во всѣ концы курьеровъ, которые «обманутъ на счетъ его разбитія.» Подобно этому выражались и многіе другіе, которые хотѣли безусловно приписать себѣ побѣ-ду. Выше же сказано, что происходило въ шатрѣ побѣдителя, поставленнаго въ карре старой гвардіи, не разъ бравшейся за оружіе при тревогахъ, производимыхъ нашими легкими войсками въ ночь и въ послѣдующее утро, между тѣмъ какъ мнимо по-бѣжденный Кутузовъ провелъ эту ночь предъ мнимымъ по-бѣдителемъ, на мызѣ Татариновой, безъ всякой стражи.

Генералъ Баронъ Кроссаръ (t. IV, p. 356) пишетъ: «Повто-«ряю со всѣми свѣдѣтелями этой кровопролитной битвы, повто-«ряю со всѣми писателями о дѣяніяхъ Бонапарта, что правый «флангъ Русскихъ (и большая часть праваго фланга центра) ни-«когда не были сбиты, и что они устояли противъ всѣхъ нападе-«ній. На семъ-то основаніи Кутузовъ и не поколебался утверж-«дать, что онъ не былъ побѣжденъ, и что армія его не думала «быть обязанной уступать Французамъ сознаніе въ неодолимомъ «преимуществѣ.»

Противъ этой истины не можетъ быть никакихъ возраже-ній и, конечно, Кутузовъ скорѣй могъ себя назвать побѣдите-лемъ, чѣмъ Наполеонъ, который атаковалъ Русскихъ, не сбилъ ихъ съ позиціи, исключая лѣваго фланга, подавшагося на нѣ-сколько сотъ шаговъ назадъ, на вторую позицію, съ которой оспаривалъ еще поле битвы не только ядрами, но и пу-лями. Эту вторую позицію лѣваго фланга, въ общей связи съ арміей, Французы находили еще грозной, не отваживались ата-ковать ее и первые прекратили битву. Армія наша оставa-лась на мѣстѣ въ продолженіи двѣнадцати (а арріергаръ въ про-долженіе шестьнадцати) часовъ, и по томъ уже отступили въ

«лала сто выстрѣловъ; пѣли молебны во всѣхъ церквахъ; радость была общая; «но это не разсѣяло безпокойства, которымъ были всѣ поражены.» Такъ вѣри-ли всему тому, что включалъ въ себѣ бюллетень.

совершенномъ порядкѣ, какъ всѣ историки-очевидцы свѣдѣтельствуютъ, не оставивъ за собой ни колеса на дорогѣ въ Можайскъ.[3] Въ одно и то же время мы спугнули и его лѣвый флангъ до такой степени, что Вице-Король Италіянскій долженъ былъ искать спасенія въ карре 84-го полка, и Наполеоновскія палатки, стоявшія за Бородиномъ, внезапно были сняты: тревога распространилась до Колоцкаго монастыря и далѣе. Кто же послѣ всего этого былъ болѣе въ правѣ называть себя одержавшимъ верхъ? Умалчиваю о нравственномъ состояніи обѣихъ армій послѣ этой битвы: этотъ предметъ разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ. Такое состояніе духа въ той и другой арміяхъ безмолвно опредѣляетъ дѣйствительное ихъ положеніе.

Въ заключеніе приведу мнѣніе извѣстнаго сподвижника въ Отечественную войну, Ѳ. Н. Глинки, который чрезвычайно вѣрно, какъ никто, изобразилъ характеръ Бородинской битвы и исходъ ея. Вотъ что онъ (ч. II, стр. 27) говоритъ: «Со стороны «Французовъ порывы и сила, со стороны Русскихъ стойкость «и мужество. Объ этой битвѣ можно сказать почти то же, что «Веллингтонъ позже сказалъ о битвѣ при Ватерлоо: «Наполеонъ «шелъ просто по старинному, и разбитъ просто по старин-«ному.» Мы только должны поставить, вмѣсто слова: «разбитъ,» другое: «отбитъ,» и будетъ вѣрно.»[4]

И такъ, изъ всего того, что Французскія и Нѣмецкія повѣствованія, очищенныя отъ фразъ самохвальства, говорятъ о Бородинской битвѣ, явствуетъ, что побѣда, въ военномъ смы-

[3] О'Меара (t. II, p. 283, 284) пишетъ, что Наполеонъ говорилъ ему объ Эсслингской (или Эйлауской) битвѣ, и замѣтилъ, что «объ нихъ можно говорить съ «обѣихъ сторонъ: Онъ (Наполеонъ) сохранилъ поле битвы, но ночью отступилъ, «и можно было подумать, что это отступленіе могло быть принято за потерян-«ное имъ сраженіе.» Здѣсь Наполеонъ самъ признаетъ, что отступленіе не всегда бываетъ доказательствомъ проигрыша битвы.

[4] «О Кутузовѣ (присовокупляетъ авторъ) можно сказать то, что древніе говорили «о своемъ Зевесѣ: «Разбросавъ всѣ свои громы въ сраженіи съ Титанами, онъ отражалъ непріятеля терпѣніемъ.» О Наполеонѣ должно сказать его же собственными словами: «Роковое опредѣленіе судебъ увлекало

слѣ слова, ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ имъ: она должна оставаться, какъ видно было выше, на нашей сторонѣ.

Окончивъ изложеніе собственно этой гигантской битвы, не нахожу неумѣстнымъ сказать нѣсколько словъ вообще и объ исходѣ всей войны, съ нѣкоторыми ея эпизодами, излагаемыми иностранными же историками этой кампаніи. Слѣдуя только за одними ихъ фразами, окажется, какъ я уже замѣтилъ, что Французы отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа, послѣдовательно одерживали побѣды. На примѣръ: уходя изъ Москвы, Французы думали имѣть (хотя и безъ прочнаго основанія, какъ это будетъ видно далѣе) одинъ лучъ надежды къ своему полуспасенью, пробравшись къ Калугѣ, или на Медынь, потомъ продолжать отступленіе или, какъ нѣкоторые изъ нихъ называютъ, «mouvement rétrograde,» въ Смоленскъ, по мѣстамъ, еще не разореннымъ войной. На пути, въ Малоярославцѣ, они встрѣтили корпусъ Дохтурова, пытались прорваться, но онъ держался столько времени, что далъ возможность къ вечеру стянуться всей нашей арміи. Наполеонъ придвинулся также. бой былъ одним изъ самыхъ упорныхъ: Наполеонъ, потерявъ восемь дней времени, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, и нашелся вынужденнымъ отступать по тому роковому пути, который привелъ его въ Москву. Между тѣмъ, битву при Малоярославцѣ Французы называютъ побѣдой! Это еще забавнѣе побѣды, одержанной ими при Бородинѣ: тамъ, по крайней мѣрѣ, они пошли впередъ за добровольно отступившей нашей арміей, а изъ подъ Малоярославца побѣжали назадъ! [5]

«его.» Вообще книга Ѳ. П. Глинки чрезвычайно любопытна тѣмъ уже однимъ, что писана столь просвѣщеннымъ участникомъ. Онъ говоритъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ.

[5] Говоря собственно о 1812 годѣ относительно главной арміи, Французы, во второй половинѣ кампаніи, имѣютъ полное право приписывать себѣ успѣхъ, а, пожалуй, и побѣды, подъ Вязьмой, при Красномъ и въ Студянкѣ на Березинѣ. Здѣсь они безспорно, хотя и съ значительными потерями, восторжествовали надъ предпріятіями Русскихъ, а по тому въ чисто военномъ смыслѣ побѣды имъ принадлежатъ; но отнодь онѣ не принадлежатъ имъ ни въ Смоленскѣ и Лубинѣ, ни въ Бородинѣ и Малоярославцѣ, и не принадлежатъ имъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ намъ не принадлежатъ при Вязьмѣ, Красномъ и Студянкѣ: во всѣхъ шести случаяхъ предпринимавшій не успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, или предпріятіяхъ. А въ строгомъ смыслѣ, начиная отъ отбитія Французовъ въ

Большая часть Французскихъ писателей, въ особенности Нѣмецкихъ (отчасти и нашихъ Западниковъ), приписываютъ главную причину неудачамъ Наполеона, въ 1812 году, морозу, и это мнѣніе до сихъ поръ господствуетъ, не смотря на то, что Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, Генералъ Маркизъ Шамбре, Баронъ Жомини и нѣкоторые другіе изъ первостепенныхъ повѣствователей, положительно, какъ видно будетъ далѣе, и безусловно отвергаютъ эту причину.

Здѣсь я брошу краткій взглядъ вообще на состояніе Французской арміи отъ Бородинской битвы до окончательнаго очищенія нашихъ предѣловъ, и также ограничусь показаніями однихъ только иноземныхъ повѣствователей, когда они изображаютъ событія, какъ историки, не прикрашивая фразами своихъ заключеній, противорѣчащихъ разсказываемому ими же самими.

Такъ, на примѣръ, Лабомъ, въ «Исторіи паденія Имперіи Наполеона,» говоря о приготовленіяхъ къ войнѣ 1813 года, вопреки многому, сказанному имъ въ описаніи кампаніи 1812 года, составляетъ слѣдующую фразу (t. I, p. 6): «Катастрофа на«шей арміи (въ 1812 году), справедливо приписываемая сту«жѣ, не уменьшала обоянія преданности къ своему повелителю, «и если легіоны разсѣваются тамъ, гдѣ уже нѣтъ его, то «тамъ, гдѣ онъ находится, образуются другіе.»

Малоярославцѣ до Нѣмана, побѣда на ихъ сторонѣ, ибо они успѣли въ своемъ предпріятіи, правда, съ неимовѣрными потерями, но во всякомъ случаѣ могутъ сказать по Русской пословицѣ: «Хоть рыло въ крови, да наша взяла.» Боссе, Префектъ Дворца, участникъ во второй половинѣ кампаніи, въ Запискахъ своихъ, хоть и наполненныхъ множествомъ болтовни, часто безсмысленной, довольно удачно опредѣлилъ характеръ отступленія Французовъ и наше преслѣдованіе; онъ (t. II, p. 188) говоритъ: «Медленность, осторожность и воздержность «въ преслѣдованіи насъ можетъ объясняться только вліяніемъ магическаго имени «Наполеона. Если бы на мѣстѣ Русскихъ были мы, то я вполнѣ убѣжденъ, что «ни одинъ человѣкъ не перешелъ бы за Березину. Всѣ безъ исключенія нашлись «бы въ необходимости принять уничижительныя капитуляціи.» Далѣе (p. 189) «восклицаетъ: «А по тому не Русскимъ слѣдуетъ пѣть благодарственные молебны, «а намъ, не за побѣды, а за крайнюю обязательность ихъ преслѣдованія (l'ex«trême obligeance de leurs poursuite).»

О стужѣ, справедливо признаваемой причиной катастрофы 1812 года, буду говорить далѣе; но можно ли до такой степени дать волю желанію блеснуть послѣдней фразой? Авторъ самъ говорилъ, вмѣстѣ со всѣми другими, что «легіоны Наполеона начали постепенно распадаться почти съ самаго начала вступленія его въ наши предѣлы;» въ Литвѣ это распаденіе содѣлалось уже довольно чувствительнымъ. Констанъ, первый камердинеръ Наполеона, въ Запискахъ своихъ (t. V, p. 76), свѣдѣтельствуетъ, что, будучи еще въ Дриссѣ, «солдаты опустошали рѣд-«кія поселенія и разбросанные въ нихъ господскіе домы (chatea-«ux), не взирая на строгія приказанія Наполеона противъ маро-«деровъ и грабителей; приказанія эти не могли быть выполняе-«мы. Офицеры большею частію существовали только тѣмъ, что «добывали солдаты, которые и дѣлились съ ними.» Это свѣдѣтельствуется безъ изъятія всѣми повѣствователями и самимъ Полковникомъ Лабомомъ.[6] Боссе, Префектъ Дворца, прибывшій къ Наполеону на канунѣ Бородинской битвы, описывая путь свой (t. II, p. 90), говоритъ: «Приближаясь къ арміи, тылъ ея былъ за-«громожденъ чиновниками и бродягами.» Такой порядокъ продолжался до Москвы, а на третій день послѣ Малоярославца, за двѣнадцать дней до морозовъ, начали бросать оружіе, смыкаться въ блуждающія толпы, безъ дисциплины и т. п., какъ будетъ видно. Это распаденіе приняло огромные размѣры, увеличивавшіеся до совершеннаго разрушенія всякой взаимной связи между частями, не внимавшими гласу начальниковъ. Въ такомъ положеніи давно уже была бывшая Французская армія, когда Наполеонъ бросилъ ее и почти тайно уѣхалъ изъ Сморгонь. Самъ Лабомъ, повторяю, изображаетъ это положеніе въ описаніи войны 1812 года, а здѣсь, въ книгѣ, изданной въ одно время (1820) говоритъ: «тамъ, гдѣ Наполеона уже нѣтъ, легіоны разсѣваются» (!). Не уже ли авторъ хотѣлъ этѣмъ дать понять, что въ 1812 году легіоны разсѣялись тогда только, когда Наполеонъ уѣхалъ?[7]

---

[6] Въ изданной мною 1853 года книгѣ: «Дѣйствительныя причины гибели Наполе-«оновыхъ полчищъ въ 1812 году,» приведены всѣ иноземныя данныя объ этомъ предметѣ.

[7] Если бы Полковникъ Лабомъ не дѣлалъ этой кампаніи, то къ нему можно было

Нѣтъ, авторъ самъ пишетъ въ первой книгѣ, что, при отъѣздѣ Наполеона, давно уже не было арміи. Относительно же того, что легіоны «образуются тамъ, гдѣ онъ находится,» разумѣя тутъ собранные имъ въ 1813 году, то это очень просто: ибо, какъ Императоръ, онъ имѣлъ всю къ тому возможность, переносясь во Францію. Потерявъ и эти легіоны, онъ, въ 1814 году, опять собралъ новые, — и этѣмъ была неудача: въ его присутствіи, корпусъ за корпусомъ отпадали отъ него. Гораздо справедливѣе, а по тому и правильнѣе, было бы сказано: когда легіоны распались, Наполеонъ уѣхалъ образовать другіе.

Обращаюсь къ стужѣ, которой, такъ справедливо, по сказанію Г. Лабома, приписываютъ катастрофу 1812 года, и начну краткимъ очеркомъ дисциплины, со дня занятія Москвы, потомъ въ совокупности съ мнимою стужей до Дорогобужа, гдѣ начались средніе морозы, продолжавшіеся только пять, а по нѣкоторымъ описаніямъ, лишь три дня, и потомъ оттепель до самой Березины.

Разстройство Французской арміи описывается съ большею, или меньшею, подробностію, съ самаго начала вступленія ея въ наши предѣлы, даже нѣкоторымъ образомъ и прежде. Въ Гжатскѣ, за пять дней до Бородинской битвы, Сегюръ-Илеръ (t. III, p. 625), приводитъ повелѣніе Наполеона къ Бертье, отъ 2-го Сентября (новаго счисленія), въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Главный Штабъ мнѣ ни мало не содѣйствуетъ, ни Главный Начальникъ полевыхъ жандармовъ арміи (grand-prévôt), ни Генералъ-Вагенмейстеръ, ни Офицеры Главнаго Штаба, не служатъ «такъ, какъ бы слѣдовало,» и заключаетъ (p. 626) словами: «невозможно встрѣтить большаго безпорядка, который существуетъ въ «арміи.» На другой день Наполеонъ пишетъ о множествѣ мародеровъ, о долгомъ отсутствіи фуражировъ и пр., и предписываетъ противъ этого строжайшія мѣры.

Генералъ Фезензакъ (p. 53) разсказываетъ, что, принявъ въ Можайскѣ полкъ, въ корпусѣ Нея, бывшемъ при переправѣ чрезъ Нѣманъ, въ числѣ двадцати пяти тысячъ, здѣсь же

бы приложить слова, сказанныя Наполеономъ въ своихъ Запискахъ: «Исторія — «не метафизика; ее писать нельзя изъ воображенія и сочинять произвольно.

подъ ружьемъ имѣлъ только восемь тысячъ, а его полкъ (4-й), включавшій въ себѣ двѣ тысячи восемь сотъ человѣкъ на Рейнѣ, уменьшился до девяти сотъ человѣкъ, восклицаетъ: «Ни «когда не имѣли мы такихъ огромныхъ потерь; никогда также «нравственность не была такъ сильно поражена! Я не нашелъ «уже (продолжаетъ сочинитель) прежней веселости въ солдатахъ: «угрюмое безмолвіе заступило мѣсто пѣсенъ и шутливыхъ разска-«зовъ, которые прежде того заставляли ихъ позабывать всю у-«сталость большихъ переходовъ. Сами Офицеры казались трево-«жными: они служили только по обязанности и по требованію че-«сти. Это уныніе, естественное въ арміи побѣжденной, было за-«мѣчательно послѣ рѣшительнаго дѣла, послѣ побѣды, кото-«рая открывала намъ врата Москвы!» Это уже фразы, а дѣло въ томъ, что, послѣ этой «рѣшительной побѣды,» Французская армія, по словамъ Шамбре, Сегюра и др., была поражена оспо-бенѣніемъ; Русскіе же, почитая себя, по справедливости, непо-бѣжденными, напротивъ, сохранили въ совершенствѣ свои моральныя силы, и если Французы послѣ этой битвы перестали пѣть, то наши солдаты не прекращали своихъ пѣсенъ; всѣ остающіеся еще въ живыхъ дѣятели засвѣдѣтельствуютъ, что ротный плясунъ или, какъ его называли, балагуръ, во время марша, точно также въ сторонѣ отъ роты продолжалъ выплясывать, смѣшивъ ее своими шутками, коверканьями, какъ и прежде. Объ арміи чувствовали, что та и другая сдѣлали въ Бородинѣ, а по этому въ каждой и проявлялся соотвѣтственный событію духъ.

Въ такомъ состояніи армія приближалась къ Москвѣ, гдѣ Наполеонъ предполагалъ возстановить физическія и нравственныя ея силы. Увидѣвъ съ Поклонной Горы огромную и великолѣпную столицу нашу, представлявшую награды за страданія, вынесенныя въ тяжкомъ, долгомъ и орошенномъ кровію, пути, войска непріятеля пришли въ восторгъ. Восторгъ этотъ усилился, когда узнали, что Москва оставляется нами безъ боя: все обѣщало Наполеону полный успѣхъ во всѣхъ его предположеніяхъ.[8] Но

[8] Всѣ историки свѣдѣтельствуютъ, съ какимъ нетерпѣніемъ Наполеонъ у Дорогомиловской заставы ожидалъ депутаціи изъ Москвы, съ поднесеніемъ ему ключей, и наконецъ, послѣ многихъ, посланныхъ для сего въ Москву, «Польскіе Офицеры

вышло противное. Выслушаемъ отъ самихъ Французовъ, что они говорятъ о пребываніи своемъ въ Москвѣ:

Капфигъ пишетъ (t. XVII, p. 141 édit. de Bruxelles): «Въ день вступленія въ Москву, переходъ отъ лишеній къ роскош-«ному обилію долженъ былъ возбудить справедливыя опасенія, «а по тому Наполеонъ предписалъ соблюденіе строжайшей дис-«циплины.»

Графъ Сегюръ, (t. I, p. 3) говоритъ, что прежде вступленія въ Москву, $^{2}/_{14}$ Сентября, у Дорогомиловской заставы, Наполеонъ, назначивъ Военнымъ Губернаторомъ столицы Маршала Мортье, сказалъ ему:.... «въ особенности, чтобы не было грабежа! «Вы мнѣ отвѣчаете головой. Защищайте Москву противъ всѣхъ!» Посмотримъ, какъ соблюдались этѣ строгія приказанія.

Капфигъ продолжаетъ: «но все было тщетно: первая «ночь, $^{2}/_{14}$ Сентября, составляла сплошную оргію, нѣкоторые Офи-«церы участвовали въ ней, и гласъ начальника не могъ пресѣчь «безпорядковъ.»

Генералъ Фезензакъ, какъ видно было нѣсколько выше, сказавъ, что солдаты, одержавшіе рѣшительную побѣду при Бородинѣ, погружены были, однако, въ безмолвіе. Здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, представляетъ (p. 62) всѣ ужасы грабежа, которому предавались побѣдители. Занимая подмосковное имѣніе Графа Шереметьева, онъ присовокупляетъ: «это великолѣпное помѣщеніе было разграблено точно также, какъ и другія.»[9]

«привели ему пять, или шесть, человѣкъ изъ простонародья.» Форъ, очевидецъ (p. 52), восклицаетъ: «Нечѣмъ было польстить самолюбію побѣдителя!»

[9] Вотъ, между прочимъ, что онъ разсказываетъ еще: Одинъ Французскій Офицеръ нашелъ Русскаго, спрятавшагося въ одномъ домѣ, взялъ его подъ свое покровительство и повелъ къ себѣ, но, проходя съ нимъ по улицѣ, былъ посланъ по службѣ въ другую сторону. Встрѣтивъ Офицера со взводомъ, онъ передалъ ему Русскаго, сказавъ: «Je vous recommande, monsieur.» Этотъ Офицеръ, не понявъ «смысла и въ особенности тона, съ которымъ этѣ слова произнесены были, принялъ несчастнаго за поджигателя и приказалъ его разстрѣлять.» (!). Какое простодушное сказаніе: не спросивъ, не уличивъ и не судивъ, каждый взводный Офицеръ могъ разстрѣливать, кого хотѣлъ!! По видимому, Офицеръ, пере-

Полковникъ Лоссбергъ, въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ, очевидецъ (S. 189), пишетъ: «4/16 Сентября, всѣ грабятъ «въ Москвѣ; 5/17 грабежъ продолжается» и т. д.

Лемазюрье, врачъ и очевидецъ (S. 34), говоритъ: «Тотчасъ «по занятіи Москвы грабежъ; дисциплина упала.»

Буржуа, очевидецъ (p. 55), говоритъ: «Не взирая на же«ланіе сохранить порядокъ при занятіи Москвы и на строжайшія «повелѣнія, отданныя по сему предмету, солдаты вошли въ оста«вленные жителями домы, искали съѣстныхъ припасовъ, разсѣя«лись повсюду и начали грабить.»

Вольдендорфъ и Варадейнъ (t. III, S. 165) свѣдѣтельствуютъ: «Въ это время водворилось въ арміи распутство всякаго «рода и упадокъ дисциплины.»

Графъ Солтыкъ, извѣстный поборникъ Наполеона, не скрываетъ тѣхъ безпорядковъ, которые происходили въ Москвѣ. Онъ говоритъ, что грабежъ начался съ перваго вечера занятія Москвы, и присовокупляетъ (p. 303): «Несчастная привычка нашихъ «солдатъ жить мародерствомъ, а по тому грабить всякое имуще«ство, была преградой Наполеону къ исполненію его предначер«таній и введенію порядка. Солдаты оставляли знамена, откры«ли лавочки, заводили торгъ» и т. д. Входя въ подробности безпорядковъ, послѣдовавшихъ съ перваго вечера (p. 277), приводитъ, что онъ и Генералъ Соколинскій, со всѣмъ своимъ штабомъ, заняли домъ Мусинъ-Пушкиной, въ которомъ найдены были не только всѣ запасы въ изобиліи, но оставалась и вся прислуга съ компаньонкой владѣтельницы дома и гувернанткою, Француженками. «Въ одиннадцать часовъ вечера (въ первый «день вступленія) я былъ разбуженъ этѣми двумя дамами; онѣ «въ ужасѣ вбѣжали ко мнѣ въ комнату и объявили, что домъ «грабятъ. Я вскочилъ, надѣлъ мундиръ, взялъ саблю и спустился «внизъ. Гвардейскіе солдаты начали уже грабить погребъ; я по-

---

давшій несчастнаго Русскаго другому, также не былъ спрошенъ. Послѣ этого сомнительно, чтобъ существовали суды надъ подозрѣвавшимися въ поджогахъ. Объ этомъ далѣе.

«спѣшилъ къ нимъ; но ни мундиръ, ни обнаженная сабля не мог-«ли ихъ укротить. Они бросились на меня со штыками, и я дол-«женъ былъ зарядить пистолеты и запереться въ комнатѣ, къ «которой они приступили. Къ счастію, человѣкъ мой прибѣжалъ, «и солдаты удалились.»

Маркизъ Шамбре, также очевидецъ (t. II, p. 118), гово рить: «Только до ночи могли удерживать порядокъ между вой-«сками послѣ же не было возможности, и Офицеры подавали «примѣръ неподчиненности. На другой же день, когда начались «пожары, трудно изобразить картину царствовавшей тогда демо-«рализаціи.» Этотъ же Шамбре (p. 123) присовокупляетъ: «Всѣ «грабили, и корысть не одинъ разъ соединяла въ одномъ мѣстѣ «шитый мундиръ Генерала и скромную одежду солдата.» [10]

Въ книгѣ: «Разрушеніе Москвы,» сочинители-очевидцы (p. 87) говорятъ: «Величайшее неповиновеніе проявилось во Фран-«цузской арміи, пожаръ Московскій не увеличивалъ его,» и (p. 88) присовокупляютъ: «Всѣ усилія ограничились только тѣмъ, что «солдаты, во время службы, не выходили изъ повиновенія Офи-«церамъ, но внѣ оной, они не хотѣли слушаться ни какого на-«чальства, въ Польскихъ же войскахъ вовсе не было чиноно-«читанія.» [11]

Графъ Дюма (t. III, p. 453), Герцогъ Ровиго (Савари, t. VI, p. 43), Ларрей (p. 73), О'Меара (t. I, p. 194), Ласъ-Казасъ (t. VII, p. 177), Роосъ и многіе другіе подтверждаютъ это состояніе дисциплины во Французской арміи.

Заключу этѣ выписки показаніемъ Католическаго Священника, Сюррюга, оставшагося въ Москвѣ во все время пребыванія въ ней Французовъ. Описавъ расхищеніе хлѣбныхъ магазиновъ и погребовъ, онъ (p. 19) присовокупляетъ: «однимъ словомъ, го-

---

[10] Почему Г.-М. Богдановичъ выпустилъ это, между тѣмъ какъ Русскихъ, вступившихъ Москву, называетъ: «бродягами,» «безчинными,» «грабителями,» и пр.?

[11] Лордъ Каткартъ, въ депешѣ своей, отъ $^{1}/_{13}$ Октября, 1812 года, изъ Петербурга въ Лондонъ, между прочимъ, говоритъ: «Дисциплина во Французскихъ вой-«скахъ была потрясена въ основаніи, и неповиновеніе можетъ быть прекращаемо «только частыми казнями.»

«родъ сдѣлался добычею бѣдствія гораздо ужаснѣе пожара: об-«щее расхищеніе, насильства. Разбивали магазины, грабили са-«харъ, кофе, чай, кожи, мѣха» и пр.; (р. 20): «Для раздраженнаго «солдата не было ни какого различія между Французомъ и Рус-«скимъ, иностранцемъ и своимъ: всѣхъ обдирали самымъ недо-«стойнымъ образомъ»... «$^{8}/_{20}$ Сентября (р. 28): «никто еще не «смѣлъ явно выходить изъ своего дома, изъ опасенія быть огра-«бленнымъ;» (р. 29): «На второй недѣлѣ пребыванія Французовъ, «они не вселяли еще въ себѣ довѣрчивости... Они не уважали ни «стыдливости женскаго пола, ни невинности дѣтей, ни сѣдыхъ «волосъ старости и пр...;» (р. 31): «Всѣ церкви были разграбле-«ны: въ нихъ учреждали бойни, конюшни и т. п.;» (р. 32): «Фран-«цузскіе Офицеры сознавались, что, со временъ ихъ революціи, «они не видали подобнаго безпорядка въ арміи и приписывали «оный составу ея изъ разноплеменныхъ народовъ... Всѣ улицы «завалены были трупами людей, лошадей и т. п. Наполеонъ от-«давалъ строжайшія повелѣнія противъ всѣхъ этѣхъ безпорядковъ, «преступленіе было наказываемо, но наказаніе не прекращало «разбоевъ.» [42]

Изъ этого краткаго очерка видно, въ какомъ положеніи находились легіоны Наполеона, подъ личнымъ его предводительствомъ. Теперь прослѣжу, также кратко, этѣ легіоны по выступленіи ихъ изъ Москвы, съ присоединеніемъ показаній о состояніи атмосферы, и начну съ повѣствованія самаго Лабома. Онъ (р. 218) говоритъ: «Кто не видалъ Французской арміи, вы-«ступающей изъ Москвы, тотъ не можетъ имѣть и слабаго поня-«тія о Греческой и Римской арміяхъ, когда они оставляли раз-«валины Трои и Карѳагена. Всѣ свѣдѣтели нашего отступленія «видѣли повтореніе тѣхъ же сценъ, которыми Виргилій и Титъ-«Ливій не престаютъ волновать насъ.»

---

[42] Священникъ этотъ присовокупляетъ: «Французы вовсе не имѣли религіи. Въ «Москвѣ была только одна Католическая церковь; въ городѣ умерли многія ты-«сячи: ихъ хоронили сами, гдѣ попадалось, безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ; «исповѣдывались только четыре, или пять, человѣкъ, но крестить всегда прила-«шали Священника.» А это, конечно, уже не по чувству религіозному, но въ необходимости, для сохраненія гражданскаго права.

По здѣсь Полковникъ Лабомъ какъ бы мѣняется фразами, уничтожая одну другою. Далѣе говоритъ опредѣлительнѣе, а между тѣмъ приведу нѣсколько засвѣдѣтельствованій его соотечественниковъ, тоже очевидцевъ:

Графъ Сегюръ, описывая безпорядокъ, господствовавшій при выступленіи изъ Москвы (t. II, p. 78), присовокупляетъ, «что хвостъ арміи походилъ на Татарскую Орду, совершившую «счастливый набѣгъ.»

Баронъ Денье (p. 107) говоритъ: «Когда армія, 7/19 Октября, выступила въ порядкѣ изъ Москвы, движеніе ея затруднялось безчисленнымъ множествомъ обозовъ. Болѣе сорока тысячъ повозокъ разнаго рода загромождали дорогу.»

Графъ Солтыкъ (p. 342) свѣдѣтельствуетъ такъ: «Видъ нашей арміи, при выступленіи изъ Москвы, былъ самый необыкновенный: среди длинныхъ колонъ тянулось болѣе десяти тысячъ каретъ, повозокъ и фургоновъ. Никогда такой многочисленный обозъ, каковой Римляне называли «impedimenta» (тягости), не сопровождалъ армію новѣйшихъ временъ; онъ неотмѣнно долженъ былъ отягощать и обременять наши движенія. «Въ это время армія представляла болѣе кочующій народъ, отыскивающій себѣ мѣсто, на которомъ бы могъ остановиться, нежели регулярное войско, идущее на непріятеля.» По засвѣдѣтельствованію и другихъ очевидцевъ, здѣсь можно было видѣть простыхъ солдатъ въ богатыхъ каретахъ, обгоняющихъ своихъ нѣшихъ Офицеровъ: всѣ молчали; никто не смѣлъ возвысить голоса противъ давно уже распущенной дисциплины.

Баронъ Фенъ (t. II, p. 161) говоритъ, что «выступленіе изъ «Москвы представляло особенное зрѣлище» и т. д.

Буржуа (p. 84): «При выступленіи изъ Москвы тысячи повозокъ сопровождали армію. Не было Офицера, который не имѣлъ бы экипажа; Генералы имѣли огромное число оныхъ.» Описывая потомъ безпорядокъ въ этомъ слѣдованіи, присовокупляетъ, что порядокъ существовалъ только тамъ (p. 85), «гдѣ везли снаряды и продовольствіе.»

То же говоритъ и Тьеръ (р. 462): «За шестью стами «пушекъ, съ изобиліемъ снабженныхъ снарядами, слѣдовали мас- «сы такихъ обозовъ, коимъ подобныхъ не видали со времень «варварскихъ вѣковъ, когда на всемъ пространствѣ Европы цѣ- «лые народы передвигались, отыскивая пространства для но- «выхъ себѣ поселеній.» И далѣе изображаетъ представляющуюся картину.

Въ окрестностяхъ Малоярославца. Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, разсуждая о дѣйствіяхъ при Малоярославцѣ (t. III, p. 277), присовокупляетъ: «Во всякомъ случаѣ, кажется, что нрав- «ственое и физическое состояніе арміи побудило Наполеона из- «бѣгать битвы при Малоярославцѣ.» Изъ одного этого засвѣдѣ- тельствованія ясно видно, что въ Москвѣ, гораздо прежде еще морозовъ, нравственное состояніе арміи было разстроено.

Баронъ Фенъ (t. II, p. 247) говоритъ: «Событія этого дня «(Малоярославецкаго) заставили Наполеона призадуматься: онъ «погрузился въ глубокія размышленія.»

По засвѣдѣтельствованію Бошана (p. 42): «Наполеонъ не «ожидалъ битвы при Малоярославцѣ; онъ не полагалъ, чтобы «Русскіе осмѣлились вступить съ нимъ въ бой.» [13]

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 19) говоритъ: «Замѣтили, что «въ послѣдствіе Малоярославецкаго дѣла духъ Наполеона сдѣлался «гнѣвнымъ. Впрочемъ (присовокупляетъ), это была операція по- «слѣдней важности, ибо она понудила армію, уже распадшую- «ся и страдавшую, отступить по опустошенному пути. Можно «сказать, что приказаніе отступать на Верею для Французской «арміи было ударомъ колокола, возвѣщающаго смерть, и это не «ускользнуло отъ вниманія Наполеона.»

Графъ Сегюръ (t. II, p. 88) свѣдѣтельствуетъ, что когда Бесьеръ, посланный Наполеономъ осмотрѣть позицію нашу при

---

[13] Говоря о необходимости Наполеона усиливать поспѣшность бѣгства изъ страны, въ которой все принимало грозный видъ, Бошанъ присовокупляетъ (p. 49): «Онъ, на крыльяхъ побѣды, дерзновенно проникъ въ Россію, и на крыльяхъ «страха поспѣшилъ изъ оной!»

Малоярославцѣ (за Нѣмцовскимъ оврагомъ), донесъ объ ея неприступности, Наполеонъ воскликнулъ: «О небо!» сложилъ руки съ «видомъ оцѣпенѣнія, опустилъ голову и оставался погруженнымъ «въ глубокія размышленія..... Терялсь въ этой бездиѣ грустныхъ «мыслей, онъ впадаетъ въ столь сильное оцѣпенѣніе ума, что ни- «кто изъ его окружающихъ не могъ отъ него добиться слова, и «съ трудомъ только, по мѣрѣ докучливости, могли исторгать отъ «него знаки головой. Всю эту ночь Наполеонъ провелъ въ силь- «номъ волненіи. Когда же Мюратъ предложилъ атаковать Куту- «зова на этой позиціи, Наполеонъ сказалъ ему (p. 91): «Довольно «объ отвагѣ... Уже много прибѣгали къ ней для славы, теперь «пришло время помышлять, какъ спасти остатки арміи.» Этотъ же авторъ, участникъ похода, относясь къ памяти своихъ соратниковъ, видѣвшихъ событія при Малоярославцѣ, восклицаетъ (p. 93): «Это роковое поле, на которомъ остановилось покореніе «міра, на которомъ рушились побѣды, продолжавшіяся двадцать «лѣтъ, гдѣ началось великое разрушеніе нашего счастія.»

Буржуа (2 part., p. 89), говоря о рѣшеніи Наполеона отступить изъ Малоярославца, присовокупляетъ: «Многіе думали так- «же, что Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы устрашить Русскихъ «своимъ маневромъ на Малоярославецъ, самъ былъ устрашенъ «ими, и что наконецъ, признавъ невозможность продолжать свое «боковое движеніе, чтобы достигнуть до зимнихъ квартиръ, и, на- «ходясь вынужденнымъ къ отступленію, взялъ для сего дру- «гой путь.»

Мишо (p. 136) говоритъ: «Послѣ Малоярославца Наполеонъ «не смѣлъ напасть на Кутузова, до того овладѣла имъ робость. «Смущенью его содѣйствовало еще болѣе то, что онъ здѣсь едва «не попался въ руки Казакамъ.»

Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 280) свѣдѣтельствуетъ: «Видъ «безпокойства, который показалъ Наполеонъ послѣ неудачи «при Малоярославцѣ, происходилъ отъ необходимости на об- «ратномъ пути слѣдовать тою же дорогой, которая привела его «въ Москву. Этѣмъ онъ самъ разрушилъ то очарованіе, которымъ «дѣйствовалъ на свое войско: предъ непріятелемъ онъ обнару- «жилъ свою слабость, сознавая, что не признаетъ себя болѣе въ

«состояніи поддержать борьбу. Духъ Русскихъ усилился, а у Фран«цузовъ упалъ; послѣдніе стали видѣть вездѣ только опасности, «имъ угрожавшія, а пораженное воображеніе еще болѣе ихъ «увеличило.»

Мортонваль (t. II, p. 347) полагаетъ, что «Наполеонъ, увидѣвъ упорство, оказанное Русскими въ битвѣ при Малоярославцѣ, боялся мысли дать сраженіе Кутузову, опасаясь послѣдствій.»

Графъ Солтыкъ, разсуждая о Малоярославцѣ и минутѣ, въ которую Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться дать сраженіе Кутузову, или обратиться по прежней дорогѣ къ Смоленску (p. 365), присовокупляетъ: «День $^{14}/_{26}$ Октября долженъ былъ быть рѣши«тельнымъ, роковымъ для Наполеона.»

Генералъ Баронъ Ронья (p. 219) говоритъ: «Каково было «удивленіе арміи, когда она, ожидая битвы, [14] получила приказа«ніе отступить! Ее направили на Можайскъ, гдѣ, съ грустью, она «пошла по прежнему разоренному пути: малодушная рѣшимость «гибельнѣе проиграннаго сраженія. Съ этой минуты все было «истощено, разстроено, потеряно.»

Нельзя пройти здѣсь молчаньемъ разсказъ Г. Боссе, Префекта Дворца, находившагося въ то время также при Наполеонѣ и издавшаго свои Записки, во многихъ отношеніяхъ любопытныя. Онъ одинъ, вопреки всѣмъ повѣствователямъ, усиливается показать, что появленіе Наполеона въ Малоярославцѣ было не чѣмъ инымъ, какъ только одной военной хитростью, но что Наполеонъ никогда не имѣлъ намѣренія избирать для своего отступленія путь на Калугу и на Медынь, а сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отступленію по той же дорогѣ, которая его привела въ Москву. Какъ ни хвастливо и часто даже безсмысленно все то, что авторъ говоритъ объ этомъ, но я почитаю не излишнимъ сдѣлать краткій разборъ его сказанію, хотя бы для того только, чтобы

[14] Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ замѣчаетъ, что «Наполеонъ никогда не нахо«дился въ обстоятельствахъ, которыя требовали бы болѣе необходимости дать «генеральную битву, какъ въ Малоярославцѣ, но онъ (присовокупляетъ Маршалъ, «не отважился предпринять оной,» и т. д.

показать, какое вниманіе обращаютъ на себя многіе изъ Французскихъ писателей о кампаніи 1812 года. [15]

Вотъ, что Г. Боссе говоритъ о Малоярославцѣ (t. II, p. 136): «Русскіе приняли Малоярославецкое сраженіе: оно было блиста-«тельнымъ и почетнымъ для 4-го корпуса, который выгналъ «Русскихъ изъ всѣхъ позицій, ими занимавшихся. Слѣдуя «обычаю, они (полно, мы ли?) приписали себѣ побѣду, возымѣвъ «притязаніе на то, что заставили Наполеона перемѣнить свой «путь отступленія и вообразили, будто бы онъ хотѣлъ возвратить-«ся въ Литву чрезъ Калугу, по странѣ, еще не страдавшей отъ «войны. Нѣтъ! (восклицаетъ Префектъ Дворца), Русскіе обманы-«ваются (!); думаю, что Наполеонъ никогда не имѣлъ этого на-«мѣренія.» [16]

Сказавъ это, вопреки всѣмъ повѣствователямъ, какъ замѣчено выше, также находившимся въ то время при Наполеонѣ и подробно описавшимъ событія при Малоярославцѣ, Г. Боссе на этомъ не останавливается, а ищетъ еще доказывать свои слова фактами. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ говоритъ, что Наполеонъ послалъ приказаніе всѣмъ корпусамъ арміи, бывшимъ въ тылу на Двинѣ, въ Могилевѣ и Полоцкѣ, чтобы они въ опредѣленное время были на Березинѣ близъ Борисова, и, выступая изъ Москвы, Императоръ приказалъ Мортье, чтобы онъ, взорвавъ Кремль и опорожнивъ Можайскіе госпитали, соединился съ нимъ въ Вереѣ и пр. Этѣмъ авторъ хочетъ доказать, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе итти по прежней дорогѣ.

Но изъ самаго этого доказательства видна вся его неосновательность: во первыхъ, помимо всѣхъ засвѣдѣтельствованій, съ какою цѣлью Наполеонъ шелъ изъ Москвы въ Малоярославецъ,

---

[15] Въ третьемъ Отдѣленіи, въ концѣ 1-й главы: «Отступленіе,» я привелъ нѣсколько изъ этѣхъ историковъ, болѣе другихъ отличающихся хвастливостію, невѣжествомъ и искаженіемъ истины.

[16] По этому не одни Русскіе обманываются, но и всѣ безъ изъятія историки Французскіе, Нѣмецкіе и другіе, бывшіе, сверхъ того, дѣятелями въ описываемыхъ событіяхъ. Одинъ только Г. Боссе разгадалъ тайну намѣреній Наполеона, которому и не приходило даже въ голову упомянуть объ этомъ въ бюллетеняхъ.

зная, что Русская армія стоитъ не на этомъ пунктѣ, а въ Тарутинѣ, и по тому здѣсь не можетъ быть и рѣчи, что онъ направился на Малоярославецъ, съ тѣмъ, чтобы, разбивъ тамъ Кутузова, отбросить его на Калугу, а самому вернуться на Можайскъ и слѣдовать далѣе, выигравъ, такимъ образомъ, нѣсколько маршей. Во вторыхъ, предписаніе корпусамъ быть у Борисова ни какъ не измѣняетъ предначертанія Наполеона, который въ предположеніи, что Кутузовъ не усмотритъ его движенія, направясь на Малоярославецъ, онъ, пройдя къ Калугѣ, или хотя чрезъ Медынь, но все таки (чрезъ Ельню) въ Смоленскъ, какъ въ ближайшій къ арміи главный магазинъ, и движеніе Бараге д'Илье изъ Смоленска въ Ельню, ему на встрѣчу, подтверждаетъ это: слѣдовательно, обезпеченіе переправы черезъ Березину, гдѣ Наполеонъ хотѣлъ сосредоточить помянутыя силы, было ему необходимо, если бы онъ и пошелъ въ Смоленскъ чрезъ Медынь, или даже чрезъ Калугу. Но автору нужно было, во что бы то ни стало, высказать, что въ движеніи на Малоярославецъ, со стороны Наполеона, была только одна военная хитрость; что онъ вовсе не думалъ о движеніи на Калугу, или Медынь, а что ему надобно было только разбить Русскихъ, отбросить и прогнать ихъ. [17]

«Отступленіе Русскихъ отъ Малоярославца (продолжаетъ Бос-«се) дало Французамъ возможность выиграть нѣсколько дней для «совершенія собственно своего отступленія; и дѣйствительно, до «Березины не было ни какихъ дѣлъ, исключая арріергардныхъ «съ Русскимъ авангардомъ: главная Русская армія никогда не «могла настигнуть насъ.» (II)

Есть ли во всемъ вышесказанномъ какой либо смыслъ? Не есть ли это верхъ невѣжества съ своими спутниками, съ цѣлью, какимъ бы то ни было наборомъ словъ, затмѣвать истину? Пусть большая часть Французскихъ писателей и приписываютъ себѣ побѣду при Малоярославцѣ, хотя всѣ они и убѣждены въ противномъ, ибо не скрываютъ, что тотчасъ, въ слѣдъ за этой побѣ-

---

[17] Въ другомъ мѣстѣ (р. 185), онъ говоритъ: «Армія Кутузова была разбита въ «Малоярославцѣ и отброшена на Калугу,» и что этѣмъ самымъ Французы выиграли нѣсколько маршей» и пр.

дой, армія обратилась въ бѣгство и начала распадаться, не сдѣлавъ и трехъ маршей; пусть, повторяю, они, по фразамъ своимъ, и одержали побѣду, но ни одинъ изъ этѣхъ авторовъ не отвергаетъ намѣренія Наполеона проскользнуть на Калугу, или Медынь, Ельню, въ Смоленскъ, и не скрываютъ также, что, послѣ Малоярославецкой битвы, Наполеонъ вынужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія и съ горестью повернуть армію назадъ на путь, по которому онъ пришелъ. Ни одному изъ историковъ не приходило въ голову приписывать движеніе на Калугу хитрости, съ намѣреніемъ «разбить нашу армію при Мало«ярославцѣ (которой тамъ тогда не было), отбросить ее на Ка«лугу, единственно для того только, чтобы выиграть нѣсколь«ко маршей для предначертаннаго уже отступленія на Можайскъ» и т. д.

Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же Наполеонъ тащилъ за собой въ Малоярославецъ нѣсколько десятковъ тысячъ разнаго рода повозокъ, которыми армія, по засвѣдѣтельствованію всѣхъ историковъ, какъ видѣли выше, была отягощена при самомъ уже выступленіи изъ Москвы? За чѣмъ онъ не отправилъ ихъ прямо, чрезъ Можайскъ, къ корпусу Жюно, когда задумывалъ хитрить движеніемъ своимъ на Малоярославецъ?

Никому, повторяю, не могла прійти въ голову такая нелѣпость. Кутузовъ стоялъ не въ Малоярославцѣ, когда Наполеонъ направился на этотъ городъ. Русская армія находилась въ Тарутинѣ, слѣдовательно, около тридцати верстъ далѣе отъ пути изъ Москвы, чрезъ Можайскъ и Вязьму, нежели отъ Малоярославца, а по тому, когда бы Наполеонъ безъ всякой, приписываемой ему Г. Боссе, хитрости, пошелъ изъ Москвы прямо по этой дорогѣ, тогда онъ дѣйствительно выигралъ бы предъ Кутузовымъ много маршей, какъ это будетъ доказано далѣе. Относительно же того, что наша армія, будто бы, по причинѣ употребленной Наполеономъ помянутой хитрости, не могла до Березины настигнуть Французской арміи, то здѣсь Г. Боссе, кажется, шутитъ надъ читателями. Наша армія, не смотря на то, что сдѣлала переходъ назадъ, чтобы быть готовой встрѣтить Наполеона въ Медыни, въ окрестностяхъ которой показался непріятель, имѣя въ виду, что Наполеонъ, послѣ неудачи въ Малоярославцѣ, могъ бросить-

ся на этотъ пунктъ, все таки скоро стали на одну высоту съ отступающими Французами, и мы слѣдовали съ ними параллельно, въ разстояніи иногда не болѣе десяти верстъ. Такъ подъ Вязьмой, на примѣръ, авангардъ былъ подкрѣпленъ кирасирами, которые, конечно, въ составѣ авангарда въ то время года быть не могли, а въ соображеніе нашего Главнокомандующаго не входило вводить въ битву главную армію, которую слѣдовало сохранять, а предоставлялось арміямъ Чичагова и Витгенштейна, менѣе уставшимъ, встрѣтить бѣгущихъ на Березинѣ.

Въ Малоярославцѣ, геній своего времени, полководецъ-Государь, послѣ шестнадцатилѣтняго предводительствованія арміями, которыя онъ водилъ отъ побѣдъ къ побѣдамъ, былъ остановленъ Русской грудью. Послѣ Малоярославца Наполеонъ не дѣлалъ уже шага впередъ для завоеваній. [18]

Здѣсь позволяю себѣ бросить краткій взглядъ на самое предпріятіе Наполеона, открыть отступленіе изъ Москвы на Калугу. Предметъ этотъ, кажется, не былъ еще никѣмъ затронутъ. Какъ дѣятель въ эту эпоху и свѣдѣтель расположенія умовъ и духа народнаго и состоянія обѣихъ арміи, я ограничусь только изображеніемъ современнаго положенія. Пусть болѣе опытные, болѣе знакомые съ эпохой того времени, болѣе освоенные съ военными науками, разсмотрятъ предметъ, о которомъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ.

Что касается собственно до меня, то сознаюсь, что я рѣшительно неудомѣваю: какимъ образомъ Наполеонъ, просидѣвъ тридцать пять дней въ Москвѣ, могъ колебаться въ избраніи пути для своего отступленія? Всѣ случайности большаго противъ всѣхъ другихъ успѣха въ своемъ предпріятіи, въ ту эпоху, сосредоточивались на пути, приведшемъ его въ Москву. [19] Графъ Лобау,

---

[18] Движеніе его въ 1813 году послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій было временное, и исходъ ихъ нашелъ конецъ въ Лейпцигѣ.

[19] Не уже ли онъ самъ обманывалъ себя тѣмъ, что, начавъ свое движеніе прямо изъ Москвы на Можайскъ и далѣе, по дорогѣ, по которой пришелъ, онъ подалъ бы поводъ думать, что отступаетъ по необходимости, между тѣмъ какъ, идя на Калугу, онъ забавлялъ бы себя мыслію, что это не отступленіе и будетъ при-

послѣ того, что Наполеонъ, не успѣвъ одолѣть Русскихъ въ Малоярославцѣ, на вопросъ его: «Что предпринять и какую избрать дорогу къ отправленію?» сказалъ: «Самую кратчайшую и какъ «можно поспѣшнѣе.» Наполеонъ послушался, но было уже поздно. Если бы это было сдѣлано не изъ Городни, а изъ Москвы, то Наполеонъ имѣлъ бы семь, или восемь, маршей предъ нами, и наша пѣхота, находившаяся тогда въ Тарутинѣ, никогда бы не могла настигнуть, да едва ли и наша регулярная конница, безъ совершеннаго изнуренія, не нашлась бы въ томъ же положеніи. [20] Можетъ быть, пострадалъ бы одинъ только Мюратъ съ слабымъ своимъ арріергардомъ.

Движеніемъ же своимъ на Малоярославецъ Наполеонъ притягивалъ къ себѣ Русскую армію, какъ это и случилось, и отступленіе его становилось болѣе затруднительнымъ. Тогда какъ выступивъ изъ Москвы тѣми же тремя направленіями до Бородина, какъ онъ это сдѣлалъ при передовомъ своемъ движеніи, и, снабженный продовольствіемъ на пятьнадцать, а по нѣкоторымъ на двадцать, дней, онъ, по крайней мѣрѣ, до Бородина, не будучи обремененъ на одномъ пути огромнымъ обозомъ, могъ бы ити быстрѣе. Сверхъ того, независимо отъ нѣкоторыхъ припасовъ на каждомъ этапѣ, онъ имѣлъ на этомъ пути второстепенные магазины: въ Можайскѣ и Колоцкомъ монастырѣ, въ Гжатскѣ, въ Вязьмѣ и въ Дорогобужѣ, и встрѣтилъ бы транспорты, высы-

---

нято за mouvement rétrograde? Но вѣдь онъ все же вышелъ бы въ Смоленскъ. Канфигъ (t. IX, p. 359) думаетъ, что Наполеонъ опасался, что это движеніе сдѣлаетъ неблагопріятное для него впечатлѣніе въ Европѣ.

[20] Наполеонъ, начавъ свое движеніе изъ Москвы $^{3}/_{15}$ Октября, самъ, съ старой гвардіей, выступилъ $^{7}/_{19}$ Октября, по тому же направленію на Калугу (но такъ что изъ Боровска и Верей онъ могъ обратиться и на Можайскъ, только послѣ Тарутинскаго, или Чернишны, онъ рѣшительно двинулъ уже войска на Малоярославецъ), а мы узнали о семъ въ Тарутинѣ только $^{11}/_{23}$ Октября, рано утромъ, т. е., чрезъ восемь дней послѣ начала движенія, и чрезъ четыре дня по выѣздѣ самаго Наполеона, когда онъ былъ уже въ Боровскѣ, и узнали это совершенно случайно. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы ити на Боровскъ и Малоярославецъ, Наполеонъ направился бы изъ Москвы прямо на Можайскъ, Вязьму и т. д., и мы могли бы узнать о семъ еще гораздо позже, а по тому и были бы отъ него далеко отставшими.

лавшіеся къ арміи изъ Смоленска. Французская армія достигла бы послѣдняго города, по крайней мѣрѣ, восемью днями прежде, чѣмъ это совершилось въ послѣдствіи; слѣдовательно, армія была бы уже въ Смоленскѣ за четыре дня до наступленія временной стужи, которая захватила ее въ Дорогобужѣ. Вице-Король равномѣрно прибылъ бы въ Витебскъ до этой стужи, и тамъ, какъ и армія въ Смоленскѣ, нашелъ бы все необходимое къ поддержанію матеріяльныхъ и физическихъ силъ войскъ своихъ. Не будучи же преслѣдованы ни пѣхотой, ни регулярной конницей, а только частью Казаковъ и, можетъ быть, слабымъ отрядомъ Винцингероде, Французская армія не пришла бы въ тотъ безпорядокъ, до котораго она была доведена, предпринявъ движеніе не прямо изъ Москвы, а отъ Малоярославца. Не стужа и не голодъ, котораго, при соблюденіи порядка, быть не могло, разстроили армію, а напески нашихъ войскъ всѣхъ родовъ и извѣстность близкаго присутствія главныхъ Русскихъ силъ, вотъ что было первой причиной разстройства арміи Наполеона.

Въ Смоленскѣ, освѣживъ армію, Наполеонъ могъ оставить этотъ городъ за три, или за четыре, дня до наступленія временной стужи, которая застала бы его тогда, когда онъ находился бы уже въ Бѣлоруссіи, гдѣ армія нашла бы себѣ пріюты въ неразоренныхъ селеніяхъ, невраждебный пріемъ жителей и магазины, начиная отъ Орши и т. д. Во всякомъ случаѣ, армія не понесла бы тѣхъ огромныхъ потерь, или правильнѣй, совершеннаго своего разрушенія, чему она подверглась, потерявъ восемь дней и притянувъ на себя всю Русскую армію, въ глазахъ которой начала свое отступленіе.

Относительно же надеждъ Наполеона, что на предполагавшемся имъ пути, по направленію на Калугу, или Медынь, и оттуда на Ельню въ Смоленскъ, по мѣстамъ, еще не пострадавшимъ, онъ найдетъ продовольствіе, это не имѣетъ ни какого основанія и изумляетъ, какимъ образомъ такая мысль могла зародиться въ головѣ столь геніяльной и послѣ опытовъ, пріобрѣтенныхъ въ эту кампанію.

Во первыхъ: хотя путь, по которому Наполеонъ предполагалъ достигнуть Смоленска, и не былъ разоренъ войной, но по

заселенію своему онъ ни какъ не могъ доставить существованіе стотысячной арміи, влекущей за собой около шести сотъ пушекъ, съ огромными парками, военными обозами, добычей, удовлетворявшей кичливости Наполеона, и нѣсколькими десятками тысячъ разнаго рода повозокъ, въ особенности тогда, когда арміи должно было отступать быстро, преслѣдуемой по пятамъ и обезпокоиваемой съ фланговъ, и даже предшествуемой нашими легкими войсками, какъ это было въ послѣдствіи, въ этомъ же 1812 году, и послѣ Лейпцигскаго сраженія, въ 1813. Въ такомъ положеніи отступающая армія, лишенная при томъ достаточнаго числа даже и изнуренной конницы, каковою въ то время были остатки Французской, не могла занимать по сторонамъ дороги того пространства, которое способами своими могло бы облегчать ее относительно продовольствія, что, впрочемъ, было бы неисполнимо и въ самыхъ заселенныхъ странахъ Германіи, гдѣ поселяне гораздо богаче своими запасами.[21] Останавливаться на дневки, въ намѣреніи обезпечивать себя фуражировкой, независимо отъ того, какъ уже замѣчено выше, наши легкія войска крайне затруднили бы подобныя отклоненія отъ большой дороги, но и не достигалась главная цѣль отступленія — быстрота. Къ тому должно еще присоединить, что дорога, по которой двигалась бы армія, какъ проселочная, далеко не представляла бы даже и тѣхъ удобствъ относительно ширины, гатей, мостовъ и т. п., которыя представляла большая дорога изъ Москвы, чрезъ Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму, Дорогобужъ, въ Смоленскъ, на каковомъ протяженіи находились уже этапы, состоящіе каждый изъ ста человѣкъ, укрѣпившихся въ зданіяхъ, окруженныхъ палисадами, и въ Вязьмѣ (какъ Французы называютъ Голицыно), Можайскѣ, Колоцкомъ монастырѣ, Гжатскѣ, Вязьмѣ и Дорогобужѣ, были болѣе или менѣе числительные гарнизоны. Словомъ, путь этотъ былъ проложенъ и извѣстенъ всей арміи, тогда какъ путь на Калугу, или на Медынь, чрезъ Ельню, былъ вовсе незнакомъ Французской арміи, и движеніе ея массъ, отягощенныхъ столь-

---

[21] Необходимо принять въ соображеніе и то, что безпорядокъ въ распоряженіи продовольствіемъ въ Москвѣ, происшедшій отъ всеобщаго безпорядка администраціи, она едва ли бы могла распорядиться въ этомъ быстромъ отступленіи, лучше чѣмъ это было дѣлаемо въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе.

кими тяжестями, даже и не въ военное время, при предстоящихъ условіяхъ, должно было итти чрезвычайно медленно, а это дало бы возможность нашей арміи, если бы она находилась даже еще и въ Тарутинѣ, на этомъ ближайшемъ отъ нея пути скоро настигнуть Французскую армію, тогда какъ прежній путь, т. е., на Вязьму, былъ отъ нея дальше. Наполеонъ имѣлъ еще достаточно времени обратиться на этотъ путь даже и изъ Боровска, когда получилъ извѣстіе, что наша пѣхота (Дохтуровъ) стала уже на перерѣзъ Вице-Королю въ Малоярославцѣ, и это отступленіе, препринятое тремя, или четырьмя, днями прежде, не было бы для него столь гибельнымъ, какъ оно сдѣлалось послѣ Малоярославца, куда успѣла стянуться вся наша армія.

Во вторыхъ: могъ ли Наполеонъ думать послѣ всего того, что совершилось и что онъ такъ горько испыталъ, чтобы населенія на пути, который онъ было предпринялъ, не послѣдовали общему настроенію тогда умовъ народа? Не было ни какого сомнѣнія, и безразсудно было бы отвергать, чтобы передовыя войска Наполеона не находили одинъ пепелъ, вмѣсто бывшихъ селеній, и не встрѣчали бы жителей, ожесточенныхъ противъ нашествія, что, какъ извѣстно, народъ и проявилъ при первомъ его шагѣ въ Смоленскую Губернію, предавая селенія пламени и сожигая даже хлѣба на корнѣ. И такъ, не подлежало ни какому сомнѣнію, что народъ и на этомъ пространствѣ послѣдовалъ бы общему движенію, усиливавшемуся еще болѣе тѣмъ, что въ это время всѣ были пока убѣждены, что Москва предана огню врагомъ, что онъ разграбилъ и осквернилъ храмы, разбросалъ мощи Святыхъ Угодниковъ, и что послѣ всѣхъ этѣхъ святотатствъ, съ награбленной добычей, съ крестомъ Ивана Великаго и другими предметами народной чтимости, бѣжитъ изъ Россіи. Независимо отъ всѣхъ этѣхъ двигателей, къ нимъ, естественно, присоединилось бы столь же сильное желаніе наживы. На этомъ пространствѣ, конечно, нашлась бы не одна Старостиха Василиса, не одинъ Священникъ, отставныя, военныя и гражданскія, лица всѣхъ чиновъ, Старосты, Управляющіе и другіе поселяне, которые образовали бы изъ крестьянъ партіи, подобно тому, какъ это было въ мѣстахъ, по которымъ уже Французы прошли. [22] Наши партизаны и мелкіе Казачьи от-

[22] Въ книгѣ: «Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ» и пр. Москва, 1814 г.,

ряды не замедлили бы очутиться среди нашихъ поселянъ и также, какъ и въ послѣдствіи, руководить ими. Здѣсь народъ былъ свѣжѣе, мѣстность удобнѣе и гидра народной войны разыгралась бы еще неистовѣе. Такія отступленія, и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, на малыхъ пространствахъ и въ меньшей числительности, влекутъ за собой несчастія; на пространствѣ же около четырехъ сотъ верстъ съ безчисленнымъ множествомъ, не считая артиллеріи и парковъ, повозокъ, на совершенно изнуренныхъ лошадяхъ, при потерѣ дисциплины, такія отступленія гибельны. Все это не могло, кажется, ускользнуть отъ проницательнаго ума Наполеона, который, съ самаго вступленія своего въ Смоленскую Губернію, былъ предувѣдомленъ событіями, ожидавшими его въ этомъ отношеніи. Надежда увидѣть Москву невредимой заставляла его думать, что въ ней онъ найдетъ предѣлъ тѣмъ страданіямъ, которымъ армія его подвергалась, и найдетъ собственно для себя успокоеніе. Онъ жестоко обманулся, какъ и всѣ, окружавшіе его: событія должны были ему открыть то положеніе, въ которомъ онъ находился. При такомъ состояніи дѣлъ невольно должно изумляться, что разъ рѣшившись отступить, онъ избралъ для сего тотъ путь, который долженъ былъ еще увеличить его бѣдствія, проникая въ страну, болѣе изрѣзанную и лѣсистую, гдѣ народъ еще не изуренъ, свѣжъ, распаленъ мщеніемъ и другими страстями, и встрѣтилъ бы съ силой и самоотверженіемъ войска его, съ крѣпко потрясенной уже дисциплиной. Между тѣмъ какъ путь, приведшій его въ Москву, былъ кратчайшимъ, пролегалъ по мѣстамъ болѣе открытымъ, дороги въ исправности и уже знакомы арміи, на которомъ болѣе или менѣе армія находила бы и заготовленія, и укрѣпленные этапы, и гарнизоны, и встрѣчала бы подвозы, и когда имѣли нѣсколько маршей впереди, дисциплина могла бы сохраниться, или, по крайней мѣрѣ, не пасть до степени деморализаціи. Жители на этомъ пространствѣ, разоренные и скитавшіеся около двухъ мѣсяцевъ по лѣсамъ и окрестнымъ селамъ, не могли сохранить той силы, которая необходима для

заслуживающей вниманіе однимъ только тѣмъ, что въ нее внесены, съ показаніемъ Уѣзда и волостей, въ которыхъ разнаго званія лица, поименно, подвизались для защиты Отечества, въ народной войнѣ, съ прописаніемъ подвиговъ, ими совершенныхъ.

борьбы и т. д. Словомъ, повторяю, по крайней мѣрѣ, для меня, необъяснимо избраніе пути по направленію чрезъ Малоярославецъ. Это можно отнести развѣ только къ тому душевному состоянію Наполеона въ Москвѣ, которое такъ ярко описывается свѣдѣтелями, изображающими тогдашнее его волненіе, и какъ онъ переходилъ отъ однихъ предположеній къ другимъ, и обратно: расчитываетъ на неотмѣнное заключеніе мира, который поспѣшитъ предложить ему Императоръ Александръ I-й, но, послѣ тщетныхъ ожиданій, самъ дѣлаетъ первый шагъ, говоритъ о семъ Тутолмину, потомъ пишетъ Государю и отправляетъ письмо съ Яковлевымъ. Глубокое молчаніе поражаетъ Наполеона, онъ отправляетъ Лористона къ Кутузову въ Тарутино, даетъ вторичное письмо и, въ ожиданіи отвѣта, сидитъ въ этомъ самообольщеніи тридцать пять дней въ Москвѣ: то думаетъ ити прямо въ Петербургъ искать этого мира, то направиться въ Великія Луки, куда хочетъ призвать корпуса, дѣйствующіе на Двинѣ и такъ продолжать движеніе, то сбирается разбить Кутузова въ Тарутинѣ, то хочетъ направиться въ Тулу, оттуда на зимнія квартиры, то въ Галицію, то въ Польшу, то въ Вильну, или расположиться между Днѣпромъ и Двиной. Думаетъ укрѣпить Кремль и зимовать въ Москвѣ, приказываетъ устроить театръ, притягиваетъ къ Смоленску одинъ изъ корпусовъ, дѣйствующихъ противъ Виттенштейна, и опять возвращаетъ. Снова задумываетъ ити на Калугу, а оттуда по мѣстамъ, еще не пострадавшимъ отъ войны, чрезъ Ельню въ Смоленскъ. Не останавливается ни на одномъ соображеніи, не рѣшается положительно ни на какую мѣру. Предъ вступленіемъ въ Москву называетъ Карла XII глупцомъ, а въ Москвѣ — Исторія Короля постоянно лежитъ у него на почномъ столикѣ. Душевное волненіе Наполеона проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ, какъ это будетъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ. [23]

Можетъ быть, что среди этого колебанія, внезапная вѣсть о разбитіи Мюрата на Чернишнѣ, $^{6}/_{18}$ Октября, заставила Наполеона окончательно рѣшиться взять путь на Калугу, предполагая, что Кутузовъ, заявившій себя помянутымъ дѣломъ, въ полномъ

---

[23] Администраторы его совершенно теряютъ голову. Распоряженія ихъ къ сохраненію арміи изумительны по всѣмъ отраслямъ управленія.

своемъ составѣ въ Тарутинѣ, откроетъ наступательное дѣйствіе на Москву, и что Французская армія въ это время проскользнетъ чрезъ Малоярославецъ на Калугу, или на Медынь, а оттуда на Ельню въ Смоленскъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы уже дѣйствовать быстрѣе, а не тащиться такъ, какъ дѣлалъ это Наполеонъ. [24] Во всякомъ случаѣ весь этотъ эпизодъ чрезвычайно загадоченъ и заслуживалъ бы, повторяю, опытнаго пера. Обращаюсь къ предмету. Вотъ что говорятъ сами Французы объ отступленіи отъ Малоярославца.

Полковникъ Комбъ, издавшій свои Записки только въ 1853 году, подтверждая все, что было писано его предшественниками, также участвовавшими въ этой войнѣ, относительно состоянія арміи, между прочимъ (p. 141), говоритъ: «Атака на Малоярославецъ не удалась, и мы принуждены были возвращаться по «прежнему пути,» и присовокупляетъ, что тотчасъ послѣ этого сраженія «эгоизмъ началъ одолѣвать всѣми: каждый тщательно «берегъ то, что доставалъ. Не было уже болѣе товарищества, не «было довѣрія. Упадокъ духа изображался на всѣхъ лицахъ.» На

---

[24] Замѣчательно, что Наполеонъ, по полученіи извѣстія о разбитіи Мюрата на Черишнѣ, $^{5}/_{18}$ Октября, тотчасъ рѣшается оставить Москву, и того же числа посылаетъ къ Бертье свои распоряженія, между коими сказано: «Напишите Мортье, что я выступаю завтра преслѣдовать Русскихъ (!).» Капфигъ же (t. IX, 362) говоритъ: «Наполеонъ рѣшился преслѣдовать Кутузова, до край«ности, по дорогѣ въ Калугу.» Но Наполеонъ не йдетъ на Кутузова, находившагося въ Тарутинѣ, а беретъ совсѣмъ другое направленіе, на Боровскъ и на Малоярославецъ, съ цѣлію миновать Кутузова, а не разбить его; а какъ неожиданное появленіе Русскаго Корпуса въ Малоярославцѣ было для него событіемъ очень непріятнымъ, въ особенности же, когда къ вечеру Кутузовъ пришелъ со всею арміей, то Наполеонъ заблагоразсудилъ отказаться отъ разгромленія Русской арміи.» Страшное дѣло!.. Капфигъ (p. 408) пишетъ, что «Наполеонъ уже, по дорогѣ къ Малоярославцу, серіозно говорилъ, что онъ уничтожитъ Кутузова (а самъ ищетъ миновать его) и пойдетъ чрезъ Тулу въ Галицію!» Генералъ Сарразенъ, разбирая 23-й бюллетень, извѣщавшій объ оставленіи Москвы, между прочимъ (p. 182) говоритъ: «Географическія разъясненія, которыя Напо«леонъ дѣлаетъ, подъ предлогомъ, что положеніе Москвы не составляетъ воен«наго пункта, существовали прежде, нежели онъ занялъ ее. Этѣмъ онъ осуж«даетъ себя, желая оправдаться, и произноситъ похвалу Русскимъ завѣреніемъ «своимъ, что они сознали политическое значеніе Москвы, превративъ ее въ гру«ду развалинъ.»

пространствѣ отъ Малоярославца еще только до Можайска, вотъ что онъ (р. 142) говоритъ: «Кавалеристы всякаго рода оружія, «безъ лошадей, соединялись съ пѣхотинцами всѣхъ полковъ. Вся«кая подчиненность, всякая дисциплина, становилась невозможной. «Одинъ арріергардъ стоялъ твердо и противился непріятелю.»

Тьеръ (р. 490) говоритъ, что съ перваго дня отступленія послышались взрывы; начали покидать повозки, сбрасывать съ нихъ раненыхъ, замѣчая (р 484): «когда смущеніе одолѣваетъ «умами, даже самыми отважными, то никогда не бываетъ въ по«ловину.» Этотъ безпорядокъ, по мѣрѣ движенія, усиливался: око«ло Гжатска (р. 499) безпрерывные взрывы слышались повсюду: «по мѣрѣ того, какъ увеличивалось безпокойство, усиливался эго«измъ и съ повозокъ сбрасывали раненыхъ въ поле.» Наполеонъ (р. 500), въ Малоярославцѣ приказалъ «перенумеровать повозки, «на которыхъ были распредѣлены раненые, но чрезъ два марша, «мѣра эта оказалась недѣйствительной: раненыхъ сбрасывали на «каждомъ шагу.»

Графъ Сегюръ (t. II, p. 106), сказавъ, что Наполеонъ, столкнувшись съ Кутузовымъ, приказываетъ отступать и на маршѣ своемъ къ Можайску все предавать огню (р. 111), присовокупляетъ: «все измѣнилось: дороги, лица, мужество. Армія содѣла«лась угрюмой, движеніе затруднительнымъ. Оцѣпеніе началось.» При переправѣ черезъ Колочу безпорядокъ былъ такъ великъ, что, «казалось, каждый корпусъ шелъ самъ по себѣ, ничто ихъ «не связывало.»

Два очевидца (р. 193) говорятъ: «Особенно замѣчательно въ «этомъ отступленіи было то, что кавалеристы шли пѣшкомъ, а «между тѣмъ множество пѣхотинцевъ ѣхали верхомъ.»[25]

Они же (р. 179) говорятъ: «Когда 14/26 Октября главная «квартира вышла изъ Боровска и направилась на Можайскъ, оцѣ«пенѣнье объяло армію при вѣсти, что она должна отступать по

---

[25] То было чистое подражаніе Янычарамъ, тогда еще существовавшимъ, которые, будучи обращены въ бѣгство, бросались на Спаговъ, отнимали у нихъ лошадей, чтобы укрыться отъ опасности.

«разоренной дорогѣ на Смоленскъ. При одной этой мысли ужасъ «поразилъ всѣхъ.» При такихъ условіяхъ неповиновеніе породило еще болѣе бродягъ. Явились разноцвѣтныя толпы грабителей, и великая армія распалась еще до морозовъ. Шестнадцатилѣтній навыкъ предводителей начальствовать надъ этѣми войсками здѣсь не могъ уже совладать съ ними.

То же замѣчаетъ и одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ: [26] «Отъ Малоярославца началось своеволіе, отлучки и нравственная «болѣзнь, грусть и уныніе.»

«Съ перваго перехода отъ Малоярославца (говоритъ Канфигъ, «t. XVIII, p. 2) строгая дисциплина не была уже соблюдаема.»

Баронъ Денье (p. 114) пишетъ: «Отступленіе отъ Малояро- «славца усилило разстройство нравственныхъ силъ солдата, уны- «ніе быстро стало развиваться.» А Генералъ Рапгъ говоритъ: «Еще въ Можайскѣ пробилъ часъ бѣдствій.»

Генералъ Фезензакъ (p. 76) свѣдѣтельствуетъ: «Съ пер- «выхъ дней (отъ Малоярославца) это отступленіе походило на бѣг- «ство. Императоръ продолжалъ свое мщеніе на домахъ: все «жгли» и пр. Но вскорѣ мщеніе его достигло высшихъ размѣровъ.

Констанъ (t. V, p. 109) говоритъ, что во время этого от- ступленія къ Бородину: «отъ времени до времени ужасные взрывы «заставляли насъ ворочаться, чтобы видѣть, что дѣлается сзади: «это были ящики, которые взрывали, чтобы облегчить наше «движеніе.»

Между тѣмъ многіе положительно утверждаютъ, конечно, только фразами, что Французы одержали въ Малоярославцѣ слав- ную побѣду. [27]

Мишо (p. 173) свѣдѣтельствуетъ, что Бородинское поле, по которому Французы должны были проходить, и зрѣлище непре-

---

[26] В. Глинка, въ книжкѣ: «Малоярославецъ въ 1812 году.» Спб. 1842.

[27] Сентъ-Илеръ (t. II, p. 234) говоритъ: «На битву эту должно смотрѣть, какъ «на одинъ изъ самыхъ блистательныхъ подвиговъ, совершившихся въ 1812 году, «относительно неравенства силъ разбитой арміи и арміи, ее побѣдившей;» (p.

данныхъ землѣ труповъ, а можетъ быть и грустное воспоминаніе, имѣли сильное вліяніе на солдатъ; потомъ ужасное зрѣлище въ Колоцкомъ монастырѣ, и наконецъ раненые, выброшенные изъ маркитантскихъ повозокъ въ поле, довершили упыніе. [28]

Тьеръ (t. XIV, p. 513), сказавъ, что всѣ раненые были оставлены безъ вниманія, присовокупляетъ: «союзные солдаты, «которыхъ національности мы не назовемъ и которымъ по«ручены были плѣнные, чтобы избавиться хлопотъ, перестрѣля«ли ихъ въ голову.»

Что Французскихъ раненыхъ сбрасывали съ повозокъ, это единогласно свѣдѣтельствуется всѣми историками-очевидцами. Касательно же перебитія нашихъ плѣнныхъ хотя столь же единогласно говорится, но тутъ, однако же, встрѣчаются нѣкоторыя несогласія въ частностяхъ. Безчеловѣчный поступокъ съ своими ранеными исключительно принадлежитъ народному свойству Французовъ, обнаруживающемуся въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ они тогда находились, какъ это свѣдѣтельствуется ихъ же писателями. Сбрасываніе съ повозокъ своихъ раненыхъ и больныхъ совершалось вопреки распоряженіямъ главнаго тогда ихъ полководца; относительно же избіенія Русскихъ — совсѣмъ другое дѣло.

До сихъ поръ печальное событіе это не разсмотрѣно критически, и всѣ повѣствованія объ ономъ не сведены для взаимнаго согласованія; ибо хотя историки-участники въ этой войнѣ согласны между собою въ томъ, что Русскіе плѣнные были перестрѣляны, но исполнителей-варваровъ называютъ различно: одни

---

254):... «Такимъ образомъ Французская армія, хотя и побѣдительница, пред«приняла отступленіе;» (присовокупляетъ): «До тѣхъ поръ, пока шли на непрія«теля, солдаты сохраняли воинственный видъ.» (И вдругъ, съ перваго перехода, теряютъ духъ!): «На пути Французы увидѣли, въ чемъ заключалась печальная «достопамятная Малоярославецкая побѣда.» Въ слѣдъ за этой блистательной побѣдой (описываетъ, какъ и всѣ другіе) ужасы этого бѣгства. Не привожу еще многихъ, подобныхъ уже до безстыдства, фразъ.

[28] Такимъ образомъ Французы сохраняли своихъ раненыхъ, о чемъ, какъ видѣли выше, въ главѣ: «Отступленіе,» Генералъ Пеле такъ ораторствуетъ.

обозначаютъ ихъ общимъ именемъ «солдатъ Рейнскаго Союза,» иные называютъ «Баденцевъ, Гессенцевъ, Дармштадтцевъ, Вестфальцевъ,» другіе приписываютъ это «Испанцамъ, Португальцамъ и Полякамъ,» или взваливаютъ все на однихъ «Испанцевъ;» есть и такіе, которые приписываютъ оное «молодой гвардіи,» т. е., самимъ Французамъ и т. д. Тьеръ просто «Союзнымъ войскамъ!» Нѣкоторые изъ историковъ-свѣдѣтелей относятъ эти убійства къ «самопроизволу конвойныхъ,» другіе говорятъ, что все это производилось по приказанію «самаго Наполеона,» котораго, въ свою очередь, защищаютъ его сторонники.

Г. Тьеръ, по всему вѣроятію, имѣвшій возможность пояснить этотъ варварскій поступокъ, отказывается отъ сего, можетъ быть, по причинамъ, что ближайшее разсмотрѣніе этого эпизода обнаружило бы главнымъ виновникомъ тому тогдашняго Повелителя какъ солдатъ Французскихъ, такъ и Союзныхъ имъ. Молчаніемъ своимъ Г. Тьеръ ставитъ своихъ читателей еще въ большее неудомѣніе. Если тогдашній Повелитель Франціи дѣйствительно не былъ главнымъ виновникомъ этой ужасной мѣры, то слѣдовало бы разъяснить неосновательность повѣствованія нѣкоторыхъ и уничтожить и самую тѣнь подозрѣнія, которое исторіографъ своею сдержанностью еще болѣе усиливаетъ. Не уже ли у историка той знаменитости, на которую Г. Тьеръ вдвинутъ, можетъ быть лицепріязнь къ тѣмъ, или другимъ, національностямъ, къ тѣмъ, или другимъ, личностямъ, которая могла бы заставить его измѣнить истинѣ? Событія 1812 года вошли уже въ колесо исторіи. Многотомный же трудъ Г. Тьера включаетъ въ себѣ большее число самыхъ ужасныхъ эпизодовъ, и онъ, однако же, не затрудняется называть, съ приложеніемъ еще эпитетовъ и собственнаго своего издѣлія, и національность, и имена главныхъ дѣятелей, а здѣсь уклоняется не только опровергнуть тѣхъ, которые писали объ этомъ, отягощая обвиненіемъ самого Наполеона, но даже не хочетъ и высказать своего мнѣнія. Знаменательно!

Приведу все, что повѣствователи говорятъ объ этомъ избіеніи.

Генералъ Фезензакъ, описывая отступленіе отъ Малоярославца (р. 77), присовокупляетъ, что въ окрестностяхъ еще

Можайска: «колонна Русскихъ плѣнныхъ, конвоируемая войсками «Рейнскаго Союза, шла впереди насъ. Конвойные солдаты уби- «вали отставшихъ. Мы находили на дорогѣ ихъ трупы: у всѣхъ «ихъ были размозжены головы. [30]

Роосъ, описывая отступленіе къ Гжатску, между прочимъ (р. 186, 187, 188) говоритъ: «Слѣдуя съ товарищами за Напо- «леономъ, шедшимъ къ Гжатску съ своею гвардіей, мы находили «посреди дороги лежащихъ по одиночкѣ, на нѣкоторое разстоя- «ніе одинъ отъ другого, трупы Русскихъ солдатъ, и ясно видѣли, «что они, не задолго предъ тѣмъ, были убиты выстрѣломъ въ «голову. Одинъ изъ этѣхъ труповъ былъ найденъ нами даже «еще теплымъ. Мы не могли объяснить себѣ этого страннаго «явленія, но въ Гжатскѣ узнали, что при обозѣ Императора на- «ходилась часть плѣнныхъ; [31] какъ этѣхъ, такъ и обозъ конвои- «вали Баденскіе гренадеры, коимъ отдано было строжайшее варвар- «ское приказаніе: если кто изъ плѣнныхъ утомится и не будетъ «въ силахъ итти далѣе, такого тотчасъ пристрѣливать... На томъ «разстояніи, которое мы прошли до вечера, нашли около осьми «такихъ труповъ... Баденскіе гренадеры дѣйствительно сопровожда- «ли обозъ, кассу и кухню Наполеона до самой Березины. Но «вотъ еще ближайшее свѣдѣніе, которое я получилъ въ Борисовѣ «на Березинѣ отъ двухъ Унтеръ-Офицеровъ этѣхъ самыхъ Ба- «денскихъ гренадеръ, которые, будучи, какъ и я, плѣнными, мнѣ «прислуживали. Они часто разсказывали мнѣ объ этомъ обстоя- «тельствѣ. Наполеонъ самъ, говорили они, отдалъ это прика- «заніе. Офицеры его Штаба были частью за, частью противъ

---

[30] Авторъ «Исторіи войны 1812 г.» (т. III, стр. 59) говоритъ: «Когда плѣнные на- «дали отъ усталости, непріятели добивали ихъ прикладами.» Здѣсь ссылка (№ 60), въ которой упоминаетъ вскользь Сегюра, Гурго и Фезензака, переводя то, что выше, и слово fracassé переводитъ проломленными головами, и уже отъ себя прибавляетъ — прикладами, тогда какъ изъ всѣхъ безъ изъятія показаній видно, что ихъ пристрѣливали въ голову. Исторіографъ, по видимому, боль- шой сторонникъ прикладывать выраженіе — приклады: такъ онъ заставляетъ Французовъ подъ Бородинымъ бить прикладами Генерала Лихачева, и также сдѣ- лалъ объ этомъ цитату, въ которой нѣтъ и помину, какъ у Фезензака, о при- кладахъ.

[31] Изъ сего ясно видно, что плѣнные слѣдовали не всѣ вмѣстѣ.

«этой мѣры; между послѣдними они называли Бертье и еще дру-«гаго, которые даже шепнули гренадерамъ доставлять возмож-«ность этѣмъ плѣнным ускользать мало по малу въ ночное вре-«ля. Оба Унтеръ-Офицера давали плѣнным знаки и намеки, въ «особенности при огнѣ, ночью, и для того посылали ихъ съ по-«судой за водой въ лѣсъ, но они всегда возвращались и были «слишкомъ робки и нерѣшительны на побѣгъ. Умерщвленіе это «прекратилось, однако же, на другой день.» [32]

Графъ Сегюръ (t. II, p. 115, 116), описавъ ужасы, встрѣ-ченные въ Колоцкомъ монастырѣ, при которомъ Наполеонъ о-станавливался на нѣкоторое время, присовокупляетъ: «Вечеромъ, въ «этотъ переходъ Императорская колонна подходила къ Гжатску; «она была удивлена тѣмъ, что находила на дорогѣ Русскихъ, не-«давно убитыхъ, и замѣтила, что у всѣхъ ихъ головы были «разбиты одинаковымъ образомъ и окровавленные мозги «были разбросаны около ихъ. Знали, что двѣ тысячи Русскихъ «плѣнныхъ, конвоируемые Испанцами, Португальцами и По-«ляками, шли впереди. Каждый изъ насъ, сообразно своему ха-«рактеру, находилъ это или правильнымъ, или неправильнымъ, или «же, наконецъ, былъ равнодушнымъ. Всѣ этѣ различныя впеча-«тлѣнія оставались около Императора безмолвными. Разразился «Коленкуръ. Онъ вскричалъ, что это ужасное безчеловѣчье! Та-«кое-то смягченіе нравовъ вносили мы въ Россію! [33] Какое впе-«чатлѣніе такое варварство сдѣлаетъ на непріятеля? Не оста-

---

[32] «Повѣствованіе Графа Сегюра (присовокупляетъ Роосъ) объ этомъ обстоятель-«ствѣ очень уклоняется отъ истины: «Убійство произошло по приказанію» и т. д. Но Гурго, въ возраженіяхъ Сегюру, приписываетъ ему тоже мнѣніе, что убійства происходили по повелѣнію Наполеона.

[33] Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, seconde part., p. 24), говоря о помянутомъ при-стрѣливаніи плѣнныхъ, присовокупляетъ: «Такимъ образомъ продолжительная «послѣдовательность бѣдствій содѣлываетъ людей эгоистами, варварами и равно-«душными къ бѣдствіямъ, которыя они производятъ, по тому что этѣ бѣдствія «едва могутъ равняться съ тѣми, которыя они и сами претерпѣваютъ, какъ бо-«гословы говорятъ о злыхъ духахъ, что они подвигаемы бываютъ на свои зло-«желательныя дѣйствія противъ человѣка по чувству тайнаго сознанія собствен-«наго своего отверженія.»

«вляемъ ли мы ему нашихъ раненыхъ и огромнаго числа плѣн-«ныхъ? Будетъ ли у него недостатокъ для произведенія ужасѣйш-аго возмездія?

«Наполеонъ сохранялъ мрачное молчаніе, но на другой день «эти убійства прекратились. Довольствовались только тѣмъ, «что оставляли этѣхъ несчастныхъ умирать съ голоду, загоняя «ихъ на ночь въ загороды, какъ это дѣлаютъ со скотомъ. Конечно, «и это было варварство; но что другое могли сдѣлать? Размѣнять «ихъ? Русскіе отказывались. Освободить? Они обнажили бы обще-«ніи лишенія и скоро, соединенію съ другими, возвратились «бы, чтобы съ остервенѣніемъ броситься на нашъ слѣдъ. Въ этой «войнѣ на смерть, дать имъ жизнь значило бы пожертвовать са-«ми собою: были жестоки по необходимости. Впрочемъ (прис-о-«вокупляетъ сочинитель), при отправленіи нашихъ плѣнныхъ внутрь «Россіи, съ Французскими солдатами обходились столь же безче-«ловѣчно, а тамъ, однако же, не было той повелѣвающей необхо-«димости, которая могла бы извинить это.»

Французъ не можетъ обойтись безъ фразъ. Если бы онъ сказалъ, что съ плѣнными, попадавшимися крестьянамъ, обходились не очень вѣжливо, то это еще бы ничего не значило; но находить извиненія своему варварству въ томъ, что и съ Французскими солдатами, отправленными въ средину Россіи, обходились безчеловѣчно, это въ высшей степени ложь, которой и опровергать не стоитъ.» [34]

Замѣчательная логика! Сочинитель говоритъ, что освобожденные могли огласить всѣ бѣдствія и лишенія, въ которыхъ находилась Французская армія. Наши плѣнные, по положенію своему, далеко

[34] Нѣкоторые изъ Французовъ, а также и Поляковъ, большею частію не бывшихъ въ плѣну, составляли какъ бы поэмы о пребываніи въ Россіи плѣнныхъ, создавая для сего въ воображеніи своемъ все, что недоброжелательство могло только имъ внушать, и, конечно, для этого они хотѣли своими страшными разсказами заинтересовать публику, враждебную нашему отечеству, и получить выгоды отъ изданій подобныхъ памфлетовъ. Но то, что пишутъ собственно плѣнные, находившіеся у насъ въ разныхъ Губерніяхъ, то, исключая нѣкоторыхъ неудобствъ на пути до ихъ назначенія, болѣе справедливо. Впрочемъ, сколько ихъ осталось у насъ добровольно? Сколько изъ нихъ разбогатѣло даже до высшихъ чиновъ и т. д.! Но не много изъ нашихъ осталось во Франціи.

не могли бы намъ сообщить того, что мы на каждомъ шагу видѣли и узнавали отъ ежедневно забираемыхъ Французовъ и ихъ союзниковъ, которые положительно разсказывали все то, чему подвергались отступающіе, или, правильнѣе сказать, бѣгущіе: состояніе Французской арміи не было для насъ тайной. Но если Графъ Сегюръ, Цельнеръ и нѣкоторые другіе такъ опасались освобожденія нашихъ плѣнныхъ, то, не все ли равно, если бы ихъ и размѣняли: развѣ тогда они бы иначе изобразили положеніе Французской арміи? Что за смыслъ!

Цельнеръ (S. 154, 155) говоритъ во всемъ одинаково съ Сегюромъ, и тоже называетъ Испанцевъ, Португальцевъ и Поляковъ.

Генералъ Гурго, находившійся въ это время также при Наполеонѣ, въ возраженіяхъ своихъ на сочиненіе Графа Сегюра, между прочимъ (p. 200) говоритъ: «Касательно труповъ Русскихъ «плѣнныхъ, найденныхъ лежавшими по дорогѣ, повѣствуемое Гра«фомъ Сегюромъ невѣрно; вотъ что происходило: Императоръ, «въ головѣ своего Штаба, ѣхалъ по правой сторонѣ Смоленской «дороги. Замѣтивъ трупы двухъ, или трехъ, солдатъ, лежащіе «въ недальнемъ разстояніи отъ этой дороги, подозвавъ ординарца «(это былъ авторъ, Гурго), ѣхавшаго передъ нимъ, приказалъ «ему посмотрѣть, что это такое? Ординарецъ возвратился и до«ложилъ ему, что это Русскіе. Императоръ казался очень удивлен«нымъ и сказалъ: «Какъ! Русскіе! Впереди насъ?!» Ординарецъ «отвѣчалъ: «Государь! Я узналъ, что Испанцы и Португаль«цы, на коихъ возложено конвоированье плѣнныхъ, перестрѣляли «многихъ, которые не хотѣли ити.» [35] Физіономія Императора «приняла видъ грозный: «Какъ!» сказалъ онъ съ живостью; «изби«ваютъ плѣнныхъ? Бертье, что это значитъ?» Бертье отвѣчалъ, что «онъ ничего не знаетъ и тотчасъ освѣдомится. Произведено было «слѣдствіе. Испанцы утверждали, что колонна Русскихъ плѣн«ныхъ, отыскавъ въ одномъ изъ брошенныхъ на дорогѣ фурго«новъ водку, напилась сверхъ мѣры, и что многіе, будучи пья«ными, хотѣли обезоружить конвойныхъ солдатъ, которые и стрѣ-

[35] Это была истина, сказанная на мѣстѣ, а далѣе — составленная басня, будто бы открытая слѣдствіемъ!

«ляли въ нихъ. Предписаны были мѣры для отклоненія на буду-«щее время подобныхъ безпорядковъ.» [36]

За симъ Гурго, возражая Сегюру противъ словъ: «Наполе-«онъ сохранилъ мрачное молчаніе, и на другой день убій-«ства прекратились,» говоритъ: «Изъ сихъ словъ можно поня-«мать только то, что Императоръ былъ самъ виновникомъ, или «участникомъ, этѣхъ убійствъ. Это незаслуженное оскорбленіе, «сдѣланное возвышенному характеру Наполеона, возбуждаетъ «только негодованіе. Даже политика Императора была заинтере-«сована не терпѣть такихъ жестокостей, ибо Русскіе находились «въ возможности прибѣгнуть къ возмездію, и въ несравненно боль-«шихъ размѣрахъ.»

Гурго продолжаетъ: «Графъ Сегюръ утверждаетъ, что до-«вольствовались только тѣмъ, что оставили этѣхъ несча-«стныхъ умирать съ голода,» присовокупляя далѣе: «но что «могли сдѣлать съ ними?»—«То, что сдѣлали,» возражаетъ на это «Гурго: Русскіе плѣнные солдаты существовали точно такъ, какъ «наши солдаты, большею частью, конною. Были въ необходи-«мости быть жестокими! Три, или четыре, тысячи безоружж-«ныхъ Русскихъ (продолжаетъ Гурго), на свободѣ, или плѣнными, «ничего бы не прибавили ни къ нашимъ страданіямъ, ни къ на-«шему благосостоянію. Этѣ плѣнные оставались непрерывно назади «и были подобраны своими соотечественниками.»

Первое справедливо, но послѣднее быть не могло.

Замѣчательно здѣсь, что Гурго, возражая Сегюру, одинаково говоритъ объ Испанцахъ и Португальцахъ, конвоировавшихъ плѣнныхъ, не упоминая о Полякахъ и не опровергая, однако же, въ этомъ Сегюра, чего не упустилъ бы сдѣлать, если

---

[36] Можно ли этому повѣрить? Оставленный фургонъ съ водкой, конечно, не могъ попасть въ руки плѣнныхъ прежде конвойныхъ и другихъ войскъ, тутъ слѣдовавшихъ. Взбунтовавшіеся же плѣнные, если бы и были перестрѣляны, то, конечно, не лежали бы по одиночкѣ на протяженіи дороги. Гурго плохой адвокатъ. Далѣе видно будетъ, какія мѣры принимались для ихъ конвоированія; это отымаетъ всякую мысль о возможности того, что пишетъ Гурго.

бы конвоировали другія войска. Далѣе, попытаю согласовать разногласія въ происхожденіи, даваемомъ конвойнымъ.

Графъ Солтыкъ, также находившійся при Наполеонѣ (p. 384) говоритъ: «Подаваясь съ товарищами впередъ, среди огро«маго сборища людей безъ начальства, которые толпились око«ло частей войскъ, сохранившихъ оружіе и шедшихъ еще въ до«вольно хорошемъ порядкѣ, мы услышали впереди насъ выстрѣ«лы, часто повторявшіеся, но съ большими промежутками. Въ «началѣ мы думали, что это схватка съ Казаками, насъ опередив«шими, но, по мѣрѣ того, какъ подавались впередъ, мы находили «на большой дорогѣ трупы Русскихъ солдатъ, и съ ужасомъ узна«ли, что этѣ выстрѣлы были дѣлаемы Испанцами, которые, «такимъ образомъ, убивали плѣнныхъ, ими конвоируемыхъ. Не«счастные плѣнные, выбившіеся изъ силъ отъ голода и устало«сти, не имѣя возможности итти, отставали; Испанскіе солда«ты тщетно подгоняли ихъ прикладами, но плѣнные оканчивали «тѣмъ, что падали отъ изнеможенія, и тогда, чтобы покончить «съ ними, этѣ варвары стрѣляли имъ въ ухо.» Сочинитель присовокупляетъ: «Наполеонъ, узнавъ объ этѣхъ экзекуціяхъ, изъявилъ «величайшее неудовольствіе и тотчасъ прекратилъ оныя.»

И это также неосновательно, какъ и то, что говорилъ Сегюръ; ни одинъ изъ плѣнныхъ не перешелъ за Дорогобужъ, а Наполеонъ шелъ тогда впереди, и по тому не могъ уже встрѣчать труповъ. Замѣчательно здѣсь, что Солтыкъ точно также, какъ Сегюръ и Гурго, находился при Наполеонѣ, и говоритъ одинаково объ Испанцахъ.

Но вотъ что пишетъ Маркизъ Шамбре (t. II, p. 385). Изображая бѣдствія арміи, приближающейся къ Дорогобужу, уже за Вязьмой, присовокупляетъ: «Изъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, взя«тыхъ въ битвахъ въ Малоярославцѣ и Вязьмѣ, пристрѣливали «тѣхъ, которые не могли итти.» [37]

Здѣсь очень ясно, во первыхъ, что плѣнные, о которыхъ говорятъ Роосъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ, пристрѣливаемые до

[37] О плѣнныхъ въ Вязьмѣ упоминается нѣкоторыми историками, какъ находившихся при войскахъ, тутъ сражавшихся.

Гжатска, или въ особой колоніѣ, и въ ней плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, быть не могло, ибо Вязьма находилась еще далеко впереди. Въ вторыхъ, что, по повѣствованію помянутыхъ четырехъ писателей-очевидцевъ, будто бы на другой день послѣ того, что Наполеонъ увидѣлъ, это пристрѣливанье прекратилось, неосновательно. Отъ Гжатска Наполеонъ поспѣшилъ впередъ, слѣдовательно, очень ясно, что, оставивъ плѣнныхъ назади, Сегюръ, Гурго, Солтыкъ и другіе, сопровождавшіе его, не могли уже находить на дорогѣ труповъ этѣхъ несчастныхъ. Шамбре же, оставшись съ арміей, продолжалъ находить пристрѣленныхъ до Дорогобужа. Фезензакъ также не говоритъ о прекращеніи этѣхъ убійствъ ни на другой день, ни въ послѣдствіи. Наконецъ, въ третьихъ, мѣра эта пристрѣливать тѣхъ, которые отъ изнеможенія не могли слѣдовать, была мѣрой общей, предписанной гораздо прежде даже помысла объ отступленіи, а именно: прежде половины Сентября, что видно будетъ въ слѣдъ за симъ.

Полковникъ 3-го Вестфальскаго полка, Лосбергъ, въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ, бросаетъ (S. 106, 112, 115 и 123) нѣкоторый свѣтъ на эту ужасную драму.

Изъ Можайска, отъ 3-го Октября, [38] онъ пишетъ:

«Въ теченіе пяти дней, проведенныхъ мною на дорогѣ отъ «Москвы сюда, я узналъ бѣдствіе людское въ отвратительнѣйшемъ «его видѣ, и благодарю Всевышняго, что этѣ пять дней уже «за мной.

«Около шести часовъ утра, изъ строенія, находящагося не «вдалекѣ отъ Можайской дороги, мнѣ передали тысячу пять-

---

[38] Обстоятельство, чрезвычайно важное для разъясненія этого предмета: 3-е Октября новаго счисленія соотвѣтствуетъ 21-му ч. Сентября стараго, слѣдовательно, если предположить даже, что Лосбергъ писалъ въ самый день прибытія въ Можайскъ, 21 Сентября, и какъ онъ употребилъ пять дней для перехода, то и выходитъ, что онъ вышелъ изъ Москвы 15-го, или 16-го, Сентября, т. е., около двухъ недѣль послѣ занятія Москвы. Но изъ всего должно заключить, что Лосбергъ вышелъ гораздо ранѣе, ибо далѣе, какъ увидимъ, онъ полагаетъ, что 2-й егерскій баталіонъ, выступившій изъ Москвы $^{15}/_{26}$ Сентября съ тысячью плѣнными, прибылъ въ Можайскъ благополучно.

«сотъ (а не двѣ тысячи, какъ на капунѣ меня увѣдомили) плѣн-«ныхъ, въ томъ числѣ сорокъ Офицеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что продовольствія для нихъ нѣтъ даже и на одинъ «день, [39] и что ихъ должно доставить въ Можайскъ до другой «смѣны конвоя, а если нужно, то и далѣе. При этомъ Полковникъ «Бернаръ, поручившій мнѣ плѣнныхъ, далъ мнѣ письменное пред-«писаніе: «пристрѣливать всѣхъ отсталыхъ.»

«Признаюсь, что отъ такого приказанія возмутились всѣ мои «чувства. Я также понималъ опасность провести по вооружив-«шейся странѣ тысячу пятьсотъ человѣкъ, доведенныхъ до отчая-«нія, подъ прикрытіемъ только осьмисотъ человѣкъ, состоявъ-«шихъ въ полку вмѣстѣ съ артиллеріей; но я не могъ ничего воз-«разить Французскому Полковнику, который говорилъ: «Такъ какъ «всѣ бѣдствія произошли отъ способа веденія Русскими войны, «то и плѣннымъ слѣдуетъ первымъ испытать оный.» [40]

«Счастіе для насъ, что въ числѣ окружавшихъ насъ Русскихъ «(говорили, присовокупляетъ сочинитель, что кромѣ Казаковъ, «они для партіи употребляли и регулярную конницу) не было «смѣлаго партизана. Ему бы, не смотря ни на какія предосто-«рожности и при упорнѣйшей съ нашей стороны оборонѣ, не «трудно было бы освободить плѣнныхъ и поставить полкъ (сколь-«ко бы осталось въ живыхъ) въ ихъ положеніе. Чтобы по воз-«можности обезпечить себя отъ всякаго несчастія, мы шли въ слѣ-«дующемъ порядкѣ: плѣнные въ двухъ отдѣленіяхъ. Я распредѣ-«лилъ конвой такимъ образомъ: изъ трехъ отрядовъ, каждый въ «сто двадцать человѣкъ, одинъ долженъ былъ ити въ головѣ, «другой въ срединѣ, а третій на хвостѣ колонны плѣнныхъ. «Остальное число дѣлалось свободнымъ для всякаго употребленія

---

[39] «Этѣ плѣнные давно не получали ни какой другой пищи, кромѣ павшихъ лоша-«дей, отъ чего изъ двухъ тысячъ, ихъ и оказалось только тысяча пятьсотъ. Слѣдовательно, въ нѣсколько дней пребыванія еще въ Москвѣ пятьсотъ по-гибли отъ голода. Гуманно! Въ особенности тогда, когда продовольствіе еще было.

[40] И послѣ этого Французы называютъ насъ варварами! Впрочемъ, не одинъ Пол-ковникъ Бернаръ былъ проникнутъ этѣмъ великодушіемъ. Мы увидимъ далѣе, что это восходило до крайней точки.

«и изъ котораго въ то же время, такая же часть, раздѣленная «на два отдѣленія, шла по сторонамъ на одной высотѣ, въ раз- «стояніи отъ десяти до двадцати шаговъ, такъ что между ними «не было плѣнныхъ; дорога отъ Москвы до Смоленска дозволяла «это. Плѣнные слѣдовали въ шесть рядовъ, возлѣ нихъ, на раз- «стояніи отъ шести до десяти шаговъ, шли отдѣльные солдаты, «въ пяти шагахъ одинъ за другимъ. Сверхъ того, были еще не- «большіе авангардъ и аррiергардъ, боковые отряды и патрули, «имѣвшіе приказаніе, при слѣдованіи лѣсомъ, растягиваться въ «стороны для того, чтобы намъ не попасть на непріятельскую «засаду, на открытой же мѣстности приближаться къ колоннѣ, «разъединяться и смотрѣть въ оба. Наконецъ, имъ было прика- «зано, если нѣтъ въ виду непріятеля, подкрѣплять тѣхъ, которые «конвоируютъ плѣнныхъ. Полковая артиллерія шла въ головѣ ко- «лонны для того, чтобы могла дѣйствовать противъ плѣнныхъ «безъ заѣзда. [41]

«Для внутренняго порядка между плѣнными, ихъ раздѣлили «на отдѣленія по сту и по двѣсти человѣкъ, подъ начальствомъ «изъ среды ихъ преимущественно знавшихъ Нѣмецкій языкъ. Этѣ «передали имъ приказаніе: коль скоро только раздадутся выстрѣ- «лы, то они немедленно должны ложиться и конвою сейчасъ же «стрѣлять по тѣмъ, которые сего не исполнятъ. Подъ опасеніемъ «тѣлеснаго наказанія, воспрещено было говорить громко; согласно «съ этѣмъ и конвой получилъ приказаніе о соблюденіи вышеска- «заннаго. Всѣмъ окружающимъ отрядамъ строго было воспреще- «но стрѣлять по отдѣльно приближающемуся непріятелю. Но имъ «было приказано, по приближеніи болѣе значительной партіи, «подавать сигналъ вниманія, посредствомъ находящихся при нихъ «горнистовъ и барабанщиковъ.

---

[41] Какъ этѣ предосторожности, такъ и послѣдующія, конечно, были общими, и я привелъ ихъ здѣсь съ тѣмъ, чтобы показать всю несбыточность повѣствованія Гурго, будто плѣнные разбили фургонъ съ водкой и перепились. Что бы дѣлали конвойные въ то время, пока тѣ разбивали и пили? Противъ тѣхъ же плѣнныхъ, которые слѣдовали при Главной Квартирѣ Наполеона, несомнѣнно принимались еще болѣе строгія мѣры.

«Сорокъ человѣкъ Французскаго конно-егерскаго полка на-«ходились при конвоирующемъ полкѣ. Изъ нихъ двадцать чело-«вѣкъ были назначены для караула при Русскихъ Офицерахъ, «бывшихъ на четверть часа впереди, гдѣ всегда былъ и Пол-«ковникъ; [42] все остальное распоряженіе продоставлено было мнѣ. «Другіе двадцать конныхъ егерей составляли его конвой, съ ко-«торымъ онъ въ послѣдній часъ перехода, отправлялся впередъ «занимать квартиры для полка и для плѣнныхъ. [43]

«Мы имѣли четыре ночлега и на пятый пришли въ Можайскъ, «гдѣ, сдавъ плѣнныхъ корпусному начальнику, расположились по «квартирамъ.

«На первомъ ночлегѣ, въ Перхушкинѣ, мы нашли Капитана «Фонъ Борделебена въ превосходномъ оборонительномъ положе-«ніи противъ окружавшихъ его Русскихъ. Плѣнные получили «четыре коровы, я приказалъ раздѣлить ихъ по ровну на всѣхъ «чрезъ ихъ собственныхъ вожатыхъ. Случаемъ, что намъ удалось «унять ихъ голодъ, мы обязаны Борделебену, который на фура-«жировкѣ въ окрестностяхъ захватилъ стадо, и тѣмъ значительно «увеличилъ полковую провизію. Но на другихъ ночлегахъ, въ Го-«лицынѣ (Вязема), Кубовскомъ и Щелковѣ, я не могъ ничего дать «плѣннымъ, кромѣ палыхъ лошадей, которыхъ велѣлъ отыскивать «и дѣлить между ними, позволилъ также нѣкоторымъ изъ плѣн-«ныхъ заняться приготовленіемъ этой пищи, на сколько кухонная «посуда это позволяла. По большой части они предпочитали мя-«со сырое.

«Въ Голицынѣ для плѣнныхъ помѣщенія недоставало, но на «двухъ послѣднихъ ночлегахъ, при почтовыхъ станціяхъ были «большія конюшни, гдѣ всѣ они и помѣщались.

---

[42] Должно полагать, что вышеназванный Французскій Полковникъ, Бернаръ. На Нѣмцевъ, какъ видно въ другихъ главахъ, не очень полагались: они всегда были подъ надзоромъ. Жалкая роль!

[43] «Полковникъ предоставилъ мнѣ всѣ эти распоряженія по конвоированію, вѣро-«ятно, по тому, что надѣялся на мое человѣколюбіе, не рѣшаясь отмѣнить при-«казаніе на счетъ пристрѣливанія плѣнныхъ. Мы съ нимъ объ этомъ не го-«ворили.»

«Хотя выставленные въ этѣхъ мѣстахъ, при наступленіи ар-«міи, отряды очень облегчали присмотръ за плѣнными, но при «всемъ томъ стараніе обезпечить себя отъ всякаго случая, въ «особенности, когда плѣнные располагались биваками, утомляло «въ высшей степени всѣхъ до послѣдняго человѣка въ полку. Въ «послѣднемъ случаѣ необходимо было имѣть внутреннюю цѣпь «около плѣнныхъ и внѣшнюю противъ окружающаго насъ непрія-«теля съ необходимыми вспомогательными постами. Если же они «ночевали въ строеніяхъ, двери и окна запирались крѣпко за-«движками и замками, а у входовъ ставили сильные караулы, а «полкъ оставался при оружіи, такъ что могъ стать въ ружье въ «каждое мгновеніе.

«Плѣнные Офицеры получали ту же пищу, какъ и полко-«вые. Когда солдаты становились биваками, Офицерамъ отыски-«вали домъ, или ригу, и подстилку для ночлега. Это распростра-«нили бы охотно и на плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, но необходи-«мость сохраненія своихъ и заботы о будущемъ того не позво-«ляли. Мнѣ очень было больно, что я долженъ былъ въ Щел-«ковѣ возвратить четыре коровы, назначенныя плѣннымъ, Офи-«церу, ведшему большое стадо, принадлежавшее Французамъ. «Оказалось, что коровы, пойманныя нашимъ боковымъ отрядомъ, «ушли отъ него, и Полковникъ, къ которому Офицеръ обратился «на ночлегѣ съ просьбой о томъ, рѣшилъ справедливо въ его «пользу.

«Приказаніе пристрѣливать отсталыхъ я измѣнилъ слѣ-«дующимъ образомъ: арріергарду приказалъ, по истощеніи всѣхъ «средствъ заставить ихи далѣе, дѣлать нѣсколько выстрѣловъ на «воздухъ, а плѣннымъ объявлять, что этѣми выстрѣлами пристрѣ-«лены отсталые; въ сущности же отсталыхъ оставлять въ безпа-«мятномъ положеніи на дорогѣ. [44] Конечно, они скоро попадались «къ своимъ землякамъ, но въ такомъ положеніи, что, вѣроятно, «долго не могли стать въ ряды нашихъ противниковъ. Этѣмъ до-«стигалась и настоящая цѣль Императорскаго приказанія.»

---

[44] Сомнительно! Полковникъ Лосбергъ зналъ, что Наполеонъ въ Москвѣ, тогда еще въ апогеѣ своей славы и могущества; что на частыхъ этапахъ были комендантъ съ гарнизонами; что по этой дорогѣ въ первое время, когда Лосбергъ шелъ по оной, проѣзжали безпрерывно курьеры изъ Москвы и въ Москву, не-

«Только разъ желѣзная необходимость заставила разстрѣлять «плѣннаго, который, въ лѣсу, недалеко отъ Кубовскаго, на треть-«емъ переходѣ, попытался бѣжать. Одинъ изъ выстрѣловъ кон-«воя пробилъ ему спину на вылетъ. Онъ былъ схваченъ и, по «приказу Полковника на почтѣ, разстрѣлянъ передъ всѣми плѣн-«ными. И въ отношеніи военномъ и по чувству человѣчества, это «было мѣрой весьма справедливой. Мы находились въ такомъ по-«ложеніи, гдѣ только одно исполненіе приказанія плѣнными могло «спасти насъ отъ большихъ несчастій; помянутые выстрѣлы произ-«вели тревогу и въ полку и у плѣнныхъ. Нѣкоторые изъ послѣд-«нихъ не исполнили приказанія ложиться при выстрѣлахъ, отъ чего «могла бы произойти бойня, не происшедшая по тому только, что «я случайно находился вблизи. Для оправданія правильности при-«говора можно сказать еще и то, что онъ только сократилъ стра-«данія трудно раненаго.

«Сегодня плѣнныхъ отправили далѣе (значитъ, 21 Сентября = 3 «Октября); Жюно употребилъ для сего гвардейскихъ гренадеръ, «что не очень лестно для нашего Короля. Еще считаю нужнымъ «упомянуть, что отъ Москвы до Можайска мы были постоянно «окружены партіями Казаковъ, часто въ двѣсти и триста лоша-«дей. Внѣ выстрѣла на открытой мѣстности они переходили съ «одной стороны дороги на другую. Нѣсколько убитыхъ и изуро-«дованныхъ Французовъ по сторонамъ дороги, показывало, чего «должно ожидать тѣмъ, которые попадутъ въ руки крестьянъ. 2-й «легкій баталіонъ (егерскій), выступившій изъ Москвы $^{14}/_{26}$ Сен-«тября, съ тысячью плѣнныхъ, прибылъ въ Можайскъ благо-«получно. [45]

зависимо отъ мелкихъ отрядовъ, и что, наконецъ, при колоннѣ Полковника Лосберга находился Французскій Полковникъ. При такихъ условіяхъ, сомнительно, повторяю, чтобы Лосбергъ, имѣя письменное приказаніе отъ имени Наполеона, могъ не выполнить его. Тѣмъ болѣе это неправдоподобно, что Нѣмцы въ то время буквально исполняли приказанія повелителя Запада, и едва ли не съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ, нежели самые Французы. Отчасти мы видѣли это выше, въ разныхъ мѣстахъ этой книги, а къ тому еще Лосбергъ принадлежалъ къ Вестфальцамъ, надъ которыми царилъ братъ Наполеона — Іеронимъ.

[45] Изъ этого видно, что Лосбергъ выступилъ изъ Москвы гораздо прежде $^{15}/_{26}$ Сентября, а передъ нимъ мы видѣли, что была еще партія плѣнныхъ, на Мо-

Во время пребыванія нашего въ Борисовѣ, возвратились «гвардейскіе гренадеры, сдавшіе плѣнныхъ Французскому Комен«данту, въ Вязьмѣ. Этотъ походъ былъ еще ужаснѣе. Плѣнные «постоянно кормились только падалью. Въ Гжатскѣ, [46] гдѣ ихъ «заперли въ большой конюшнѣ, они пытались бѣжать и пробили «уже отверзтіе въ наружной стѣнѣ, но это было замѣчено ка«рауломъ, который началъ стрѣлять въ строеніе и убилъ нѣсколь«кихъ плѣнныхъ. Изъ тысячи четырехъ сотъ плѣнныхъ, сданныхъ «нами въ Можайскѣ, доставлено въ Вязьму только семьсотъ че«ловѣкъ.»

Изъ этого оказывается, что изъ тысячи пятисотъ плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Москвы въ одной этой колоннѣ, дошло до Можайска только тысяча четыреста; значитъ, что на этомъ пространствѣ (110 верстъ) сто человѣкъ были пристрѣлены, т. е., слишкомъ по двадцати на каждомъ переходѣ. Изъ тысячи же четырехъ сотъ, выведенныхъ изъ Можайска, дошла до Вязьмы только половина, т. е., семьсотъ человѣкъ, а прочіе семьсотъ были пристрѣлены, ибо другой убыли и быть не могло.

Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Графъ Толь, въ Запискахъ своихъ, нѣсколько распространился объ этомъ предметѣ съ критической точки зрѣнія, и хотя онъ и не былъ личнымъ свѣдѣтелемъ этѣхъ убійствъ, но въ то время занималъ значительное мѣсто въ нашей арміи. Разсматривая это событіе (t. II, S. 268, 269, 270) и основываясь на показаніяхъ тѣхъ, которые говорятъ, что плѣнные были конвоируемы войсками Рейнскаго Союза, и въ особенности, по показанію Рооса, Баденцами, на которыхъ Графъ Толь и останавливается, отвергая показанія тѣхъ, которые приписываютъ это Испанцамъ, Португальцамъ и Полякамъ, [47] онъ (S. 270) говоритъ: «Молодая гвардія, подъ предво-

---

жайскъ же направленныхъ, изъ чего и слѣдуетъ, что тотчасъ, по занятіи Москвы, пристрѣливаніе плѣнныхъ было изречено, какъ это далѣе и будетъ видно.

[46] А въ Гжатскѣ былъ магазинъ, который въ послѣдствіи былъ разбитъ и пр.

[47] Вотъ что оказывается изъ приведенныхъ выше историковъ-очевидцевъ, называющихъ конвой, пристрѣливавшій плѣнныхъ:

«дительствомъ Мортье, вела и сторожила плѣнныхъ, а съ нею не «было ни Испанцевъ, ни Португальцевъ; немногіе баталіоны «Иберійскаго полуострова, увлеченные въ Москву, были распре«дѣлены по корпусамъ Даву и Нея и находились далеко сзади.»

Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Мортье выступилъ изъ Москвы послѣдній и, по засвѣдѣтельствованію Лабома, велъ съ собою плѣнныхъ, до соединенія ли только съ арміей, или продолжалъ ихъ конвоированье и далѣе. И вотъ, какъ Лабомъ описываетъ положеніе нашихъ плѣнныхъ въ окрестностяхъ Колоцкаго монастыря, еще до Гжатска (р. 274): «Три тысячи «плѣнныхъ, выведенныхъ изъ Москвы, которымъ на пути ни«чего не могли давать; ихъ загоняли въ загороди; изъ этой тѣ«сной окружности не позволялось имъ выходить подъ какимъ бы «то ни было предлогомъ. Безъ огня и умирая отъ стужи, они «лежали на обледенѣлой землѣ и, чтобы удовлетворить голоду, «съ жадностію бросались на конину, которую имъ раздавали. Не «имѣя средствъ и времени, они пожирали ее сырою. Удостовѣ«ряютъ, но я не смѣю вѣрить, что, когда не раздавали имъ ко«нины, то многіе изъ этѣхъ плѣнныхъ пожирали своихъ товари«щей, павшихъ отъ несчастій.» Въ слѣдъ за симъ Полковникъ Лабомъ восклицаетъ: «Отвратимъ глаза отъ этой раздирающей кар«тины!» Хотя сочинитель и не произноситъ слова «пристрѣливанье, но слишкомъ ясно даетъ послѣдними словами своими понимать то, о чемъ говорятъ всѣ другіе. Здѣсь главное то, какъ изъ разсказа его видно, что плѣнные, о которыхъ онъ говоритъ,

---

Тьеръ — Союзные солдаты.
Генералъ Фезензакъ — войска Рейнскаго Союза.
Маркизъ Шамбре говоритъ, что плѣнныхъ пристрѣливали, но кто, не называетъ.
Докторъ Роосъ — Баденскіе гренадеры.
Графъ Сегюръ — Испанцы, Португальцы и Поляки.
Участникъ Цельнеръ — Испанцы, Португальцы и Поляки.
Генералъ Гурго — Испанцы и Португальцы.
Графъ Солтыкъ — Испанцы.
Генералъ Лосбергъ — Вестфальцы.

Это разногласіе объясняется въ своемъ мѣстѣ тѣмъ, что и тѣ и другіе могли принимать въ этомъ участіе.

были не тѣ, о коихъ упоминаютъ Роосъ, Сегюръ, Гурго и другіе, шедшими при главной квартирѣ Наполеона, которая была впереди и о которыхъ была рѣчь, подходя къ Гжатску. Лабомъ былъ въ корпусѣ Вице-Короля, шедшаго сзади Наполеона, а притомъ авторъ говоритъ здѣсь ясно, что эти три тысячи плѣнныхъ были выведены изъ Москвы Маршаломъ Мортье. Онъ соединился въ Можайскѣ съ арміей и могъ передать часть плѣнныхъ въ корпусъ Вице-Короля и пр. Во всякомъ случаѣ, эти плѣнные не тѣ, о которыхъ было говорено при вступленіи Наполеона въ Гжатскъ.

Не возможно же отвергать показаній Сегюра, Гурго, Солтыка и нѣкоторыхъ другихъ, находившихся при Наполеонѣ, которые объ Испанцахъ, какъ о конвоировавшихъ плѣнныхъ, говорятъ положительно. Это еще болѣе прикрѣпляется тѣмъ, что Гурго въ опроверженіяхъ своихъ на сочиненіе Графа Сегюра, которому, такъ сказать, не прощаетъ ни одной запятой, не упустилъ бы замѣтить этого важнаго обстоятельства и уличить Графа Сегюра, но Гурго, напротивъ, называя также Испанцевъ, распространяется объ нихъ еще болѣе, какъ это было видно. Повторяю, онъ не упустилъ бы при этомъ случаѣ назвать не Испанцевъ, а тѣхъ, кто именно на послѣднемъ переходѣ къ Гжатску конвоировалъ плѣнныхъ.

Не подлежитъ также ни какому сомнѣнію, какъ это видѣли выше, что были плѣнные и при другихъ частяхъ войскъ, шедшихъ сзади, и эти плѣнные могли быть дѣйствительно, какъ Генералъ Фезензакъ свѣдѣтельствуетъ и на котораго Графъ Толь ссылается, препровождаемы войсками Рейнскаго Союза, и что, наконецъ, конвой этотъ могъ смѣняться, какъ это явствуетъ изъ повѣствованія Лосберга. Гессенъ-Дармштадтцы, и въ особенности Баденцы, о которыхъ Роосъ говоритъ положительно, могли заступить мѣсто Испанцевъ, Гессенъ-Дармштадтцевъ и Гессенъ-Кассельцевъ, особенно Испанцевъ и Португальцевъ, потерпѣвшихъ, при наступленіи чувствительной стужи, болѣе тѣхъ, которые свычнѣе съ нею, и по тому ослабѣли въ рядахъ своихъ, для надежнаго конвоированья. Что касается до пристрѣливанія плѣнныхъ, то это была мѣра общая. Буржуа, участникъ въ войнѣ (p. 80), пишетъ: «Нельзя повторить безъ ужаса, но по-

«ложительно то, что имѣли приказаніе пристрѣливать плѣн-«ныхъ, когда они, обезсиленные, не могли слѣдовать далѣе.» Сочинитель говоритъ это при самомъ началѣ вступленія въ Москву, когда ловили поджигателей, изъ коихъ растрѣляли пять сотъ человѣкъ, а остальныхъ, захваченныхъ до двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, какъ военноплѣнныхъ, отправили назадъ. Вальтеръ-Скоттъ (p. 216) приводитъ предписаніе Наполеона къ Бертье, которымъ приказываетъ сообщить Мортье: «Велите пристрѣли-«вать всякаго Русскаго солдата, котораго найдете на улицахъ.» Шамбре же (t. II, p. 118, 120 и т. д.), подтверждая все это, (p. 126) присовокупляетъ: «Безжалостно умерщвляли всѣхъ тѣхъ, «которые приближались только къ домамъ, занимаемымъ Фран-«цузами» и т. д. Что мѣра пристрѣливанье была общей не только въ арміи, подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона, но и въ другихъ частяхъ войскъ, это свѣдѣтельствуетъ въ Запискахъ своихъ Поручикъ Генеральнаго Штаба, Коцебу, взятый въ плѣнъ въ корпусѣ Графа Витгенштейна, близъ Полоцка. Отправленный въ партіи въ Вильну, при столкновеніи его съ конвоировавшимъ плѣнныхъ Офицеромъ, Шпеди, этотъ объявилъ ему, что онъ имѣетъ право разстрѣлять, кого ему заблагоразсудится, не отдавая въ томъ никому отчета. А это было до занятія Москвы, къ которой обращаюсь.

Полковникъ Лосбергъ, въ Сентябрѣ, чрезъ нѣсколько дней по занятіи Москвы, получилъ, какъ видно было выше, инструкцію пристрѣливать ослабѣвающихъ. Но этѣ плѣнные и тѣ, которыхъ изъ Москвы, въ Сентябрѣ же, до отступленія, велъ Гессенскій егерскій баталіонъ, были уже далеко за Вязьмой, когда Французы начали отступать отъ Малоярославца. Генералъ Фезензакъ пишетъ не объ этѣхъ плѣнныхъ. Плѣнные же, бывшіе съ Мортье, могли быть частію тѣ, о которыхъ говорятъ Сегюръ, Гурго и Солтыкъ, когда подходили къ Гжатску и были конвоируемы Испанцами. Можетъ быть, что съ ними, для усиленія конвоя, были и Баденскіе гренадеры. Можетъ быть, они провожали другую партію плѣнныхъ; [48] можетъ быть, что въ

---

[48] Это тѣмъ вѣроподобнѣе, что Роосъ, описывая этотъ эпизодъ послѣдняго перехода въ Гжатскъ, говоритъ, что онъ ѣхалъ въ промежуткѣ между Наполеономъ,

Гжатскѣ Испанскій конвой былъ замѣненъ ими, но что пристрѣливанье продолжалось до Дорогобужа, то свѣдѣтельствуетъ Шамбре, говоря именно о плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ и Вязьмѣ, а эта послѣдняя, какъ замѣчено, далеко за Гжатскомъ.

Графъ Толь отвергаетъ участіе Испанцевъ въ пристрѣливаньи плѣнныхъ только тѣмъ, что они были далеко назади, въ корпусахъ Нея и Даву. Я говорилъ уже, что плѣнные всѣ шли не въ одной колоннѣ, а при разныхъ частяхъ войскъ; но если Испанцы были и дѣйствительно назади, нѣтъ повода думать, чтобы они не конвоировали плѣнныхъ, хотя бы только и нѣкоторое время. Мысль же, что Испанцы пристрѣливали плѣнныхъ, повторяю, не могла же родиться въ головахъ трехъ повѣствователей-очевидцевъ, каковы: Сегюръ, Гурго и Солтыкъ. Правда, на это могутъ возразить, что пусть Испанцы пристрѣливали плѣнныхъ въ другихъ мѣстахъ, но что тутъ дѣло идетъ о послѣднемъ переходѣ Наполеона въ Гжатскъ, а здѣсь, какъ пишетъ Графъ Толь, Испанцевъ при молодой гвардіи не было, а они были далеко сзади въ корпусахъ Нея и Даву. Посмотримъ же, дѣйствительно ли это такъ.

Точно, въ первомъ корпусѣ, Даву, во 2-й дивизіи, 48-й линейный полкъ, въ два баталіона, составленъ былъ изъ Испанцевъ. Въ 3 корпусѣ, Нея, въ 10-й дивизіи, 129 линейный полкъ, также въ два баталіона, состоялъ изъ Португальцевъ, а въ 25-й дивизіи, 4-й, 18-й и 93-й линейные полки составлены были изъ Португальцевъ и Иллирійцевъ. Но независимо отъ этѣхъ корпусовъ, указываемыхъ Г. Толемъ, какъ только включавшихъ въ составѣ своемъ жителей Иберійскаго полуострова, они находились еще въ 4 корпусѣ Вице-Короля Италіянскаго, въ 14 й дивизіи, два баталіона Испанцевъ, и наконецъ въ составѣ корпуса молодой гвардіи три эскадрона Португальскихъ

который былъ впереди въ Гжатскѣ, а сзади Рооса былъ обозъ. Слѣдовательно, плѣнные, бывшіе впереди, могли быть конвоируемы Испанцами, а тѣ, которые были при обозѣ, Баденцами, находившимися въ прикрытіи обоза. Впрочемъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ писали вскорѣ послѣ событія, а Роосъ долго спустя; записокъ же онъ имѣть не могъ, ибо былъ на Березинѣ взятъ въ плѣнъ.

конныхъ егерей и баталіонъ Испанскихъ піонеровъ.[49] Слѣдовательно, не въ однихъ корпусахъ Даву и Нея находились жители Иберійскаго полуострова, но они были и въ корпусѣ Вице-Короля и даже въ молодой гвардіи, а по тому и могли быть дѣятелями на послѣднемъ переходѣ въ Гжатскъ.

Сверхъ того, Капфигъ (t. IX, p. 363, 364) приводитъ повелѣніе къ Бертье, которое самъ Наполеонъ диктовалъ Дарю, на другой день по выступленіи изъ Москвы, отъ $^{8}/_{20}$ Октября. Въ предписаніи этомъ, которое Капфигъ называетъ роковымъ, по тому что въ немъ приказывается Мортье предъ оставленіемъ Москвы, взорвать Кремль, предать огню все, что въ немъ и въ городѣ находится, и слѣдовать по направленію къ Можайску, также предавая все пламени и истребленію, между прочимъ говорится: «По прибытіи въ Голицыно (Вязему), два перехода отъ «Москвы, онъ возметъ съ собой находящихся тамъ Испанцевъ «и Баварцевъ, взорветъ всѣ ящики и пр., а по прибытіи въ «Можайскъ, получитъ дальнѣйшія приказанія» и т. д.[50] Слѣдовательно, Испанцы и находились съ молодой гвардіей, и могли конвоировать нашихъ плѣнныхъ, а по тому и повѣствованіе Сегюра, Гурго и Солтыка справедливо, въ чемъ нельзя было и сомнѣваться. Можетъ быть, Испанцы, какъ замѣчено выше, раздѣлили эту обязанность съ Баденцами, или наконецъ поочередно съ ними, и что Испанцамъ могла выпасть эта очередь въ день вступленія въ Гжатскъ; но главное въ томъ, что они на-

---

[49] Жители Иберійскаго полуострова были и въ другихъ корпусахъ; такъ, на примѣръ, во второмъ корпусѣ герцога Реджіо, дѣйствовавшаго противъ Графа Витгенштейна, въ 6-й дивизіи, 128 линейный полкъ составленъ былъ изъ Португальцевъ, и еще Португальцы слѣдовали къ арміи въ составѣ войскъ Генерала Карра-Сенъ-Спра и т. д.

[50] Французъ, на какой бы степени просвѣщенія ни стоялъ, не можетъ обойтись безъ фразъ; такъ и здѣсь Капфигъ присовокупляетъ: «Роковой автографъ, кото«рый можетъ объяснить мщеніе Европы въ 1814 году надъ нашими Француз«скими городами.» Но какое бы дѣло Европѣ мстить за Кремль? Въ особенности, когда она въ этомъ нашествіи участвовала въ арміи Наполеона? Ужъ лучше замѣнилъ бы слово Европа Россіею. Гдѣ же и надъ какимъ городомъ выказалось ваше мщеніе? Но довольно объ этомъ: всѣхъ подобныхъ пустомелей во Франціи не оберешься.

ходились тутъ, а не тамъ, гдѣ Графъ Толь помѣщаетъ ихъ въ это время.

Что же касается до того, будто бы такое пристрѣливанье плѣнныхъ было самопроизволомъ войскъ, ихъ конвоировавшихъ, какъ нѣкоторые хотятъ увѣрить, это не имѣетъ и самой тѣни вѣроятія. Такой произволъ могъ случиться, но онъ не былъ бы терпимъ, если бы на это не было отдано положительныхъ приказаній. Это было (какъ видно выше изъ засвѣдѣтельствованій очевидцевъ-иноземныхъ писателей, и какъ увидимъ еще далѣе) общимъ распоряженіемъ и, конечно, порождено пожаромъ Москвы, такъ ожесточившимъ главу лиги.

Мѣра эта, въ высшей степени безчеловѣчная, пожалуй, могла бы въ мнѣніи нѣсколько еще смягчаться, если бы къ ней прибѣгли тогда только, когда отступленіе Французовъ приняло нестройный видъ, когда дисциплина въ ихъ арміи исчезла и общая деморализація начала развиваться быстрыми шагами. Въ такомъ положеніи отчаяніе конвойныхъ могло ожесточить ихъ, или возбудить мщеніе, страсть, часто безотчетную въ людяхъ всѣхъ состояній, или же просто, съ цѣлью, избавиться отъ обязанности, могло подвигнуть конвой къ такому варварскому поступку; наконецъ, пусть высшая власть арміи прибѣгла къ этой жестокости, по тому что находила обременительнымъ тащить за собой плѣнныхъ; пусть даже она прибѣгла къ истребленію ихъ, и на томъ воображаемомъ основаніи, что освобожденіе ихъ могло открыть состояніе Французской арміи. Словомъ, все это могло случиться только начиная отъ Дорогобужа, гдѣ настала первая стужа и гдѣ армія уже окончательно сдѣлалась совершенно глухою ко всѣмъ условіямъ дисциплины, и, какъ это было видно въ своемъ мѣстѣ, солдатъ не слушалъ своихъ начальниковъ, Офицеры не заботились о своихъ подчиненныхъ. Эгоизмъ въ полномъ смыслѣ слова, начиная отъ главнаго повелителя до послѣдняго маркитанта, овладѣлъ всѣми.

Но мы видимъ, что къ этой мѣрѣ приступлено было тотчасъ по занятіи Москвы, гдѣ набрано было не столько плѣнныхъ, попавшихся на полѣ битвъ (ибо, по сознанію самихъ Французовъ,

ихъ было очень мало), сколько лицъ разнаго званія, схваченныхъ на улицахъ въ Москвѣ и можетъ быть отсталыхъ.

Меергеймъ, Саксонскій Офицеръ, свѣдѣтель и участникъ въ событіи, описывая Московскій пожаръ, между прочимъ (S. 196 — 197) говоритъ: «Шефель, Маіоръ Саксонскихъ войскъ, былъ по«сланъ изъ Петровскаго Дворца (когда находился въ немъ Напо«леонъ), въ Москву; туда и обратно онъ былъ сопровождаемъ «шестью человѣками рядовыхъ и однимъ Унтеръ-Офицеромъ. Кон«вой этотъ изъ Императорской гвардіи шелъ со взведенными кур«ками; два человѣка впереди, два сзади, остальные два гренадера «и Унтеръ-Офицеръ около Шефеля, по тому что всякому идущему «одному угрожала опасность быть застрѣленнымъ, или убитымъ, «спрятавшимися въ погребахъ и въ другихъ мѣстахъ Русскими. «Многіе изъ этѣхъ несчастныхъ не оставляли города, другихъ за«ставила нужда возвратиться ночью и скрываться подъ развали«нами своего достоянія. Многіе, изнуряемые страхомъ и голодомъ, «нашли тутъ жалкую кончину. Другихъ, отчаяніе выгоняло въ «ночное время изъ своихъ убѣжищъ на поиски средствъ для свое«го и семействъ своихъ существованія. При этомъ они часто «встрѣчались въ садахъ и огородахъ (гдѣ были еще картофель и «капуста) съ грабившими Французами. Какъ дикіе звѣри, броса«лись они въ борьбу, жертвуя жизнью для поддержанія оной. «Послѣ этого находили Русскихъ убитыми, повѣшенными на «деревьяхъ, заборахъ, и мѣстами землю, упитанную кровью по«бѣжденныхъ и побѣдителей. Такъ, каждый день восходящее соли«це освѣщало новыя груды труповъ, которыя увеличивались «еще тѣмъ, что Русскіе, изъ своихъ подземныхъ засадъ, кроваво «мстили, даже днемъ, своимъ высокомѣрнымъ и гордымъ побѣди«телямъ... Конвой Шефеля дѣйствительно два раза долженъ былъ «стрѣлять въ разныя отверзтія подваловъ, чтобы отгонять вы«глядывающія изъ оныхъ непріязненныя лица.» [51] Это любопытное описаніе показываетъ духъ нашего народа. Бретонъ де ла Мартиньеръ (Camp de Nap.), разсказывая, какъ въ Москвѣ никто не соглашался вступать въ учреждаемый Наполеономъ Муниципалитетъ,

---

[51] Замѣчательная претензія! Конечно, автору желательно было бы видѣть лица, благопріятно взирающія на враговъ.

отговариваясь тѣмъ, что присягали своему Государю, и что ни какія угрозы не могли ихъ поколебать въ принятой ими рѣшимости (p. 56, 57): «Поставленные предъ взводами гренадеровъ, «предназначенныхъ разстрѣливать ихъ, Русскіе брали въ руки «священное изображеніе Спасителя, съ жаромъ лобызали оное, «поручая Богу душу свою, и этою твердостію иногда обезоружи«вали палачей своихъ. Ихъ не разстрѣливали, а держали плѣ«нными.» [52]

Вильсонъ (p. 172) говоритъ, что около двухъ, или трехъ, сотъ поджигателей были растрѣляны, но это не остановило другихъ. Тьессе (t. II, p. 145) говоритъ, что (будто бы) схваченныхъ поджигателей судили, и они объявили, что имъ приказано жечь Москву: «ихъ разстрѣляли по тому, что они не менѣе были «виновны.» [53] Въ «Запискахъ Офицера Французскаго Гене«ральнаго Штаба» (t. I, p. 200) сказано: «Большое число поджи«гателей было захвачено на мѣстѣ; многіе тутъ же немедленно бы«ли наказаны: триста человѣкъ были растрѣляны. Всѣ объявили, «что они получили на это приказаніе отъ Оберъ-Полицеймейстера «Ивашкина.» Въ «Исторіи Наполеона,» составленной обществомъ литераторовъ, подтверждается все сказанное о вѣрности и самоотверженьи нашего народа (t. III, p. 387) и присовокуплено: «Захвачено было нѣсколько несчастныхъ поджигателей, которыхъ «растрѣляли, но казнь эта не останавливала другихъ... Полагаютъ, «что поджигателей было около трехъ тысячъ человѣкъ, но раз«стрѣляли только пятьсотъ, остальныхъ оставили военнополѣ-

---

[53] Виновные! Но вѣдь они повиновались законному своему Правительству.

[52] Кампигъ, замѣчая, что Наполеонъ устраивалъ въ Москвѣ Муниципальное правленіе, къ которому оставшіеся жители показывали отвращеніе, присовокупляетъ (t. X, p. 344): «Такъ Императоръ искалъ самообманывать себя, чтобы «лучше обмануть ужасныя ожиданія другихъ. Каждый день онъ думалъ видѣть «парламентера съ предложеніемъ перемирія, и наступалъ вечеръ безъ всякаго о «томъ извѣстія.» Продолжительно было бы говорить здѣсь все, что пишутъ иноземные повѣствователи-свѣдѣтели о распускавшихся Наполеономъ нелѣпыхъ слухахъ, какъ между войсками, такъ и между оставшимися простолюдинами въ Москвѣ: чего не было сказываемо! Такъ, напр. (Hist. de Nap., t. III, p. 391): Мардональдъ занялъ Петербургъ и сжегъ его; что самъ Наполеонъ ведетъ армію на зимнія квиртиры, что отъ Вильны до Смоленска дорога покрыта повозками, и пр., и пр.

«ными. Отдано было приказаніе, при отправленіи ихъ, «пристрѣливать тѣхъ, которыхъ силы истощатся. Дороги «устланы были ихъ трупами.»

Буржуа, также свѣдѣтель (1 part., p. 64): «Каждый день хва«тали поджигателей, которые отнюдь не пугались этого и пере«бѣгали изъ одного квартала въ другой, съ ужасной цѣлью разру«шенія Москвы. Число этѣхъ поджигателей восходило до трехъ «тысячъ человѣкъ, изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ бы«ли растрѣляны. Остальные отправлены были, какъ военноплѣн«ные, назадъ арміи.» Шамбре (t. II, p. 118) говоритъ, что «на «другой день открывшагося пожара захвачено въ плѣнъ болѣе «десяти тысячъ человѣкъ.»

Изъ этѣхъ-то плѣнныхъ, конечно, и были составлены тѣ партіи, которыя велъ Полковникъ Лосбергъ и 2-й егерскій Вестфальскій баталіонъ до Можайска, еще въ Сентябрѣ, и въ Сентябрѣ же отправленныя изъ Можайска въ Вязьму, подъ конвоемъ Вестфальскихъ же гренадеръ. Буржуа, описывая (p. 69) пространство между городами, на которомъ было видно одно опустошеніе огнемъ, и гдѣ трупы лошадей и людей заваливали дороги (p. 80), присовокупляетъ: «Трупы пристрѣленныхъ поджигателей «Москвы лежали по дорогѣ на разныхъ разстояніяхъ» и пр.

Составленныя въ Москвѣ партіи изъ различнаго сословія плѣнныхъ, прежде половины Сентября мѣсяца нашего счисленія (Москва же была занята $^{2}/_{14}$ Сентября), отправлялись въ Можайскъ, и начальникамъ конвоя давалось уже письменное приказаніе пристрѣливать истомленныхъ путемъ и голодомъ. Выше же видно было, что Французскій Полковникъ, Бернаръ, сдавая плѣнныхъ Полковнику Лосбергу, присовокупилъ: «Такъ какъ Русскіе пер«вые начали этотъ истребительный родъ войны, то имъ первымъ «должно и почувствовать оный.» Мы видѣли также, что изъ тысячи пяти сотъ плѣнныхъ, принятыхъ Полковникомъ Лосбергомъ въ Москвѣ, для препровожденія въ Можайскъ, откуда они, 3-го Октября (21-го Сентября), выступили въ Вязьму, въ которую достигло только семьсотъ, значитъ, на этомъ краткомъ пути, на основаніи повелѣнія, были пристрѣлены восемьсотъ, и пристрѣлены за двадцать дней до Малоярославецкаго сраженія,

въ то время, когда Французская армія въ Москвѣ не терпѣла голода (или, лучше сказать, не должна была терпѣть онаго), [53] не было стужи; словомъ, она далеко не была еще въ томъ положеніи, въ которомъ нашлась въ Дорогобужѣ, гдѣ, какъ я замѣтилъ, эта мѣра могла бы еще находить защитниковъ, но она, повторяю, была принята гораздо прежде того времени, въ которое армія Наполеона подверглась ожидавшимъ ее бѣдствіямъ. Мы видимъ, что Генералъ Фезензакъ говоритъ объ этой же мѣрѣ тотчасъ послѣ Малоярославецкаго сраженія, слѣдовательно, до Гжатска и за двѣнадцать дней до стужи. Шамбре говоритъ то же о пристрѣливаньи плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, [54] а по тому послѣ Лосберга и Фезензака, у которыхъ идетъ рѣчь о другихъ плѣнныхъ.

Убійства, совершенныя, по повѣствованію Рооса, Сегюра, Цельнера, Гурго и Графа Солтыка, на послѣднемъ переходѣ къ Гжатску, могли постигнуть часть плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ, и тѣхъ, которыхъ могъ собрать Мортье, оставляя Москву. Но въ этомъ убійствѣ не могло быть плѣнныхъ,

---

[53] Жизненныхъ припасовъ было не только что достаточно, но многіе предметы были, при оставленіи Москвы, истреблены огнемъ и нѣкоторые оставлены; безпорядочная администрація одна виной, если не всѣ части войскъ Французскихъ не обезпечивались отъ недостатка. Мы видѣли, съ какимъ огромнымъ запасомъ она выступила изъ Москвы въ Малоярославецъ, недоставало только фуража, но и это происходило отъ тѣхъ же причинъ; ибо если бы дѣйствительно было отсутствіе онаго, то какимъ образомъ десятки тысячъ лошадей, впряженныхъ въ частныя повозки, отягощенныя добычей, могли бы выступить изъ Москвы чрезъ Малоярославецъ, обратиться опять на роковой путь, приведшій ихъ въ Москву, и на этомъ пути проникнуть не только что до Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Краснаго, гдѣ мы тысячами брали повозки, но они достигли даже до Березины, гдѣ многія тысячи были брошены, по невозможности переправиться во время, и наконецъ только на Попарскихъ высотахъ пробравшіяся повозки исчезли изъ Французской арміи, но и то преимущественно по тому только, что лошади не имѣли зимнихъ подковъ. Слѣдовательно, только недостатокъ администраціи былъ виной претерпѣнія голода и тѣ свойства Французскихъ арміи, что, при малѣйшемъ отступленіи всякій порядокъ въ нихъ исчезаетъ, что подробно разсмотрѣно, на основаніи иноземныхъ писателей, въ книгѣ: «О настоящихъ «причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1835 г.»

[54] О плѣнныхъ же въ Вязьмѣ упоминается нѣкоторыми изъ Нѣмецкихъ писателей-очевидцевъ.

которыхъ конвоировали Лосбергъ и потомъ до Вязьмы Вестфальскіе гренадеры. Другая партія, въ тысячу человѣкъ плѣнныхъ, изъ Москвы, въ одно почти время съ Лосбергомъ, конвоируема была 2 егерскимъ Вестфальскимъ полкомъ. Всѣ этѣ партіи плѣнныхъ, какъ видѣли выше, были далеко впереди и имѣли тѣ же инструкціи пристрѣливать. Слѣдовательно, объ этѣхъ плѣнныхъ не можетъ быть и рѣчи въ событіи, о которомъ пишетъ Шамбре, т. е., о плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ, ибо Вязьма была далѣе Гжатска. И по тому изъ всего этого видно, что всѣ тѣ, на коихъ возлагалось препровожденіе плѣнныхъ, имѣли одинаковую инструкцію о пристрѣливаніи. Повторительныя же этѣ приказанія не могли происходить иначе, какъ отъ верховной власти, отъ самаго Наполеона, на коего нѣкоторые изъ авторовъ и указываютъ прямо, что видно даже и изъ повѣствованій самаго Графа Сегюра. Генералъ Гурго такъ и понялъ это.

Желая опровергнуть этотъ послѣдній упрекъ, дѣлаемый Наполеону, Генералъ Гурго не достигаетъ своего намѣренія. Возставая въ своемъ сочиненіи противъ книги Графа Сегюра вообще и въ частности, иногда въ обстоятельствахъ, не заслуживающихъ ни какого вниманія, въ этомъ случаѣ видимо почувствовалъ недостатокъ фактовъ и прибѣгаетъ къ голословію, которому противорѣчатъ, съ одной стороны, событія и повѣствованія другихъ, съ другой же часто и самый смыслъ. Во первыхъ, онъ говоритъ, что пристрѣленныхъ было только два, или три, человѣка (выше онъ сказалъ: многихъ), что совершенно опровергается всѣми другими, которые описываютъ этотъ эпизодъ послѣдняго перехода въ Гжатскъ: онъ могъ бы сказать, что Наполеонъ замѣтилъ двухъ, или трехъ, что могло случиться. Во вторыхъ, онъ не возражаетъ ничего на приведенный Графомъ Сегюромъ возгласъ Коленкура и глубокое на оный молчаніе Наполеона. Слѣдовательно, возгласъ этотъ былъ произнесенъ, а онъ чрезвычайно знаменателенъ въ этомъ эпизодѣ. Въ третьихъ, Генералъ Гурго, такъ расточительный въ своемъ сочиненіи на имена, служащія къ опроверженію повѣствуемаго Графомъ Сегюромъ, здѣсь, говоря о самой сущности предмета, слѣдствія, умалчиваетъ, кѣмъ оно было произведено, а сочиняетъ басню, утверждающую, будто бы Испанцы

не пристрѣливали плѣнныхъ, но убили нѣсколькихъ изъ нихъ по тому, что они, разбивъ, будто бы, брошенный на дорогѣ фургонъ съ водкой, перепились [55] и предприняли обезоружить конвой, а этотъ вынужденъ былъ стрѣлять! Въ четвертыхъ, Генералъ Гурго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ: «На другой день этѣ убійства прекратились.» Во всемъ, что говоритъ Гурго объ этомъ эпизодѣ, независимо отъ противорѣчія самому себѣ, нѣтъ никакого смысла. [56] Если конвой дѣйствительно не пристрѣливалъ плѣнныхъ, то Наполеону не было бы никакого и повода отдавать приказанія о прекращеніи этого варварства. Но если повѣрить сказкѣ Гурго, то Наполеонъ не могъ воспрещать конвою укрощать возмутившихся плѣнныхъ, бросающихся на оный съ цѣлью обезоружить его, въ особенности еще плѣнныхъ, слѣдующихъ при его Главной Квартирѣ. Подобныя фразы, приводимыя Генераломъ Гурго, можно разсказывать только Французамъ, желающимъ видѣть, въ оправданіе тогдашняго ихъ повелителя, хотя бы самый безсмысленный наборъ фразъ, которыми ихъ тщеславіе довольствуется болѣе, чѣмъ истиною. Но какъ бы то ни было, а пристрѣливанье, начавшееся за мѣсяцъ до Гжатска, продолжалось и послѣ, по повѣствованію Французовъ, до Дорогобужа. Далѣе этого города, плѣнные, шедшіе съ главной арміей, уже не переходили: или всѣ они были постепенно пристрѣлены, или, какъ въ то время носилась молва, въ Дорогобужѣ порѣшили ихъ однимъ разомъ. Относительно же собственно того, будто бы на другой день убійства прекратились, то, повторяю, здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что Роосъ, Сегюръ, Гурго и Солтыкъ разсказываютъ этотъ эпизодъ подъ Гжатскомъ, а они находились при Императорской Главной Квартирѣ, и Наполеонъ изъ Гжатска пошелъ впередъ со старой гвардіей; слѣдовательно, ни онъ, ни помянутые сочинители, какъ уже было замѣчено, не могли видѣть на дорогѣ пристрѣливанья плѣнныхъ,

---

[55] Выше видно было, какія мѣры предпринимались для конвоированія плѣнныхъ. Этого достаточно, чтобы видѣть всю натянутость защиты, употребляемой Генераломъ Гурго.

[56] Но на мѣстѣ, вѣдь, Гурго донесъ Наполеону истину, какъ въ своемъ мѣстѣ сказано, что Испанцы и Португальцы пристрѣливали многихъ плѣнныхъ за то, что не хотѣли, т. е., не могли идти; а здѣсь видима сочиняемая басня!

которые остались назади. Маркизъ же Шамбре очень ясно говоритъ, что плѣнные, взятые въ Вязьмѣ, были перебиты. Наконецъ, въ пятыхъ, главнымъ опроверженіемъ для Генерала Гурго служитъ ссылка его на возвышенный характеръ Наполеона.

Графъ Толь (t. I, S. 268) преимущественно разбираетъ это послѣднее и говоритъ: «Гурго возстаетъ противъ того, что ду«мали и говорили, будто всѣ убійства совершались по точному по«велѣнію самаго Наполеона, и полагаетъ, что преступно было бы «думать о чемъ либо подобномъ, зная благородный характеръ На«полеона. Однако же (продолжаетъ Графъ Толь), такія блестящія «выраженія не могутъ истреблять фактовъ: развѣ въ происшествіи «съ Герцогомъ Ангіенскимъ, въ безсовѣстныхъ интригахъ Байон«скихъ, видѣнъ возвышенный характеръ Наполеона? Развѣ харак«теръ этотъ воспротивился приказанію изрубить плѣнныхъ Турокъ «въ Яффѣ? [57] Онъ находилъ это сообразно съ его цѣлью. Здѣсь «же повѣствованіе говоритъ очень ясно:... «отпустить ихъ об«ратно въ Москву не могли рѣшиться; освободить же ихъ «теперь было опасно, по тому что въ послѣдствіи, по ихъ «разсказамъ, положеніе Французскаго войска должно «было сдѣлаться извѣстнымъ; вести же ихъ съ собой и «кормить, это увеличило бы только собственный недоста-

---

[57] Графъ Толь не замѣтилъ еще убійства въ Каирѣ. Относительно же перебитія въ Яффѣ четырехъ тысячъ плѣнныхъ, вотъ что говорятъ объ этомъ очевидцы: (Hist. de Nap. par une société etc., t. I, part. 2, p. 104 et suiv.): «Плѣннымъ объявлено было при сдачѣ помилованіе; восемь дней ихъ продовольствовали и вдругъ собрали, повели къ озеру, построили въ одну шеренгу отдѣленіями, и потомъ, на разстояніи четырехъ шаговъ, начали пристрѣливать. Когда же недостало патроновъ, докапчивали убійство штыками и саблями. Все это продолжалось два часа.» Историки утверждаютъ, что къ этому варварскому поступку не было ни какого повода: въ продовольствіи былъ избытокъ, а для возвращенія ихъ путь былъ незначителенъ. Это кровопролитіе было засвѣдѣтельствовано, сверхъ очевидцевъ, двумя путешественниками, Виттманомъ и Вильсономъ, скоро послѣ посѣтившими Яффу и слышавшими объ ономъ отъ туземцевъ. Въ этѣхъ же мѣстахъ Ричардъ-Львиное-Сердце умертвилъ пять тысячъ Мусульманъ. Историки присовокупляютъ (p. 90), что Наполеонъ приказалъ разстрѣлять безъ суда, трехъ человѣкъ 32-й полубригады (по ничтожному дѣлу, и только по подозрѣнію), на другой день, но потомъ приказалъ это исполнить тотчасъ. По совершеніи казни обнаружилось, что они были невинны.

«токъ, собственную нужду, и уменьшило бы средства къ «собственному спасенію. Что же оставалось дѣлать?»—Въ «особенности же (продолжаетъ Графъ Толь), когда, не обращая «вниманія на правое и неправое, имѣли въ виду одно только по«лезное, что, впрочемъ, согласовалось и съ свойствомъ Наполео«на. Война не сентиментальность, а Наполеонъ менѣе всякаго «былъ подверженъ сей послѣдней.»

Далѣе (S. 269): «Гурго усиливается представить это событіе «сколь можно слабѣе.» Здѣсь, прописавъ сокращенно, что выше было говорено о фургонѣ съ водкой и о слѣдствіи, потомъ приводитъ изъ Фезензака, что плѣнные, шедшіе предъ нимъ, были конвоируемы войсками Рейнскаго Союза. Въ слѣдъ за симъ предлагаетъ краткую выписку изъ Лосберга, который получилъ предписаніе: «разумѣется, именемъ верховной власти, арміи при«стрѣливать каждаго плѣннаго, который не будетъ въ со«стояніи слѣдовать далѣе,» и думаетъ, что невѣроятно, чтобы въ Ноябрѣ, при возрастающей опасности, стали обращаться съ плѣнными снисходительнѣе прежняго, когда обстоятельства были болѣе благопріятны... «И могли ли эти повторяемыя приказанія (гово«ритъ Графъ Толь S. 190) происходить отъ кого другого, какъ «не отъ самаго Наполеона? Французы могутъ это изслѣдовать.»

«Замѣчательно при томъ (S. 270), съ какой наглостью всѣ «Французскіе писатели, одинаково, какъ тѣ, которые признаютъ «Наполеона виновникомъ этого событія, такъ и тѣ, которые уси«ливаются отклонить его участіе въ ономъ, стараются снять подо«зрѣніе съ Французовъ и сбросить эти убійства на союзныя вой«ска, какъ будто бы когда ни будь тиранія во Франціи имѣла не«достатокъ въ орудіяхъ, которыя употреблялъ Карлъ IX, Націо«нальный Конвентъ, или преемникъ революціи!»

Разсуждая потомъ, кто были исполнителями варварскаго избіенія плѣнныхъ, и основываясь на томъ, что Генералъ Фезензакъ назвалъ войска, пристрѣливавшія плѣнныхъ, шедшихъ предъ нимъ, принадлежащими къ Рейнскому Союзу (S. 270), говоритъ: «Это могли быть только Гессенъ-Дармштадтцы (четыре «баталіона) и Баденцы (одинъ баталіонъ),[58] которые были при-

[58] Графъ Толь, на основаніи повѣствованія Рооса, останавливается на Баденцахъ

«соединены къ Французской гвардіи и составляли караулъ Глав-«ной Квартиры, а Гессенцы (т. е., собственно Кассельцы) до «сего времени было употреблены въ тылу арміи гарнизонами на «этапахъ и примкнули къ ней только подъ Вязьмой. Они были «присоединены къ молодой гвардіи. Очень можетъ быть, что плѣн-«ные были переданы имъ въ тотъ же самый день и что, вмѣстѣ «съ тѣмъ, они получили это непріятное приказаніе на перебитіе «ихъ. Впрочемъ, замѣчаетъ сочинитель, Французы беспорно имѣ-«ли обыкновеніе обходиться неуважительно съ своими союзника-«ми [59] и употреблять ихъ на постыдныя дѣла.»

Изъ всего вышесказаннаго ясно то, что плѣнныхъ начали отправлять тотчасъ по занятіи Москвы, когда Французы почитали себя еще побѣдителями, [60] и не были въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутились чрезъ мѣсяцъ, а между тѣмъ первый конвой, вышедшій изъ Москвы чрезъ нѣсколько дней по занятіи ея, получилъ уже инструкцію пристрѣливать тѣхъ, которые, отъ истощенія силъ, не могли слѣдовать. Тѣ же повѣствователи извѣщаютъ насъ и о продовольствіи этѣхъ несчастныхъ, слѣдовательно, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что всѣ плѣнные, большею частію, подобранные по одиночкѣ и, какъ замѣчено выше, на улицахъ Москвы, разныя лица, взятыя послѣ занятія этой столицы, въ числѣ которыхъ было очень мало захваченныхъ на поляхъ битвъ, изводились голодомъ, убійствомъ и огнемъ, что мѣра эта была общей, и въ Дорогобужѣ всѣ оставшіеся еще плѣнные, которыхъ, конечно, находилось уже очень не много, были истреблены однимъ разомъ.

(S. 189, 190). Но не одни Баденцы препровождали плѣнныхъ; мы видѣли выше, что, по повѣствованію Лосберга, котораго называетъ и Графъ Толь, Гессенцевъ, точно также ихъ пристрѣливавшихъ, и наконецъ Испанцы, Португальцы, а по повѣствованію Сегюра, и Поляки препровождали ихъ. Мѣра пристрѣливанія была общей.

[59] Офицеръ Нѣмецкихъ войскъ, дѣлавшій эту кампанію (Merkw. Tage etc., S. 18) свѣдѣтельствуетъ: «У Французовъ въ обращеніи съ Нѣмцами ввелись въ употребленіе слова: «Spitzbub, allemande, bête» и другіе подобнаго рода эпитеты, упоминаемые Нѣмецкими историками, но у насъ неловкими для печати.

[60] Впрочемъ, они и по окончаніи кампаніи почитали себя непобѣдимыми. По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижа.

Вотъ что оказывается изъ приведенныхъ данныхъ Генералами: Маркизомъ Шамбре, Фезензакомъ, Лосбергомъ, Графомъ Сегюромъ, Гурго, Графомъ Солтыкомъ, Полковникомъ Лабомомъ, Буржуа, Роосомъ, Обществомъ военныхъ литераторовъ, написавшихъ военную жизнь Наполеона, Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба, описавшимъ кампанію 1812 года, и другими, какъ участниками въ событіяхъ.[61] Наконецъ Серъ Робертъ Вильсонъ (Генералъ, бывшій при нашей главной арміи), Капфигъ, Валтеръ-Скоттъ, Бретонъ де ла Мартиньеръ, Тьессе, да и самъ Тьеръ, имѣвшіе въ рукахъ и необнародованные матеріялы, и всю возможность слышать изустныя повѣствованія отъ участниковъ въ событіяхъ, всѣ они единогласно утверждаютъ о пристрѣливаньи нашихъ плѣнныхъ, въ разныя эпохи, на разныхъ пространствахъ и разными частями войскъ; такъ, на примѣръ: Шамбре, Буржуа, Меергеймъ, Шефель, Общество военныхъ литераторовъ, Офицеръ Французскаго Генеральнаго Штаба, Бретонъ де ла Мартиньеръ, Тьессе, Капфигъ, Вальтеръ-Скоттъ, свѣдѣтельствуютъ, что пристрѣливанье нашихъ плѣнныхъ началось въ Москвѣ, на другой день по занятіи оной, слѣдовательно, съ $^{3}/_{15}$ Сентября. Въ слѣдъ за симъ до половины Сентября (ст. сч.) начали уже ихъ отправлять изъ Москвы на Можайскъ и Вязьму, съ предписаніемъ пристрѣливать истощенныхъ ранами и голодомъ и, какъ свѣдѣтельствуетъ Генералъ Лосбергъ, что изъ одной партіи въ тысячу пятьсотъ человѣкъ, тогда выведенныхъ изъ Москвы, до Вязьмы только, пристрѣлено восемьсотъ, что, конечно, продолжалось и далѣе, до совершеннаго истребленія партіи. Генералъ Фезензакъ говоритъ о пристрѣливаньи плѣнныхъ между Малоярославцемъ и Можайскомъ, когда начали отступать, значитъ, между $^{14}/_{26}$ и $^{16}/_{28}$ числами Октября, и это на другомъ пространствѣ и въ другихъ частяхъ войскъ. Полковникъ Лабомъ говоритъ о нашихъ плѣнныхъ при Колоцкомъ монастырѣ, значитъ $^{16}/_{28}$ Октября. Роосъ, Сегюръ, Цельнеръ, Гурго и Солтыкъ говорятъ, какъ очевидцы, о таковомъ же пристрѣливаньи на послѣднемъ переходѣ Наполеона въ Гжатскъ, слѣдовательно, $^{17}/_{29}$ Октяб-

---

[61] Одинаково и Коцебу, находившійся въ плѣну изъ отдѣльнаго корпуса Графа Витгенштейна.

ря, и опять на другомъ пространствѣ и другими частями войскъ; Маркизъ Шамбре говоритъ, что плѣнные, взятые въ битвѣ подъ Вязьмой, были пристрѣливаемы до Дорогобужа, битва въ Вязьмѣ происходила 22-го Октября (ст. сч.), а Французская армія прибѣжала въ Дорогобужъ 25 Октября (7 Ноября) (Наполеонъ былъ уже впереди), а по тому плѣнные эти, вмѣстѣ съ оставшимися еще изъ взятыхъ въ Малоярославцѣ, были пристрѣлены между 22-мъ и 25-мъ числами Октября и т. д. Изъ повѣствованія Маркиза Шамбре можно основательно прійти къ заключенію, что плѣнные, выведенные Маршаломъ Мортье изъ Моствы, были до Вязьмы уже всѣ истреблены; ибо Маркизъ обозначаетъ именно только плѣнныхъ, взятыхъ въ Вязьмѣ и Малоярославцѣ. Генералъ же Фезензакъ, тоже, какъ свѣдѣтель, положительно говоритъ, что плѣнныхъ, взятыхъ въ Малоярославцѣ, начали пристрѣливать тотчасъ. Слѣдовательно, ихъ не могло достигнуть до Вязьмы много, тѣмъ болѣе, что всѣ они, большей частью (и въ незначительномъ числѣ), были раненые, захватывавшіеся въ городѣ, переходившемъ изъ рукъ въ руки. Все вышеприведенное не оставляетъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что мѣра истребленія нашихъ плѣнныхъ была мѣрой общей. Впрочемъ, должно ли удивляться дѣйствію тогдашняго военачальника Французовъ послѣ убійствъ въ Яффѣ, Каирѣ, разстрѣляніи Герцога Ангіенскаго, продѣлокъ въ Байонѣ, вообще въ Испаніи, Португаліи и другихъ странахъ, и, какъ видѣли въ разныхъ мѣстахъ этой книги, чѣмъ сопровождалось вступленіе его въ Смоленскую Губернію, [62] пребываніе въ Москвѣ, гдѣ, предъ его глазами, всякій патрульный Офицеръ имѣлъ безнаказанное право убивать каждаго встрѣчнаго, а часовые при домахъ, Французами занимавшихся, стрѣлять въ любаго, приближающагося къ нимъ и т. д.!

Наконецъ, нельзя согласиться съ выводами Графа Толя, чтобы одни Баденскіе гренадеры, а можетъ быть и Гессенъ-Дармштадтцы и молодая гвардія, были единственными убійцами плѣнныхъ. Изъ имѣющихся данныхъ положительно видно, что плѣнные, въ разныя эпохи, по занятіи Москвы, и съ разныхъ

---

[62] Нужно ли говорить о недавнемъ еще истребленіи дымомъ цѣлыхъ племенъ въ пещерахъ въ Африкѣ?

пунктовъ были конвоированы различными національностями: Гессенъ-Кассельцами, Баденцами, Испанцами, Португальцами, Поляками, а по заключеніямъ Графа Толя, они могли быть конвоируемы и Гессенъ-Дармштадтцами, наконецъ и молодой гвардіей. На всѣ эти части арміи Наполеона указывается повѣствователями, какъ на части, конвоировавшія плѣнныхъ въ ту, или другую, эпоху, на томъ, или другомъ, пространствѣ. Мы встрѣчаемъ даже передачу ихъ отъ однихъ другимъ, и можно допустить съ полною вѣроятностію, что въ этомъ случаѣ, всѣ, безъ изъятія, войска, составлявшія армію Наполеона, могли принимать участіе, пусть и на самое короткое время, хотя бы для доставленія ихъ только съ поля битвы, съ пути, до главныхъ депо, до Вагенбурга и т. п.; можетъ быть, одна только старая гвардія, какъ не бывшая въ дѣлахъ, не имѣла къ тому случая; что же относится до молодой гвардіи, то, безспорно, она вела съ собой плѣнныхъ, подобранныхъ при окончательномъ выступленіи изъ Москвы. Пусть она вела ихъ только два перехода, до Голицына (Вяземы), гдѣ Мортье могъ ихъ сдать Испанцамъ, или Баварцамъ, которыхъ тутъ присоединилъ къ себѣ.

Но не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію то, что пристрѣливанье плѣнныхъ было мѣрой общей, принятой тотчасъ по занятіи Москвы. Исполненіе оной мы видѣли выше, на разныхъ пунктахъ и въ разное время. Слѣдовательно, всѣ части войскъ, какой бы онѣ національности ни были, должны были руководствоваться этимъ общимъ распоряженіемъ, начиная съ Мортье и его молодой гвардіи до послѣдняго иноземнаго легіона. Мѣра эта не откуда не могла истекать, какъ только отъ одной верховной власти арміи, которая изрекла оную, ожесточенная Московскимъ пожаромъ. Это мщеніе проявлялось въ разныхъ видахъ во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ и вообще въ Россіи. Такъ, на примѣръ, независимо отъ всего того, что въ разныхъ мѣстахъ этой книги было уже сказано, Вильсонъ (p. 216) приводитъ приказъ Наполеона отъ $^{6}/_{18}$ Октября, которымъ предписывалось разстрѣлять десять человѣкъ Русскихъ, будто бы какъ поджигателей,[63] взятыхъ въ подвалѣ. Сочинитель при-

[63] Слѣдуетъ замѣтить, что это было болѣе нежели черезъ мѣсяцъ по прекращеніи

совокупляетъ, что они были больные и уже помилованные Бертье. «Чтобы это было исполнено завтра, въ четыре часа утра, безъ «огласки,» говоритъ Капфигъ (t. IX, p. 355), и замѣчаетъ: «Здѣсь «встрѣчаемъ жестокій и неумолимый характеръ Государя; онъ хо«четъ, чтобы чувство ужаса связывалось съ его пребываніемъ въ «Москвѣ.» Такимъ образомъ этѣ несчастные, не смотря даже на помилованіе послѣ Императора первымъ лицемъ въ арміи (и помилованы они, конечно, по тому, что оказывались невинными), были истреблены не только безъ уликъ и суда, какъ это водится, для примѣра и острастки, но, какъ видѣли, тайно, «безъ огласки.» Здѣсь замѣчательно еще и то, что повелѣніе это послѣдовало на канунѣ выступленія Наполеона изъ Москвы, по полученіи извѣстія о разбитіи Мюрата на Чернишнѣ: кровь этѣхъ десяти жертвъ должна была утолить жажду Наполеона и удовлетворить мщенію. По убійствомъ этѣмъ ни то, ни другое не удовлетворилось; ибо, при оставленіи Москвы, оно было заявлено предписаніемъ, даннымъ Маршалу Мортье, ужаснувшимъ самихъ Французовъ. Оно и послѣ сего не преставало: Генералъ Фезензакъ, описывая начало отступленія отъ Малоярославца (p. 76), говоритъ: «Наполе«онъ продолжалъ свое мщеніе истребленіемъ и огнемъ.» А по тому нѣтъ повода думать, чтобы Наполеонъ, выступивъ къ Малоярославцу, откуда, вынужденный къ отступленію, съ каждымъ шагомъ становившемуся болѣе и болѣе гибельнымъ, смягчился при ужасныхъ эпизодахъ, которыхъ онъ былъ свѣдѣтелемъ, чѣмъ когда онъ былъ въ Царскихъ палатахъ Кремля. Варварская мѣра пристрѣливанія плѣнныхъ, истощавшихся отъ голода, изречена тамъ. Ей должны были повиноваться всѣ. А изъ этого выходитъ, что исполнители, кто бъ они ни были, Французы, Нѣмцы, Испанцы, Поляки и иные, исполнили только то, что было имъ приказано вождемъ арміи, которому ослушаніе они знали, къ чему могло ихъ привести. Въ этомъ случаѣ одни Французы могли выказать болѣе великодушія. На всѣхъ же прочихъ (можетъ быть, за исключеніемъ однихъ Поляковъ), [64] не только бы обрушилась отвѣтственность за

пожара, въ продолженіе коего всѣ взятые, какъ замѣчено выше, были давно уже истреблены, частію на мѣстѣ, а частію на пути.

[64] Графъ Ségur сильно возстаетъ противъ этой варварской мѣры. Но что бы

неисполненіе Высочайшаго повелѣнія, но и пало бы тяжкое подозрѣніе въ доброжелательствѣ Русскимъ и въ измѣнѣ.

Кромѣ Г.-Л. Лосберга, который вошелъ въ нѣкоторыя подробности по предмету конвоированія порученныхъ ему плѣнныхъ, не знаю другихъ повѣствованій, въ такой степени подробныхъ. Изъ показаній же Лосберга видно было, что изъ тысячи пяти сотъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ изъ Москвы, достигло до Вязьмы только семьсотъ человѣкъ, а большая половина, на столь маломъ пространствѣ, была пристрѣлена, и въ такое еще время, когда стужи вовсе не было и продовольствіе имѣлось въ Москвѣ и на пути, но котораго имъ, однако же, не отпускалось. Можно себѣ представить, что послѣдавало тогда, когда настала стужа, когда отъ безпорядка, господствовавшаго въ Французскомъ управленіи, и войско стало питаться палыми лошадьми, собаками, часто находимыми въ истребленныхъ селеніяхъ. Человѣчье мясо, вскрытіе череповъ павшихъ товарищей, даже куски мяса, отваливавшіеся отъ ранъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ было видно, не останавливали голодныхъ прибѣгать къ этому: въ какомъ же состояніи должны были быть въ то время наши плѣнные! Но до послѣдняго эпизода содроганій — стужи, не достигли: Графъ Сегюръ и другіе, сказавъ, что Наполеонъ, въ Гжатскѣ, приказалъ, будто бы, прекратить пристрѣливаніе, присовокупляютъ: «Довольствовались тѣмъ, что вымаривали ихъ голодомъ.» Генералъ же Вильсонъ [65] свѣдѣтельствуетъ: «Пока Французы брали «плѣнныхъ, обыкновенно растрѣливали тѣхъ изъ нихъ, которые, «за ранами, не могли продолжать путь, а при оставленіи горо«довъ, когда настигали Русскіе, большою частію запирали плѣн«ныхъ въ церковь, или въ какое либо строеніе, которое потомъ «и предавали огню. Я такъ часто это видалъ, присовокупляетъ «Серъ Р. Вильсонъ, что уже пересталъ чувствовать тотъ ужасъ, «который мнѣ это внушало.» Дорогобужъ, по видимому, былъ послѣднимъ рубежемъ страданій нашихъ плѣнныхъ. Немногіе, при

онъ сдѣлалъ, если бы, движимый возвышенными чувствами, и получилъ порученіе конвоировать плѣнныхъ съ такой же инструкціей?

[65] Посмертное изданіе Записокъ Генерала Серъ Роберта Вильсона о 1812 годѣ въ Лондонѣ 1860 — 1861 г. (перевед. въ «Русск. Вѣсти.» 1862, стр. 190).

тогдашнихъ условіяхъ, могли достигнуть онаго; но тѣ, которые сохранили силы, можетъ быть, на нѣсколько переходовъ, были тутъ окончательно избиты, и въ этомъ отношеніи такая мѣра, хотя и варварская, но она, съ тѣмъ вмѣстѣ, была и человѣколюбивой, ибо только прекращала страданія. Послѣ Дорогобужа нѣтъ и помина о нашихъ плѣнныхъ.

Изъ всѣхъ выше приведенныхъ данныхъ, которыя я, какъ частный человѣкъ, могъ собрать, видно, что несомнительный перевѣсъ убѣжденія на сторонѣ общей мѣры, предписанной высшей властью арміи, а по тому, если это такъ, и Г. Тьеру, по своимъ расчетамъ, не хотѣлось пояснить обстоятельство, о коромъ идетъ рѣчь, то лучше было бы ужь вовсе не упоминать объ ономъ, по тому что исключеніе трехъ строчекъ изъ его многотомнаго сочиненія не лишило бы его того уваженія, которымъ онъ пользуется въ литературномъ отношеніи. Упомянувъ же объ этомъ событіи такъ, какъ это сдѣлано имъ, онъ какъ бы ищетъ скрыть настоящаго виновника, сбросивъ все на союзниковъ, избѣгая назвать національность. По чему же было не знать національности? Въ арміи Наполеона, въ 1812 году, исключая Англичанъ, Шведовъ и Турокъ, были всѣ Европейскія національности: «Двадесять «языкъ!» Назвавъ же одну изъ нихъ, онъ могъ вызвать возраженія, и тогда бы высказалась истина, которой, въ этомъ случаѣ, сочинитель, видимо, не желаетъ. Національность, на которую бы онъ указалъ, или отвѣчала бы, что не на нее возлагалось конвоированіе плѣнныхъ, или отозвалась бы, да, пожалуй, приложила бы и документъ, что исполнила приказаніе высшей власти, которой ослушаться, особенно въ военное время, не могла, и справедливо.

Конечно, въ строгомъ смыслѣ, не Французамъ разъяснять эпизодъ этотъ, во всякомъ случаѣ служащій пятномъ, хотя и не прямо имъ, ибо они обязаны были, по военной дисциплинѣ, повиноваться; но оно, по крайней мѣрѣ, бросило бы густую тѣнь на тогдашняго ихъ военачальника. Пусть они нашли бы и возможность, по обыкновенію, наборомъ фразъ затмить то, что приказаніе это проистекало прямо отъ него, но уже ни какъ не могли бы затмить терпимость подобнаго варварства, и какъ сказано о Гжатскѣ, гдѣ будто бы онъ принялъ видъ неудоволь-

ствія, встрѣтивъ нѣсколько пристрѣленныхъ труповъ, и на другой день этѣ убійства прекратились. Все это, какъ замѣчено выше, не имѣетъ ни какой исторической истины, ибо такое пристрѣливаніе началось за полтора мѣсяца прежде и продолжалось и послѣ Гжатска на разныхъ пунктахъ; словомъ, вездѣ, гдѣ были наши плѣнные, и Наполеонъ не могъ не знать этого: онъ зналъ все, что происходило даже въ кружкахъ солдатъ, собирающихся около костровъ. Во всякомъ случаѣ, повторяю, не Французамъ слѣдовало заняться разработкою и разъясненіемъ этого обстоятельства. Они, вѣроятно, очень довольны, что другіе молчатъ о томъ.

Разъясненіе онаго лежитъ на обязанности нашихъ военныхъ историковъ. Оно покажетъ, кто имѣетъ болѣе права упрекать другъ друга въ варварствѣ: Французы ли насъ, или мы ихъ. Если они встрѣтили неласковый пріемъ со стороны нашего народа, это очень естественно: онъ не хотѣлъ подчиняться иноплеменному и иновѣрческому игу. Не вторгнись Французы въ наше отечество, они не испытали бы силы и энергіи патріотизма Русскихъ; впрочемъ, и самое ожесточеніе его, столь законное при защитѣ своего отечества, далеко не равнялось съ тою звѣрскою кровожадностію, которая господствуетъ между самими Французами во время ихъ революціонныхъ смутъ, гдѣ все дѣло шло иногда о той, или другой, формѣ, или цвѣтѣ кокарды. Что же касается до нашей арміи того времени, то никто и не помышлялъ не отдавать ей той справедливости, которую она заслужила, и такія засвѣдѣтельствованія не разъ видны въ главахъ этой книги. Особенная забота въ Вильнѣ, даже лично самаго Государя и Великаго Князя, посѣщавшихъ зараженные тифомъ Французскіе госпитали и вообще попеченіе о раненыхъ плѣнныхъ, одинаково засвѣдѣтельствовано самими Французами. Нѣтъ! Арміи нашей никто не можетъ сдѣлать ни одного упрека въ преступленіи правилъ, принятыхъ человѣколюбіемъ, тогда какъ въ это же самое время Французская армія морить голодомъ нашихъ плѣнныхъ, при возможности снабжать ихъ хотя нѣкоторою только частію продовольствія, изъ магазиновъ полныхъ, по засвѣдѣтельствованію самихъ Французовъ, а потомъ на пути пристрѣливаетъ ослабѣвшихъ, наконецъ, загнанныхъ, въ какое либо зданіе, сожи-

гаетъ!.. Морить и пристрѣливать за что же? За то, что ихъ собраты, народъ, возстали противъ врага! Здѣсь мщеніе уже не прямое тѣмъ, которые были виновниками бѣдствій, а мщеніе изощреннаго ехидства. [66]

Вотъ параллель, которую наши военные историки должны были провести между обѣими арміями, дѣйствовавшими въ 1812 году одна противъ другой, разсмотрѣвъ все, что только могло касаться до предмета; а то, до сихъ поръ, ни одинъ иноземецъ не возметъ въ руки пера, чтобы не укорить насъ въ варварствѣ. И мы молчимъ! А они все бьютъ да бьютъ насъ своими фразами; хотя бы въ этомъ случаѣ, при нашемъ молчаніи, придержались Русской пословицы: «Лежачаго не бьютъ.»

Французы вообще очень недовольны защитою нашею въ 1812 году; имъ хотѣлось порѣшить съ нами также легко, какъ они это дѣлали въ другихъ странахъ (исключая Испанію, къ которой, однако же, подоспѣла на помощь Англія); такъ, на примѣръ: Генералъ Бертезенъ (p. 61) очень негодуетъ на Графа Ростопчина, что онъ возбуждалъ народъ къ сопротивленію Французамъ, критикуетъ даже его слогъ, доказывающій малые успѣхи Русскихъ въ цивилизаціи, и приводитъ письмо Адлерфельда, заключающее въ себѣ походъ Карла XII, что и тогда было то же невѣжество и т. п. По какой бы у Ростопчина слогъ ни былъ, а народъ понялъ его, между тѣмъ цивилизированнаго слога, употреблявшагося Наполеономъ въ 1814 и 1815 годахъ, чтобы поднять народъ, не смотря на огромныя суммы, предоставленныя мѣстнымъ властямъ къ возбужденію этого движенія, народъ не понялъ. Впрочемъ, не Французамъ насъ укорять въ родомонтадствѣ, какъ это дѣлаетъ Генералъ Бертезенъ. Пусть прочитаетъ онъ книгу (между множествомъ подобныхъ), вышедшую въ Парижѣ въ 1812 году, при исходѣ войны, подъ заглавіемъ: «Океанократы,» сочиненіе Тидемана, которая не иначе могла видѣть свѣтъ, какъ по цензурѣ Саварн, а вѣроятнѣе еще и по

---

[66] Французы, по ихъ словамъ, всегда били нашихъ солдатъ. За что же было мстить имъ? Между тѣмъ они попятились, а народу досталось въ удѣлъ одно только временное разореніе.

его заказу составленная. Содержаніе этой книги необъяснимо: оно превосходитъ всякое воображеніе пошлостію выраженій, наглой ложью, невѣжествомъ, гнуснымъ толкованіемъ и т. п. Такъ, на примѣръ (p. 70), въ ней сказаны, что Германія должна почитать предпринятую противъ Россіи войну своей національной, какъ даръ небесъ, по тому что она обезпечиваетъ Германію отъ ига Россіи. Собственно о Русскихъ чего тутъ не встрѣчаемъ! Вотъ видите: у нашего народа нѣтъ патріотизма (и это при окончаніи кампаніи)! Крестьяне возстанутъ противъ помѣщиковъ, по тому что (p. 120) на Русскомъ языкѣ слово Наполеонъ означаетъ: «Acie primus»—«первый въ правильной битвѣ» (bataille rangé). Откуда этотъ переводъ, знаютъ только Тидеманъ и Савари. [67] Не мѣсто говорить здѣсь обо всемъ томъ, что книга эта заключаетъ и что далеко оставляетъ за собой и письмо Адлерфельда, и афиши Ростопчина, которыми укоряетъ насъ Генералъ Бертезенъ. Но, чтобы имѣть малѣйшее понятіе объ этомъ знаменитомъ произведеніи прогресса, возьму на выдержку одну изъ пошлостей, такъ торжественно доказывающихъ невѣжество великой передовой націи на пути просвѣщенія. Нападая даже на пищу, употребляемую Русскими, между прочимъ, встрѣчаемъ (p. 114): «Le plus grand «régal est l'eau de vie.» Пусть бы тѣмъ и кончилъ; но нѣтъ: сочинитель, желая выказать свои глубокія познанія о Россіи, хочетъ пояснить своимъ любознательнымъ соотечественникамъ, какъ нектаръ этотъ называется по Русски, а по тому, въ слѣдъ за словомъ eau de vie, въ скобкахъ поставилъ (quas)! [68] Но доволь-

---

[67] Какимъ бы это образомъ слово Наполеонъ означаетъ — «bataille rangé, да еще первый! Онъ можетъ быть на полѣ и по многимъ другимъ причинамъ, совершенно противоположнымъ битвѣ, да еще — rangé! У насъ, въ 1805 году, послѣ того, какъ Князь Багратіонъ пробился съ своимъ авангардомъ чрезъ Французскую армію, Державинъ написалъ:

«О какъ великъ На-поле-онъ,
«И храбръ, и твердъ, и быстръ во брани;
«Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
«Къ нему съ штыкомъ Бог-рати-онъ!»

Это игра словъ; но у Савари и Тидемана совсѣмъ другое.

[68] Мы видѣли въ другихъ главахъ всю любознательность Французовъ; такъ, на при-

но объ этомъ цивилизированномъ произведеніи. Мы не можемъ похвастать, какъ Французы, и въ войну 1853—1856 годовъ, бездною брошюръ самаго безсмысленнаго содержанія, и въ особенности игранною безостановочно на Парижскомъ Театрѣ одною изъ глупѣйшихъ піесъ, подъ названіемъ «Казаки,» отъ которой не одна черпь, но и высшее Общество, были въ восторгѣ. Посчитаться съ Французами въ подобныхъ выходкахъ нѣтъ возможности: они всегда останутся въ большомъ противъ насъ барышѣ. Намъ ненужны возбудительныя средства, подобныя тѣмъ, которыя употребляютъ Французы, чтобы дурачить публику, чѣмъ только страсти ея и возжигаются. У насъ принципъ основный, и необходимые двигатели Французовъ у насъ немыслимы.

Сочинитель «Исторіи Отечественной войны 1812 года», безспорно, имѣлъ всю возможность собрать свѣдѣнія объ эпизодѣ перебитія плѣнныхъ, и, однако же, замѣтилъ о немъ только вскользь, не обративъ даже вниманія на точный смыслъ перевода нѣсколькихъ словъ изъ Фезензака. То же равнодушіе онъ выказалъ и по предмету ввоза фальшивыхъ ассигнацій, замѣтивъ, что объ этомъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, а онѣ изобилуютъ![69] Этѣ два обстоятельства достаточно характеризовали бы тогдашняго врага нашего; а говорятъ, что Исторія служитъ мѣриломъ для будущихъ событій; ясно въ ней изложенныя, могутъ рано, или поздно, повториться, по тому что главныя черты характера въ народахъ неизмѣнимы.

мѣръ, Полковникъ Комбъ, участникъ въ событіяхъ, описывая происшествія въ Малоярославцѣ, знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ этѣмъ городомъ, лежащимъ на Окѣ и носящимъ названіе города Розъ, что Малоярославецъ на Русскомъ языкѣ и означаетъ: «la ville de Roses;» это то же въ родѣ «quas.» Бездна такихъ ученыхъ розысканій, которыя, при удобномъ случаѣ, я соединю.

[69] Не говоря уже о неоспоримыхъ доказательствахъ, имѣющихся у насъ, но и самые, такъ сказать, рьяные Французы, участники въ войнѣ, не скрываютъ этого. Не уже ли почтенный исторіографъ нашъ не замѣтилъ параграфа въ соч. Шамбре, котораго онъ избралъ за образецъ, отдавая ему преимущество противъ всѣхъ другихъ повѣствователей Французскихъ? Не уже ли онъ не просмотрѣлъ Бошана и др.? Если наши данныя и данныя непріятеля неосновательны, то слѣдовало ихъ опровергнуть, но этотъ важный фактъ отнюдь не долженъ былъ остаться подъ голословнымъ приговоромъ.

Я могу во многомъ ошибаться касательно значенія помянутыхъ двухъ предметовъ, даже въ политическомъ отношеніи, но говорю по убѣжденію, пусть можетъ быть и пристрастно, по тому что я дѣлалъ эту кампанію (а насъ остается очень не много), уже не такъ, какъ новобранецъ, но занималъ мѣсто, требовавшее разсужденія, потомъ, до сихъ поръ, въ продолженіе полувѣка, читалъ, въ свое время, все, что выходило о войнѣ 1812 года, дѣлалъ сводъ, сравненія и т. д. Не уже ли въ настоящее время, когда изложеніе Отечественной исторіи получило такой просторъ къ обсужденію оной, молодые наши ученые остановятся въ изложеніи многихъ событій 1812 года? Не уже ли побоятся, на основаніи фактовъ, выставить истину, хотя бы только объ истребленіи нашихъ плѣнныхъ, голодомъ, пристрѣливаніемъ и огнемъ, и о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, о которыхъ имѣется несравненно болѣе данныхъ, нежели о самомъ пристрѣливаніи, и тогда, когда насъ безпощадно, на каждомъ шагу, упрекаютъ въ варварствѣ и вѣроломствѣ? Пусть же и Русскіе читаютъ правду и видятъ результатъ цивилизаціи человѣческаго сердца въ настоящемъ его свѣтѣ! Обращаюсь къ предмету.

Нравственное состояніе арміи Наполеона послѣ Малоярославецкаго сраженія, слабость, выказанная имъ самимъ при совѣщаніи съ главными лицами арміи, объ избраніи пути къ отступленію, дѣлаемые имъ вопросы, и наконецъ преклоненіе слуха къ мнѣнію другихъ, вопреки своему обыкновенію; словомъ, колебаніе, оказанное имъ при этомъ случаѣ, чего прежде въ немъ не замѣчалось, не могло не имѣть сильнаго вліянія на потрясенный уже духъ его арміи, и здѣсь Савари (t. VI, p. 50), справедливо замѣчаетъ: «Наполеонъ не успѣлъ одолѣть Русскихъ въ Малоярос-«славцѣ, и несчастія начались.»

Баронъ Денье (p. 121) говоритъ, въ Гжатскѣ, 17/29 Октября, чрезъ пять дней послѣ Малоярославца и чрезъ три послѣ начала отступленія: «Уныніе овладѣло уже многими.»

Тьеръ (p. 500), что въ корпусѣ Даву, изъ двадцати осьми тысячъ, при началѣ отступленія, оставалось въ Гжатскѣ только двадцать тысячъ. Толпы бросившихъ оружіе постоянно увеличивались еще до сего города.

Графъ Сегюръ (t. II, p. 112) пишетъ: «Подходя къ Гжат-«ску, отступленіе превращалось въ бѣгство.»

Вольдендорфъ и Варадейнъ (t. III, S. 204) удостовѣряютъ: «Въ Гжатскѣ безпорядки требовали всего хладнокровія и «благоразумія начальниковъ, чтобы предупредить послѣдствія.»

Въ Запискахъ для Исторіи этой войны, писанныхъ Офицеромъ Генеральнаго Штаба Французской арміи (t. I, p. 260), находимъ: «Гжатскъ 19/31 Октября. Положеніе арміи становится кри-«тическимъ, и необходима вся твердость характера начальниковъ «и преданность подчиненныхъ, чтобы потери, которыя она не-«сла ежедневно, не увеличились въ быстрыхъ размѣрахъ и не «произвели общаго распаденія.»[70]

Баронъ Денье (p. 123) говоритъ, что «въ это время, 20 «Октября (1 Ноября), дисциплина была потеряна. Большая часть «солдатъ бросили свои ряды, и Русское ура сдѣлалось ужасомъ «для бросившихъ оружіе.» Это обстоятельство, о которомъ говорятъ почти всѣ, было сильнѣй мороза, если бы онъ дѣйствительно и былъ на этомъ пространствѣ.

Графъ Сегюръ (t. II, p. 134) приводитъ, что Полковникъ Дальбиньякъ, отправленный Неемъ къ Наполеону, съ личнымъ донесеніемъ, между прочимъ, говоритъ: «Первое отступательное «движеніе отъ Малоярославца для солдатъ, которые никогда не «отступали (Французы не умѣютъ отступать безъ потери поряд-«ка), смутило армію,»[71] и описываетъ живыми красками ея положеніе при Вязьмѣ. Слѣдовательно, и здѣсь видно, что окончательное разстройство начинается совершенно, по всѣмъ даннымъ, отъ Малоярославца.

Тьессе (t. II, p. 154), говоритъ, что послѣ Малоярославца, «не смотря на всѣ завѣренія, увидѣли въ дѣйствительности, что

---

[70] Покуда замѣчу мимоходомъ, что все это было за недѣлю до морозовъ.

[71] Тьессе (t. II, p. 147, 148) однако же, говоритъ, что уже въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ всѣ пиры и пѣсни прекратились, и что (p. 153) отъ «Москвы, очевидно, мы были въ отступленіи, хотя офиціяльныя извѣстія не из-«мѣняли своего тона и продолжали сохранять духъ народа непобѣдимаго.»

«мы бѣжимъ. Побѣда при этомъ городѣ была далека отъ того, «чтобы поселить въ войскахъ нашихъ какую либо надежду; бит- «ва эта усилила только потерю духа. Ожесточеніе, съ которымъ «сражались Русскіе, было явнымъ доказательствомъ ихъ намѣреній «на предпріятія, болѣе серіозныя.»

Мартонваль (t. II, p. 357) говоритъ: «За успѣхъ подъ Вязь- «мой мы заплатили дорого: много отсталыхъ досталось въ руки «непріятелей.»

Графъ Солтыкъ (p. 379) свѣдѣтельствуетъ: «Отъ Вязьмы, «солдаты шли въ молчаніи; физическія и нравственныя ихъ силы «были одинаково поражены; казалось, что предвидѣли еще боль- «шія бѣдствія» и пр. Далѣе (p. 383): «Отчаяніе (все отъ Вязьмы) «овладѣвало нѣкоторыми, а это лишало нравственныхъ силъ, иные «посягали на свою жизнь, чтобъ однимъ ударомъ прекратить и «ее и страданія.» И, продолжая описывать это положеніе (p. 402), заключаетъ: «И такъ, зародышъ инсубординаціи въ Мо- «сквѣ быстро развился и угрожалъ арміи совершеннымъ распа- «деніемъ.» Что и совершилось.

Принцъ Евгеній Виртембергскій (S. 126 — 147) свѣдѣтель- свуетъ, что «Французская армія была деморализирована до Вя- «земскаго сраженія.» Значитъ, еще до наступленія стужи.

Морицъ Фонъ Миллеръ положительно говоритъ, «что де- моралізація и паденіе дисциплицы начались прежде насту- пленія морозовъ.»

Барро-Руллонъ, въ книгѣ своей, написанной въ 1854 году, когда страсти къ славѣ полчищъ Наполеона, въ 1812 году, нѣ- сколько утихли (p. 178), говоритъ: «Французы тщетно оспари- «ваютъ у Кутузова Малоярославецъ, и должно было вернуться по «разоренной дорогѣ.» А далѣе, какъ увидимъ, онъ скажетъ, что деморализація началась до наступленія морозовъ.»

Баронъ Денье (p. 137) приводитъ слѣдующее: «Наполеонъ «пытался возстановить порядокъ въ войскѣ, начавшемъ бросать «свое оружіе, но усилія его были тщетны.» Капфигъ, говоря о Вязьмѣ (t. XVIII, p. 19), присовокупляетъ: «Здѣсь обнаружился

«великій бичъ, который сокрушилъ колонны болѣе, чѣмъ стужа. «Я говорю (продолжаетъ сочинитель) о распаденіи арміи.»

Генералъ Фезензакъ (р. 83). Въ Вязьмѣ: «Великое множе«ство людей шло разсыпавшись, преимущественно безъ ружей,» присовокупляя, что изъ 1 и 4 корпусовъ почти одна только Италіянская гвардія шла еще въ порядкѣ.

Тьессе (р. 742) пишетъ, «что за Вязьмой солдаты бросили оружіе, не слушались Офицеровъ, а Офицеры болѣе не занимались ими.»

Норвенъ (р. 335), что «до Вязьмы, съ Бредихина, въ арміи распространился безпорядокъ,» и присовокупляетъ: «Даже ночью «не имѣли покоя отъ Казаковъ.»

Вотъ настоящая причина бѣгства, а не морозъ, котораго еще не было, и не недостатокъ продовольствія, которое еще было, не смотря на то, что множество повозокъ съ онымъ было брошено, и изъ нихъ выпрягали лошадей, чтобы впрягать въ повозки, отягощенныя добычею.

По засвѣдѣтельствованію Рооса (р. 193): «Послѣ Вяземска«го сраженія, въ нѣкоторыхъ полкахъ начали снимать съ древокъ «знамена и прятать на себя.»

Сэръ Робертъ Керъ-Портеръ (р. 301) говоритъ, что «еще «20 Октября вся армія была въ бѣгствѣ, ибо нельзя здѣсь упо«требить другаго выраженія, для обозначенія этого отступленія.» Это происходило за семь дней до морозовъ и на столько же послѣ Малоярославца.

Баронъ Фенъ говоритъ, что разстройство арміи начинается еще 21 Октября, и (р. 278) присовокупляетъ: «Когда дѣло дохо«дило до битвы, солдаты, которыхъ почитали упавшими духомъ, «возвращали всю свою живость.» То же говоритъ и Рапинъ (р. 189): «Подходя къ Вязьмѣ и увидѣвъ Русскихъ, солдаты собрали «остатокъ энергіи и вступили въ бой.» Великое множество и чуть ли (около Вязьмы) не болѣе трети арміи, бросило свое оружіе, что какъ то не согласуется съ тѣмъ духомъ при видѣ Русскихъ, который придается Французскимъ солдатамъ Гг. Феномъ

мъ Раппомъ. Это скорѣй доказываетъ только отчаяніе и инстинктъ самосохраненія, разсудокъ и здѣсь былъ въ сторонѣ.

Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, разсуждая о Вяземскомъ сраженіи (до Дорогобужа, гдѣ началась зима), (р. 283) говоритъ: «Наполеонъ продолжалъ отступленіе, но оно составляло уже не военную операцію, а рядъ безпримѣрныхъ злополучій.»

Въ сочиненіи «Beautés, vict. etc.» (р. 190) сказано: «Изъ Вязьмы, послѣ сраженія, армія продолжала отступленіе, но такъ была ослаблена лишеніями всякаго рода, что, не смотря на богатство, ее окружавшее, походила болѣе на побѣжденныя толпы, чѣмъ на побѣдоносные легіоны.»[72]

Буржуа (р. 102) говоритъ объ окрестностяхъ Вязьмы: «Армія вскорѣ распалась; солдаты начали бросать оружіе; составились толпы болѣе или менѣе многочисленныя, и все угрожало скорою и всеобщею деморализаціею.»

Шамбре, сказавъ о сраженіи подъ Вязьмой (р. 374), присовокупляетъ, что Ней, въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, пишетъ: «Самое непріятное обстоятельство этого дня заключается въ томъ, что мои войска были свѣдѣтелями безпорядковъ 1-го курпуса: это пагубный примѣръ, потрясающій нравственность солдата»... Вотъ что Ней пишетъ еще къ Бертье, отъ 22 Октября (р. 377); изложивъ отступленіе отъ Вязьмы:..... «дорога была покрыта, безъ преувеличенія, четырьмя тысячами человѣкъ, изъ всѣхъ полковъ большой арміи, которыхъ не возможно было заставить слѣдовать вмѣстѣ..... При малѣйшемъ нападеніи, они обращаются въ бѣгство и могутъ разстроить колонны,» и т. д.

По словамъ Барона Денье (р. 121), когда Наполеонъ былъ, 20 Октября, въ Семлевѣ, «дисциплина была уже потрясена; «большая часть солдатъ оставила свои ряды» и пр. И это только чрезъ семь дней послѣ сраженія при Малоярославцѣ! Здѣсь

---

[72] Нужно много смѣлости, чтобы назвать бѣгущую, на каждомъ шагу распадающуюся, армію побѣдоносными легіонами! Впрочемъ, къ этимъ выходкамъ Французовъ такъ привыкли, что онѣ и не замѣчаются!

же, въ Семлевѣ, Наполеонъ приказалъ Генералу Дюронелю, съ избранными жандармами, собирать бродягъ, но это ни къ чему не повело, ибо ружья были ими уже брошены. Въ Семлевѣ же, когда Наполеонъ думалъ остановиться и выждать битвы, Ней (p. 124) сказалъ ему: «Вы хотите сразиться, а у Васъ нѣтъ ар«міи.» Это все происходило еще до 26 Октября, когда, по словамъ самихъ Французовъ, началась зима.

Въ описаніи: «Отступленіе Французовъ» (S. 14, 15), сказано, что зима началась послѣ Вязьмы: «Французскія войска раз«дѣлились на толпы и начали бросать оружіе; порядокъ и дисци«плина исчезли; солдаты не смотрѣли на Офицеровъ, а этѣ, въ свою «очередь, не заботились о своихъ подчиненныхъ. Каждый изъ нихъ «былъ такъ занятъ собой, что не обращалъ вниманія на другихъ, «и никто не хотѣлъ ни повелѣвать, ни подчиняться. Почти всѣ «полки были перемѣшаны между собою, а корпуса отличались «одинъ отъ другаго только своими багажными колоніями, забо«тясь прикрывать ихъ фланги отъ Казаковъ.» Въ Дорогобужѣ же, гдѣ началась зима, «1-й, 3-й 4-й корпуса бросили почти всю ар«тиллерію; (присовокупляя:) безпечность, при самомъ началѣ от«ступленія, была такъ велика, что не подумали даже о ковкѣ ло«шадей, на случай морозовъ,» и пр.

О деморализаціи арміи говорятъ всѣ повѣствователи. Здѣсь приведу еще слова Г. Монтиньи, участника войны, издавшаго свои «Воспоминанія» только въ 1853 году. Онъ разсказываетъ одинъ эпизодъ. Два Маршала спорили между собой, при сочинителѣ, кому изъ нихъ прикрывать отступленіе? И послѣ взаимнаго другъ другу представленія причинъ, которыя почитали умѣстными относительно предмета, ихъ занимавшаго, дошли до упрековъ, брани, наконецъ до оскорбленій. «Да! (восклицаетъ сочинитель) до оскорбленій!» И присовокупляетъ (p. 219): «Всѣ исто«рики, писавшіе о достопамятной войнѣ въ Россіи, признаютъ «совершенную деморализацію, до которой армія достигла, особен«но во время своего отступленія, но никто не сорвалъ вполнѣ «покрова, который скрываетъ страшный эпилогъ этой великой «трагедіи. Генералы, Офицеры, солдаты и всѣ, имѣли одну толь«ко мысль, одну цѣль: собственное свое сохраненіе, и для дости«женія цѣли всѣ средства приводились въ дѣйствіе; не имѣли

«энергіи и, такъ сказать, чести... Я слышалъ собственными сво-«ими ушами (около Смоленска) двухъ знаменитыхъ Маршаловъ, «славу нашей Франціи, спорящихъ, при третьемъ лицѣ, о томъ, «кому изъ нихъ бѣжать первому!»

Для полноты картины тогдашняго состоянія Французской арміи, не лишнимъ нахожу сказать нѣсколько словъ о главномъ ея предводителѣ. Въ разныхъ мѣстахъ выше видно было, что, съ самаго начала предпринятой Наполеономъ войны противъ Россіи, онъ казался не въ нормальномъ своемъ положеніи. Онъ не походилъ на того великаго человѣка, какимъ онъ казался прежде, о чемъ всѣ повѣствователи свѣдѣтельствуютъ почти единогласно; даже образъ его обращенія въ Дрезденѣ, когда онъ отправлялся въ армію, доказывалъ его внутреннее волненіе, борьбу различныхъ его предначертаній, строгости и кичливости.[73] Констанъ, первый его камердинеръ, который былъ уже нами приводимъ, въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ своихъ, передаетъ, между прочимъ, наблюденія свои о душевномъ состояніи Наполеона, внѣ офиціяльныхъ его заботъ, о которыхъ было уже упоминаемо.

Вотъ что говоритъ Констанъ (t. V, p. 74): «Предъ самымъ «вступленіемъ въ Россію, Его Величество уже не имѣлъ своего «обычнаго спокойнаго вида, или, по крайней мѣрѣ (присовоку-«пляетъ сочинитель), я имѣлъ случай замѣтить въ тѣ часы, въ «которые имѣли честь приближаться къ нему, что онъ былъ про-«тивъ обыкновенія молчаливѣе... Нѣсколько разъ я видѣлъ его «выходящимъ изъ терпѣнія, что не находилъ Русскихъ, чтобы сра-«зиться съ ними.

«Предъ Генералами своими Императоръ принималъ наруж-«ное спокойствіе (p. 76), которое не всегда было у него на ду-

---

[73] Капфигъ говоритъ, что «Наполеонъ (t. IX, p. 344), выѣзжая изъ Дрездена, «опредѣлилъ кампанію положительными словами:» Большая битва; занятіе «Москвы; Александръ у ногъ его, просящій мира.» Сочинитель замѣ-«чаетъ: Большая битва была дана; Москва занята, но отъ Александра онъ не «получаетъ ни какого извѣстія. Выждавъ восемь дней, онъ самъ дѣлаетъ пер-«вый шагъ къ переговорамъ, отправивъ Лористона.» Но это не было первымъ шагомъ. Еще въ Смоленскѣ онъ, чрезъ Генерала Тучкова 3-го, ищетъ войти въ переговоры, а при занятіи Москвы говоритъ объ этомъ съ Тутолминымъ, а потомъ отправляетъ съ письмомъ Яковлева.

«шѣ. Изъ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ имъ въ такихъ «обстоятельствахъ, я полагаю себя вправѣ думать, что Импера«торъ (это было въ Витебскѣ) желалъ такъ пламенно битвы «только въ тоіі надеждѣ, что послѣ оноіі Императоръ Александръ «вновь предложитъ вступить въ переговоры о мирѣ.

«Очень часто также Императоръ говорилъ (р. 77) съ при«творнымъ презрѣніемъ о непріятелѣ, съ которымъ долженъ былъ «сразиться, но въ дѣйствительности онъ этого не сознавалъ; цѣль «его въ этомъ была та, чтобы возвысить нравственныя силы «Офицеровъ и солдатъ, изъ коихъ многіе не скрывали своего «уныніи.» [74]

Во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, встрѣчаемъ у Констана слѣдующее (р. 97): «Въ Москвѣ у Императора было нѣ«сколько концертовъ. Онъ былъ очень скученъ. Салонная музыка «уже не производила впечатлѣнія на его страждущую душу.»

«Въ продолженіе этоіі эпохи (говоритъ Констанъ, р. 102) я «замѣтилъ, что Императоръ на своемъ ночномъ столикѣ имѣлъ «обыкновенно Исторію Карла XII, сочиненную Вольтеромъ.»

Относительно Исторіи Карла XII, въ рукахъ Наполеона, въ Москвѣ, Генералъ Маркизъ Шамбре, въ предисловіи къ третьему изданію (въ 1839 году) своеі «Исторіи войны 1812 года,»

---

[74] Констанъ (р. 76) присовокупляетъ, что когда Русскіе оставили укрѣпленія Дриссы, въ эту эпоху онъ слышалъ отъ многихъ Генераловъ, что большая битва въ то время была бы событіемъ, спасительнымъ для Французскоіі арміи, въ которую начало уже проникать уныніе. Капфигъ (t. IX, p. 210) говоритъ, что еще въ Вильнѣ «духъ арміи не имѣлъ уже обычноіі веселости: останавли«ваются на предвѣщаніяхъ; при малѣйшеіі неудачѣ тысячи голосовъ возвыша«лись, чтобы обвинять Наполеона» и пр. Такое состояніе арміи не прекраща«лось. Тотъ же сочинитель говоритъ (р. 250): «Когда Французская армія, по «очищеніи нами Смоленска, вступила въ городъ, грусть проникла во всѣ сердца, «она выражалась на всѣхъ лицахъ. Никогда, ни въ одноіі кампаніи, не испыты«вали такого смущенія, какъ въ тотъ день, когда армія ставила свои орлы надъ «покореннымъ городомъ. Смоленская битва (р. 252) была только роковымъ па«діеніемъ: спѣшили хоронить трупы Французовъ, оставляя на виду только Рус«скіе.» Все это отражалось на Наполеонѣ, и мы видѣли выше (Вступленіе), въ какомъ состояніи душевнаго расположенія онъ находился.

говоритъ, между прочимъ (p. 145, not. 9): «Однажды, до вступленія въ Москву, Наполеонъ увидѣвъ Графа Нарбонна, читающаго книгу, спросилъ его, что онъ читаетъ? «Государь! отвѣчалъ «Нарбоннъ, Исторію Карла XII.» — «Это былъ большой глупецъ, «возразилъ Наполеонъ.» — «Ваше Величество! по крайней мѣрѣ, согласитесь, что онъ былъ очень храбръ.» — «Такая храбрость то «же, что храбрость Радзивила!» Наполеонъ сравнивалъ храбрость Карла XII съ отвагой этого Князя, по тому что она часто доходила до безумія.

Боссе, Префектъ Дворца, неотлучно бывшій при Наполеонѣ (t. II, p. 183), говоритъ: «Императоръ во время пребыванія «своего въ Москвѣ читалъ нѣсколько разъ Вольтерову исторію «Карла XII; книга эта постоянно находилась на его бюро и даже «на ночномъ столикѣ.»

Что Исторія Карла XII была въ рукахъ лицъ, окружавшихъ Наполеона, до вступленія еще въ Москву, могло быть очень естественнымъ; ибо, предпринимая походъ въ Россію, они хотѣли ознакомиться съ этѣмъ событіемъ; но замѣчательно то, что Наполеонъ, отозвавшись Нарбонну такъ презрительно о Карлѣ XII, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, въ Москвѣ, былъ неразлученъ съ ней, и Исторія этого Короля не сходила съ его ночнаго столика.

«Послѣднее время пребыванія его въ Москвѣ (продолжаетъ «Констанъ, p. 103) было самое грустное, которое я когда либо «видѣлъ. Въ самыхъ обыкновенныхъ сношеніяхъ съ своими друзьями и совѣтниками Наполеонъ выказывалъ большую холодность, «наконецъ она дошла до молчаливости; проходило по нѣскольку часовъ, что никто изъ присутствовавшихъ не начиналъ разговора. «Императоръ, который обыкновенно сидѣлъ за обѣдомъ недолго, протягивалъ теперь это время до невѣроятности. Нѣсколько «разъ, въ продолженіе дня, онъ бросался на канапе съ романомъ «въ рукѣ: читалъ ли онъ, или нѣтъ, неизвѣстно, но казался погруженнымъ въ глубокія думы.»

Этотъ же Префектъ Дворца, Боссе (t. II, p. 126), разсказываетъ, что, когда Адъютантъ Мюрата привезъ ему извѣстіе о

разбитія авангарда на Чернишнѣ, 6/18 Октября, «Наполеонъ хотя «и не былъ испуганъ, но не менѣе того впалъ въ сильное фи«зическое волненіе. Въ продолженіе всего утра, доколѣ не сдѣ«лалъ послѣднихъ распоряженій о выступленіи арміи, что и на«чалось того же вечера, онъ безпрерывно оттворялъ дверь нашей «дежурной комнаты, звалъ то одного, то другого, говорилъ скоро «и не могъ минуты оставаться на мѣстѣ: едва садился завтракать, «и вдругъ вставалъ. Словомъ, онъ былъ такъ подавляемъ своими «мыслями и всѣми своими предположеніями, что мнѣ нетрудно бы«ло замѣтить, что въ этотъ день онъ созналъ всю свою ошибку, «оставаясь такъ долго въ Москвѣ,» [75] и присовокупляетъ (p. 127), что когда 7/19 Октября выступили изъ Москвы, будто бы, Наполеонъ принялъ опять тотъ видъ спокойствія, въ какомъ онъ его видѣлъ въ продолженіе всего отступленія. Но это послѣднее засвѣдѣтельствованіе встрѣчаетъ болѣе или менѣе противорѣчія во всѣхъ очевидцахъ-писателяхъ: Констанъ говоритъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что только по возвращеніи Наполеона изъ Россіи въ Парижъ, онъ принялъ свой спокойный видъ. Маршалъ же Мармонъ, какъ видѣли выше, говоритъ, что и въ 1813 году онъ оставался во многомъ тѣмъ же, какимъ онъ былъ въ 1812 году, во время кампаніи.

Секретарь Двора Наполеона, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. II, p. 107) говоритъ: «Въ кампаніи 1812 года, чаще чѣмъ во всѣхъ «другихъ, Наполеонъ вставалъ ночью, надѣвалъ халатъ и рабо«талъ въ кабинетѣ. Очень часто страдалъ безсонницею, которой «не могъ одолѣть. И тогда немедленно оставлялъ невыносимую «постель, бралъ книгу, читалъ, ходя взадъ и впередъ; почувство«вавъ голову нѣсколько освѣжившеюся, опять ложился. Очень «рѣдко случалось, чтобы онъ проспалъ двѣ ночи сряду, не про«сыпаясь. Часто онъ оставался отъ безсонницы въ своемъ каби«нетѣ до того времени, въ которое долженъ былъ одѣваться. «Императоръ переносилъ стужу съ большимъ терпѣніемъ, однако «же замѣчали, что она имѣла вліяніе на его физическія свойства.»

---

[75] Наполеонъ въ этомъ случаѣ какъ бы послѣдовалъ Русской пословицѣ: «Пока «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.»

Капфигъ, говоря о пребываніи Наполеона въ Москвѣ, объ его мелочныхъ занятіяхъ (р. 351), присовокупляетъ: «Это свѣдѣ-«тельствовало о необходимости показывать наружное спокойствіе... «Онъ зналъ свои язвы, и сила души его хотѣла скрывать ихъ; «спокойствіе въ великихъ людяхъ не должно приписывать равно-«душію: они удерживаютъ безпокойство для себя, спокойно тер-«пятъ терзанія своего благороднаго сердца, а въ наружу выка-«зываютъ только довѣріе и безстрашіе... Развлеченія Наполеона «(р. 353) не препятствовали ему глубоко разсматривать свое по-«ложеніе, становившееся болѣе и болѣе опаснымъ. Въ это вре-«мя военныя предписанія умножаются; Наполеонъ совѣтуется, ко-«леблется; ни что не исполняется съ тою энергіей, какъ во дни «большихъ битвъ.»

Предъ выступленіемъ изъ Москвы, Наполеонъ приказываетъ сжечь магазины съ водкой и другими предметами; это понятно; но, въ ослобленіи своемъ, приказываетъ сжечь оба дома Графа Ростопчина, домъ Графа Разумовскаго, словомъ, все, исключая Воспитательнаго Дома, взорвать Кремлевскія башни и Дворецъ. Капфигъ присовокупляетъ: «Могло ли взорваніе Кремля облег-«чить отступленіе его, и не доказывало ли подобное дѣйствіе «неуспѣха въ его предпріятіи на владычество и покореніе? Это «горсть праха, которую Юліянъ Отступникъ бросилъ къ небу, «воскликнувъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» [76]

Еще до Смоленска, на возвратномъ пути, неудовольствіе Наполеона начало проявляться при видѣ нестройныхъ толпъ, бросившихъ оружіе, и обвинявшихъ его въ бѣдствіяхъ, ими претерпѣваемыхъ; Капфигъ (р. 423) присовокупляетъ: «Наполеонъ не «выходитъ болѣе изъ карре старой гвардіи; недовольный «солдатъ можетъ покончить съ нимъ; онъ показывается мало;

---

[76] Этотъ послѣдній эпизодъ, съ разсужденіемъ Капфига, вызваннымъ, какъ видно было выше, приказаніемъ Мортье, писаннымъ къ Дарю, со словъ Наполеона, и наконецъ тайное разстрѣляніе десяти Русскихъ, найденныхъ въ подвалѣ, о чемъ авторъ такъ сильно разразился, можетъ ли согласоваться съ возвышенными чувствами, съ благороднымъ сердцемъ, съ значеніемъ великаго человѣка и т. п., которыми одинъ и тотъ же авторъ попеременно величаетъ одно и то же лице?!

«перемѣнятъ костюмъ, сколько для того, чтобы его не узнали, «столько и для того, чтобы одѣться теплѣе.» [77]

Констанъ (p. 123) пишетъ, что когда, въ окрестностяхъ Борисова, Маршалъ Викторъ съ своимъ войскомъ показался отступавшей большой арміи, всѣ приняли войско Маршала за Русскихъ, отрѣзавшихъ отступленіе, и присовокупляетъ: «Я видѣлъ, что Им«ператоръ поблѣднѣлъ.»

Далѣе (p. 127) говоритъ: «Покуда ночью строили мостъ чрезъ «Березину, Наполеонъ ожидалъ разсвѣта въ ветхой хижинѣ. Онъ «сказалъ Князю Невшательскому: «Eh bien, Berthier, comment «sortir de là?» Наполеонъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, крупныя «слезы тихо текли по его, болѣе чѣмъ обыкновенно, блѣдному «лицу.» Еще далѣе (p. 147) первый камердинеръ замѣчаетъ, что въ войнѣ 1812 года Наполеонъ часто вставалъ ночью, страдая безсонницею.

Всѣ эти проявленія не были обычны въ Наполеонѣ: они были порождены предпринятой имъ войною, которая озабочива-

---

[77] Далѣе (p. 441) авторъ говоритъ: «Дѣйствительно, Наполеонъ подвергался опас«ности не только отъ непредвидимыхъ нападеній Казаковъ, но не одинъ разъ «зоркій глазъ солдата обращался на того, кого онъ почиталъ виновникомъ всѣхъ «своихъ бѣдствій; были стачки Офицеровъ, простиравшіяся гораздо далѣе; гвар«дія и священный эскадронъ охраняли Императора.» Буржуа, участникъ похода, свѣдѣтельствуя объ этомъ раздраженіи (2 part., p. 188), говоритъ, что одинъ чиновникъ администраціи, лежавшій на дорогѣ съ переломленною ногой (за Смоленскомъ), увидѣвъ Наполеона, шедшаго въ головѣ старой гвардіи, собравъ послѣднія свои силы, приподнялся и осыпалъ его ругательствами. «Вотъ, говорилъ «онъ, этотъ жалкій кривляка (misérable pantin), который водитъ насъ въ продол«женіе десяти лѣтъ, какъ куколъ! Товарищи! онъ спятилъ съ ума (fou); остере«гайтесь его, онъ сдѣлался людоѣдомъ: чудовище сожретъ васъ всѣхъ.» Наполе«онъ прошелъ, не обращая вниманія, и умирающій продолжалъ.» Далѣе, описывая неожиданный отъѣздъ Наполеона изъ Сморгонь (p. 195), присовокупляетъ: «Спустя около часа, какъ онъ оставилъ армію, я приблизился къ биваку гвардіи, «гдѣ находились многіе Офицеры высшихъ чиновъ. Вскорѣ подошелъ баталіон«ный начальникъ гренадеръ и, относясь къ одному изъ помянутыхъ лицъ, сказалъ «громко: «И такъ разбойникъ (brigand) уѣхалъ?»—«Онъ сію минуту проѣхалъ,» «отвѣчалъ тотъ; «Онъ съ нами поступаетъ, какъ въ Египтѣ.» Удивленный (при«совокупляетъ авторъ) словомъ разбойникъ, и не зная, къ кому оно относи-

ла его, конечно, болѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и даже тѣхъ, которыя онъ выдерживалъ въ послѣдствіи, ибо въ описаніяхъ всѣхъ этѣхъ войнъ, и даже въ войнѣ 1815 г., мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго тому, что замѣчалось въ Наполеонѣ въ кампанію 1812 года. Констанъ (p. 161) говоритъ: «Когда онъ, чрезъ «нѣсколько дней, возвратился изъ Россіи въ Парижъ, то нашелъ «Наполеона совершенно такимъ, какимъ онъ былъ до войны 1812 «года: то же спокойствіе изображалось на его лицѣ.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ періодѣ, ибо всѣ единогласно свѣдѣтельствуютъ, что деморализація арміи началась до наступленія временной зимы, съ 25 Октября въ Дорогобужѣ, когда армія была уже въ полномъ бѣгствѣ, начиная отъ Малоярославца. Теперь же посмотримъ, что говорятъ сами Французы о погодѣ, начиная отъ выступленія изъ Москвы къ Малоярославцу и оттуда до Дорогобужа. Изъ этѣхъ данныхъ, и изъ того, что говоритъ и самъ Полковникъ Лабомъ, описывая эту войну, онъ увидитъ, что общее засвѣдѣтельствованіе всѣхъ иноземныхъ писателей вмѣстѣ съ нимъ, ясно доказываетъ, что армія обратилась въ бѣгство за двѣнадцать дней до наступленія стужи, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана причиной катастрофы, постигшей Наполеоновы полчища, какъ это сочинитель сказалъ въ своей другой книгѣ. Вотъ этѣ краткія выписки:

За нѣсколько дней до выступленія Наполеона изъ Москвы, въ 23 бюллетенѣ, отъ 27 Сентября, [78] онъ говоритъ: «Въ продол«женіе осьми дней солнце теплѣе, нежели въ Парижѣ; мы «не замѣчаемъ, что находимся на Сѣверѣ.»

Въ 24-мъ, изъ Москвы же, 2 Октября: «Погода еще хорошая; первый снѣгъ выпалъ 1 Октября.» Боссе, находившійся при На«полеонѣ (t. II, p. 185), говоритъ тоже: «7/19 Октября, когда мы «выступили изъ Москвы, погода была прекрасная.»

«лось, я началъ прислушиваться къ разговору еще болѣе, и удивился, когда у«зналъ, что дѣло шло о Наполеонѣ!»

[78] Здѣсь и далѣе буду выставлять числа, у насъ принятыя, т. е., стараго счисленія.

Снѣгъ, о которомъ здѣсь говоритъ Наполеонъ, не покрывалъ земли, какъ увидимъ далѣе; онъ показался только въ воздухѣ.

Въ 25-мъ изъ Троицка (на пути изъ Москвы въ Малоярославецъ), отъ 8 Октября: «Погода очень хорошая, какъ въ Октябрѣ «во Франціи, можетъ быть еще не много теплѣе; но въ пер«выхъ числахъ Ноября будутъ холода.»

Генералъ Раппъ приводитъ (p. 181): когда онъ догналъ Наполеона на первомъ переходѣ изъ Москвы къ Малоярославцу, и сказалъ ему, что туземцы предсказываютъ жестокую зиму, Императоръ воскликнулъ; «Bah! bah! съ вашими туземцами. Сегодня «7 Октября, а посмотрите, какая прекрасная погода! Развѣ вы «не признаете моей звѣзды?»

«Въ 26-мъ изъ Боровска, 11 Октября (на канунѣ Малоярославецкаго сраженія): «Русскіе не перестаютъ удивляться погодѣ, «которая стоитъ въ продолженіе двадцати дней. Это солнце и «прекрасные дни прогулокъ въ Фонтенебло »

Въ 27-мъ изъ Верея, 15 Октября (на третій день послѣ помянутаго сраженія): «Погода прекрасная, дороги хорошія; это «конецъ осени; такая погода продлится еще восемь дней, и къ «этому времени мы придемъ на наши новыя позиціи.»

Шамбре (t. II, p. 354) говоритъ, 15 Октября, въ Верею: «День этотъ замѣчателенъ появленіемъ холода; термометръ въ «продолженіе ночи опустился на четыре градуса мороза:[79] впро«чемъ, погода была прекрасная и солнце имѣло еще свою «силу такъ, что всѣмъ нравилось, пока были въ движеніи, но «ночи были чувствительны.» Значитъ, что только отъ четырехъ градусовъ, да пожалуй еще по термометру Цельсія! 19 Октября, говоря, что было холодно (p 357), присовокупляетъ: «но погода «все была очень хорошая.»

Графъ Солтыкъ (p. 345) пишетъ: Во все время движенія Наполеона къ Малоярославцу, «время было прекрасное, темпера-

---

[79] Не сказано, по какому термометру. О семъ будетъ говорено далѣе. Бейтцке, однако же (S. 292), опредѣляетъ морозъ въ 4° по R°, присовокупляя, что днемъ было ясно, солнце имѣло свою силу и т. д.

«тура легкая по времени года и дороги въ хорошемъ состояніи.» (p. 346): «9 Октября пошелъ было мелкій холодный дождь, на-«пугавшій насъ, но онъ прекратился ночью.»

Роосъ (p. 177) свѣдѣтельствуетъ: «15 Октября, въ Боровскѣ, погода была прекрасная.» А Буркерсрода (S. 30) говоритъ, что 15/27 Октября, около Верен, выпалъ снѣгъ.»

Но при этой прекрасной погодѣ и на хорошихъ дорогахъ, армія его, какъ видно было, начала распадаться, бросать оружіе, сходиться толпами и пр.

По засвѣдѣтельствованію Барона Фена, Наполеонъ, недовольный Маршаломъ Даву, который часто останавливался на позиціи противъ Казаковъ (t. II, p. 278) пишетъ ему, «что онъ «опускаетъ дни хорошей погоды безъ маршей.» Ясное опроверженіе той стужи, о которой Полковникъ Лабомъ говоритъ въ другомъ своемъ сочиненіи.

Въ подтвержденіе сему можетъ служить и 28-й бюллетень, уже изъ Смоленска, отъ 30 Октября: «До 25 Октября погода «была очень хорошая, но 26 Октября началась зима.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 103) приводитъ слова Наполеона, подтверждаемыя и Графомъ Лас-Казасомъ (t. IX, p. 393), а отчасти и О'Мearою (t. I, p. 190): «Еще три дня хорошей по-«годы, и армія совершила бы отступленіе въ устройствѣ.» Положимъ, что въ три дня изъ Дорогобужа онъ могъ легко быть въ Смоленскѣ. Но здѣсь главное то: во первыхъ, гораздо прежде чѣмъ успѣли достигнуть Дорогобужа, по хорошей, прекрасной погодѣ, армія уже начала распадаться въ основаніи своемъ, а во вторыхъ, что Смоленскъ не былъ такъ достаточно снабженъ, чтобы могъ обезпечить пребываніе арміи, предполагавшей тамъ остановиться, да и помѣщеній для огражденія отъ морозовъ, хотя тогда и незначительныхъ, не было. Если же бы расположились въ окрестныхъ мѣстахъ, то части этѣ не были бы обезпечены отъ нашихъ нападеній одними даже легкими войсками: у Французовъ конницы давно уже не было. Но обращаюсь отъ мечтаній знаменитаго узника къ положительному.

Баронъ Фенъ, въ Вязьмѣ, 21 Октября (t. II, p, 261): «По-«года прекрасная, но ночи становятся холодными; должно спѣ-«шить воспользоваться хорошими днями.»

Боссе (p. 142) говоритъ то же: «Въ Вязьмѣ 19/31 Октября, «первый холодъ.» Значитъ, только въ Вязьмѣ начались холодныя ночи, а дни были хорошіе. Въ Михалевкѣ (p. 285) говоритъ: «Въ эту пагубную ночь, съ 25 на 26 Октября, настигла насъ зима, которой мы такъ опасались.» Ясно, что именно здѣсь, чрезъ четырнадцать дней послѣ Малоярославецкаго сраженія, въ которые Французская армія бѣжала около трехъ сотъ верстъ, распадаясь съ перваго дня ея отступленія отъ Малоярославца.

Капфигъ (t. XVII, p. 183) пишетъ: «Когда армія, нѣкогда «побѣдоносная, оставила Москву или правильнѣе, обгорѣвшія ея «развалины, погода была прекрасная: легкій морозъ придавалъ «тѣлу силу; сіяло превосходное осеннее солнце.»

Боссе (p. 142) говоритъ, что 4 Ноября (н. сч.), въ Славковѣ, разница въ температурѣ 13, первый снѣгъ предъ Дорогобужемъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что сочинитель шелъ съ Наполеономъ впереди арміи.

Лабомъ (p. 296) говоритъ: «25 Октября спѣшили въ Смо-«ленскъ, до котораго оставалось 20 лье (80 верстъ). Вдругъ око-«ло Дорогобужа, атмосфера, дотолѣ столь ясная, измѣнилась: «пошелъ снѣгъ и настали морозы.»

Тьеръ (p. 464) пишетъ, что при выступленіи изъ Москвы «небо все еще было совершенно яснымъ...» «8/20 Октября прекра-«сная погода продолжается. Въ Можайскѣ (p. 492), ночью, пого-«да, хотя и холодная, днемъ по прежнему была прекрасная. «(p. 496): 9/21, въ Гжатскѣ, ночь была одной изъ болѣе холод-«ныхъ: съ этого времени начали терпѣть отъ температуры.» Но это противно показаніямъ большой части участниковъ; (p. 512): «Въ Дорогобужѣ зима.»

А въ эту-то столь ясную погоду, свѣдѣтельствуемую самимъ Полковникомъ Лабомомъ, армія уже распадалась, и начало зимы въ Дорогобужѣ увеличило только ея бѣдствія.

Всѣ вообще историки показываютъ единогласно, что во все движеніе Французской арміи изъ Москвы, чрезъ Малоярославецъ, до Дорогобужа, погода была прекрасная, небо ясное; по ночамъ иногда легкіе заморзки, но днемъ солнце отогрѣвало оные, и что только съ 25 на 26 Октября, въ Дорогобужѣ началась зима,[80] тогда, когда армія совершила уже около трехъ сотъ верстъ пути въ полномъ разстройствѣ, значительною частію въ толпахъ, побросавшихъ оружіе.

На основаніи всѣхъ данныхъ, обратное движеніе Наполеона изъ Москвы естественно дѣлится на четыре періода, или эпохи:

Первая: прекрасной погоды. Продолжалась со 2 Октября, когда предпринято было движеніе изъ Москвы, чрезъ Малоярославецъ, до Дорогобужа, гдѣ началась временная зима. Эпоха

---

[80] Сверхъ вышеприведенныхъ авторовъ, свѣдѣтельствуютъ то же самое: Сегюръ (t. II, p. 108, 112, 127); Гурго (p. 361); Мишо (p. 138); въ Запискахъ исторіи войны 1812 г. (t. I, p. 260, 267); въ Картинѣ революціонныхъ войнъ (p. 435); Лавалле (t. IV, p. 548); въ Трофеяхъ Франц. арміи (t. IV, p. 191); въ Beautés, vict. (t. V, p. 257); Жиге (t. II, p. 275); въ Жизнеопис. Нея (p. 16); Графъ Дюма (t. III, p. 461); Г-жа Фюзиль (p. 24); Биньйонъ (p. 49); Сентъ-Иларъ (t. III, p. 601); Мортонвиль (t. II, p. 357); Буржуа (p. 85, 96); Миллеръ (t. II, S. 18); въ Skizzen etc. (S. 385); Kurze Darst. (S. 22); Вольцендорфъ и Варрадейнъ (t. III, S. 130); Бейтцке (S. 292 etc.); въ Milit. Briefl. (t. I, S. 423); Редеръ (S. 237); Либенштейнъ (t. II, S. 216); Вентурини, Опис. Франц. войны 1812 и 1813 г. (S. 216); Лемазюрье (S. 43); Козегартенъ, Барро-Руллонъ (p. 179); Генералъ Фезензакъ (p. 86); Галлуа (II part., p. 449), и на стр. 450 опять повторяетъ то же: «до 6-го Ноября (н. сч.), армія была такъ прекрасна» и пр.; но армія была уже разстроена до 6-го ч., что будетъ видно. Гюго (p. 392); Норвенъ (t. III, p. 335); у Сентъ-Илера (Hist. de la camp. de 1812) нѣсколько разъ идетъ первый снѣгъ (p. 267); $^{19}/_{31}$ Октября, въ Вязьмѣ, — «первый снѣгъ, но погода продолжалась прекрасная (p. 283): 4-го Ноября (н. «сч.) выпалъ снѣгъ въ первый разъ (и присовокупляетъ), правда, въ маломъ «количествѣ.... но это было предъявленіемъ большой стужи».... До сего времени войска питались кониной. Замѣчательно также свѣдѣтельство одного изъ камергеровъ Наполеона (L'Empire ou dix ans sous Napoleon, t. IV, p. 18): «2-го «Ноября (н. сч.) сильная стужа даетъ себя чувствовать въ первый разъ,» и присовокупляетъ: «но всѣ утверждаютъ, что 6-го настала стужа, и 29-й бюллетень говоритъ то же,» и т. д. За чѣмъ же онъ обозначаетъ 2-й?!

эта включаетъ въ себѣ двадцать четыре дня и пространства болѣе трехъ сотъ верстъ.

Вторая эпоха: временной зимы, начиная отъ Дорогобужа, 26 Октября, продолжается десять дней, по 4 Ноября, до Краснаго, на пространствѣ около ста двадцати верстъ. Въ эту эпоху, изъ показаній самихъ непріятелей, морозъ до осьми градусовъ по Реомюру, а по другимъ, не называющимъ термометра, отъ двѣнадцати до семнадцати градусовъ, продолжался не болѣе трехъ, а по Гурго, пятеро сутокъ.[81]

---

[81] Вотъ показанія и степени стужи въ эту вторую эпоху: Шамбре (p. 426) опредѣляетъ, 26-го Октября — 12°; 31-го Октяб., 1-го Ноябр. — 17°; 2-го Ноября, слабѣе; 6-го, оттепель, и присовокупляетъ, что самая жестокая стужа продолжалась отъ 28-го Октября до 1-го Ноября, т. е., между Дорогобужемъ и Смоленскомъ, и, однако же, говоритъ, что въ этотъ промежутокъ, — сильныхъ морозовъ,—Вице-Король переходилъ Вопь, по которой шелъ еще ледъ. Рёдеръ (S. 257): Въ Вязьмѣ хорошая погода; 1-го Ноября (н. сч.), ночью — 3°, 4-го, ночью — 5° по R°; (S. 290), на переправѣ чрезъ Днѣпръ, 7-го Ноября (н. сч.)— 15°, по переправлялись на паромѣ. Баронъ Фенъ (p. 229): 2-го Ноября, въ день выѣзда Наполеона изъ Смоленска, было — 19 и 20°. Гюго (p. 393) говоритъ то же. Констанъ (t. V, p. 113) опредѣляетъ прямо — 20°. Въ Skiz. einer Gesch. (S. 385), около Дорогобужа,—начало зимы и стужи. Буркерсрода (S. 37) 11-го Ноября (н. сч.), въ Смоленскѣ — 10, 12°. Лосбергъ (S. 243): «4-го Ноября (н. сч.) Наполеонъ въ Дорогобужѣ; сегодня, въ первый разъ, выпалъ снѣгъ.» Либенштейнъ (S. 219): отъ Дорогобужа до Смоленска, отъ 8-ми до 10°, а въ Смоленскѣ, 2-го Ноября, отъ 15 до 18°. Лабомъ (p. 332): 1-го Ноября, въ Смоленскѣ — 20°. Буржуа (p. 100): около Смоленска отъ 15 до 20°. Kurz. Darstel. etc. (S. 22): съ 26-го Октября, въ продолженіе осьми дней, морозы достигали отъ 16 до 18°. Дю-Касъ (p. 230), отъ 15 до 18°. Лемазюрье, Лѣкарь (S. 48): во время слѣдованія изъ Смоленска въ Красный, стужа достигала до 12 и 16°, и присовокупляетъ, что здѣсь началось отмораживаніе членовъ. Пюибюскъ (p. 122, 136): 29-го Октября, въ Смоленскѣ 16, а 3-го Ноября 25°. Война Франц. 1812 и 1813 годовъ, на Нѣмецкомъ языкѣ (S. 223): «Около Смоленска зима сдѣлалась сильнѣе: 12, 14, 16, 18 и болѣе градусовъ.» Графъ Солтыкъ (p. 371), 27-го Октября, 12°; Генералъ Роньи (p. 223), стужа до Смоленска не была чрезмѣрная, ибо термометръ Реомюра никогда не опускался ниже 8°. Вольдендорфъ и Варрадейнъ (t. III, S. 211): Въ Дорогобужѣ, 25-го Октября, отъ 8 до 10° по R° и т. д. Изъ вышеприведенныхъ показаній видна вся неопредѣлительность точнаго показанія, исключая тѣхъ, которые означаютъ термометръ. Не одинаковое обозначеніе градусовъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ по невѣдомымъ термометрамъ представляетъ

Третья эпоха: оттепелей, отъ окрестостностей Краснаго до переправы чрезъ Березину, которая, какъ извѣстно, еще не замерзала, и нѣкоторыя части Французскихъ войскъ могли переправиться въ бродъ, а именно, съ 4 до 19 Ноября, включаетъ въ себѣ пятьнадцать сутокъ, на пространствѣ около двухъ сотъ верстъ.

Въ Молодечнѣ и Сморгонахъ начинается четвертая эпоха: крѣпкой зимы, постоянно уже, въ продолженіе девяти дней, сопровождавшей ничтожные остатки Французской арміи за Нѣманъ, на пространствѣ около ста пятидесяти верстъ.

О первой эпохѣ: прекрасной погоды, уже говорено; вторая же эпоха, временной зимы, отъ Дорогобужа до Краснаго, въ промежутокъ отъ 26 Октября до 2 или 4 Ноября, когда былъ сильнѣйшій морозъ; въ это время, а именно, отъ двѣнадцати до семьнадцати градусовъ (по нѣкоторымъ же, будто и болѣе 20), а по Жомини и нѣкоторымъ другимъ, по термометру Реомюра, только восемь (по Тьеру 9 и 10); онъ продолжался не болѣе трехъ сутокъ, даже и по словамъ Наполеона, сказавшаго въ своихъ Запискахъ: «Еще три дня хорошей погоды, и армія «совершила бы отступленіе свое въ устройствѣ,» т. е., достигла бы Смоленска; по словамъ же Гурго, стужа продолжалась пятяро сутокъ. Здѣсь должно замѣтить, что разница въ показаніи градусовъ могла произойти не только отъ качества термометровъ

еще путаницу въ томъ, что, называя мѣсто, не указывается число, тогда какъ Французская армія до Смоленска и оттуда до Краснаго растянута была на три перехода; слѣдовательно, и нѣтъ возможности сблизить. Впрочемъ, тѣ, которые держались термометра Реомюра, показываютъ, согласно съ Генераломъ Жомини, что морозъ въ это время, т. е., отъ Дорогобужа до Краснаго, не восходилъ болѣе 8° по R°. Тьеръ (p. 512, 518), то же по R° опредѣляетъ отъ 9 до 10°— до Смоленска; но въ этомъ послѣднемъ, въ день выѣзда (p. 536) Наполеона $^{2}/_{14}$ Ноября, въ 21° по R°, что кажется преувеличено, тѣмъ болѣе, что авторъ ссылается на термометръ, носимый въ петлицѣ Докторомъ Ларреемъ, а по тому исправность или точность онаго сомнительна. Бейлке (S. 292, 293) говоритъ: «Когда Наполеонъ, $^{19}/_{31}$ Октября былъ въ Вязьмѣ, ночью былъ морозъ въ 8° по R°.» Но это онъ говоритъ одинъ. Морозамъ же отъ Дорогобужа до Смоленска онъ даетъ отъ 15 до 18°. Вообще всѣ показанія разнорѣчивы, и должно придерживаться въ этомъ случаѣ Жомини и показаніямъ другихъ, говорящихъ объ этомъ съ основательностію и безъ противорѣчій самимъ себѣ.

и ихъ различныхъ раздѣленій, но и отъ времени наблюденій. Не всѣ, какъ видно было выше, называютъ термометры, служившіе для ихъ наблюденій; тѣ же, которые опредѣляли температуру по R., даютъ оной въ эту кратковременную зиму не болѣе осьми градусовъ.

Послѣ сего наступила оттепель, начавшаяся между 4 и 6 Ноября и продолжавшаяся почти постоянно до Березины, а по переправѣ чрезъ оную, отъ Молодечна до Нѣмана, уже установились постоянно крѣпкіе морозы. Въ оттепели и въ морозахъ согласны всѣ, писавшіе о войнѣ 1812 года, о чемъ не нахожу нужнымъ здѣсь болѣе распространяться.

И такъ, изъ всего вышеписаннаго оказывается, что вліяніе стужи, во второй эпохѣ, т. е., отъ Дорогобужа до Краснаго, на пространствѣ около ста двадцати верстъ, не могло, или, лучше сказать, не должно было быть велико на армію, если бы она вступила въ эту эпоху изъ первой прекрасной погоды, не будучи уже разстроенной. Три дня мороза (хотя бы и дѣйствительнс, какъ свѣдѣтельствуютъ нѣкоторые Французы, отъ двѣнадцати до семьнадцати градусовъ, а Жомини, Роньа, Вольдердорфъ, Варрадейнъ и др., только отъ трехъ до осьми градусовъ, послѣдніе трое означаютъ и термометръ, чего другіе не дѣлаютъ; но пусть даже и семьнадцать градусовъ), при существовавшихъ дисциплины и воинскаго духа, не могли довести армію до того положенія, въ какомъ она находилась, а выше видно было изъ показаній самихъ Французовъ, что въ арміи ихъ дисциплина была потрясена до занятія еще Москвы. Здѣсь началось разстройство, а отъ Малоярославца, послѣ безуспѣшныхъ предпріятій, поколебалось въ основаніи и постепенно распадалось до Дорогобужа, гдѣ начались не сильные и не продолжительные морозы, и тутъ, въ полномъ уже значеніи слова, развилась деморализація. Французская армія до этого періода, или второй эпохи, не могла болѣе почитаться арміею въ смыслѣ военномъ. Она уже была въ разстройствѣ, большею частію бросила оружіе, безъ дисциплины, а по тому не способна была къ стройнымъ движеніямъ и битвамъ; стужа, которая застала ее въ Дорогобужѣ, продолжавшаяся только три дня, не могла имѣть, безъ помянутыхъ условій, столь гибельнаго вліянія. Этѣ же са-

мые Французы, при соблюденіи дисциплины и нравственной силы и не упавшіе духомъ, переносили холода несравненно продолжительнѣйшіе и сильнѣйшіе, безъ всякаго измѣненія одежды и обуви. Я не буду говорить о переходѣ ихъ чрезъ Альпы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, гдѣ, такъ сказать, они переносили на плечахъ артиллерію въ глубокихъ снѣгахъ, подъ мятелью. По ихъ собственному свѣдѣтельству, стужа, продолжавшаяся три дня между Дорогобужемъ и Краснымъ, была слабѣе и не столь продолжительна, какъ въ 1795 году, когда сѣверная Французская армія перешла по льду Вааль и овладѣла Голландскимъ флотомъ въ Зейдерзеѣ; она была гораздо умѣреннѣе той (по словамъ даже самого Генерала Гурго), которая была во время кампаніи въ Пруссіи и Польшѣ въ 1807 году, когда огромныя массы конницы съ артиллеріею, неоднократными атаками сшибались на покрытыхъ льдомъ и снѣгомъ озерахъ и болотахъ; когда рѣки были покрыты столь твердымъ льдомъ, что могли поднимать цѣлую армію, съ ея артиллеріею. Между тѣмъ, во время отступленія Французовъ, отъ Дорогобужа, гдѣ началась зима, до Березины включительно, рѣки не замерзали, и они не могли переходить оныя по льду, исключая бѣгство Нея, едва перебравшагося по одиначкѣ съ нѣсколькими пѣхотинцами чрезъ Днѣпръ, замерзавшій на сутки у Сорока Рѣкъ. Наконецъ, даже въ Испаніи, среди Кастильскихъ горъ, въ теченіе всей зимней кампаніи 1808 года, подъ предводительствомъ самаго Наполеона, стужа, гораздо сильнѣйшая, скользила, какъ замѣчаетъ Д. В. Давыдовъ, по поверхности Французской арміи, не проникая въ средину ея, не разрушивъ ни единства, ни устройства. Какимъ же образомъ, повторяю, морозъ, хотя бы онъ и былъ гораздо крѣпче бывшаго въ 1812 году, въ продолженіе трехъ дней, могъ разстроить армію, или, какъ Полковникъ Лабомъ говоритъ, легіоны, до того, что они въ эти три дня упали духомъ, покинули ряды, бросили оружіе и слились въ одну, такъ сказать, толпу, составившуюся изъ сволочи, скитавшейся безъ начальства, не внимавшей болѣе подчиненности?

Понятно, что все это, при нѣкоторыхъ, впрочемъ, условіяхъ, могло постигнуть Французскую армію отъ Молодечна и Сморгонъ, когда она вступила въ четвертую эпоху крѣпкихъ мо-

розовъ, какъ не свычная съ температурой, которая точно могла быть для Французовъ губительною.[82] Но и этѣ морозы начались въ то время, когда остатки Французской арміи совершили уже до осьми сотъ верстъ, при погодѣ прекрасной и благопріятной для маршей и при трехдневномъ морозѣ, отъ трехъ до осьми градусовъ, и имъ оставалось до Нѣмана только полтораста верстъ.

Не останавливаюсь болѣе на указаніяхъ вліянія мороза, а приведу нѣсколько общихъ заключеній, сдѣланныхъ на отступленіе Наполеоновой арміи. Мнѣнія этѣ тѣмъ замѣчательны, что высказаны самими иностранцами, большею частію участниками похода, которые безпристрастіемъ своимъ не хотѣли жертвовать молвѣ, основанной на фразахъ самохвальства и другихъ личныхъ отношеніяхъ.

Капфигъ (t. XVIII, p. 21, 22) говоритъ: «Масса, которую «называли арміей противъ Россіи, распалась, какъ гигантъ рас«пался бы отъ истлѣнія. Здѣсь представляется важный вопросъ: «въ Исторіи я люблю положительныя данныя, я твердо иду про-

---

[82] Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Французы вообще очень легко переносятъ морозы, даже при неудобствахъ жизни. Въ зимнюю кампанію, при завоеваніи Финляндіи, въ 1808 году, я былъ съ Капитанами л.-гв. егерскаго полка, Графомъ Шапъ де Растиньякомъ и Шевалье де ла Гардомъ, которые несли всю боевую жизнь и переходы въ снѣгахъ, подобно товарищамъ своимъ, Сибирякамъ, безъ всякихъ особенныхъ усилій и изнуреній. Полковникъ Ансельмъ де Жибори, дѣлавшій при 28° по R° мороза обходъ по заливу Торнео, тотчасъ отправленъ былъ для переговоровъ съ непріятелемъ въ Каликсъ, куда я ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ два раза; и онъ, и я, и большая часть изъ нашихъ, не имѣли другой теплой одежды, кромѣ шинелей, подбитыхъ байкой, и Лапонскихъ сапоговъ, которыми нѣкоторые запаслись въ Улеаборгѣ. Подпоручикъ Поисетъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ) дѣлалъ эту кампанію еще съ меньшими запасами, какъ равно и Сѣвскаго полка Подпоручикъ Графъ Оливейра, съ которыми я былъ неразлученъ въ эту войну. Кто помнитъ Графа Ланжерона, Графа Ламберта, Графа Сенъ-При, Графа Мишо и множество другихъ Французовъ и даже Италіянцевъ, служившихъ въ нашихъ войскахъ, и кои почти всѣ дѣлали кампанію 1812 г., конечно, ни одинъ изъ насъ не скажетъ, чтобъ они не переносили трудовъ во время стужи и морозовъ равно съ нами. Вообще же должно замѣтить, что жители юга Европы переносятъ сѣверный климатъ гораздо легче, чѣмъ сѣверные жители южный.

«тивъ предразсудковъ и разбираю ихъ. Какъ должно думать о «мнѣніи, вообще распространенномъ, что безмѣрная стужа была «причиной главной катастрофы въ Россіи? Я разбираю этотъ пред- «метъ на основаніи актовъ Военнаго Министерства. По офиціаль- «нымъ донесеніямъ видно, что погода, которая была хорошей «до Вязьмы, начала свои суровые дни 7 Ноября (по нашему счи- «сленію, 26 Октября), она продолжалась до $^{6}/_{18}$ Ноября. Отъ 10 «Ноября (по нашему 29 Октября) до $^{2}/_{14}$ Ноября армія оставалась «въ Смоленскѣ; въ это время (т. е., въ три дня), стужа была силь- «ная, термометръ упалъ до семьнадцати градусовъ; это, конечно, «много, но уже въ это время, что оставалось изъ арміи въ лю- «дяхъ и лошадяхъ? Стужа эта могла дѣйствовать только на тѣхъ, «которые были еще на ногахъ: павшіе были внѣ ея вліянія. Изъ «данныхъ Министерства оказывается,[83] что въ наступательномъ «движеніи арміи 85 тыс. кавалерійскихъ лошадей перешло Нѣ- «манъ; въ Витебскѣ ихъ было уже только 65 тыс.; въ Москвѣ «менѣе 45 тыс. Главнѣйшая потеря понесена въ этомъ городѣ, и «должно замѣтить, что во все это время погода была постоян- «но хорошая, а не смотря на то, конница была уже вся раз- «строена. 7 Ноября (26 Октября), когда началась стужа, оста- «валось едва 12 тыс. лошадей, считая и артиллерію; слѣдова- «тельно, стужа могла дѣйствовать только на это число, ибо 68 «тыс. лошадей уже не существовало.[84] А по тому не стужа бы- «ла причиной этого великаго уничтоженія, а недостатокъ фу- «ража, худой присмотръ и плохая администрація. Для людей «тотъ же расчетъ: болѣе 400 тыс. человѣкъ перешло Нѣманъ;[85] «въ Москвѣ, включая и отдѣльные корпуса, считали уже едва «половину. Когда отступленіе изъ Москвы начинается во «время лучшей въ мірѣ погоды, то едва 100 тыс. чело- «вѣкъ выходятъ изъ обращенной въ пепелъ столицы; въ Вязьмѣ

---

[83] Всѣ цифры, которыя приводитъ Канфигъ, согласны съ приведенными въ «Journal des sciences milit. Paris. 1849, № 28, p. 89.»

[84] По расчету выходитъ, что не существовало уже 73 т. лошадей.

[85] Упгеръ (Journal des sciences mil. Paris. 1829. № 28) говоритъ (p. 90): «Большая часть этѣхъ войскъ не видѣла Москвы и не существовала уже болѣе, «когда разразилась катастрофа, въ которой погибли остатки ихъ соратниковъ.»

«остается не болѣе 58 тыс., и это только четыре дня послѣ того, «какъ стужа начала проявляться, — обстоятельство важное для за«мѣчанія.[86] И такъ не снѣгъ, этотъ предметъ ужаса, но, повто«ряю, причиной тому былъ недостатокъ администраціи, ошиб«ки, скудость продовольствія,[87] побѣги, отсутствіе всяка«го единства, потомъ смятеніе и безпорядокъ, проникшув«шіе въ эту массу; армія распалась сама собой; это сборище раз«брелось: одни ищутъ крова даже въ рядахъ непріятельскихъ, дру«гіе бѣгутъ какъ потерянные» и т. д. Наконецъ сочинитель за-ключаетъ (р. 23): «Армія погибла прежде, чѣмъ погода при«няла суровый видъ.»

Бурьенъ, Государственный Министръ Наполеона, въ Запи-скахъ своихъ (t. V, стр. 126), между прочимъ, объясняетъ, что «Наполеонъ неосновательно приписываетъ истребленіе своей арміи въ 1812 году морозу.»

Вальтеръ-Скоттъ, описывая кампанію 1812 года, доказы-ваетъ (t. VII, p. 123 — 132), что разстройство Французской ар-міи началось гораздо прежде наступленія морозовъ, которые бы-ли умѣренные во время слѣдованія ея до переправы чрезъ Березину, и что даже паденіе снѣга, сопровождаемое сильнымъ морозомъ, недостаточно само собой для того, чтобы разрушить отступающую армію до основанія, что въ этомъ случаѣ должны погибнуть только солдаты самые слабые,[88] но что цѣлой арміи удобнѣй производить движеніе зимой, нежели въ дождли-вую погоду, присовокупляя къ тому, что суровость погоды (т. е., отъ Березины уже) значительно умножала бѣдствія и потери арміи, наконецъ: «Морозы не были первой и ни съ какой «точки зрѣнія главнѣйшей причиной этѣхъ бѣдствій, и во

---

[86] Оно еще важнѣе по тому, что и въ Вязьмѣ, по общему засвѣдѣтельствованію, погода была превосходная, только по ночамъ было нѣсколько свѣжо, какъ это видно выше.

[87] Самый недостатокъ продовольствія происходилъ не отъ того, чтобы его не было при отступленіи, но по тому, что господствовалъ безпорядокъ, отупѣніе распо-рядителей: повозки съ продовольствіемъ бросались, магазины разграблялись и т. п.

[88] Маркизъ Шамбре, какъ видно будетъ далѣе, полагаетъ противное.

«время похода Наполеона по дружелюбной ему странѣ, Литвѣ, «онъ не былъ еще пораженъ ни разу, а потерялъ 10 тыс. лошадей и 100 тыс. человѣкъ. Развѣ эта потеря (продолжаетъ сочи«нитель), случившаяся въ Іюнѣ и Іюлѣ, была причинена раннимъ «снѣгомъ, какимъ называютъ снѣгъ, выпавшій 25 Октября? (6 «Ноября)?» Онъ заключаетъ разсужденіе свое о вліяніи морозовъ на Французскую армію, слѣдующими словами: «Такимъ образомъ «почти три четверти арміи, которую Наполеонъ привелъ въ Рос«сію, было разрушено, а остальная четвертая часть приведена въ «жалкій безпорядокъ еще до выпаденія снѣга, которому Напо«леонъ потомъ заблагоразсудилъ приписать свою неудачу.... Ко«нечно, когда наступила чрезмѣрная стужа, тогда нужды и поте«ри Французской арміи еще умножились; но зима была только «союзницей Русскихъ, а не единственной, какъ тогда думали, «защитницей ея: отступленіе Наполеоновой арміи совершилось «подъ остреемъ Казацкихъ пикъ прежде, нежели морозы Сѣ«вера понудили ее къ отступленію.»

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ, между прочимъ (t. III, p. 231) говоритъ: «Нѣсколько дней послѣ выступленія изъ Москвы, «когда солдаты имѣли еще продовольствіе для поддержанія «своихъ силъ, они находили тогдашній морозъ уже весьма жесто«кимъ, между тѣмъ, какъ онъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, «который постигъ ихъ за Березиной, достигая до двадцати осьми «градусовъ.» Наконецъ, разбирая сдѣланныя Французами въ эту войну ошибки, онъ ставитъ въ число ихъ и недостатокъ свѣдѣній о климатѣ Россіи, присовокупляя (p. 236): «Когда я говорю «о Русскомъ климатѣ, то не разумѣю тутъ только чрезвычайные «холода, постигшіе насъ около конца экспедиціи (т. е., отъ «Березины), по тому что климатъ дѣйствуетъ на насъ, хотя съ «меньшею силой, и лѣтомъ также, какъ зимой.»

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ предисловіи къ третьему изданію своего сочиненія (p. XV), говоритъ: «Относительно ужас«ныхъ бѣдствій, обрушившихся на Французскую армію, во время «ея отступленія, бѣдствій, которыя Наполеонъ приписываетъ един«ственно морозу, Сенъ-Сиръ (присовокупляетъ сочинитель) от«вергаетъ такъ, какъ и я: это завѣреніе теперь всѣ знаютъ,

«говоритъ Маршалъ (t. III, p. 238), что, когда большіе морозы «начались по переправѣ чрезъ Березину, семь осьмыхъ нашей ар«міи уже не существовало.»

Баронъ Жоминп, опредѣливъ, какъ видно было выше, начало зимы 26 Октября (p. 245 — 256), присовокупляетъ: «Мо«розъ этотъ не былъ преждевременнымъ, но, напротивъ, онъ «начался позже обыкновеннаго; онъ не былъ чрезвычайнымъ, «ибо до Краснаго измѣнялся отъ 3 до 8 градусовъ, [89] а съ 8 «Ноября наступила оттепель, продолжавшаяся до Березины; одинъ «только день ледъ на Днѣпрѣ могъ подымать пѣхоту, а къ ве«черу оттеплѣло; самая сильная стужа, во время этѣхъ морозовъ, «продолжалась только три дня, отъ Дорогобужа до Смоленска, «и по этому она не превосходила мороза въ продолженіе Эйлау«ской кампаніи, во время которой Березина замерзла, а въ на«стоящее время нѣтъ, но тогда въ арміи былъ удержанъ поря«докъ, а по тому морозъ 1812 года (продолжаетъ этотъ же со«читель) не могъ имѣть такого вліянія на армію, ибо до «Березины онъ былъ очень сносенъ, сдѣлался же крѣп«кимъ только отъ Сморгонъ.»

Кохъ, также отвергая причину бѣдствій отъ морозовъ, до переправы чрезъ Березину, присовокупляетъ: «Причины этѣ, какъ «кажется, состоятъ въ недостаткѣ распорядительности отно«сительно продовольствія.» Съ тѣмъ, что не было распорядительности, бывшей главной причиной упадка духа и деморализаціи, должно вполнѣ согласиться: это истина; относительно же продовольствія сказать того нельзя: продовольствіе было, но именно нераспорядительность и потеря духа были виной этого голода.

Принцъ Евгеній Виртембергскій (S. 126) говоритъ: «Мно«гіе Французскіе писатели усиливаются приписывать деморали«зацію своей арміи стужѣ, будто бы начавшейся съ первыхъ «переходовъ, чѣмъ и ищутъ прикрыть свои неудачи въ разныхъ «битвахъ. Но это несправедливо, ибо ночи были только нѣсколько

---

[89] Что подтверждаютъ, какъ видѣли выше, и многіе другіе участники отступленія, опредѣляя эту стужу до 8° по R°.

«свѣжи, а температура была вообще благорастворенная и легкая.» «Далѣе (p. 147): «До Вязьмы имѣли хорошую погоду, 23 Октяб- «ря выпало немного снѣга, и 25 началась зима, но температура «была легче, чѣмъ въ 1807 году, во время Эйлауской кампаніи, «когда Французы, съ силой Геркулеса, противостояли суровости «этого элемента. Историческіе факты доказываютъ, что числи- «тельность непріятельской арміи, послѣ сраженія при Вязьмѣ, «когда термометръ R не показывалъ и нуля, не превышала уже «и сорока тысячъ способныхъ къ бою.... (S. 150), 24-го Октября «между Вязьмой и Дорогобужемъ мы увидѣли признаки состоянія «непріятельской арміи уже гораздо въ высшей степени. Насъ «удивляло болѣе то, что въ числѣ мертвыхъ мы находили людей «вовсе не раненыхъ, между тѣмъ какъ погода была еще лёгкая.»

Маркизъ Шамбре, тоже участвовавшій въ этомъ походѣ, разсуждая объ истребленіи арміи, не приписываетъ это прямо морозу, какъ причинѣ первостепенной. Онъ (t. III, p. 197) говоритъ: «Не одна стужа разстроила и истребила армію, но «тому что 2 и 9 корпуса,[90] сохранили совершенный порядокъ, «не смотря на то, что испытали такую же стужу, какъ и главная «армія. Стужа сухая и умѣренная, сопровождавшая войско «отъ Москвы до перваго снѣга (т. е., до Дорогобужа, триста «верстъ), была болѣе благопріятна, нежели гибельна.» Далѣе, онъ приписываетъ главную причину разстройства арміи голо- ду, безпрерывнымъ переходамъ и, какъ выражается, кочевью.[91]

Послѣ помянутыхъ двухъ причинъ, Шамбре продолжаетъ: «и наконецъ уже стужа, когда она достигала до чрезвычай- «ности, т. е., отъ Молодечна до Нѣмана, или когда она была «сопровождаема снѣгомъ.» Здѣсь Г. Шамбре является не знато-

---

[90] Герцоговъ: Реджіо (Удино) и Безпскаго (Виктора), дѣйствовавшихъ противъ Графа Витгенштейна и придвинувшихся къ Березинѣ, когда Наполеонъ подошелъ къ ней.

[91] Если бы администраторы и главные начальники не потеряли головы, то голода не могло бы быть: ибо продовольствіе было, только не доставало фуража. Упоминая же о безпрерывныхъ переходахъ и кочевьяхъ, Г. Шамбре этѣмъ самымъ не хотя высказываетъ истину, что наши Казаки и другая легкая

комъ зимы, ибо снѣгъ умѣряетъ морозъ; конечно, онъ хотѣлъ тутъ выразить мятель.

Нельзя не замѣтить здѣсь странной выходки Г. Шамбре, доказывающаго, что морозъ былъ благопріятнѣй для Французовъ, чѣмъ для насъ!... Вотъ какъ онъ витійствуетъ (р. 143): «Морозъ, съ 23 Ноября, былъ гибельнѣе для Французовъ, чѣмъ «для Русскихъ. Но съ военной точки зрѣнія, онъ былъ благо«пріятенъ Наполеону, и дѣйствительно, если морозъ истребилъ «огромное число солдатъ во Французской арміи, то большая «часть погибла бы позже, или досталась бы въ руки Русской «арміи (оригинальная Французская логика, достойная Англичанъ!). «Въ Русской арміи, напротивъ, морозъ постигалъ только солдатъ, «совершенно крѣпкихъ и здоровыхъ (по чему?!), что заставляло «Кутузова останавливаться, а это спасло остатки Французской «арміи. Замедленіе Кутузова было самымъ счастливымъ событіемъ «для Наполеона, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ «тогда находился, ибо Германія призывала своими желаніями «Русскихъ» и т. д. Наполеонъ, однако же, не раздѣлялъ мнѣнія своего Маркиза; ибо, въ 29 бюллетенѣ изъ Молодечна, отъ 21 Ноября, онъ приписываетъ «всѣ бѣдствія морозу.»

Наконецъ, вотъ что говоритъ и самъ Тьеръ (р. 159, 160): «Историки, съ упорствомъ оправдывавшіе войну въ Россіи тѣмъ, «что приписывали разрушеніе двинувшейся изъ Москвы арміи «большой стужѣ, сопутствовавшей этому отступленію и лишеніямъ, «которымъ она подвергалась на протяженіи 250 льё ея слѣдова«нія и пр.; это ошибка, сдѣланная писателями, не разсма«тривавшими близко подлинныхъ документовъ. Переписка «Генераловъ, Министровъ, даже Префектовъ, доказываетъ, что «причины этѣхъ великихъ бѣдствій существовали гораздо

конница, а за ними часто и наша пѣхота, напасками своими не давали непріятелю ни покоя, ни времени останавливаться биваками. Слѣдовательно, безпрерывные переходы Французскихъ войскъ были вынуждаемы нашими войсками, а кочевье происходило отъ того, что, для пріобрѣтенія соломы и дровъ, нельзя было сворачивать съ дороги, изъ опасенія потерять фуражировъ, приходилось спать на голой землѣ и часто безъ дровъ, что даже и не въ холодное время не можетъ быть благопріятно для арміи. Въ 1854 году дивизія Леспинаса въ Добручѣ убѣдилась въ этомъ.

«ранѣе и были болѣе глубокія. Дѣйствительно, къ разруше-«нію арміи содѣйствовали безконечныя войны, которымъ должно «было удовлетворять поспѣшными наборами солдатъ, дѣтей храб-«рыхъ, но слабыхъ, въ союзѣ съ иноземцами, худо расположен-«ными, и съ тяжестями, которыя не могли выдерживать такихъ «разстояній. Этѣ причины начали разрушать армію гораздо преж-«де, чѣмъ пришли въ Москву, и отступленіе изъ сего города толь-«ко довершило оное.[92] Недостатокъ продовольствія, падежъ ло-«шадей, превратившій часть конницы въ пѣшихъ, создали издав-«на гибельную привычку къ бродяжничеству, которое потомъ, въ «эту роковую кампанію, развилось, когда причины, произведшія «оное, достигли до послѣдней степени ихъ силы. Вотъ начало, «которое мы заявляемъ здѣсь, на основаніи безпрекословныхъ до-«казательствъ, тщательно собранныхъ. Нашъ трудъ былъ совер-«шенъ на тѣхъ самыхъ данныхъ, которыя представляемы были «Наполеону отдѣльными начальниками, и на которыхъ онъ основы-«валъ свои соображенія.» Г. Тьеръ, конечно, не упустилъ бы при-писать стужѣ бѣдствія, постигшія въ 1812 году войско Наполео-на, если бы это было такъ.

Изъ вышеписаннаго ясно видна вся неосновательность фра-зы Полковника Лабома, приписывающаго стужѣ причину ката-строфы Французской арміи въ 1812 году. При этомъ въ одно и то же время многіе присоединяютъ къ стужѣ и недостатокъ про-довольствія, думая, что если бы армія не терпѣла голода, то вліяніе стужи не было бы для нея такъ поразительно.

Но столь же неправильно приписывать этѣ бѣдствія недо-статку продовольствія, сколько правильно то, что Французская

---

[92] Къ этой истинѣ Г-ну Тьеру слѣдовало бы прибавить и то, что Наполеонъ наткнулся на такого непріятеля, какъ Русскіе. То положеніе, въ которомъ, по словамъ автора, находилась Французская армія при началѣ войны съ нами, было бы очень достаточнымъ еще, чтобы разгромить всѣ соединенныя силы материка Европы, исключая Русскихъ, тогда чуждыхъ политическихъ впечатлѣній и не впадающихъ въ уныніе. Я знаю по опыту, что въ этѣхъ послѣднихъ случаяхъ, вмѣсто унынія, потери духа, ослабленія дисциплины, какъ это бываетъ въ другихъ арміяхъ, у насъ, напротивъ, усиливается энергія: это доказано болѣе всего въ томъ же 1812 году и наконецъ въ послѣднюю войну, въ Севастополѣ.

армія въ то время дѣйствительно и очень часто терпѣла голодъ, иногда восходившій до высшей степени, заставляющей содрогаться отъ одной мысли.

Разсматривая со вниманіемъ подробности описаній всѣхъ историковъ, говорившихъ о войнѣ 1812 года, ни какъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы Французская армія, во время своего отступленія, терпѣла голодъ по причинѣ дѣйствительнаго недостатка въ продовольствіи; бѣдствіе это должно относить единственно къ деморализаціи арміи, къ отсутствію дисциплины, буйству солдатъ, къ отупѣнію администраторовъ и къ безпорядкамъ, господствовавшимъ вообще вездѣ.

Предметъ этотъ долженъ дѣлиться на три главные періода: 1, движеніе арміи къ Москвѣ; 2, пребываніе ея въ Москвѣ, и 3, отступленіе.

Первый: дѣйствительнаго голода, когда армія двигалась еще къ Москвѣ. На этомъ пространствѣ, начиная отъ Нѣмана, она уже претерпѣвала недостатки, возраставшіе до самой Москвы, такъ что съ береговъ Двины конина начала появляться на бивачныхъ кострахъ, а отъ Днѣпра она вошла уже въ общее употребленіе. Послѣдствія этѣхъ лишеній были гибельнѣе, нежели на возвратномъ пути. Въ первомъ случаѣ армія лишилась несравненно болѣе людей и лошадей, чѣмъ во второмъ. Если тогда общія послѣдствія не были такъ ужасны и одинаковы, то по тому, что она шла впередъ; надежда на добычу въ Москвѣ одушевляла ее; время года благопріятствовало ея составу, и наконецъ въ ней еще существовала дисциплина, хотя уже и ослабленная; слѣдовательно, духъ ея не былъ совершенно потрясенъ и деморализація не была общею.

Второй: безпорядка, или пребыванія въ Москвѣ. Здѣсь относительно продовольствія, положеніе арміи, какъ изъ данныхъ видно, поправилось, но нравственныя ея силы вдругъ, съ заревомъ Москвы, ослабли; найденные въ ней въ изобиліи способы безпорядочно захватывались, истреблялись своевольемъ массы [93] и т. д. Наконецъ.

---

[93] Лась-Казасъ, Монтолонъ (t. IX, p. 191), О'Меара (t. I, p. 193, Mém.

Третій: отступленіе, съ обезпеченнымъ продовольствіемъ, названный лишеніями, голодомъ, представляетъ совершенно противоположное первому періоду, по тому что въ это обратное движеніе армія имѣла съ собой большіе запасы, что свѣдѣтельствуется всѣми историками, и независимо отъ того, что она на пути до Смоленска имѣла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ магазины, разграблявшіеся передовыми войсками, что встрѣчала транспорты, но и при выступленіи изъ Москвы, она везла и несла съ собой продовольствіе на пятьнадцать, по другимъ на двадцать, дней, а это обезпечивало ея существованіе, по крайней мѣрѣ, до Смоленска; но потеря дисциплины, эгоизмъ, паническій страхъ, деморализація, начавшаяся въ большихъ размѣрахъ отъ самаго Малоярославца, буйство, отупѣніе властей и распорядителей, было уже безсильно къ правильному удовлетворенію нуждъ арміи. Историки не разъ приводятъ примѣры такихъ без-

---

de Napoleon etc.), Дюма, Ген.-Инт. (t. III, p. 446, 453), Нюнбюскъ (p. 116); Сентъ-Илеръ (t. III, p. 272), Сюррюгъ (p. 19, 35, 22,, 133); Денье (p. 319), Гюго (p. 389), Мортонваль (t. II, p. 301, 322, 324, 330), Шамбре (t. II, p. 132, 135, 154, 162, 166, 208, 209), Графъ Солтыкъ (p. 304, 307, 319), Лабомъ (p. 223), Раппъ (p. 172), Истор. истреб. Москвы, очев. (p. 72, 93, 104, 147, 148, 155), Бошанъ изъ Ларрея (p. 60, 63, 65, 66, 68, 71, 72, 73, 74), Лавалле (p. 541), Вольдендорфъ и Варрадейнъ (t. II, S. 163, 165, 166), Война Франц. 1812 г. (S. 166), Два очевидца Моск. пожара (p. 157, 159, 160, 174, 189), Фенъ (t. II, p. 151, 154, 208, 213), Карт. револ. Войнъ (p. 431), Ронья (p. 211), Роосъ (S. 146, 147), Мишо (p. 135) и Сегюръ (t. II, p. 71), присовокупляютъ, что Генералъ-Интендантъ Дарю предлагалъ Наполеону прозимовать въ Москвѣ, посолить лошадиное мясо, прибавляя, что «въ хлѣбѣ и соли недостатка не будетъ.» Бюллетени одинаково свѣдѣтельствуютъ о значительномъ количествѣ всякихъ жизненныхъ припасовъ, найденныхъ въ Москвѣ, и всѣ одинаково говорятъ, что одинъ господствовавшій тамъ безпорядокъ былъ виной, что одни имѣли продовольствіе изобильное, и даже роскошное, оставивъ при выступленіи знатное его количество, другіе же претерпѣвали нужду, т. е., только тѣ, которые находились въ отдаленіи отъ Москвы. Одинъ недостатокъ въ фуражѣ былъ часто ощущаемъ. Боссе, говоря о пребываніи въ Москвѣ и о предположеніи зимовать въ ней, присовокупляетъ (t. II, p. 129): «Если бы дѣйствительно это состоялось, то, конечно, ни«чего бы не случилось хуже того, что мы испытали въ послѣдствіи. Въ Москвѣ «(говоритъ онъ) армія была бы укрыта, удобно размѣщена, возстановила бы свои «силы, между тѣмъ какъ Русскіе, подвергаясь всей жестокости температуры, не «предпринимали бы ничего очень враждебнаго.» Фраза!

порядковъ, насилій, въ слѣдствіе которыхъ все расхищалось, разбрасывалось, водка текла по улицамъ. [94]

---

[94] Графъ Мантолонъ (p. 113), Баронъ Фенъ (t. II, p. 161), Графъ Солтыкъ (p. 343) и др., говорятъ, что Наполеонъ, выступая изъ Москвы, везъ съ собой для арміи на двадцать дней продовольствія, и съ нимъ онъ могъ достигнуть до Смоленска. Графъ Сегюръ (t. II, p. 79, 82, 110), что только на пятьнадцать дней; Мортонваль (t. II, p. 32) не думаетъ, чтобы взято было на двадцать дней. Однако, всѣ же писатели утверждаютъ, хотя и не обозначая количества, что изъ Москвы было взято продовольствіе, которое и везлось на многочисленныхъ, казенныхъ и частныхъ, повозкахъ. Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 277, 278), что въ Москвѣ армія снабжена была продовольствіемъ. Жомини (t. II, p. 239), Роосъ (S. 166, 168), Лавалле (p. 547), Буржуа (p. 84, 85), Карт. рев. войнъ (p. 431) и т. д., подтверждаютъ это. Всѣ безъ изъятія очевидцы свѣдѣтельствуютъ, что и частные экипажи были завалены съѣстными припасами, а количество этихъ повозокъ уподобляется очевидцами переселенію варварскихъ народовъ. Генералъ Фезензакъ, командовавшій тогда полкомъ (p. 68), говоритъ, что, при выступленіи изъ Москвы, онъ наполнилъ всѣ повозки полка (а по засвѣдѣтельствованію его, — p. 70, — и многихъ другихъ; каждая рота имѣла по нѣскольку повозокъ, независимо отъ множества частныхъ, кромѣ казенныхъ фуръ) продовольствіемъ, и что, за всѣмъ тѣмъ, онъ долженъ былъ оставить въ своей Штабъ-квартирѣ муку, которой не могъ взять съ собою. Проходя, при выступленіи изъ Москвы (p. 71), мимо Симонова монастыря, онъ видѣлъ, какъ въ немъ жгли оставляемое продовольствіе, котораго съ собой поднять не могли, и восклицаетъ: «И по небреженью, достойно-«му того времени, не извѣстныя о томъ Полководцовъ. Оставалось мѣсто во мно-«гихъ фурахъ (отъ чего же онъ самъ бросилъ муку?); и такъ мы были зрите-«лями, какъ предъ нашими глазами сожигали съѣстные припасы, которые, «можетъ быть, спасли бы намъ жизнь» и т. д. Вентурини (t. I, S. 372) одинаково свѣдѣтельствуетъ о сожженіи магазиновъ съ съѣстными припасами въ Симоновомъ монастырѣ; впрочемъ, это свѣдѣтельствуется многими очевидцами, Французами и Нѣмцами, и не объ однихъ магазинахъ сего монастыря. По направленію къ Малоярославцу, два очевидца Московскаго пожара (p. 178), говорятъ, что взятое изъ Москвы продовольствіе умножилось стадомъ, случайно бросившимся въ средину арміи. Роосъ (S. 177) свѣдѣтельствуетъ, что въ Боровскѣ нашли овощи, а на огородахъ капусту. Шамбре (t. II, p. 364) присовокупляетъ, что до Можайска представлялись средства даже въ фуражѣ. Два очевидца Московскаго пожара (p. 178, 179) говорятъ объ изобиліи фуража въ Можайскѣ, что многіе запасы скоро должно было бросить на дорогѣ. Цельнеръ (S. 151) свѣдѣтельствуетъ, что съ перваго дня отступленія отъ Малоярославца начали бросать повозки съ продовольствіемъ. Денье говоритъ (p. 108), что многіе запасы скоро должно было бросить на дорогѣ. Генералъ Фезензакъ (p. 76), что, отступая отъ Можайска, должно

Многіе изъ иноземныхъ и нашихъ писателей хотятъ увѣрить, будто бы Наполеонъ, отъ Москвы до Смоленска, гдѣ былъ пер-

---

было прибѣгнуть къ запасамъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ, и присовокупляетъ: «Но такъ какъ они были собраны грабежемъ, то и распредѣленіе такового «было неровное, такъ что въ однихъ полкахъ былъ скотъ, а не было хлѣба, «въ другихъ же былъ хлѣбъ, но не было мяса. То же самое было и въ ротахъ «одного и того же полка: однѣ роты умирали съ голоду, тогда какъ другія находились въ изобиліи. Начальники приказывали дѣлиться, но эгоизмъ употреблялъ «всѣ средства, чтобы обмануть надзоръ и избѣгнуть ихъ власти....» — «Люди, «сворачивавшіе съ дороги, попадали въ руки Казаковъ, или поселянъ» и т. д. Буржуа говоритъ (p. 92): Когда въ Можайскѣ соединились съ войсками, шедшими изъ Москвы прямо, то у нихъ было уже брошено множество повозокъ съ съѣстными припасами и фуражемъ. Хранили только золото, серебро и другія драгоцѣнности.» Въ Войнѣ Франц. въ 1812 г. (S. 211) видимъ, что по дорогѣ отъ Малоярославца еще только къ Можайску, въ одинъ разъ брошено сто повозокъ съ продовольствіемъ. Роосъ (S. 183) свѣдѣтельствуетъ, что въ Колоцкомъ монастырѣ нашли магазинъ съ разными съѣстными припасами, и что (S. 185) «здѣсь раздавали муку и соль.» Шамбре (t. II, p. 365) говоритъ, что за Можайскомъ, къ Гжатску, при арміи былъ еще скотъ. Солтыкъ (p. 368) пишетъ, что отъ Москвы до Смоленска всѣ этапы были снабжены съѣстными припасами. Въ Вязьмѣ былъ магазинъ. Фенъ говоритъ, что изъ опаго гвардія и другія части арміи, шедшія впереди, получили продовольствіе. Буржуа (p. 99) присовокупляетъ, что этѣ передовыя войска разбили магазины въ Вязьмѣ. Сегюръ (t. II, p. 121) свѣдѣтельствуетъ, что въ Вязьмѣ недостатка пищи въ войскахъ не было. Солтыкъ (p. 370): «До Вязьмы вообще армія мало терпѣла, по тому что имѣла свое про«довольствіе.» Видно также, что былъ и фуражъ, только уже на исходѣ. Жомини (t. II, p. 213): «Пройдя Вязьму, взятое изъ Москвы продовольствіе «истощается.» Лавалле (t. IV, p. 741) описываетъ, какъ Казаки, еще до Вязьмы, безпокоили ихъ и отбивали обозы. Констанъ (t. V, p. 115,, говоря о толпахъ, бросившихъ оружіе, присовокупляетъ: «иногда эти несчастные, «съ намѣреніемъ распространяли безпорядокъ, чтобы вырвать у своихъ товари«щей, лучше ихъ снабженныхъ, либо плащъ, либо съѣстные припасы: «Вотъ «Казаки!» былъ кликъ тревоги.» Лабомъ (p. 301) говоритъ, что существовавшіе магазины въ Дорогобужѣ были разграблены. Очевидецъ Либенштейнъ (S. 221) говоритъ, что водка текла по улицамъ Дорогобужа. Мортонваль (p. 358) пишетъ, что около Дорогобужа бросили нѣсколько повозокъ съ оставшимся продовольствіемъ. Шамбре (p. 382) свѣдѣтельствуетъ, что многіе полки имѣли еще скотъ до Дорогобужа, гдѣ началась временная зима, и присовокупляетъ, что Маршалы, Генералы и всѣ тѣ, которые сохранили экипажи, жили въ изобиліи. Буркерсрода (S. 34) свѣдѣтельствуетъ, что до Дорогобужа они имѣли водку и сухари. Лоссбергъ (S. 235) говоритъ, что полкъ его (Вестфальскій) $^{16}/_{28}$ Октября имѣлъ еще продовольствія на четыр-

вый на пути главный магазинъ, не могъ везти съ собой двад-

надцать дней, и присовокупляетъ (S. 242), что въ Дорогобужѣ получили сухари и муку (полкъ шелъ изъ первыхъ); въ этомъ городѣ были съѣдены послѣднія шесть коровъ, бывшихъ съ полкомъ. Въ Войнѣ Франц. въ 1812 г. (S. 216): «Въ Дорогобужѣ доѣдаютъ послѣдній хлѣбъ, взятый въ «Москвѣ.» Отъ Дорогобужа же до Смоленска оставалось только три перехода. Многіе транспорты изъ Смоленска идутъ на встрѣчу арміи. Солтыкъ (p. 374) говоритъ, что первый транспортъ пришелъ 27 Окт. (8 Нояб.), слѣдовательно, около Дорогобужа. Сегюръ (t. II, p, 136) пишетъ, что Шарпантье изъ Смоленска высылаетъ продовольствіе на встрѣчу арміи. Это подтверждаетъ Шамбре (p. 386). Пюибюскъ, Интендантъ въ Смоленскѣ (p. 119), говоритъ о двухъ большихъ транспортахъ, отправленныхъ изъ Смоленска къ отступающей арміи, и обѣщаетъ, что въ слѣдъ за ними послѣдуютъ другіе. Сегюръ (t. II, p. 148) говоритъ, что нѣкоторые транспорты были перехвачены. Шамбре, (p. 419) свѣдѣтельствуетъ то же. Въ Skizzen etc. (S. 375) говорится о перехваченномъ Русскими партизанами, около Вязьмы, транспортѣ изъ 140-ка воловъ и 41-й большой фуры съ сухарями. Нѣкоторые же транспорты достигаютъ, какъ это видно изъ повѣствователей. Вице-Король, направившійся на Витебскъ, при переправкѣ чрезъ Вопь, по словамъ Мортонваля (t. II, p. 360), потерялъ тысячу повозокъ съ имуществомъ и продовольствіемъ. Вентурини (t. I, S. 433) говоритъ, что, независимо отъ потерь при Дорогобужѣ, Вице-Король на Вопѣ потерялъ всю свою артиллерію, болѣе ста пушекъ, множество плѣнныхъ и обозы съ остававшимся продовольствіемъ. Тиссо (p. 745) подтверждаетъ, что тутъ брошено сто пушекъ, съ остатками продовольствія. Норвенъ (t. III, p. 337) говоритъ то же объ обозѣ, но что брошено только шестьдесятъ пушекъ, безъ упряжи. Солтыкъ (p. 277) пишетъ, что только отъ Вязьмы къ Смоленску фуражъ становился ежедневно рѣже, а подходя къ этому послѣднему городу (p. 382), съ большимъ трудомъ добывали солому. Въ Смоленскѣ первыя войска и гвардія могли еще получить правильное продовольствіе. Буркерсроде (S. 37) говоритъ, что 11 Ноября (н. сч.) они получили въ Смоленскѣ сухари и водку, но въ маломъ количествѣ. Пюибюскъ (p. 116), свѣдѣтельствуетъ, что день и ночь пекли хлѣбъ. Послѣдовавшіе безпорядки въ присутствіи Наполеона начали увеличиваться: «многіе чиновники (p. 131) бѣжали, магазины съ водкой «были разбиты.» Боссе (t. II, p. 145) говоритъ, что магазины были полны «всѣмъ, но разграблены. Буржуа (p. 106) пишетъ: «Въ Смоленскѣ магазины были «разграблены. Сожирали въ одно мгновенье все, что могло бы прокормить въ «продолженіе нѣсколькихъ дней; расточали, или жгли, то, чего не могли взять «съ собой.» Мортонваль (t. II, p. 380) и вообще всѣ писатели свѣдѣтельствуютъ объ этѣхъ безпорядкахъ. За Краснымъ, отъ Дубровны и Орши, Французы вступили въ край не разоренный. Они находили у жителей кой-какую пищу и сверхъ того въ каждомъ мѣстечкѣ были магазины; но тотъ же безпорядокъ, общая уже деморализація, не позволяли ничѣмъ пользоваться. Въ Вильнѣ, снабженной всѣмъ необходимымъ, по засвѣдѣтельствованію Французскаго кирасир-

цати-дневнаго продовольствія, по тому именно, что на этомъ пространствѣ не было корма для лошадей.

Это ложь въ полномъ смыслѣ слова, ложь по тому, что, независимо отъ количества артиллеріи, превышавшей въ четверо числительность арміи Наполеона, военные обозы и еще десятки тысячъ экипажей слѣдовали за арміей, съ частнымъ и захваченнымъ имуществомъ, съ предметами кичливости самого Императора, и слѣдовали не только до Смоленска, но до Краснаго, до самой Березины и даже до Вильны. [95] На всемъ этомъ пространствѣ у Французской арміи отбивали, и она сама бросала, тысячами различныя повозки. Причиной тому не столько былъ недостатокъ фуража, который, конечно, очень часто было весьма трудно добывать, ибо Французская армія была окружена нашими легкими войсками и жителями, не позволявшими далеко отходить въ сторону, но главное, что Французская администрація не обратила вниманія на ковку лошадей, которыя, имѣя подковы безъ шиповъ, падали при всякой неровной мѣстности. Поднимать ихъ не всегда было время, ибо «Казаки!» были громовымъ восклицаніемъ для непріятеля. Слѣдовательно, если и допустить до истины повѣствованіе нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, а также и нашихъ, что отъ Москвы до Смоленска и далѣе не было корма для лошадей, то здѣсь представляется вопросъ: какимъ же образомъ такое огромное количество повозокъ могло еще переваливаться даже только за Вязьму, за Смоленскъ? Между тѣмъ мы ихъ брали, повторяю, не сотнями, а тысячами подъ Краснымъ, на Березинѣ, гдѣ, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, брошено нѣсколько тысячъ разнаго рода экипажей, отъ велико-

---

скаго Офицера (Souvenir de Pologne, p. 370, 371), «въ Вильнѣ, гдѣ солдаты «умирали съ голоду, между тѣмъ какъ магазины были полны и съ прибытіемъ «толпы, безъ ружей, были разграблены. Ни за какія деньги (присовокупляетъ «сочинитель) нельзя было достать куска хлѣба.» Изъ всего выше сказаннаго ясно, что армія не могла бы терпѣть голода, если бы сохраненъ былъ порядокъ и не была бы поражена паникою, эгоизмомъ и въ высшей степени деморализаціей.

[95] Генералъ Сарразенъ, говоря о выступленіи изъ Москвы, присовокупляетъ (p. 180), что Наполеонъ, вмѣсто того, чтобы тащить за собой раненыхъ, сдѣлалъ бы лучше, поручивъ ихъ великодушію Русскихъ и «dedaignant des tro«phés, qu'ils n' avoit point conquis.»

лѣпныхъ каретъ до самыхъ простыхъ телѣгъ, бричекъ и фуръ, нагруженныхъ фарфоромъ, хрусталемъ, драгоцѣнными тканями, мѣхами, серебромъ и даже рухлядью, которая не стоила ни какого вниманія. Умѣли же Французы сохранить отъ Москвы до Березины лошадей, влекшихъ эту добычу, [96] тогда какъ, не говоря уже объ артиллеріи и ея принадлежностяхъ, бросали повозки, нагруженныя съѣстными припасами на каждомъ почти переходѣ, и съ такою поспѣшностію, что, не смотря на положеніе свое, не заботились разбирать, что могло бы поддержать ихъ силы. А бывали случаи, что солдаты выпрягали лошадей изъ повозокъ съ продовольствіемъ, и даже изъ подъ артиллеріи, чтобы впрягать въ свои повозки, обремененныя добычею. Множество повозокъ успѣли перебраться даже чрезъ Березину и достигнуть Вильны, но Понарскія высоты положили послѣдній здѣсь предѣлъ алчности Французовъ. [97] Четвертая, или даже пятая, часть повозокъ, нагруженныхъ добычею однихъ частныхъ лицъ, слѣдовавшихъ за арміею изъ Москвы, была бы достаточна для того, чтобъ везти продовольствіе за арміею до Смоленска; далѣе, по сказаніямъ самихъ Французовъ, въ особенности отъ Орши недостатокъ уже не былъ такъ ощутителенъ. [98] Конечно, для этого нужна была

---

[96] Извѣстно, что Наполеонъ не разъ приказывалъ жечь повозки, и $^{13}/_{25}$ Ноября, не доходя восемь верстъ до Боровска, онъ самъ при томъ присутствовалъ; но бродяги нашли возможность (Bosse, t. II, p. 159) уклониться отъ сего. Въ послѣдствіи сожжены были и орлы арміи. Констанъ (t. V, p. 122) замѣчаетъ, что послѣднее было исполнено, а первое не вполнѣ и т. д.

[97] Буржуа (p. 196) разсказываетъ, что когда на высотахъ этѣхъ были разграблены экипажи Наполеона, то, будто бы, одинъ Казакъ надѣлъ на себя Императорскую пурпуровую мантію, усѣянную вышитыми золотомъ пчелами, съ скипетромъ въ рукахъ и съ короною на головѣ, и въ такомъ нарядѣ въѣхалъ въ Вильну. Тутъ, конечно, есть и примѣсь поэзіи.

[98] Графъ Солтыкъ, сказавъ, что отъ Орши (p. 416) «страна не была столь опустошена, по тому что въ ней находили коекакія средства,» приводитъ слѣдующее: Въѣхавъ въ одинъ изъ домовъ въ Оршѣ, онъ нашелъ нѣсколько солдатъ, варящихъ себѣ супъ. Условившись съ ними за шесть франковъ хлебнуть десять ложекъ, отвѣдалъ онаго, но, найдя его отвратительнымъ, узналъ, что супъ приготовляется изъ человѣчьяго мяса. Изобрѣтатели этого блюда присовокупили, что печень, находящаяся еще въ горшкѣ, очень вкусна. Можно себѣ вообразить ужасъ, объявшій сочинителя: онъ спѣшилъ удалиться. Сочинитель книги,

предусмотрительная распорядительность, которая хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и проявлялась, но мѣры ея были уже поздны: въ войскѣ не существовало той связи, которая одна составляетъ его необходимость, дисциплина была потрясена при занятіи Москвы, а начиная отъ Малоярославца въ арміи болѣе или менѣе начали господствовать деморализація, безотчетный паническій страхъ, жажда сохранить то, что набрали въ Москвѣ и чѣмъ отяготили безчисленное множество повозокъ всякаго рода, которыхъ, повторяю, четвертая часть была бы достаточна для перевозки за собой необходимаго продовольствія, которое, безъ всякихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ, находимыхъ и встрѣчаемыхъ на пути, могло бы съ избыткомъ обезпечивать армію не только до Смоленска и Бѣлорусскихъ селеній, но и до самой Вильны; ибо, переваливавшись на два перехода за Красное, Французы нашли, независимо отъ продовольствія у жителей, даже частые снабженные магазины. А по тому, ни въ какомъ случаѣ, нельзя безусловно признать совершенное отсутствіе фуража на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска и Краснаго; ибо, если

подъ заглавіемъ: «Souvenir de Pologne» (p. 423), разсказываетъ, что одинъ изъ однополчанъ его, кирасирскій Офицеръ, подъ Краснымъ «нашелся въ необ«ходимости ѣсть человѣчье мясо, жирныя лядвеи одного гренадера, только что «упавшаго и убившагося до смерти.» По мнѣнію Графа Сольтыка, подобное положеніе происходило отъ того, что безоружнымъ не отпускали продовольствія, а въ Оршѣ находились магазины. Относительно человѣчьяго мяса, употреблявшагося въ пищу Французами, можно замѣтить, что едва ли есть другой народъ въ мірѣ, который бы не только въ изступленіи своемъ, но и безъ того, былъ въ полномъ значеніи столь кровожаденъ и отнюдь не брезгливъ употреблять человѣчье мясо. Докторъ 1-го кавалерійскаго корпуса Французской арміи, Форъ, взятый нами въ плѣнъ въ Тарутинѣ (p. 86), разсказываетъ, что когда наши провожали большую партію плѣнныхъ Французовъ, которые въ Росланѣ оставались нѣсколько дней на бивакахъ, гдѣ отъ холода и голода множество ихъ умирало, то многіе трупы найдены початыми. Французская революція доказываетъ эту жажду крови, употребленіемъ ея. Въ знаменитомъ процессѣ объ убійствѣ Фюальдеса, въ 1817 году, Жоссонъ и Бастидъ заставляютъ Г-жу Маисонъ, случайно содѣлавшуюся свидѣтельницей этого убійства въ сосѣдней комнатѣ, пить, вмѣстѣ съ убійцами, кровь Фюальдеса. Должно ли послѣ этого удивляться, что, томимые голодомъ, они безъ отвращенія прибѣгаютъ къ человѣчьему мясу, избирая еще лакомые куски, печень, вскрытіе черепа, чтобы достать не остывшій пока мозгъ и т. п.?

была возможность везти добычу, то была бы возможность везти и продовольсквіе.' [99]

Нельзя пройти молчаніемъ, въ заключеніе книги, и не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ фразахъ самохвальства, которыя характеризуютъ вообще всѣ военныя повѣствованія Французовъ, и въ особенности тѣ, которыя съ такимъ изобиліемъ распространены въ описаніи ихъ отступленія. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ общемъ военномъ смыслѣ они успѣли въ своемъ предпріятіи; слѣдовательно, успѣхъ, съ какими бы то потерями ни было, все равно, увѣнчалъ ихъ. Но здѣсь слѣдовало бы разсмотрѣть съ тѣмъ вмѣстѣ: не входило ли въ соображеніе нашего Главнокомандующаго не порѣшить съ ними, независимо отъ нѣкоторыхъ пунктовъ на пути, но въ Вязьмѣ, Красномъ и наконецъ на Березинѣ? Не имѣлъ ли намѣренія Кутузовъ, въ первыхъ двухъ только, какъ говорится, ихъ затрогивать, давать острастку, сберегая главную армію, не вводя ее въ дѣло полнымъ составомъ и предоставляя довершеніе непріятеля арміямъ Витгенштейна и Чичагова, которыя не столько потерпѣли, какъ главная армія отъ дальняго преслѣдованія, всегда имѣли болѣе полное продовольствіе и менѣе претерпѣвали на бивакахъ стужу? Помянутыя двѣ арміи долженствовали преградить бѣгущему непріятелю переправу чрезъ Березину. Все это надлежитъ разсмотрѣть безпристрастно, взвѣсить и сблизить во взаимныхъ столкновеніяхъ обѣихъ воюющихъ и пишущихъ сторонъ. Пусть найдутъ съ нашей стороны ошибки, пусть даже что ни будь и болѣе, но строгій критическій разборъ этого событія требуетъ, повторяю, безпристрастія, а не одинѣхъ фразъ самохвальства, рядомъ съ данными, которыя невольно срываютъ улыбку, въ особенности у участниковъ.

Конечно, если мы и находимъ, что во время этого бѣгства, Французы вступали иногда въ жаркій бой съ нашими войсками

---

[99] Предметъ этотъ пространно изложенъ, на основаніи самихъ иноземныхъ писателей, въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1833, въ 8-ку,» удостоенной посвященія Государю Императору.

и были достойны славы прежнихъ своихъ подвиговъ, то здѣсь они не были уже движимы качествами благоустроенной арміи. Здѣсь паническій страхъ, которымъ они были поражены, смѣнялся ожесточеннымъ дикимъ чувствомъ, инстинктомъ самосохраненія, гдѣ разсудокъ не имѣлъ уже мѣста; они или остервененные бросались на части, искавшія преграждать имъ путь, или тысячами сдавались сотнѣ Казаковъ.[100]

Ни одна изъ войнъ не предпринималась съ такими зловѣщими предзнаменованіями, какъ кампанія 1812 года. Предчувствіе многихъ сбылось, и сбылось, можетъ быть, въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ сами Французы могли это предвидѣть.[101] Прусскій Посланникъ, находившійся, въ продолженіи кампаніи 1812 года, вмѣстѣ со всѣмъ Дипломатическимъ корпусомъ, въ Вильнѣ, гдѣ былъ и Министръ Иностранныхъ дѣлъ Наполеона, Маретъ (Герцогъ Бассано), писалъ изъ сего города въ Берлинъ письмо, въ которомъ изображалъ положеніе отступившей арміи, и, между прочимъ говорилъ (Капфигъ, t. IX, p. 448): «Бѣгущіе, которые прибываютъ

---

100 Этѣ двѣ крайности болѣе или менѣе свойственны всѣмъ народамъ. Мнѣ случалось видѣть сотни Турокъ, пораженныхъ паническимъ страхомъ, стремглавъ спасающихся при видѣ отдаленной мнимой еще опасности отъ полусотни Казаковъ; но когда одинъ, или нѣсколько изъ нихъ, будучи настигнуты и окружены, то они, при явной уже опасности, съ остервененіемъ бросаются съ оружіемъ въ рукахъ, отвергая сдаться, повергнуться на землю, ищутъ еще зубами вредить непріятелю, а иногда этѣ же самые Турки, при нѣкоторыхъ условіяхъ, столь же неосновательныхъ, сдаются тамъ, гдѣ бы отвагой своей могли одержать верхъ. Не то ли же самое мы видимъ и у животныхъ: маленькая собачка, съ визгомъ страха, ищетъ спасенія отъ преслѣдующаго ее огромнаго бульдога, и когда этотъ, настигнувъ свою жертву, готовъ пастью своею ее разорвать, въ это мгновеніе собачка оборачивается и бросается сама на сильнаго врага своего — и погибаетъ.

101 И дѣйствительно. Исторія не представляетъ примѣра, чтобы полумиліонная армія какого либо Государства, вторгнувшись въ другое, отдѣленное отъ него нѣсколькими еще Государствами, и проникнувъ въ средину, заняла столицу, а потомъ, преслѣдуемая по пятамъ, громимая и менѣе нежели чрезъ полтора года кровавымъ путемъ довела до своей столицы и сдала ее, вмѣстѣ съ властію, въ руки отчужденной отъ престола, въ продолженіе двадцати лѣтъ, родной династіи! Гигантъ палъ. Съ материка Средней Европы сняты были постыдныя цѣпи, и народы получили новую жизнь.

«къ намъ каждую минуту, представляютъ печальное зрѣлище, хо-«тя бѣдствія ихъ не что иное, какъ справедливая кара за ихъ «преступленіе. Генералы приходятъ къ намъ переодѣтыми въ «крестьянъ, въ Жидовъ. Высшіе сановники пріѣзжаютъ въ саняхъ «полумертвыми отъ голода и стужи. Принцъ Адамъ Виртемберг-«скій прибылъ, буквально, въ рубищѣ: на немъ была рубашка, «которую онъ носилъ въ продолженіе пяти недѣль, и во все это «время онъ ни разу не отдохнулъ въ постелѣ. Онъ спалъ подъ «открытымъ небомъ все время, когда находился съ арміей, и въ «продолженіе трехъ недѣль питался кониною. Одна особа, кото-«рая вчера посѣтила Г. М. (Марета), сказала ему, что и она, «безъ всякой другой пищи, существовала кониной, и видѣла ра-«неныхъ, которые, умирая съ голоду, обгрызали куски мяса, «отваливающагося отъ язвъ раненыхъ ихъ товарищей. Солдаты «не берутъ труда убивать лошадей: они сперва пробиваютъ ихъ «штыками, или саблями, и высасываютъ кровь для утоленія жаж-«ды, и потомъ разрываютъ ихъ на куски и пожираютъ сыры-«ми. Я думаю, что эти подробности дадутъ Вамъ достаточное «понятіе о положеніи, въ которомъ находится великая армія.»

Получавшіеся въ Парижѣ бюллетени о мнимыхъ успѣхахъ Наполеона вызывали торжество, но безпокойство было общее: «Всѣ питали надежду (говоритъ Герцогъ Ровиго (Савари), (t. V, «p. 305), но не удивились бы, получивъ извѣстіе и о несчаст-«номъ событіи.» Тайный корреспондентъ, Баронъ Фьеве, въ од-ной изъ депешъ своихъ, писанной, когда не было еще положи-тельно извѣстно точки направленія Наполеона, изображая господ-ствующее безпокойство относительно этой кампаніи, между про-чимъ (t. III, p. 230), говоритъ: «Которая изъ двухъ Русскихъ «столицъ будетъ избрана для предписанія изъ нея мира, какъ до «сихъ поръ мы это дѣлали изъ другихъ столицъ Сѣверной Евро-«пы? Но если овладѣніе только одною изъ нихъ не покажется «Московской аристократіи достаточнымъ, чтобы вступить въ со-«глашеніе, то какимъ образомъ разрѣшится это затрудненіе? Всѣ «эти вопросы (присовокупляетъ сочинитель), столь же великіе, «какъ и самое предпріятіе, возводятъ общественное мнѣніе на «самую высшую степень безпокойства.»

Извѣстіе о занятіи Москвы, говоритъ Савари, было въ Парижѣ отпраздновано молебнами во всѣхъ церквахъ и пушечною пальбой съ Инвалиднаго Дома; но этого не было достаточно, чтобы разсѣять мрачныя мысли. [102] Когда же было получено извѣстіе о Московскомъ пожарѣ, Фьеве даетъ Наполеону отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Парижѣ этѣмъ событіемъ (р. 239): «Невозможно выразить (говоритъ онъ) оцѣпенѣнія и ужа«са, произведенныхъ въ Парижѣ извѣстіемъ о Московскомъ по«жарѣ: народы давно уже потеряли мысль о возможности про«стирать войну до подобнаго отчаянія (и присовокупляетъ): ко«нечно, нашему вѣку предопредѣлено истощать и доводить все до «чрезмѣрности, и несомнѣнно, что отъ сего событія прекрасный «идеалъ военной славы получитъ большую утрату... (Далѣе про«должаетъ): Съ тѣхъ поръ, какъ бюллетень извѣстилъ Парижъ о «пожарѣ, впечатлѣніе, имъ произведенное, не уменьшилось. Это «одно (присовокупляетъ Фьеве) изъ такихъ событій, конхъ по«слѣдствія неисчислимы и которыя, по мѣрѣ обсужденія всего, «относящагося къ нему, возбуждаютъ новыя... Первое чувство, «послѣ сострадація къ несчастнымъ жителямъ Москвы, было об«ращено къ нашей арміи, которая вдругъ лишалась всего»... Продолжая разсуждать объ этомъ предметѣ, онъ выражаетъ (р. 240) мысль, конечно, господствовавшую тогда, что: «неосторожно было «такъ далеко углубляться.» И потомъ (р. 243) говоритъ о надеждѣ, которую питали на возможное окончаніе борьбы, въ слѣдующихъ словахъ: «Съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что ни одна офи«ціяльная статья не обвиняетъ Императора Александра въ Мо«сковскомъ пожарѣ, а изъ этого заключаютъ, что Императоръ «Наполеонъ не теряетъ надежды заключить миръ. Слѣдовательно, «(думаетъ сочинитель), до сихъ поръ истребленіе столицы мо«жетъ быть приписываемо порыву націи, рѣшившейся скорѣй ис«требить себя, чѣмъ подпасть подъ иго побѣдителя, чувство, быв«шее нѣкогда общимъ у всѣхъ свободныхъ народовъ, и удивляют«ся, встрѣчая оное въ странѣ, такъ мало просвѣщенной»..... Оцѣ-

---

[102] Нюнбюскъ, говоря о занятіи Москвы (р. 97) замѣчаетъ: «Никогда побѣди«тель не вступалъ съ меньшимъ торжествомъ, которое сопровождалось бы съ «болѣе зловѣщими признаками.»

нивая это событіе въ своей депешѣ (p. 244), присовокупляетъ: «Это героическое отчаяніе, коего всѣ частности внушаютъ столь-«ко состраданія; это общее переселеніе столь многочисленнаго «населенія сдѣлало впечатлѣніе на разсуждающихъ Французовъ. «Мягкіе нравы Европейцевъ (говоритъ онъ) подготовили порабо-«щеніе Европы, содѣлавъ господство легкимъ; но нельзя же не «уважать того народа, который, при покореніи своемъ, оказы-«ваетъ болѣе или менѣе сопротивленіе; безъ этого распредѣли-«тельнаго правосудія что было бы со славой?» Онъ заключаетъ свою депешу слѣдующими замѣчательными словами: «Если Рус-«скіе, независимо отъ настоящихъ пожертвованій, поставятъ себя «въ положеніе когда либо сказать: «Мы были побѣждены; это «судьба оружія; но мы никогда не были покорены. Ни-«кто изъ насъ не давалъ присяги побѣдителю, никогда «съ насъ не была собираема самими Русскими подать его «именемъ,» — Россія останется сильною въ будущемъ своею не-«зависимостью» и пр.

Этѣ слова были писаны еще при заревѣ Москвы: они сбылись болѣе, чѣмъ сказалъ сочинитель: ибо мы не были побѣждены, какъ слово это понимается въ военномъ смыслѣ. [103]

И такъ, изъ сущности всего того, что говорятъ сами Французы о нашествіи своемъ на Россію, видно, что армія ихъ, до выступленія еще въ предѣлы наши, не была уже сдерживаема тою строгой дисциплиной, которая одна составляетъ душу всѣхъ воинскихъ предпріятій. Одна вѣсть о приготовленіи къ этой гигантской войнѣ электрически поразила всѣ умы, и къ ней приступили недовѣрчиво. Событія, сопутствовавшія Наполеону на движеніи его къ Смоленску, ему благопріятствовали. Твердость характера нашего Вѣнценосца, искуство и опытность Полководцевъ и упорство Русскихъ, вездѣ, гдѣ они вступали въ борьбу съ непобѣдимыми легіонами, показало этѣмъ послѣднимъ, что они, въ продолженіе двадцатилѣтнихъ своихъ завоеваній, не на-

---

[103] Должно полагать, что истины, выеказывавшіяся Барономъ Фьеве отголоскомъ общаго мнѣнія, не понравились Наполеону, ибо вскорѣ за симъ онъ просилъ Императора уволить его отъ этой корреспонденціи.

ходили еще противниковъ, встрѣчавшихъ ихъ столь мужественно. Бородинская битва, въ которой увѣряли ихъ, что они одержали побѣду, не удовлетворяла самолюбія Французовъ: они видѣли яснѣе то, что было въ дѣйствительности.[105] Оставленіе Москвы и пожаръ ея отняли всѣ надежды тѣхъ, которые могли видѣть будущее лучше другихъ. Отступленіе, признанное самими Французами бѣгствомъ, заставило самолюбіе ихъ приписать всѣ претерпѣнныя ими бѣдствія морозу и голоду, которые развили въ рядахъ ихъ деморализацію, и тѣмъ лишили ихъ возможности дальнѣйшихъ побѣдъ, хотя, впрочемъ, по ихъ словамъ, они и въ томъ положеніи, въ которомъ находились, били насъ вездѣ. Они забыли, что бѣгство ихъ началось тогда, какъ, по выраженію самихъ повѣствователей, мѣшки ихъ были полны и за двѣнадцать дней до начатія временной зимы (продолжавшейся пять дней, а по нимъ только три дня), и армія, по ихъ же засвѣдѣтельствованію, вступила въ этотъ періодъ уже совершенно разстроенной, изъ періода прекрасной погоды, по которой они совершили триста верстъ. Малоярославецъ былъ крайнимъ рубежемъ движенія ихъ арміи впередъ. Не успѣвъ въ предпріятіи своемъ, армія Наполеона, снабженная достаточнымъ продовольствіемъ, чтобы достигнуть Смоленска, и за двѣнадцать дней до наступленія временной зимы, разстроилась и обратилась въ бѣгство, приписавъ, въ послѣдствіи, всю гибель свою морозу и недостатку въ продовольствіи. Но голодъ этотъ происходилъ не отъ недостатка продовольствія, которое бросалось ими на каждомъ переходѣ: нѣкоторыя части, какъ видно было выше, сохраняли скотъ до Дорогобужа, гдѣ началась помянутая зима, заставшая армію уже въ полномъ разстройствѣ и бѣгствѣ.

Истинною причиной деморализаціи Французской арміи было то, что она, въ продолженіе всей войны, видѣла Русскихъ, а не Нѣмцевъ, или Италіянцевъ, съ которыми она такъ легко справля-

---

[105] Капфигъ (t. IX, p. 307) говоритъ: «Когда полученъ былъ бюллетень о Бородинской битвѣ, всѣ очень хорошо поняли, что дана была большая битва, день до крайности упорный. Но какой ужасный итогъ! Напрасно раздавался громъ пушекъ съ Инвалиднаго Дома, чтобы торжествовать этотъ успѣхъ Императора: народъ, съ обычнымъ инстинктомъ, усмотрѣлъ страшныя потери.»

лась; упорныя битвы, возрастающее мужество, магическое для нея слово: «Казакъ!» энергія народа до вступленія еще ея въ Москву, разрушили въ ней порядокъ, потрясли дисциплину и развили деморализацію, которая не ограничивалась одною массой солдатъ. Изъ приведенныхъ нами выписокъ видна вся истина, которая не могла быть затемнѣна изобиліемъ фразъ, коими Французскіе писатели испещряютъ собственныя свои засвѣдѣтельствованія. Никто не будетъ оспаривать храбрости у Французскихъ войскъ, когда благопріятныя событія ихъ сопровождаютъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, за чѣмъ же отнимать у Русскихъ доблести, которыя они одинаково и въ томъ и въ другомъ случаѣ проявляли въ 1812 году, какъ и всегда?

АЗБУЧНЫЙ СПИСОКЪ

СОЧИНИТЕЛЯМЪ И СОЧИНЕНІЯМЪ, СЛУЖИВШИМЪ МАТЕРІЯЛОМЪ ЭТОЙ КНИГИ.

Barault-Roullon (de Loiret). Origine, progrés et état actuel de la puissance Russe etc. Paris. 1854, in 8.

Bausset. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques évènemens de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1 Mai 1814. Pour servir à l'Histoire de Napoleon, par L. F. J. de Bausset, ancien Préfet du palais Impérial, avec 25 facsimili. Bruxelles. 1827, in 12, 5 vol.

Beauchamp. Critique historique avec des observations sur l'ouvrage du Général Comte de Segur, intitulée: Histoire de Napoleon et de la grande armée pendant l'année 1812, accompagnée d'éclaircissements et de notes, par Alphonce de Beauchamp etc. Paris. 1825, in 8.

Beautés, victoires et combats mémorables des armées françaises, depuis 1792 jusqu'en 1815. Par M-r. L***. Paris. 1819, in 12, 2 vol.

Beitzke. Geschichte des Russischen Krieg im Jahr 1812, von Heinrich Beitzke, Major a. D., mit einer Uebersichtskarte und zwei Planen. Berlin. 1856, in 8.

Bernhardi. Voyez: Toll.

Berthezene. Souvenir militaires de la Republique et de l'Empire, par le Baron Berthezene, Lieut.-Général, Pair de France, grand croix de la Légion d'honneur etc. Publié par son fils et dedié à S. M. l'Empereur Napoleon III. Paris. 1855, in 8, 2 vol.

Bignon. Histoire de France, depuis le commencement de la guerre de Russie jusqu'à la deuxième Restauration etc. Bruxelles. 1846 gros in 8.

Bismark. Die Kriege von 1792 bis 1815 in Europa und Aegypten etc. Karlsruhe und Freiburg. 1841, in 4.

Idem. Extrait des mémoires de M-r. le Lieutenant-Général C-te de Bismark, Ministre du Roi de Würtemberg près les cours de Prusse, de Saxe, de Hanovre et de Bade (dans le Spect. milit. 1847, t. XLI).

Bomsdorff. Mittheilungen aus dem Russischen Feldzuge, von einem Officier des Generalstabes, v. Röder v. Bomsdorff, Königl.-Preussische Major und brigade-Adiutanten. Mit eine Schlachtplane. Leipzig. 1818, in, 12, 2 vol.

Bourgeois (René). Tableau de la campagne de Moscou en 1812. Témoin occulaire. Paris. 1814, in 12.

Bourienne. Записки Бурьена. Переведъ съ Французскаго де Шаплѐтъ. С.-Петербургъ. 1838, въ 8, 10 т.

Breton de la Martinière. Voyez: Campagnes de Napoleon en 1812 etc.

Brettschneider. Четырехлѣтняя война Союзныхъ Державъ противъ Наполеона Бонапарте. Пер. съ Нѣм. А. Бартоломей. С.-Петербургъ. 1820, въ 8, 4 т.

Buch (das) vom Jahre 1812 oder Napoleon in Russland. Dargestellt von einem Augenzeugen. Leipzig. 1844, in 8.

Bulletins officiels de la grande armée etc. Paris. 1824, in 8.

Burginet (A. de) Chronique Impériale. Bruxelles. 1833, in 12.

Burkersroda. Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des Russischen Feldzugs im Jahre 1812, etc. Aus dem Nachlasse des Königl-Preus. Major v. Burkersroda, etc. etc., Adjutanten des General Freiherrn von Thielmann. Hamburg. 1846, in 8.

Campagnes de Buonaparte en 1812, 1813 et 1814, jusqu'à son abdication, d'après les Bulletin officiels des alliées et des Français. Trad. de l'Allemand et augmenté d'un grand nombre de pièces et document, tirés des mémoires de ses derniérs temps. Par M-r. Breton de la Martinière etc. Paris. 1814, in 8.

Capefigue. L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoleon. Paris. 1840, in 8, 12 v.

Idem. Ed. de Bruxelles. 1841, in 16, 24 v.

Casse (Du). Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1812 en Russie, suivie des lettres de Napoleon au Roi de Westphalie, pendant la campagne de 1813. Par Albert du Casse, Capitaine d'État-Major. Paris. 1852, in 8.

Castelverd. Mémorial militaire des Français, par E. de Castelverd, Capitaine de cavalerie, chev. de la Légion d'honneur. Paris. 1846, gros in 8.

Celner. Geschichte des Feldzugs in Russland im Jahre 1812. Nach grösseren Werken im Auszug bearbeitet von L. Celner. Reutlingen. 1839, in 12.

Chambray. Histoire de l'expédition de Russie, par le Marquis de Chambray, Colonel d'artillerie. Deuxième édit. Paris. 1825, in 8, 2 v.

Idem. Philosophie de la guerre, par M-r. le Marq. de Chambray, Maréchal de camp. d'artil., membre-correspondent de l'Academie Royale der sciences et belles lettres de Prusse etc. 3-me édit. Paris. 1839, in 8.

Chapuis. La bataille de la Moscowa, par le Colonel Chapuis (Bibliot. hist. et militair. 1853, t. VII).

Chrzanowsky. Quelques considerations sur la campagne de 1812. Par le Lieut.-Général Chrzanowsky. Paris. 1857, in 8.

Clausewitz (General. Carl von). Der Feldzug von 1812 in Russland etc. Berlin. 1835, in 8.

Idem. De la guerre, par le Général Charles de Clausewitz, publication posthume. Trad de l'Allemand, par le Major d'artillerie Nuens. Paris. 1851, in 8, 3 v.

Combe. Mémoires du Colonel Combe, sur la campagne de Russie 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815. Paris. 1853, in 8.

Constant. Mémoires de Constant, premier valet de chambre de l'Empereur, sur la vie privée de Napoleon, sa famille et sa cour. Paris. 1830, in 8, 6 v.

Correspondance inedite officielle et confidentielle de Napoleon-Bonaparte avec les cours étrangers, les Princes, les Ministres et les Généraux Français et étrangers etc. Paris. 1820, in 8, 7 v.

Crossard. Mémoires militaires et historiques, pour servir à l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815 inclusivement, par M-r le Baron de Crossard, Maréchal de camp. etc. Paris, 1829, in 8, 6 v.

Denkwurdigkeiten fur die Kriegskunst und Kriegsgeschichten, von einigen Officieren des Königl.-Preussischen Generalstab. Berlin. 1818, in 8.

Denniée. Itinéraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812, par le Baron Denniée, ancien Inspecteur aux revue de la grande armée et Intendant en chef de l'expédition d'Afrique. Paris. 1842, in 12.

Details abrégés sur la campagne de Moscou en 1812. En reponse à toutes les brochures, qui ont paru sous ce titre, jusqu' à ce jour; par un Français, Secrétaire particulier de l'État-Major d'une des Divisions de l'armée de Russie. Paris. 1814, in 12.

Duchateau. Considerations sur le mouvemens strategiques des armées Françaises dans quelques unes des campagnes de Napoleon Bonaparte, et particulièrement dans ses quatre dernières etc. etc. Par L. C. Duchateau, Lieut.-Colon. d'État-Major. etc. Paris. 1822, in 8.

Dumas. Souvenirs du Lieutenant-Général, Comte Mathieux Dumas de 1770 à 1836. Publiée par son fils. Paris. 1849, in 8, 3 v.

Durdent. Campagne de Moscou en 1812, ouvrage composé d'apres la collection des pièces officielles sur cette campagne mémorable, où plus de trois cent mille braves Français furent victimes de l'ambition et de l'aveuglement de leurs chef; par R. J. Durdent. Sixième édit., revue, corrigé et de beaucoup augmenté. Paris. 1814, in 8.

Empire (L') ou dix ans sous Napoleon. Souvenirs d'un ancien Chambelan. 2 édit. Paris. 1837, in 8, 4 vol.

Esneaux. Analyse de l'histoire de Napoleon et de la grande armée, pendant l'année 1812, par M-r le Général Comte de Segur (Journal des sciences milit. etc. 1826. t. V, p. 189).

Eugèn (Herzog von Würtemberg). Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland. Als Commentar zu mehreren vorausgegangenen, diesen Gegenstand betreffenden, Schriften, mit 5 erläuternden Planen. Breslau. 1846, in 8.

Eugène (Vice-Roi d'Italie). Mémoires et correspondance politique et militaire, publiées, annotés et mis en ordre par A. du Casse, auteur de mémoires du Roi Joseph. Paris. 1860, in 8, 10 vol.

Fain. Manuscrit de mil-huit-cent-douze. Contenant le précis des évènemens de cette année pour arriver à l'histoire de l'Empereur Napoleon. Par le Baron Fain, son Secrétaire-archiviste à cette Epoque. Paris. 1827, in 8, 2 vol.

Faure. Souvenir du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage, par M. B. Faure, Docteur en medicin du 1-r corps de cavalerie pendant la campagne de 1812. Paris. 1821, in 8.

Feldzuge (die) der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813; aus dem bewährsteten Quellen gezogen und dargestellt von einem Stabsofficiere des Kö-

nigl.-Sächsischen Generalstabes. Mit 4 Charten und Planen. Dresden. 1821, gros in 8.

Fesensac. Journal de la campagne de Russie, par M-r de Fesensac, Lieutenant-Général. Tour. 1849, in 8.

— Souvenirs militaires de 1804 à 1814, par le Duc de Fesensac, Général de Division. Paris. 1863, in 8, 3 v.

Fievé. Correspondance et relations de J. Fievé avec Bonaparte, premier Consul et Empereur, pendant onze années (1802—1813). Publiées par l'auteur. Paris. 1836, in 8, 3 v.

Fragment sur la campagne de Russie. Paris. 1814, in 8.

Fusil. L'incendie de Moscou, passage de la Beresina et retraite de Napoleon jusqu' à Wilna, par M-me Fusil, témoin occulaire. 3-me édit. Paris. 1818, in 8.

Gallois. Histoire de Napoleon, deuxième édit., revue, augmenté et orné de deux portraits. Paris. 1825, in 8.

Idem. Histoire de Joachim Murat, par M-r. Leonard Gallois, auteur de l'histoire de Napoleon, de l'inquisition d'Espagne, etc. Paris. 1828, in 8.

Giquet. Histoire militaire de la France. Par P. Giquet etc. 1849, in 8. 2 v.

Gourgaud. Napoleon et la grand armée en Russie ou examen critique de l'ouvrage de M-r. le C-te de Segur. Par M-r le Général Gourgaud, ancien premier Officier d'ordonance et aide de camp de l'Empereur Napoleon. Bruxelles. 1825, in 8.

Histoire de Napoleon Buonaparte, depuis sa naissance, en 1769, jusqu'à sa translation à l'ile de Sainte-Hélène, en 1815. Par une societé de gens des lettres. Paris. 1818, in 8, 4 v.

Hoffmann. Tagebuch des 2-ten Russischen corps in den Feldzugen von 1812, 1813, 1814. Herausgegeben von Hoffmann, Königl.-Preuss. General-Major, vormals Oberster in Kaiserl.-Russischen Diensten, Oberquartiermeister des 2-e corps 1813 und 1814. Münster. 1830, in 12.

Idem. Die Schlacht von Borodino, mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. Von dem General von Hoffmann. Koblenz. 1846, in 8.

Hugo. Histoire de l'Empereur Napoleon, par A. Hugo, ornée de 31 vignettes, dessinées par Charlet, gravées par Brown. Paris. 1836, 1837, in 8.

Jomini. Vie politique et militaire de Napoleon, raconté par lui même au tribunal de Cesar, d'Alexandre et de Frederic, par le Baron Jomini etc. Bruxelles. 1842, grand in 8, 2 v. Atlas etc.

Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812, contenant des details, puisées dans des sources officielles, ou provenant de recits Français, interceptés et inconnus jusqu'à ce jour; par Sir Robert Ker-Porter etc. Trad. de l'angl. sur la sixième édit. Par. M******, avec des nottes explicatives et critiques, tirées des differens ouvrages, qui ont parue en France sur cette campagne célébre. Paris, gros in 8.

Kosegarten (D-r. Bernard Georg). Darstellung des Französisch-Russischen Vernichtungskrieges im Jahre 1812 etc. S-t. Petersburg. 1814, gros in 8.

Kotzebue. Der Russische Kriegsgefangen unter der Franzosen, von Moritz v. Kotzebue, Russisch-Kaiserl. Lietenant in Generalstabe, etc. Herausgegeben von dessen Vater A. V. Kotzebue. Leipzig. 1815, in 12.

Krieg (Der) Franzosen und ihrer allürten gegen Russland 1812 und 1813, von R. Zweite, ganz umgearbeitete und sehr vermehrte Auflage. Leipzig. 1814, in 8.

Kurze Darstellung der Märsche, Bewegungen, Schlachten und Hauptgefechte der Französischen und Russischen Heere vom Ausbruch der Kriege den 22 Juni 1812 an bis zum 10 Marz 1813. Zur Erklerung der neuen Karte des Kriegs-Schauplatzes. Nürnberg. 1813, in 12.

Labaum. Relation complète de la campagne de Russie en 1812. Par Eugène Labaum, chef de bataillon au corps royal d'État-Major, chevalier de la Légion d'honneur etc. Sixième édit., corrigée et augmentée des operations de chaque corps d'armée. Paris. 1820, gros in 8.

Idem. Histoire de la chute de l'Empire de Napoleon, ornée de huit plans ou cartes, pour servir aux recit des principal batailles, livrées en 1813 et 1814. Par Eugène Labaum, etc. Paris. 1820, in 8, 2 v.

Larrey. Mémoires de chirurgie militaire en campagne etc. Paris, in 8, 4 vol.

Las-Cases. Mémorial de S-te. Hélène ou journal, on se trouve consigne, jour par jour ce, qu'a dit et fait Napoleon pendant dix-huit mois. Par le Comte de Las-Cases. Paris. 1823, in 8, 2 v.

Lavallée. Histoire des Français depuis le temps des Gaullois jusqu'en 1830. Par M-r. Théophile Lavallée. Paris. 1840, gros in 8, 4 v.

Lessing. Marsche, Kriegs-Ereignisse, etc. Königl.-Sächs. Dragoner-Officiers bei der Französischen Armee auf dem Zuge nach Moskau im Jahre 1812. Von W. L. Lessing, Königl.-Sächsischen Lieutenant ausser Dienst. Budissin. 1828, in 8.

Lemazurier. Medicinische Geschichte des Russischen Feldzuges von 1812. Von M. J. Lemazurier, etc. Jena. 1823, in 8.

Liebenstein. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813. Dargestellt von L. A. F. von Liebenstein, Grossherzogl.-Badischen Oberamtmann zu Lahr. Frankfurt am Main. 1819, in 8, 2 v.

Lossberg. Briefe in der Heimath, geschrieben während des Feldzuges 1812 in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte dieses Feldzuges vom General-Lieutenant von Lossberg. Cassel. 1844, grand in 8.

Marmont. Mémoires du Marechal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1842, imprimées sur le manuscrit original de l'auteur, etc. Paris. 1857, in 8, 8 v.

Maximes de guerre de Napoleon. 3-me édit., augmentée et suivi d'une table. Paris. 1846, in 16.

Meerheim. Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee während des Feldzuges in Russland 1812. Herausgegeben von dessen Sohne Richard von Meerheim, Hauptmann der Königl.-Sachs. Brigadekronprinz. Dresden. 1860, in 8.

Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812, avec un atlas militaire, par un Officier de l'État-Major de l'armée Française. Paris. 1817, in 4, 2 v.

Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoleon, écrits à S-te Hélène, sous sa dictée par les Généraux, qui ont partagé sa captivité. Deuxième édit., disposée dans un nouvel ordre et augmentée des chapitres inedits etc. Paris. 1830, in 8.

Meneval. Napoleon et Marie-Louise, souvenirs historiques de M-r le Baron Meneval, ancien Secrétaire de Napoleon, etc. Paris. 1843, in 8, 2 v.

Merkwürdige Sage meines Lebens. Feldzug und Kriegs-Gefangenschaft in Russland. Aus dem Tagebuch eines Deutschen Officiers, mit 18 Kupfern. Stuttgart. 1817, in 12.

Michaud. Vie politique et privé de Napoleon Bonaparte. Par L. G. Michaud, ancien Capitaine d'État-Major, principal redacteur de la biographie universelle. Paris. 1844, in 8.

Militärische Briefe eines Verstorbenen an seine noch lebenden Freunde. Zur unterhaltenden Belehrung für Eingeweihte und Laien im Kriegswesen. Herausgegeben von Pz. Neueste Ausgabe. Stuttgart und Tübingen. 1854, grand in 8, 3 v.

Miller. Darstellung der Feldzugs des Französischen verbündeten Armee gegen die Russen im Jahr 1812. Mit besonderer Rücksicht auf die Theilnahme der Königlich-Würtembergischen Truppen, mit Benutzung aller verhandenen und mehrerer bis jetzt unbekannt gebliebenen Quellen, von Moriz von Miller, Major in Königl-Würtemberg. Generalsquartiermeister-Staab. etc. Stuttgart und Tübingen. 1822, in 4, 2 vol.

Montigni. Souvenir d'un Officier de la grande armée, par M. L. Montigni. Paris. 1833, in 8.

Montolon. Mémoires pour servir a l'histoire de France sous Napoleon, écrits à Sainte-Hélène par les Généraux, qui ont partage sa captivité, et publiées sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoleon, écrits par e Général Comte de Montholon. Paris. 1823, in 8, 6 vol.

Mortonval. Histoire de la guerre de Russie en 1812. Ornée de portraits, plans et cartes. Paris. 1823, in 8, 6 v.

Moscou avant et après l'incendie ou notice, contenant la destruction de cette capitale etc. Par deux témoins occulaires. 2-me édit. considerablement augmenté. Paris. 1818, in 8.

Napoleon. Voyez: Mémoires, écrits sous sa dictée, etc.

Norvins. Histoire de Napoleon. Septième édit. Paris. 1837, in 8, 4 vol.

O'Meara. Napoleon en exil, ou l'écho de S-te. Hélène etc. Recueillis par Barry E. O'Meara, son dernier chirurgien. Brüxelles. 1824, in 8, 3 vol.

Oeuvres de Napoleon Bonaparte. Paris. 1822, gros in 8.

Pelet. Bataille de Moscowa. Extrait des mémoires inedits du Général Pelet, sur la guerre de Russie en 1812 (Spectateur militaire. 1829, t. VIII).

Pradt. Histoire de l'ambassade dans le grand-duche de Varsovie en 1812. Par M. Pradt. archevêque de Malines, alors ambassadeur à Varsovie. Septième édit., revue et corrigé. Paris. 1816, in 8.

Puibusque. Lettres sur la guerre de Russie en 1812 etc. Par L. Vet-de Puibusque etc. 2-me édit., augmentée et corrigé. Paris. 1817, in 8.

Rapp. Mémoires du Général Rapp, aidé de camp de Napoleon; écrits par lui même et publiées par sa famille. Édition original. Paris. 1823, in 8.

Röder. Der Kriegzug Napoleons gegen Russland im Jahr 1812. Nach Quellen und seinen eignen Tagebüchern, dargestellt nach der Zeitfolge der Begebenheiten. Von Franz Röder, Grossherzoglich-Hessischem Obersten des Generalstabs. Nach der Verfasser Tode herausgegeben von dessen Sohn Karl Röder, Professor des Rechts zu Heidelberg, etc. Leipzig. 1848, gr. in 8.

Rogniat. Considerations sur l'art de la guerre, par le Baron Rogniat Lieut.-Général. 3-me éd., revue par l'auteur. Paris. 1820, in 8.

Idem. Reponse aux notes critiques de Napoleon, sur l'ouvrage intitulé: «Consideration sur l'art de la guerre» (par le Général Rogniat). Paris. 1823. in 8.

Roos. Ein Jahr aus meinen Leben oder Reise von den westlichen Ufern der Donau an die Nara, von Moskwa und zurück an die Beresina mit der grossen armée Napoleons im Jahre 1812 etc. S-t.-Petersburg 1832, gros in 8.

Rovigo. Mémoires du Duc de Rovigo (Savary), pour servir a l'histoire de l'Empereur Napoleon. 2-me éd. Paris. 1829, in 8, 10 vol.

Rückzug der Franzosen. St.-Petersburg. 1813, in 16.

Saint-Cyr. Mémoires pour servir a l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Par le Maréchal Gouvion-Saint-Cyr. Paris. 1831, in 8, 3 v.

Saint-Hilaire. Histoire de la campagne de Russie, pendant l'année 1812, et de la captivité des prisoniers français en Siberie et dans les autres provinces de l'Empire; precedé d'un resumé de l'histoire de Russie. Par Emile-Marco de Saint-Hilaire. Dessins de R. de Moraine. Paris, grand in 8, 2 v.

Idem. Histoire populaire, anecdotique et pittoresque de Napoleon et de sa grande armée. Par E. M. de Saint-Hilaire. Bruxelles. 1845, in 12, 3 v.

Sarrasin. Histoire de la guerre de Russie et d'Allemagne, depuis le passage de Niemen, juin 1812, jusqu'au passage du Rhin, novembre 1813. Par M-r. Sarrasin, Maréchal de camp des armées du Roi et l'un des Commandants de la Légion d'honneur, etc. Paris. 1815, in 8.

Savary. Voyez: Rovigo.

Schlippenbach. Beiträge zur Geschichte des Krieges zwischen Russland und Frankreich in den Jahren 1812 und 1813. Von Ulrich Baron von Schlippenbach etc. Mitau. 1813, in 12.

Schneidawind. Die Feldzuge in den Jahren 1812, 1813, 1814 und 1815 unter Napoleons persönlicher Anführung etc. etc. Der Russische Feldzug. Hamburg. 1826, in 12, 2 Heft.

Schnitzler. La Russie en 1812. Rostoptchin et Koutousoff. Tableau de mocurs et essai de critique historique. Par M. J. H. Schitzler. Nouvelle édit. Paris. 1863, gros in 8.

Schreckenstein. Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskwa (von den Russen: Schlacht bei Borodino genannt) am 7 September 1812. Nebst einigen ausfürlicheren Nachrichten über den Leistungen des 4-te Kavalerie Corps unter der Anführung des General Latour-Mauburg. Vom General-Leutenant Freiherrn Röth von Schreckenstein. Münster. 1855, in 8.

Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée, pèndant l'année 1812. Par M-r. le Général Comte de Segur. 8-me édit. Paris 1826, in 8, 2 v.

Skizzen zur einer Geschichte des Russisch-Französischen Krieges im Jahr 1812. Leipzig. 1814, in 12.

Smitt (Friedrich von). Zur wahren Aufklärung über den Krieg von 1812. Nach archivarischen Quellen. Mit eines lithographierten Karte. Leipzig und Heidelberg. 1860, in 12.

Soltyk. Napoleon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie; par le Comte Roman Soltyk, exrégimentaire Général de Brigade d'Artillerie Polonaise, Officier superieur à l'État-Major de Napoleon. Paris. 1836, in 8.

Souvenirs de la vie de Napoleon etc. Par un ancien Secrétaire un palais Impérial etc. Paris. 1840, in 12, 2 v.

Souvenirs de Pologne et scènes militaires de la campagne de 1812. Par A. de S***, ancien Officier de cuirassier. Paris. 1833, in 8.

Surrugue. Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au père Bouvet de la compagnie de Jesus, par l'abbé Surrugue, témoin occulaire et curé de l'église de Saint-Louis à Moscou. Paris. 1823, in 12.

Tableau des guerres de la révolution de 1792 à 1815. Par P. G., ancien élève de l'école politechnique etc. Paris. 1820, in 8, 6 v.

Thibaudeau. Napoleon Bonaparte, dargestellt in einer umfassenden Geschichte seines offentlichen und privat Lebens, seiner politischen und militarischen Laufbahn, seiner Regierung und seiner Administration. Vom Staatsrath Thibaudeau. Stuttgart und Tübingen. 1828, in 8, 10 v.

Thier. Histoire du Consulat et de l'Empire; faisant suite a l'histoire de la republique Française. Par M. A. Thier. Paris. 1856 (in. 8, v. XIV).

Thiessé. Manuel des braves ou victoires des armées Françaises etc. Dédié aux membres de la Légion d'honneur, par M-rs Leon Thiessé, Eugène B***. et plusieurs militaires etc. etc. Paris. 1817, in 12, 4 vol.

Tissot. Précis ou histoire abregée des guerres de la Révolution Française, depuis 1792 jusqu'à 1815. Par une société de militaires, sous la direction de M. Tissot, professeur de poésie Latine au Collége de France. etc. Paris. 1821, in 8, 2 v.

Toll. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Kaiserl.Russ.-Generals von der Infanterie Carl-Friedrich Grafen von Toll. Von Teodor von Bernhardi. Leipzig. in 8, 4 v.

Trophées des armées Françaises, depuis 1792 jusqu'en 1815. Paris. 1820, in 8, 6 v.

Uebersicht der Russischen Kriegs-Operationen und tabellarische Verzeichniss des Verlustes der Französischen combinirten armée, von den 19 Juni bis den 31 December im Jahre 1812. S-t.-Petersburg. 1813, in 12.

Unger. Histoire critique des exploits et des vicissitudes de la cavalerie pendant les guerres de la Révolution et de l'Empire, par Unger. Expédition de Russie. Livre V (Journal des sciences militaires. 1849, № 28).

Vaudoncourt. Histoire politique et militaire du Prince Eugène Napoleon, Vice-Roi d'Italie, par le Général de Vaudoncourt, auteur de l'histoire des campagnes de 1812 en Russie, de 1813 en Allemagne, de 1813 et 1814 en Italie, et de 1814 et 1815 en France etc., Membre de l'Académie royale des sciences militaires de Suède et de plusieurs autres sociétés savantes. Paris. 1828, in 8, 2 v.

Venturini. Russland und Deutschlands Befreiungskriege von der Franzosen Herrschaft unter Napoleon Buonaparte in den Jahren 1812—1815. Von D. Carl Venturini. Leipzig und Altenburg. 1816, gros in 8, 4 v.

Versuch einer Darstellung der Verbrennung und Plünderung Moskwas durch die Franzosen im September 1812. Von einem Augenzeugen; mit Kupfern und einem kleinem Plane. S-t. Petersburg. 1813, in 8.

Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles des Français de 1792 à 1815. Par une société des militaires et des gens des lettres. Paris. 1820, in 8, 8 v.

Vie du Maréchal Ney, Duc d'Elchingen, Prince de la Moskowa, comprenant le récit de toutes ses campagnes en Suisses, en Autriche, en Prusse, en Espagne, en Portugal, en Russie etc., sa vie privée, l'histoire de son procès et un grande nombre d'anecdotes inédites; suiv. de pièces justificatives. Paris. 1816, in 8.

Voldendorff. Observations sur l'ouvrage de M-r. le Comte Ph. de Segur, intitulé: Histoire de Napoleon et de la grand armée pendant l'année 1812. Par M-r. le Baron de Voldendorff, Major à l'État-Maior, Général de S. M. le Roi de Bavière. München. 1826, in 8.

Voldendorff und Warradein. Kriegsgeschichte von Bayern unter König Maximilien – Joseph etc. Von ed. Freyherr Voldendorff und Warradein etc. München. 1826, gros in 8, 3 v.

Walter Scott. Vie de Napoleon Buonaparte, l'Empereur des Français, précedé d'un tableau préliminaire de la Révolution Française. Par Sir Walter Scott. Paris. 1827, gros in 8, 10 v.

Warradein. Voyez: Voldendorff.

Widemann. Les Oceanocrates et leurs partisans ou la guerre avec la Russie en 1812. Par M-r. Widemann (de Vienne en Autriche). Paris. 1812, in 12.

Wilson. Tableau de la puissance militaire et politique de la Russie en 1817. Par Sir Robert Wilson. Trad. de l'Anglais, sur la 2-me édit. Augmenté de plusieurs pièces importantes etc. Paris. 1817, in 8.

Idem. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the retreat of the French army 1812. By General Sir Robert Wilson K. M. T. etc. British commissioner of the Headquarters of the Russian army. London. 1860, gr. in 8.

Wolzogen. Memoiren des Königlich-Preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherrn von Wolzogen. Aus dessen Nachlass unter Beifügung officieller militärischer Denkschriften mitgetheilt von Alfred Freiherrn von Wolzogen. Leipzig. 1851, gros in 8.

Астафьевъ. О современномъ военномъ искуствѣ. Полк. Генер. Штаба Астафьева. Спб. 1857—1861, въ 8-ку, 2 ч.

Ахшарумовъ (Дмитрій). Описаніе войны 1812 года. Спб. 1819 въ 8 ку.

Богдановичъ (Г.-М.). Исторія Отечественной войны 1812 года. По Высочайшему повелѣнію. Спб. 1860, въ 8-ку, 3 т.

Бутурлинъ. Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году. Переводъ съ Франц. Г.-М. Хатова. Спб. въ 8-ку, 2 т.

Военный энциклопедическій Лексиконъ. Изданіе второе. 1852—1854, въ 8-ку.

Глинка (Ѳ. Н.). Очерки Бородинскаго сраженія (Воспоминанія о 1812 годѣ). Москва. 1839, въ 8-ку, 2 т.

Глинка (В.). Малоярославецъ въ 1812 году, гдѣ рѣшалась судьба большой арміи Наполеона. Спб. 1842, въ 8-ку.

Гречъ (Н. И.). Сѣверн. Пчела, 1857 года.

Давыдовъ. Соч. Д. В. Давыдова. Спб. 1848, въ 8-ку.

Карцовъ (Г.-М.). Тактика. 3-е изд., исправленное. Спб. 1859, въ 8-ку, 2 т.

Липранди (И. П.). Нѣкоторыя замѣчанія о военной наукѣ. 1834 г., напечатанныя въ Моск. Наблюд., перепечатанныя въ Русс. Инвалидѣ, съ оттисками.

Его же. Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Малая Война». Спб. 1851, въ 8-ку.

Его же. Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году, удостоенныя посвященія Государю Императору. Спб. 1855, въ 8-ку.

Его же. Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ въ Парижѣ. Сѣв. Пчела. 1858, №№: 151, 152, 154 и 155, съ оттисками.

Его же. Возраженіе на статью Г.-М. Богдановича, помѣщенную въ 1-мъ нумерѣ Воен. Сборника 1858 г., подъ заглавіемъ: «Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, батареей Раевскаго?» Сѣв. Пч. 1858. Май. Съ оттисками.

Его же. Возраженіе (отповѣдь) на статью, помѣщенную въ 64 № Русск. Инв., 21 Марта, 1858. Сѣв. Пч. 1858, № 80. Съ оттисками.

Его же. Краткое обозрѣніе эпизода Отеч. Войны (изъ соч. Михайловскаго-Данилевскаго), съ прибытія Князя Смоленскаго къ арміи 17 Августа до оставленія Москвы 2 Сентября. Сѣв. Пч. 1855. Съ оттисками.

Его же. Разборъ статьи, помѣщенной въ Русск. Инв. въ 1858 году, подъ заглавіемъ: «Третья Война Императора Александра съ Наполеономъ, 1812 го-«да. И. Бутовскаго.» Сѣверная Пчела. 1859, №№ 14 и 20. Съ оттисками.

Его же. Матеріялы для исторіи Отечественной войны 1812 года: «Бородин-«ское сраженіе: Заключеніе съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію этой вой-«ны. Соч. Г.-М. Богдановича.» Спб. 1861, въ 8-ку.

Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 года. По Высочайшему повелѣнію. Спб. 2-е изданіе. 1840, въ 8-ку, 4 т.

Нѣловъ. Опытъ описанія Бородинскаго сраженія. Москва. 1839, въ 12.

Полевой (Н. А.). Повѣсть о великой битвѣ Бородинской, бывшей 29 Августа, 1812 года. Спб. 1844, въ 4-ку.

Пораженіе Французовъ на Сѣверѣ и пр. Москва. 1814, въ 8-ку.

С.... (А.). Анекдоты Наполеона, съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія и пр. Москва. 1847, 3-е изд., въ 8-ку.

И многія, на разныхъ языкахъ, другія брошюры и отдѣльныя статьи.